

Павел Малов

ТЕНЬ ОРЛА

Историко-приключенческий роман

«Тональ»
Ростов-на-Дону
2023

Малов П. Г.

Тень орла. Историко-приключенческий роман. Ростов-на-Дону: издательство «Тональ» – 2023 г. – 296 с.

Историко-приключенческий роман «Тень орла» – продолжение романа «Затерянный фронт». Но это не второй том, а самостоятельное произведение, в котором действуют некоторые герои предыдущего романа об Африке. Место действия тоже изменено, теперь это не Восточная Африка, а Северная, – итальянская колония Ливия, куда в начале 1941 года был переброшен из Германии в помощь потерпевшим поражение войскам Муссолини немецкий Африканский корпус генерала Роммеля. Он, по сути, и является главным героем нового романа. И это закономерно, если учесть, что главным героем романа «Затерянный фронт» был доблестный полковник Пауль фон Леттов-Форбек. Это как бы единая серия произведений об известных немецких полководцах, воевавших в Африке в Первую и Вторую мировые войны. На фоне значимых мировых событий действуют второстепенные персонажи, в большей части вымышленные. Они попадают в непростые ситуации, охотятся на диких сахарских животных, участвуют в боевых схватках, общаются с местным населением... В общем, почти так же, как в предыдущей книге африканской серии. Но это отнюдь не развлекательное чтение, а серьезное историческое исследование с глубокими политическими, социальными и философскими выводами. С попыткой показать не просто войну, а вскрыть её глубинные причины, развенчать многие мифы о войне, в данном случае – Второй мировой. Прямое следствие которой мы и наблюдаем сейчас, в сегодняшнем не простом, очень запутанном и во многом непонятном мире...

ISBN 978-5-98-615-231-8

Пролог

В пустыне по грунтовой, малоезженной дороге, вздымая ввысь клубы горьковатой, раскалённой на солнце пыли, мчался на полной скорости английский армейский трёхтонный грузовик «Матадор». В кузове под трепещущим на ветру тентом сидело десять рослых, загорелых, обветренных бородачей, сжимая в крепких мозолистых руках оружие. Марки разнообразные: мелькали и немецкие МП-40, так называемые «шмайсеры», и итальянские пистолеты-пулемёты Beretta MAB 38, и короткоствольные британские автоматы Sten Mk I с горизонтальным расположением магазина и складным металлическим прикладом. Одежда и амуниция тоже представляли собой смесь элементов униформы различных воюющих в Ливии государств. Бородачи обвешаны подсумками с запасными магазинами к автоматам, кинжалами, гранатами, фонариками, – у многих на поясном ремне болталась кобура с пистолетом. На головах у некоторых – арабские мужские платки – куфии, с обручем чёрного цвета – эгалем, у других – выгоревшие на беспощадном африканском солнце до постельной белизны, немецкие тропические кепи из брезента с длинным козырьком и декоративными отворотами, или краповые береты британских командос. Бойцы не курили, что строжайше запрещено в рейде, не пили воду, приученные к длительному обезвоживанию организма в пустыне. Вполголоса переговаривались на разных языках: слышалась итальянская и немецкая речь, – кое-кто изъяснялся по-арабски, кто по-французски, кто по-русски. Здесь были собраны люди разных национальностей и вероисповедования, хотя все сильно смахивали на местных ливийских арабов или берберов. Но это для не специалиста. Такому тонкому знатоку, как Феликс Кляйн, определить среди них европейцев не составляло большого труда. Тем более, все они его подчинённые.

Феликс, который мерно покачивался в такт движения автомобиля в кабине возле водителя, – командир Особой тропической диверсионной роты, двигавшейся по тылам восьмой британской армии. Подразделение входит в Учебный пехотный полк особого назначения «Бранденбург».

Феликс Кляйн смугл и черноволос, ведь его мать Боипелло (Бронислава после православного крещения) – масайка по национальности; отец вывез её ещё во время Первой мировой войны из германской Восточной Африки. На плечах запылённого, обесцетившегося светлого мундира – погоны хауптмана – капитана.

Подсвечивая себе фонариком, он внимательно изучает карту местности, морщась от тряски, прочерчивает карандашом неровную линию – маршрут движения разведгруппы. Позади – почти семьсот километров по гиблой ливийской пустыне, впереди – занятая противником 22 января 1941 года итальянская прибрежная крепость Тобрук. Она прочно удерживается англичанами, хотя стремительный Африканский корпус генерала Роммеля со вспомогательными итальянскими частями подходит уже к городу Дерна.

– Ганс, поднажми, – нам кровь из носу нужно быть сегодня возле аэродрома, – оторвавшись взглядом от карты, обратился Феликс к водителю.

Тот только неопределённо пожал покатыми плечами:

– Я и так выжимаю из движка всё, что могу, герр хауптман. Того и гляди вода закипит в радиаторе. Тогда – капут. Станем и будем ждать, пока остынет. Это же вам не русский самовар. Это они любят плотать крутой кипяток кружками после своей варварской бани.

– Ты был в России?

– Нет, как видите, я здесь, вместе с вами – в гиблом ливийском пекле, – скептически хмыкнул водитель, не отрывая острого взгляда от змейшейся в песках грунтовой дороги. – Старший мой брат, Фриц, воюет на востоке. Недавно прислал письмо откуда-то из-под Ростова, что стоит на какой-то крупной азиатской реке. Пишет, что в России сейчас – собачий холод, вода в реке замёрзла. Русские дерутся как черти и не сдают без кровавой мясорубки ни одного населённого пункта. Из его роты выбыло уже треть личного состава: кто погиб, кто ранен, кто обморожен. Гренадеры в окопах только и спасаются от холода русской водкой. Фриц пишет, что там сущий ад, похлеще, чем у Данта в его великой комедии.

– Зачем ты всё это мне рассказываешь, Ганс? – раздражённо спросил Феликс. – Думаешь, что задел в моей душе больную струну?

– Какую струну, герр хауптман? – не понял водитель, продолжая внимательно всматриваться в дорогу.

– Ну, ты ведь, вероятно, догадываешься, что у меня – русские корни? Иначе, откуда у истинного арийца такое не арийское отчество: «Борисович». Да и имя, думаю, у меня не совсем немецкое...

– Я это, честно говоря, давно заприметил, герр хауптман, – согласно кивнул Ганс. – Имя у вас прямо скажу, не наше... в смысле, не германское. Скорее, такие носят у наших заклятых врагов – полячишек.

– Меня так назвал отец в память своего погибшего друга, Феликса Левандовского, – задумчиво сообщил капитан Кляйн. – Он погиб где-то в Восточной Африке, которая во время Великой войны принадлежала Германии. Погиб трагически, но это долгая история... Кстати, моя мать – из восточно-африканского племени масаев, отец – обрусевший немец из Варшавы, профессор.

– Занятно! – подал голос водитель. – Вы раньше ничего об этом не рассказывали.

– Но ты ведь не из гестапо, мой друг, чтоб я тебе отчитывался, – усмехнулся Феликс. – Кстати, ты молодец, хорошо водишь машину, быстро. Мы почти у цели. Сильно не гони.

Водитель сбросил газ и поехал медленнее. Капитан Кляйн всматривался в карту, то и дело сличая её с местностью за грязным лобовым стеклом кабины.

– Здесь, перед развилкой, притормози, – скомандовал вдруг Феликс.

Машина, скрипнув тормозами, тяжело остановилась. Кляйн, размахисто хлопнув дверью, спрыгнул в песок, подойдя к заднему борту, прикрытому брезентовым тентом, негромко позвал на итальянском языке:

– Бамбино Чезаре, ко мне!

Из кузова, легко и пружинисто, как гибкий горный кот, выпрыгнул рослый, сухошавый бородач в английском краповом берете, с итальянским автоматом в руках.

– Звали, команданте? – спросил он по-итальянски.

– Приехали, Бамбино, – кивнул капитан Кляйн. – Мы в нескольких километрах от аэродрома. Здесь мы разделимся: твоя группа скрытно подберётся к аэродрому с восточной стороны, откуда томми не ждут опасности. Возьми с собой четверых человек, часть взрывчатки. Проникните на территорию через колючие ограждения. Да, ещё... прихватите миноискатель: вдруг подступы заминированы. Если надо – снимете часовых на вышках. Ваша задача – заминировать склады авиабомб, горючего и барак с запасными частями для самолётов. Вот они все тут обозначены, на схеме, – Феликс вытащил из кармана потрепанный, затёртый лист писчей бумаги, ткнул немытым пальцем в два квадратика в восточной части аэродрома и в прямоугольник – севернее. – Без моего сигнала ничего не взрывать. Я с остальными ребятами заложу взрывчатку под самолёты. Сигнал к подрыву – зелёная ракета. Задача понятна?

– Яволь, мой команданте. Всё ясно, как белый день. Разрешите выполнять? – развязно проговорил итальянец.

– С Богом, Бамбино, – кивнул Феликс.

Чезаре заглянул в кузов:

– Эмилио, Торелло, Карлос Грава и ты Джамал – с машины! Остальные на месте. Парни, не забудьте взрывчатку и миноискатель. Быстрее!

Три итальянца и араб один за другим торопливо выпрыгнули из кузова. Другие разведчики подали им сверху тяжёлые деревянные ящики и рюкзаки со взрывчаткой, протянули миноискатель. Группа подрывников-коммандос, подхватив груз, бесшумно растворилась в вечерних сумерках. Из кабины вышел водитель Ганс, стал спешно крепить на крыше большой британский флаг.

Феликс одобрительно кивнул. Сам он вновь забрался в кабину, вытащил из-под сиденья мягкий английский френч цвета хаки с погонами майора и колониальный пробковый шлем, переоделся. Когда вышел из кабины, Ганс уже справился со своим делом.

– О, да вас и не узнать теперь, герр... извиняюсь, сэр... – заулыбался водитель. – А майорские погоны британской королевской армии вам больше к лицу, ей Богу!

– Разговорчики, *kraftsfahrer*¹ Ланге! – строго одёрнул его Феликс. – Ты, кстати, тоже смени свой китель на английский. И не вздумай что-нибудь ляпнуть по-немецки, когда подъедут британцы.

– Так ведь я никакого языка больше и не знаю, сэр. Если не считать чешского... Но это не в счёт.

– Вот и молчи, как глухонемой. За тебя буду разговаривать я, – сказал Феликс. – Я, да будет тебе известно, четыре года в Каире, в Американском университете учился, семь языков знаю.

Водитель Ланге присвистнул от удивления и полез, как в медвежью берлогу, в кабину «Матадора». И не понятно было, что его так поразило: знание стольких языков или то, что офицер секретного диверсионного подразделения полка особого назначения «Бранденбург» обучался в Американском университете.

Капитан Кляйн прошёлся вокруг машины. Из кузова выглянул светлородый разведчик в потёртом немецком тропическом кепи бледно-оливкового цвета. Обратился к Феликсу на русском языке:

– Пан офицер, курить можно? Терпёжу нема, уши пухнуть... Покель стоим, я засмолю сигарку, добро?

– Иван, приказ командующего знаешь? В рейде беспрекословно подчиняться старшему, – по-русски же строго ответил капитан Кляйн. – Курить в расположении неприятельских войск строжайше запрещено, как и распивать спиртные напитки... На базе в Бенгази – пей, хоть залейся и кури – не хочу. А здесь ни в коем случае. За не выполнение – расстрел на месте!

Иван сразу же нырнул обратно под тент. Феликс нетерпеливо посмотрел на часы: с минуты на минуту по дороге, на которой они остановились, должна была проследовать колонна британских тяжёлых грузовиков, подвозивших на аэродром боеприпасы, запчасти и продовольствие. У Феликса созрел дерзкий план: под видом англичан вклиниться в колонну и вместе с ней попасть на территорию аэродрома. Для этого достаточно малость смекалки, точные данные о походе на разведгруппу капитана Кляйна диверсионном подразделении противника, идентичная униформа и соответствующие британские документы. Всё это заранее подготовили в Бенгази перед выходом в рейд. Аналогичная спецгруппа коммандос в восьмой британской армии имелась.

¹ *Kraftsfahrer* – водитель (нем.).

И даже не одна, а несколько. Все они напрямую подчинялись генералу Джону Хэкетту, руководившему специальными операциями англичан на ближневосточном и североафриканском театрах военных действий. И хоть действовали они, как правило, сверхсекретно, солдатская боевая слава о них гремела по всему, notably англичанами Египту и итальянской Киренаике.

Феликс Кляйн дотошно изучил эти диверсионные группы британцев, познавая много ценного для себя и беря на вооружение. Одно из этих подразделений именовалось «Пустынной группой дальнего действия» (Long Range Desert Group), сокращённо – LRDG, вторая – «Специальной авиационной службой» (SAS) с входящими в её структуру наземными воинскими частями, третья...

– Господин хауптман, кажись, едут! – вывел Феликса из задумчивости свистящий шёпот водителя, выглянувшего из кабины.

Кляйн невольно вздрогнул, приложив руку к ушной раковине, прислушался: издалека, откуда-то с южного направления, действительно слышался всё нарастающий гул множества автомобильных двигателей. Феликс махнул рукой водителю, чтоб не высовывался, подойдя к кузову грузовика, вполголоса шепнул своим людям:

– Ахтунг! Всем быть на чеку, подходит английская колонна. Без моего приказа ничего не предпринимать. Сидеть тихо! Не шуметь, не разговаривать.

По команде Феликса Ганс завёл двигатель «Матадора», включил габаритные огни. Капитан подошёл к самой обочине грунтовой дороги, остановился, поджидая головную машину британской колонны. Первым, хищно лязгая гусеницами, ехал небольшой лёгкий разведывательный бронетранспортёр «Универсал». На броне, свесив ноги, сидело двое весёлых английских томми в армейских шортах, в похожих на мелкие обеденные тарелки стальных шлемах, и строгий, чопорный офицер с моноклем в правом глазу, с тонким стеклом, который он крутил в руке, рассекая воздух. Заметив стоявшего у дороги Феликса, британец постучал стеклом по броне, крикнул водителю, чтобы остановился. Капитан Кляйн подошёл к бронетранспортёру.

– Кто такой? Из какого подразделения? Почему в таком затрапезном виде? – презрительно скривился английский офицер. И хоть по званию он был всего лишь «первым лейтенантом», но, видимо, аристократическое воспитание позволяло ему разговаривать со старшим по званию офицером подобным пренебрежительным тоном.

– Майор Пеняков. Командир «Истребительного отряда дальнего действия № 1». Вот моё удостоверение, – по уставу отдав честь лейтенанту, протянул документ Феликс. Говорил он всё это, естественно, по-английски, которым, за время обучения в Американском университете, овладел в совершенстве.

Британец, мельком заглянув в удостоверение, вежливо вернул обратно. Когда заговорил, в голосе появились уважительные нотки:

– Я что-то слышал, сэр Пеняков, о вашей необычной воинской команде... Офицеры в штабе группировки поговаривали о какой-то «Частной армии Попского»? Уж не о вас ли это?

– Так точно, сэр. Моих парней в шутку называют иногда «Частной армией», – усмехнулся Феликс, умело подыгрывая лейтенанту.

– Но почему Попского? Ведь под этим именем, насколько мне не изменяет память, в Англии в довоенных комиксах изображали страшного русского большевика – Сэма Попского.

– Вероятно, потому, что мои родители – эмигранты из России. Перебрались в Бельгию ещё до революции. Сам я там и родился.

– Не смею больше задерживать! – козырнул лейтенант Феликсу и снова постучал стеклом по броне. Бронемашина, взревев двигателем и лязгнув гусеницами, тронулась. За ней – длинная вереница крытых британских грузовиков.

Капитан Кляйн помахал Гансу, чтобы подъезжал ближе к дороге. Вскочив на подножку с противоположной от водителя стороны, приказал:

– Как только заметишь достаточный просвет между автомобилями, вклинивайся в колонну. Британцы подумают, что мы из их подразделения, но отстали. Рискнём!

– Риск – хорошее дело, герр хауптман, – поддакнул водитель.

– Не разговаривай, Ганс, смотри внимательней на дорогу.

В ту же минуту Ганс прибавил газу и на скорости ловко вырулил с обочины, пристраиваясь в хвост удаляющегося английского «Матадора». Идущий следом автомобиль сердито посигналил, но немного притормозил, давая место невесте откуда взявшемуся внеочереднику. Феликс быстро юркнул в кабину грузовика и с нескрываемой радостью хлопнул водителя-лихача по плечу.

– Получилось, Ланге! Ты просто молодчина, бамбино!

– Герр хауптман путает меня со старшим сержантом Чезаре Эспозито?

– Не придирайся к словам, Ганс, – ответил Феликс. – Не забывай, что мы – в африканской знойной Ливии, а не за морем в фатерланде. Здесь, в наших войсках, такая каша, что скоро все мы будем говорить на одном языке – гибриде немецкого, итальянского и арабского.

– Ну вам, я чувствую, это не грозит, – ответил водитель. – Ведь вы одинаково хорошо говорите на всех трёх языках...

Вскоре колонна была перед КПП аэродрома. Ленивые, разморенные днём на почти тридцатиградусной жаре, английские томми не досматривали автомобили, – пропускали по одному. Это было на руку немецким диверсантам. Въехав на территорию, они тут же отстали от остальной колонны, двинувшейся к складам. Капитан Кляйн велел Гансу прижаться к крайнему английскому истребителю «Спитфайр», который застыл в

импровизированном капонире, прикрытый сверху камуфлированной под пустыню маскировочной сетью.

Феликс бесшумно, не хлопая дверцей, выскользнул из кабины, пригибаясь, подбежал к заднему борту «Матадора»:

– Всем с машины!

Немецкие командос тут же, словно бесплотные ночные фантомы, спрыгнули на твёрдую, утрамбованную колёсам машин и шасси самолётов, землю аэродрома. Их было пятеро. Каждый нёс за спиной в рюкзаке тяжёлый груз взрывчатки. Все они – опытные подрывники и сапёры, особенно старший группы, русский из донских казаков, обер-ефрейтор Иван Андреюшкин. В подчинении у него два немца, ливийский араб и француз-доброволец, бог весть как попавший в итальянскую Киренаику.

Капитан Кляйн подозревал Ивана, торопливо заговорил по-русски:

– По-быстрому минируйте ближайшие истребители. Чем больше, тем лучше. Хотелось бы, чтобы взлетели на воздух все, но это – как получится.

– Есть, пан офицер! – чуть слышно шепнул Андреюшкин, подал знак подрывникам. Двое кобрами шмыгнули под пузатое, откормленное днище «Спитфайра», стали возиться там, устанавливая взрывчатку и протягивая электрический шнур. Иван с двумя другими разведчиками побежал к следующей крылатой машине.

Феликс, оставив Ганса в кабине и приказав не выключать двигателя, только погасить габариты, скользнул в сторону КПП. Тяжёлый английский кольт был наготове. До рези в глазах всматриваясь в ночную могильную тьму, капитан ловил чутким, натренированным слухом любой шорох, вздох ветра, скрип колочей металлической проволоки, охватывающей периметр. Всё было пока что спокойно, диверсанты ничем себя не выдали, и у капитана Кляйна слегка отлегло от сердца. Загаившись за огромной металлической бочкой изпод горячего, он продолжал оглядываться кругом, подстраховывая подрывников. Что делалось на другом конце аэродрома, где у складов ГСМ и авиабомб действовала группа Чезаре, он, естественно, не знал. Но, исходя из того, что там тоже всё было тихо, Феликс мог предположить – Бамбино со своими итальянцами, перерезав колючую проволоку, проник на территорию аэродрома.

Командир диверсантов машинально потрогал рукоятку ракетницы, засунутой за брючный ремень под английским френчем. Давать сигнал к подрыву было ещё рано, однако хотелось сделать это как можно быстрее. Нервы напряжены до предела. Разведчиков могли заметить в любую минуту, и тогда пришлось бы заканчивать работу под вражескими пулями. Такое тоже случалось за время их нелёгкой службы в пустыне. Под огнём гибли верные, испытанные во многих боях товарищи. Феликс не называл их «партайгеноссе», потому что ни один из разведчиков не состоял в НСДАП. Про-

сто – «камрады»... Не хотелось бы, чтобы это повторилось сегодня, и кто-нибудь из них погиб.

Не успел Феликс об этом подумать, как в поле его настороженного зрения попала фигура человека, крившегося к грузовику Ганса. Кляйн направил в его сторону ствол нагана и пригнулся открыть огонь на поражение: удерживала только мысль, что это может оказаться связной из группы Бамбино. Так оно, впрочем, и оказалось: Ганс Ланге вышел из кабины «Матадора», поприветствовал незнакомца, указал рукой в сторону притаившегося за бочкой Феликса. Через несколько минут неизвестный уже сидел на корточках перед капитаном. Это был ливиец Джамал. Он, на плохом итальянском языке, то и дело вставляя арабские слова, доложил, что группа Бамбино минирование складов закончила. Около барака с запасными частями для самолетов, в который тоже заложена взрывчатка, захвачен американский «Виллис». На нём, после подрыва складов, группа будет прорываться из аэродрома в пустыню. Все часовые возле складов и на вышках – сняты.

– Гут, Джамал! Зер гут! – похвалил расторопного араба Феликс. – Возвращайся сейчас же к ребятам и скажи, чтобы ждали сигнала. Мои парни закончат минирование самолетов с минуты на минуту.

Не успел он произнести последнюю фразу, как где-то впереди, метрах в полутора от них, раздались сердитые окрики на английском языке, хлопнуло несколько винтовочных выстрелов. В ответ короткой очередью пролаял автомат. К смертоносному хору присоединилась, захлёбываясь он нетерпения и злости, чёткая пулемётная строчка – как будто хозяйка крутанула ручку швейной машинки. И в завершение, последним аккордом в этой дьявольской какофонии звуков, дурным, надтреснутым голосом завывала сирена.

– Джамал, отставить! Остаёшься со мной, – страшным, свистящим от волнения голосом приказал капитан Кляйн, выхватил из-под френча ракетницу и выстрелил в небо. Зелёная ракета стремительно понеслась к звёздам, но, не долетев, вскоре рассыпалась на среднего размера искры, веером ставшие падать на землю.

В ту же минуту на восточной окраине аэродрома, в районе складов ГСМ, авиабомб и барака запасных частей, начали один за другим рваться управляемые фугасы. Всего прогремело шесть мощных взрывов – небо на востоке моментально окрасилось в кроваво-красный цвет. Казалось, что наступил рассвет, вокруг стало видно, как днём. Там тоже ударили пулемёты, захлопали частые винтовочные выстрелы, начался ожесточённый бой.

Подрывники из группы Ивана Андреюшкина почему-то медлили, – там, на севере, тоже шёл нештучный бой. Но если группа Бамбино, справившись с задачей, прорывалась с территории аэродрома, то парни Ивана сражались, чтобы

осуществить подрыв. Вероятно, они по каким-то причинам не могли воспользоваться взрывной машинкой. Но, чтобы знать наверняка, что там происходит, – нужно было проверить лично.

Феликс махнул ливийцу, чтобы следовал за ним, но к грузовику уже бежали со всех сторон британские солдаты в шлемах, на ходу передёргивая затворы винтовок.

– Прикрой меня, Джамал! – крикнул капитан, стреляя на ходу в переднего рослого томми.

Араб упал в пыль и открыл яростный огонь из итальянского автомата «Беретта» по противнику, уложив на месте ещё трёх или четырёх британцев. Остальные залегли, используя любое прикрытие, которых на аэродроме было не много. Принялись кучно стрелять в Джамала, постоянно менявшего огневые точки, как учили в немецкой диверсионной школе. Заокали пули и у ног Феликса, но тот, не обращая внимания на смертоносных посланцев, на ходу запрыгнул в кабину «Матадора», Ганс резко дал по газам, и машина стремительно понеслась вдоль длинного ряда застывших английских «Спитфайров». Позади и впереди грузовика беспрерывно гремели винтовочные, автоматные и пулемётные выстрелы, продолжала надрывно выматывать душу сирена тревоги. У самолётов не видно было разведчиков Андреюшкина.

Кляйн приказал остановить автомобиль примерно на середине аэродрома, здесь предположительно должна была находиться подрывная машинка, от которой к каждому заминированному истребителю тянулся электрический провод. Феликс выскочил из кабины и, светя себе под ноги фонариком, побежал вдоль самолётной стоянки, – искал провода. Они вскоре попались ему на глаза – толстый, смахивающий на удава, пучок. Неожиданно из-под крыла ближайшего «Спитфайра» вынырнул Иван Андреюшкин.

– Где остальные? – крикнул ему капитан Кляйн.

– Ведут бой с британцами, – запыхавшись, выпалил в лицо командира Иван. – Апсэля я послал к другой взрывной машинке: мы разделили провода от мин на две части. Он сейчас подорвёт первую партию самолётов, я – вторую.

– Быстрее, Иван, меньше разговоров – больше дела! – поторопил Феликс. Его слова заглушил мощный взрыв в северной части аэродрома. Около десяти «Спитфайров» в капонирах в одно мгновение взлетели на воздух.

Иван быстрым шагом направился вдоль проводов, добрался до второй подрывной машинки, плюхнулся в песок возле неё, принялся яростно вращать приводную ручку генератора. . . Вскоре аэродром потряс второй взрыв, и ещё десяток британских истребителей разлетелось на куски. Повсюду полыхали пожары, громыхали отдельные взрывы. Ничего не понимавшие, одуревшие от разрывов мин и выстрелов английские солдаты из охраны метались в отблесках

пламени по территории аэродрома. Иной раз открывали огонь на поражение друг в друга, принимая своих за диверсантов.

Феликс Кляйн уже сидел в кабине «Матадора» рядом с водителем. Лобовое стекло напрочь разбито выстрелом, и Феликсу открывался широкий обзор для стрельбы. Дождавшись запрыгнувшего в кузов Ивана, они помчались в северную часть аэродрома вдоль ряда пылающих капониров. Им навстречу выскочило два человека, по внешнему виду – разведчики из группы обер-ефрейтора Андреюшкина. Это были немец Апсэль Винкельхок, взорвавший первую партию «Спитфайров», и прикрывавший его француз Бонифаций Гренье. Двое других командос, вероятно, погибли. Как только Апсэль с Бонифацием перемахнули через задний борт грузовика, тот снова рванул с места, как застоявшийся конь. Встреченные по пути англичане тут же падали, скошенные меткими очередями автоматов и пулемётов разведчиков. Феликс тоже стрелял в противника через проём выбитого лобового стекла.

Сделав «почётный» круг вдоль рядов пылавших на стоянках «Спитфайров», «Матадор» Ганса снова достиг переднего капонира, откуда начал свой сумасшедший, победный пробег. Как это не странно, ливиец Джамал всё ещё был жив, и яростно отстреливался от наседавших английских томми. Перекатываясь по песку то влево, то вправо, он метко поливал неприятельских солдат горячим свинцом из своего автомата, швырял в самую гущу врагов ручные осколочные гранаты. Всё пространство перед его позицией было завалено телами убитых британских солдат.

Подобрав Джамала, который был легко ранен и заметно прихрамывал, автомобиль с немецкими диверсантами помчался в сторону КПП, на бешеной скорости протаранил густо заплетённые колючей проволокой створки деревянных ворот, сшиб металлический шлагбаум и вырвался на свободу. Позади, на складах продолжали рваться тяжёлые бомбы и с треском лопаться пузатые цистерны с авиационным топливом.

Аэродром был разгромлен и на долгое время вышел из строя. В результате Африканский корпус Лиса пустыни, как британцы уважительно называли германского генерала Эрвина Роммеля, вновь вплотную подошёл к Тобруку, и блокировал город с трёх сторон, оставив свободным только сообщение по морю. Путь в Мармарикку был открыт.

Первая часть. Чёрное солнце Ливии

Глава 1. После рейда

После удачного рейда по тылам восьмой британской армии и уничтожения аэродрома в Тобруке, командующий Африканского корпуса генерал-лейтенант Эрвин Роммель вызвал капитана Кляйна в штаб германской группировки. Феликс, на захваченном у противника американском «Виллисе», прихватив обоих командиров рейдерских групп: итальянца Чезаре Эспозито и русского казака Ивана Андреюшкина, с утра, не теряя времени, отправился к главнокомандующему. Капитан уселся на переднее сиденье, рядом с водителем Гансом Ланге, Чезаре с Иваном валяжно развалились позади. Они ехали по асфальтированному шоссе вдоль берега Средиземного моря, проложенному итальянцами до войны.

Дорога была густо запружена различным автотранспортом, немецкими лёгкими и средними танками, бронемашинами, быстроходными, выносливыми, как ливийские верблюды, мотоциклами класса «Сахара», выкрашенными в жёлтый тропический цвет, итальянскими танкетками L3/33, которые сами итальянцы называли за слабость «самоходными гробами», а немецкие союзники, презрительно – «коробками для сардин». То и дело попадались длинные, нескончаемые колонны германских и итальянских бортовых грузовиков, бензовозов, тягачей – тащивших пушки. Вся эта раскалённая на солнце железная масса с грохотом двигалась к фронту под Тобруком. Обратные ехали в основном санитарные автомобили с ранеными и увечными воинами, порожние бензовозы и грузовики. Над головой гудели эскадрильи немецких бомбардировщиков «Хейнкель» «He-111» в сопровождении истребителей «Мессершмитт» Vf-109, и пикирующие бомбардировщики «Юнкерс» Ju-87 «Штукас».

Всё это примечал наметанным глазом разведчика и диверсанта капитан Феликс Кляйн. Подчинённых тоже постоянно учил изучать окружающую обстановку, разбираться во всех марках наземной техники и самолётов воюющих стран.

– Как считаете, команданте, англичане долго ещё продержатся в Тобруке? – поинтересовался Чезаре у Феликса. – Невтерпёж мне,

знаете, попасть в город. Там, в порту у меня знакомая девочка есть – пальчики оближешь, такая сладкая! Как африканский персик.

– Отставить уставной тон, Бамбино! После недавнего славного дела на аэродроме под Тобруком мы все теперь на равных, – дружелюбно прервал его капитан Кляйн. – Называй меня по имени – Феликс. И запросто, на «ты» – как приятеля... И ты – тоже, Иван.

– Понял, команданте... Извиняюсь, – Феликс, – проговорил Чезаре. – Так ты ничего не сказал о Тобруке... Займут наши город до Рождества? Извиняюсь, синьор Кляйн, – ваши... В смысле – немецкие войска, – итальянец окончательно запутался в терминах, чертыхнулся на своём языке, замолк, прислушиваясь к однообразному шуму двигателя.

– Я верю, – должны взять, Бамбино, – задумчиво высказался Феликс. – У нас, в Африканском корпусе – сила! А командующий, генерал Роммель чего стоит? Думаю, он не уступит в храбрости и умении воевать в непривычных для европейца условиях самому полковнику Паулю фон Леттов-Форбеку – герою германской Восточной Африки в период Великой войны! Мне о нём много падре на досуге рассказывал.

– Леттов-Форбек? Не слыхал. Кто это? – спросил Чезаре.

– Ничего удивительно, герр старший сержант, – ухмыльнувшись, не преминул поддеть союзника водитель Ланге, – ведь вы, итальянцы, в Первую европейскую войну сражались по другую сторону баррикады. Поддались посулам англосаксов и лягушатников. Откуда тебе знать национальных героев Германской империи, которыми гордилась вся нация и сам кайзер Вильгельм! У нас в Баварии, откуда я родом, полковника Форбека в своё время знал и боготворил каждый сопливый мальчишка! Точно так же, вероятно, как сейчас знают и боготворят генерала Роммеля – прославленного Лиса ливийской пустыни, покорителя Франции!.. Но я, уввы, уже год как не бывал в Баварии, не видел своей очаровательной Брунхилды.

– Эх, не трави душу, компаня,¹ – мечтательно вздохнул Чезаре Эспозито, он изучал в школе немецкий и мог немного говорить. – Как вспомню портовую девчонку, арабку Ламис, с которой крутил любовь в бытность свою в Тобруке, – так сердце слезой обливается! Какие формы, какая грация... Просто – Тысяча и одна ночь!.. А тело, парни, что за тело! Ну, ни дать, ни взять – копи царя Соломона! Не оторвёшься. Так бы и пролежал на нём всю войну, вставая только на завтрак, обед и ужин. Устроил бы себе пожизненную фиесту.

– Да-а, мастак ты, Бамбино, словесные кружева накручивать, – засмеялся восхищённо Феликс. – Прямо – Песня, песней...

¹ *Компаня – товарищ (итал.).*

как в Ветхом Завете. Тебе беллетристом нужно быть, а не диверсантом-подрывником. Цены бы не было твоим книгам. Стал бы у себя в Италии вторым Луиджи Пиранделло,² прославился на весь мир, озолотился...

– Хорош трепаться, команданте, – надул губы Чезаре. Сердито сдвинул густые чёрные брови. – У нас, в семье Эспозито, известных всему городу, сроду газетных писак не бывало. Не мужское это занятие, я тебе скажу, баловаться сочинением всяких баек. Засмеют на улице. Сам я из Сицилии родом, так у нас с этим строго. В случае чего – и кинжал под рёбра схлопотать можно. Мы сицилийцы – люди чести, и живём по своим вековым законам.

– А-а, понимаю... Знаменитая «Коза Ностра» – сицилийская мафия, – вспомнил Феликс. – Ты, Бамбино, случайно не из числа этих молодчиков?

– Итальянцы всегда недолюбливали власть, – как бы не слыша вопроса, начал издали Чезаре. – У нас в Италии, в каждой провинции – своя местная, негласная власть. Полиция называет это мафией, – пусть... Я не вижу тут ничего плохого. Нужно жить по естественным законам своих предков, а не по придуманным в кабинетах чиновников. Это глупо – подчиняться предписаниям ничего не смыслящих в реальной жизни людей, весьма далёких от нужд и жизненных потребностей простых сицилийцев... Вот сейчас Италия влезла в глупую войну с французами, англичанами и русскими, каждый день на всех фронтах гибнут сотни и даже тысячи итальянских парней. Семьи остаются без кормильцев, на руках у овдовевших сицилиек – оравы голодных плачущих ребятишек. Ну и что, поможет несчастным государство? Выделит вдовам деньги правительство Муссолини? Как бы не так! Держи дырявый карман шире... Чиновники, наоборот, запустят туда жадную лапу и выгребут последнее. И куда же прикажешь податься бедной и несчастной вдове? Конечно же, – в «семью»... И Отец, помня заслуги каждого бамбино, погибшего за сумасшедшие идеи чокнутого дуче в знойной, тропической Абиссинии, в чёрной, песчаной Ливии или пропащей, заснеженной России, будет выплачивать женщине пожизненную пенсию за мужа. Я думаю, это справедливо, Феликс! Вот. А ты говоришь – мафия...

– Чудно вы живёте, брат, как всё одно цыганы, – подал голос, молчавший всё это время Иван Андреюшкин. Он немного понимал по-итальянски, но говорил скверно, с варварским акцентом, нещадно коверкая слова. Переложил автомат из руки в руку, поправил широкий козырёк немецкого, выгоревшего на солнце, тропического кепи. – И обличьем с романами схожие – словно две капли... У нас на Дону их недолюбливают... Дерзкие уж очень,

² Луиджи Пиранделло (1867 – 1936) – итальянский писатель и драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1934 года.

чуть что не так и – за нож. Он за голенищем сапога у каждого цыгана... Дети – нахальные как всё одно бесенята, подмётки на ходу рвут. Бабы – брехливые и приставучие, – гадают всё, судьбу предсказуют... Сами чёрные, страшные – нос как у Бабы-Яги – крючком. Одно слово – ведьмы... Но есть и ничего дёвки, статные, лицом дюже красивые: так бы и побёг за ней, куда глаза глядят – так заворожит! Чисто колдовка.

– Ты, русский, о чём говоришь? – не понял Чезаре.

– О цыганах... Пан гауптман, ты разумеешь. Будь добр, растолкуй ему, о чём речь, – обратился Иван к Феликсу.

Тот, повернувшись назад, быстро, быстро затараторил по-итальянски. Эспозито понимающе закивал головой, на которой лихо, чуть набекрень сидела специфической формы итальянская пилотка – бустина, светлого защитного цвета, с отстегивающимися клапанами на пуговицах. Впереди – эмблема пехотного подразделения. На рукаве кителя в районе плеча – знаки различия старшего сержанта: шевроны из золотой тесьмы с вертикальными чёрными полосами.

– Всё ясно, команданте, русский – большой путаник, как и весь их странный, загадочный народ – славяне. Думает, что итальянцы – это зынгари.³ Ничего подобного. И то, что они сами себя называют «римлянами», как утверждает русский компания, ещё ничего не значит.

– Однако, некая скрытая логика в этом предположении всё-таки есть, – поддержал Ивана капитан Кляйн. – Мой отец – профессор истории, и всю жизнь увлекался этнографией различных народов мира... Так вот, знаешь ли ты тот факт, уважаемый Бамбино, что рома, – римлянами, зовут себя не только российские цыгане, но и румыны. Румыния, – точнее Романия, означает на румынском языке «Страна римлян»... Отец рассказывал: в древности на тех землях, на восточной границе Римской империи, в тогдашней Дакии, селились различные варварские племена, которым императоры, за ратную службу, присваивали римское подданство. Вот и гордятся они до сих пор своей принадлежностью к великой европейской державе.

– Наш полоумный дуче, похожий на балаганного шута, возомнил себя новым императором Рима, – презрительно заговорил не стеснявшийся в выражениях сицилиец Чезаре. – Он решил возродить древнюю империю, завоевать окрестные страны и сделать Средиземное море внутренним водоёмом Италии... Ты сам теперь видишь, команданте Феликс, что из этой затеи вышло! Получился абсолютный ноль. Абиссинию с Эритреей и Сомали мы бездарно профукали, Грецию захватили только с помощью немецких войск, Ливию чуть не потеряли, – если бы не Афри-

³ *Зынгари – цыгане (итал.).*

канский корпус Роммеля, были бы, вероятно, уже где-нибудь на моей родине, в Сицилии, или на юге «сапога», в Калабрии... Вот вам и возрождённая Римская империя! И всё из-за этого толстого, напыщенного, как распутивший хвост индюк, клоуна. Ей богу, парни, меня тошнит от одного вида дуче, а как послушаю его болтовню, нападает такая беспросветная тоска, что просто хочется удавиться или удавить самого Бенито! Аж руки чешутся – так тянет... И ведь когда-нибудь наши ребята обязательно набросят ему на жирную шею намыленную верёвку и вздёрут на фонаре его тушу – просушиться на солнышке! Попомните мои слова.

– Бамбино, ты так ненавидишь Муссолини, что мне порой кажется – ты коммунист, – усмехнулся Феликс. – Но я теперь понимаю, отчего это так, дружище! Ты не коммунист, а мафиози... Хотя, по моему мнению, – разница не столь велика.

– А разве кто-нибудь из вас, ребята, любит своего правителя? Только честно? – парировал не в меру болтливый Чезаре. – Вот ты, например, русский, – любишь своего... как его там, дьявол?.. Джованни Сталино? Тысяча чертей, – до чего же трудные у вас имена. Язык сломаешь, пока выговоришь русского имя!

– Пёс его любит, грузиняку сухорукого, не к ночи будет помянут, – торопливо перекрестившись, заговорил по-русски Иван Андреюшкин. То и дело вставлял знакомые итальянские слова, чтобы хоть что-то понял и Чезаре. – Казаков, братьёв и сестёр наших, что с бароном Врангелем в Крым в отступ ушли, усех, паскуда, почём зря изничтожил! Паи казачьи, что ещё светлой памяти анпиратором Николаем Лександровичем нам, казакам донским, пожалованы были – отобрал. Имущества, званиев и наград всех лишил. Справных хозяев, что спины от работы день-деньской не разгибали, покулачил, остальных в колхозы безбожные позагонял. Церкви разорил, попов на погибель в Соловки отправил, кругом в начальство комиссаров да латышей с евреями поверстал... Вот те, бабушка, и Юрьев день получается! Не жисть, а сплошные слёзы у нас зараз на Дону. Дожились казаки до чёрных деньков. Батя гутарил: «Раньше Дон был тихай – казаки шумливые...». А я нонче вспомнул его слова, так обратная песня получается: «Дон шумливый – казаки тихие». А попробуй что-нибудь вякни – враз в каталажку упрякуть.

– Вот и я о том же, – поддакнул, почти ничего не понявший Чезаре. – Любой народ властями вечно недовольный... Вы, немцы, разве из другого теста слепленные? – не двусмысленно спросил сицилиец у капитана.

Кляйн только лукаво рассмеялся в ответ, погрозил тому пальцем, как проштрафившемуся ученику, покосился на Ганса, который продолжал молча и сосредоточенно крутить баранку.

– Понимаю, команданте... – кивнул головой Чезаре. – скоро тени своей будете бояться.

– Знаешь, Бамбино, отец сказывал мне однажды одну мудрую восточную поговорку, – пропуская мимо ушей намёки дерзкого сицилийца, заговорил Феликс. – На Востоке, в гиблых и бескрайних азиатских степях, старики-кочевники – их там называют странным словом: «бабаи» – говорят: «Собаки боятся орла, пока видят только его тень»!.. Так вот я к чему: сейчас такую тень носит за своей спиной каждый немец. Вам, бесхитростным, весёлым и экспрессивным итальянцам этого не понять. Что значит – носить за своей спиной «тень орла»... Одну только тень, не более. И поверь, Чезаре, это намного страшнее самого орла, живого, из плоти и крови.

– Вот и ответ на мой каверзный вопрос, команданте! – победно глянул на капитана сицилиец. – Нельзя любить Орла, если боишься даже его тени. Страх – не любовь, а нечто ей противоположное. Под страхом смерти можно даже трусливого и робкого зайца заставить воевать... И ты тут совершенно прав, Феликс: заяц будет воевать, пока перед ним на земле будет видна тень Повелителя... Но разреши мне задать тебе ещё один, последний вопрос: неужели и сюда, в Африку, простирается из Европы эта гигантская тень? Неужели и ты из той же собачьей породы?.. Неужели здесь, в первозданной, свободной, открытой всем ветрам Ливии нет храбрых львов, которые не боятся тени орла?..

– О таких я не знаю, Чезаре, – пожал плечами Феликс. – Слышал только об одном пустынном Лисе... Но он слишком хитёр, как, впрочем, и все подобные особи... Вряд ли он скажет тебе что-нибудь о тени Орла. Да и не пришло ещё время для подобных «околонаучных» бесед о фауне Киренаики и Триполитании...

Штаб генерала Роммеля располагался недалеко от линии фронта, в небольшом ливийском городке Дерна. Когда разведчики, слегка попетляв на своём юрком «Виллисе» по кривым и узким улочкам средневековых арабских кварталов, миновав средних размеров мечеть, добрались до здания штаба немецкой группировки, у парадного входа с колоннами их встретил подтянутый молодой офицер в новенькой, с иголки, тропической униформе – дежурный по штабу. Резко выбросив вверх прямую, как линейка, руку в традиционном фашистском приветствии и проорав на похожем на собачий лай немецком языке «хайль Гитлер», он естественно, ожидал от приезжих ответного приветствия. Однако, не тут-то было. Чезаре только презрительно поморщился и даже не соизволил подняться с места, как будто его приклеили к сиденью намертво, – не оторвёшь. Иван по наивности считал, что воздавать славу фюреру немецкого народа Адольфу Гитлеру должны только истинные арийцы, кем он ни в коей мере не являлся. Капитан Кляйн, вышедший из машины, ответно вскинул руку, но не прямую, а согнутую в локте, по-итальянски. Вместо «хайль Гитлер» пробормотал что-то тихо себе под нос, напоминающее «хай-хай»... Ему претили подобный паркетный нацистский лоск и раблепное преклонение перед фюрером. К тому

же, он никогда не жил в Германии, родился здесь, в Африке, и был по нацистской расовой теории далёк от типа истинного арийца с железным, как сталь, нордическим характером. Кто он по национальности Феликс и сам затруднялся сказать навскидку. В его жилах намешана кровь трёх основных человеческих рас: европейской, азиатской и негроидной. По отцу он тевтон с примесью семитской крови, по матери – чернокожий масай. За океаном в Америке потомков таких браков называют мулатами. Немцы именуют своих соотечественников, проживающих за пределами родного Фатерланда, – «фольксдойче».

Только водитель Ганс Ланге, стремительно выскочив из-за баранки «Виллиса», по-собачьи же пролаял в ответ дежурному положенное приветствие. Правую руку он при этом так высоко вздёрнул вверх, что казалось – хочет дотянуться кончиками прямых пальцев до большого красного полотнища с чёрной разлапистой свастикой в белом круге, которое колыхалось над старинным итальянским особняком начала века, выстроенном в колониальном архитектурном стиле.

Капитан Кляйн представился дежурному и объяснил, что срочно вызван командующим по какому-то, вероятно, весьма важному делу. Штабной офицер вежливо сообщил, что господин хауптману и его людям придётся подождать: господин генерал-лейтенант Роммель с начальником штаба и заместителем – на фронте под Тобруком, и будут обратно с часу на час. Дежурный позвал капрала и велел показать господину хауптману и водителю, где находится штабная автостоянка, а затем проводить нижних чинов в палатку комендантской роты, а Кляйна – в офицерскую гостиницу. Пока Ганс отгонял трофейный «Виллис» на стоянку и сдавал под охрану, Чезаре Эспозито приблизился к упитанному, краснощёкому, широкому в поясе немецкому капралу, дружелюбно хлопнул того по плечу, интригуяюще подмигнул и зашептал на ухо:

– Слушай, бамбино, палатка комендантской роты, конечно, не плохо. Отдохнуть после утомительного путешествия по Сахаре не помешает, но горячие итальянские парни привыкли «отдыхать» несколько иначе! Есть ли тут поблизости уютный винный подвальчик, где можно пригубить хорошего сицилийского вина последнего урожая, покурить одурманивающий турецкий кальян и заказать в отдельный кабинет стройную, как молоденькая, пугливая лань, арабскую танцовщицу? Если, конечно, проклятые островитяне, которые хозяйничали в городе до прихода немецких войск, не вылакали всё наше вино, не выкурили весь турецкий табак и не перепортили всех смазливых арабских девчонок!

– В Дерне есть всё, приятель, – самодовольно улыбаясь, похлопал его в ответ по плечу толстый капрал. – Через три квартала отсюда, как раз на пересечении центральных улиц, располагается замечательная итальянская остерия «Ува Гаджани». Я не раз уже там бывал. Вино я, правда, не очень уважаю

– больше люблю баварское или чешское пиво, но за компанию могу пропустить стаканчик-другой. Загляни со своими приятелями туда, только будьте начеку – там вечно полно всякого сброда... Могут в пьяной потасовке и финку в печёнку воткнуть.

– Спасибо, герр капрал! Учту твой совет, – кивнул Чезаре. – Но знай: я и сам парень не промах. Меня финкой не испугаешь. Могу и сдачи отвести, так что не унесут...

Вскоре сицилиец и его русский приятель уже сидели за столиком в заведении синьора Гаджиани, а симпатичная, нарядно разодетая официантка, по виду итальянка, принимала заказ. В помещении в этот не поздний час было не оченьлюдно. Основная масса посетителей, вероятно, подтянется только к вечеру. Сейчас здесь за столиками отдыхало несколько шумных компаний: итальянские моряки в песочного цвета тропических рубашках с матросским воротником, в шортах и брезентовых гетрах, немецкие солдаты в потёртой, выгоревшей на солнце, лёгкой тропической форме, коричневые и черноглазые, закутанные в традиционные плащи-абаи, с тюрбанами на головах, ливийские арабы.

Чезаре не отрывал от молодой девушки греховным огнём воспыхавших глаз, похожих на большие чёрные водянистые маслины. Он мысленно уже раздел её всю прилюдно – донага, и что дальше делать, терялся... Иван тоже любовался свежей непорочной молодостью и красотой итальянки, но она была на службе и это – сдерживало. Тем не менее, он её уже любил – амато, по-итальянски. Он всегда с первого взгляда влюблялся во всех смазливых девчонок. И у себя на Дону, до войны, в станице, и в плену, в немецком лагере для казаков на Украине, и в военно-строительной организации Тодта в Германии, и здесь, в Ливии.

Когда официантка, шурша юбкой, упорхнула, как лёгкий ветерок, выполнять заказ «синьоров» солдат, Эспозито многозначительно подмигнул сослуживцу:

– Что, русский, хороша куколка? Вижу по глазам, что хороша... И мне очень нравится! Чёрт меня разрази – за что кровь в пустыне проливаем, бамбино?

Тщательно подбирая знакомые итальянские слова, стараясь выговаривать как можно правильнее, Иван Андреюшкин горячо заговорил в ответ:

– Ты, Чезаре, смотри, бабник ещё тот! Не женат?

– Перед службой не удосужился, а ты, русский?

– Тоже не довелось. Была в станице зазноба, на действительную перед Финской уходил – ждатель обещалась. Писала, в любви верной клялась... А тут война! Ранило меня в Карелии тяжело. С полгода по госпиталям провалялся. А в части видать напутали что-то, похоронку на меня в станицу прислали. Моя Галюся, мать после сказывала, поплакала, да делать нечего, не век же в девках сидеть? Вышла замуж. А в июне сорок перво-

го снова война, германец на нас попёр... Так я до сей поры и скитаюсь по свету, как неприкаянный.

– Все мы скитальцы, приятель, – поддакнул сицилиец, закурив вонючую немецкую сигарету, с наслаждением вытянул под столом ноги в стоптанных горных ботинках. – Военные скитальцы пустыни. Мотаемся по гиблым пескам, как души усопших предков, истребляем себе подобных... Зачем эта война? Кому от неё радость?

– Кому-нибудь да нужна, коль воюют, – задумчиво изрёк Иван. Попросил у приятеля сигарету, размял тугой табак заскоружными пальцами, прикурил от зажигалки.

Официантка принесла на подносе два графина вина: чёрное и белое, высокие стаканы тонкого прозрачного стекла, тарелки с холодными закусками. Горячее попросила малость обождать. Чезаре обворожительно улыбнулся ей, выхватил из нагрудного накладного кармана своей помятой, изрядно заношенной, выцветшей на солнце «камичотто сахариано» – форменной итальянской рубашки-кителя, денежную купюру, скользя трепетной рукой по стройной девичьей ножке, высоко задрал длинную юбку, так что обнажился даже верхний край бежевого капронового чулка, туго стянутого чёрной кружевной резинкой, смело засунул сложенные вчетверо лиры за резинку. Шаловливо похлопал девушку по мягкой, роскошной заднице.

Девушка зарделась, смущённо одёрнула подол юбки, стрельнула по сторонам шаловливым взглядом. Сказала «мольте граци»⁴ и, подхватив пустой поднос, поспешила на кухню. Приятели налили себе по стаканчику вина: Чезаре – белого, Иван – красного, звонко чокнувшись и пожелав друг другу удачи, военного счастья и долгих лет жизни, выпили.

– Какая сладкая девочка, совсем как это вино, – облизнулся, опорожнив стакан, Эспозито.

– Согласен, – поддержал тему Иван. – Только она на работе, и с ней у тебя ничего не выгорит, приятель. Попомни мои слова. Так что – плакали твои денежки...

– Это мы посмотрим, бамбино, – не согласился упрямый итальянец. – Ты ещё не знаешь, на что способен Чезаре Эспозито! В Катании – это мой родной город – не было ни одной девчонки из рабочих кварталов, которая бы миновала моих рук! В рыбацких посёлках – то же самое. Женщины просто липнут ко мне, как мухи! Мёдом я намазан, что ли?.. Вот и эта смазливая официанточка из их числа. Вот увидишь, приятель. Могу биться с тобой об заклад, что сегодня же моей будет. – Чезаре разволновался от собственных слов, загорелся. Чтобы затушить в душе пожар вспыхнувшей вдруг необузданной страсти, – снова бухнул себе стакан вина, выпил, не закусывая.

⁴ *Мольте граци* – большое спасибо (итал.).

Иван тоже налил крепкого «солнечного» напитка – белого. Красное он пил до этого. С наслаждением, смакуя каждый глоток, опорожнил стакан, принялся основательно закусывать. Появилась прежняя официантка с горячими ароматными закусками на подносе, от которых шёл лёгкий пар. Кокетливо выставила всё на стол. Пожелав «синьорам военным» приятного аппетита, намеревалась уйти. Чезаре, крепко взяв за руку, решительно остановил её.

– Присядь, синьорина.

– Нам нельзя, синьор военный, мы на работе.

– Сядь, милая, я тебя прошу, – настаивал сицилиец.

Официантка, смущённая его бурным напором, повиновалась. Присела на самый краешек стула, готовая вскочить по первому требованию посетителей в зале.

– Как тебя зовут?

– Летиция, синьор.

– А меня Чезаре. Я из Катании.

– Это где?

– В Сицилии... Выпей со мной, Летиция!

– Нам нельзя, синьор Чезаре. Хозяин не разрешает.

– Наплюй ты на своего хозяина, – беззаботно отмахнулся сицилиец и налил ей полный стакан. – За знакомство, Летиция. На брудершафт...

Их руки с искрящимся золотистым вином в тонких прозрачных стаканах нежно переплелись, как змеи во время любовной брачной игры. Когда живительные, вдохновенные, сладкие источники в стаканах иссякли, спаялись их пахнущие солнцем и виноградом губы. Иван заёрзал на месте, не зная, куда деть глаза... Вдруг ощутил себя не просто третьим лишним – заброшенным одиночкой во всей огромной, первозданной, холодной и равнодушной к людским горестям, печалям и радостям Вселенной. Где-то в пространствах витал непонятный, непознанный никем, загадочный Бог. Где-то шла великая и беспощадная, не нужная никому, бессмысленная война, на которой каждую минуту гибли люди, а здесь, в прохладном, пропахшем терпкими запахами виноградных лоз и спелых изумрудных ягод, подвале, не обращая внимания ни на кого, целовались двое. И ему тоже страсть как захотелось испепеляющей сердце любви, человеческого дружеского тепла, женской опьяняющей ласки...

Глава 2. Бой на дороге

По неширокой прибрежной грунтовке, разбитой танковыми гусеницами и авианалётами обеих воюющих сторон, мерно гудя карбюраторным двигателем, нацелив в небо ствол станкового пулемёта MG-34, неторопливо ехал немецкий

«Ханомаг», – средний полугусеничный бронетранспортёр Sd Kfz 251. Мало кто догадался бы, что внутри этой железной коробки находился сам командующий Африканского корпуса, генерал-лейтенант Эрвин Роммель, который возвращался в город Дерна после инспекционной поездки на фронт под Тобруком. На легковом автомобиле передвигаться по открытой равнинной местности в Ливии небезопасно: рискнувший мог стать лёгкой добычей британских воздушных «стервятников». Они так и рыскали по всем направлениям, просматривая каждый уголок пустыни, хищно пикировали на немецкие и итальянские автоколонны, гонялись за одиночными грузовиками и легковушками.

С Роммелем, помимо вооружённой охраны, ехали его заместитель, генерал Георг фон Штумме и начальник штаба корпуса, генерал Альфред Гаузе. Вообще-то в расположении своих войск, на переднем крае, Роммель предпочитал для мобильности передвигаться на трофейном английском тяжёлом грузовике «Матадор», который немецкие гренадеры в шутку прозвали «Мамонтом». Генерал Роммель использовал «Матадор», как штаб своего корпуса. Его специально держали для командующего в пятнадцатой танковой дивизии, где он чаще всего бывал. Когда же нужно было совершать дальние поездки, отрываясь от основных сил, – приходилось брать с собой вооружённую до зубов охрану. За прославленным Лисом пустыни охотились не только британские лётчики на «Спитфайрах», но и многочисленные пустынные патрули – диверсионные группы, на быстроходных и выносливых американских «Виллисах». Для размещения охраны командующий и пересаживался на «Ханомаг», как в этот раз.

Роммель стоял во весь рост в бронированном открытом кузове возле пулемётчика, подставив простоволосую, с высоким лбом и большими залысинами, голову прохладному прибрежному ветру. Смотрел, прищурившись, вдаль. На глазах у него были британские противогазные очки, которые он использовал в качестве пылезащитных.

Неожиданно дорогу перед бронетранспортёром пересекла большая расплывчатая тень птицы. Генерал устремил глаза вверх: в небе над ними, широко разбросав могучие крылья, парил крупный орёл. Он напоминал государственный символ Германии, только без свастики в когтистых лапах. И такая была грация в его устремлённом вперёд, красивом теле, столь величаво и гордо он держал голову с хищным, крючковато изогнутым клювом, что Роммель невольно залюбовался птицей.

– Смотрите, господа, как красиво летит! Ни дать, ни взять – некоронованный повелитель пустыни. Взирает на нас пре-

зрительно с высоты своего великолепия, словно на мелких, ничтожных грызунов. Так бы, кажется, и упал камнем вниз, чтобы вцепиться когтями в тело и утащить высоко в небо.

– Но, увы, Эрвин, – мы для него слишком крупная добыча, – усмехнулся заместитель Роммеля генерал фон Штумме, разглядывая из-под ладони орла.

– Это так, Георг. Но как летит, подлец, как летит! – продолжал восторгаться романтическая натура – Роммель. – И ведь как символично, господа. Ни дать, ни взять – Третий Рейх, распростёрший свои крыла над Африкой!

– Вы серьёзно думаете, мой генерал, что мы удержимся в Магрибе и произведём колониальные захваты? – скептически взглянул на командующего начальник штаба корпуса генерал Альфред Гаузе.

– А почему бы и нет, Гаузе? Ведь мои танки стоят уже под Тобруком, а передовые патрули – у границ Египта! Разве могли мы даже помышлять об этом в прошлую войну, когда кайзер Вильгельм бездарно потерял все наши африканские владения? А ведь у нас здесь было целых четыре колонии: Того, Камерун, Юго-Западная и Восточная Африка. Из них только последняя, благодаря гениальному полководческому таланту полковника Пауля фон Леттов-Форбека, оставалась германской на протяжении всей войны.

– Полковник Форбек – национальный герой Германии! – патетически воскликнул фон Штумме. – Кстати, Эрвин, а где он сейчас? Почему о нём ничего не слышно? Он не в армии?

– Насколько мне известно, к сожалению – нет, – ответил Роммель. – Форбек не стал сотрудничать с национал-социалистами, хоть фюрер, после прихода к власти, и пытался с ним заигрывать. Конечно же, ему хотелось использовать популярность и славу непобедимого африканского полководца в своих целях.

– Но ведь фон Леттов-Форбек прежде всего – солдат! – горячо возразил не сдержанный, эмоциональный Штумме, за что среди офицеров получил прозвище «Шаровая молния». – И его место – в германском вермахте, а не под юбкой у жены!

– С этим у полковника как раз таки всё в порядке, – усмехнулся Роммель. – В январе 1919 года он вернулся в Германию из Восточной Африки, но не стал отсиживаться, как ты, Георг, выражаешься «под юбкой у жены». Форбек принял активное участие в политической жизни послевоенной республики. Кстати – тесно сотрудничал с командующим войсками берлинского округа генералом Вальтером Лютвицем, который не разделял политику веймарских соглашателей. Форбек поддержал вооружённое выступление Вольфганга Каппа против правительства национальных предателей. Храбро сражался в рядах повстанцев с коммунистами-«спартаковцами» в Гамбурге. Но выступление патриотических национальных сил, как вы знаете, закончилось

неудачей, в результате чего фон Леттов-Форбек в 1920 году был уволен из армии в звании генерал-майора. С тех пор он больше не вернулся на службу. В конце двадцатых – два года был депутатом Рейхстага, входил в Немецкую национальную народную партию. Сейчас, вероятно, на заслуженной пенсии...

– Очень жаль, мой генерал. Форбек мог бы сейчас нам здорово помочь в Африке, – высказался Альфред Гаузе.

– Ну и каким образом? – поинтересовался Роммель.

– В Германии, да и здесь, в Африке, возможно, ещё остались его бывшие соратники по борьбе. Они имеют уникальный опыт партизанской войны, знакомы с местностью и обычаями проживающих здесь племён и народов. Можно было бы сформировать диверсионные подразделения из местных жителей, забросить их в наши бывшие колонии и попытаться поднять там мятеж против англичан! В случае успеха – это оттянуло бы значительные силы противника с основных фронтов. вспомните, господа, что полковник Форбек, не получая из Германии ни единого солдата и ни грамма вооружения и боеприпасов, на протяжении всей войны, четыре года скрывал около трёхсот тысяч английский солдат, которые могли быть использованы противником на европейском театре военных действий. Почему бы не рискнуть повторить то же самое и сейчас?

– В этом что-то есть, Эрвин! – враз загорелся, поддержав начальника штаба, генерал фон Штумме. – Тем более, что подобные подразделения у нас уже имеются. У полковника Макензена в Учебном полку особого назначения «Бранденбург» целых два батальона состоят из германских подданных – выходцев из бывших африканских колоний. Я думаю, найдутся там и жители Восточной Африки, Танганьики, как она теперь зовётся у англичан... Давай займёмся этим всерьёз, а не только на словах. Что мы теряем в случае провала операции? Несколько десятков негров и арабов?.. Чепуха! Здесь, в Ливии, итальянцы целые дивизии комплектовали местными туземцами. Что нам мешает сделать то же самое?

– Ну и куда девались все эти хваленые арабские легионы дуче? – презрительно скривился Роммель. – Разбежались по пустыне, как зайцы, или без единого выстрела сдались британцам...

Договорить ему не дал близкий выстрел из ружейного гранатомёта. Огненный заряд врезался в передок бронетранспортёра, прошил броню насквозь. Граната гулко взорвалась, разворотив двигатель, – из-под капота рванул пучок яркого пламени и столб смрадного чёрного вонючего дыма. Машина резко вильнула влево, на полном ходу сорвалась с проезжей части в кювет и ткнулась длинным носом в песчаный бархан. В ту же минуту с противоположной стороны дороги по «Ханомагу» ударила длинная пулемётная очередь, пули хищно застучали по броне, некоторые нырнули в десантное отделение, откуда раздался стон раненого. Все, кто был внутри бронетран-

спортёра, по инерции повалились на пол. Генерал Роммель оказался в самом низу, под грудой попадавших на него сверху солдат охраны. По застывшему в кювете подбитому «Ханوماгу» со всех сторон застрочили автоматы. Очереди ложились столь густо, что никто из солдат не мог высунуть из укрытия голову. Наконец, пулемётчику удалось добраться до закреплённого на корме на турели MG-34, второй номер расторопно подхватил ленту и пулемёт сердито зарокотал, изрыгая потоки свинца по противнику.

Куча-мала в десантном отделении зашевелилась, начала обретать формы. Солдаты быстро рассыпались вдоль бортов, принялись стрелять из «шмайсеров» в нападавших, высовывая стволы в круглые отверстия в броне. Водитель был убит наповал, его с трудом выволок из горящей кабины второй член экипажа. Поднялись на ноги Роммель со своими спутниками. Все трое, выхватив пистолеты, тоже стали отстреливаться. Нападавших английских диверсантов за холмистым нагромождением песка и глины хорошо рассмотреть не удавалось. Но в том, что это были именно они, британцы, сомнений ни у кого не возникало. Если не они, то кто бы решился напасть на самого командующего германским Африканским корпусом в тылу расположения его войск, осаждавших Тобрук? Генерал Гаузе пробрался вперёд и велел второму члену экипажа связаться по радию с Дерной и срочно вызвать подмогу. Тот, оставив убитого водителя, реанимировать которого было уже невозможно, как и разбитый гранатой двигатель, быстро стал передавать в штаб корпуса необходимую информацию.

Между тем огонь со стороны нападавших усилился. Они, по видимому, точно знали, какая важная птица попала в их сети, и во что бы то ни стало пытались, если не поймать её, то хотя бы уничтожить! Грохнул ещё один выстрел из гранатомёта. По характерному звуку выстрела Роммель определил, что диверсанты используют новейшие немецкие 30-ти миллиметровые ружейные гранатомёты «Шиссбехер», принятые вермахтом на вооружение в прошлом году, когда генерал со своей знаменитой 7-й танковой «дивизией призраков» успешно громил англо-французских союзников под Дюнкерком. Противотанковая граната с кумулятивным зарядом насквозь прошла слабобронированный, 15-миллиметровый борт «Ханомага», калеча и разрывая на части немецких солдат. В нос Роммелю резко ударил запах палёного человеческого мяса и сгоревшей униформы. Десантное отделение наполнилось страдальческими криками умирающих и звероподобными воплями раненых. Под ногами образовалась каша из ещё шевелящихся человеческих тел, кусков дымящейся плоти, крови, обрывков какого-то тряпья, обломков оружия. Все, кто выжил в этом аду, отчаянно полезли вон из металлического гроба. До брони в месте попадания гранаты невозможно было прикоснуться рукой – так она раскалилась. К счастью, Эрвин Роммель и двое его спутников были

живы и даже не ранены. Генерал фон Штумме подхватил автомат убитого охранника, собрал всех оставшихся в живых пехотинцев, занял с ними круговую оборону вокруг закопченного, пылающего бронетранспортёра. Легли в песок с пистолетами в руках и Роммель с генералом Гаузе. Неприятеля не было видно из-за песчаных барханов и неровностей местности. Слышны были только звуки выстрелов, команды на английском языке и шум автомобильных двигателей. Вероятно, нападавшие прибыли к месту засады на автомобилях, и, посчитав дело сделанным – готовились к отходу. Роммель молил бога, чтобы они ушли поскорей и не предприняли последнюю, решающую атаку. Солдат из охранения оставалось совсем мало, а подмога из Дерны что-то запаздывала.

– Мой генерал, британцы совсем обнаглели, – поймав на мушку очередного диверсанта и метко его сняв с макушки ближнего песчаного холма, посетовал Гаузе, – нападают на немецкие машины среди бела дня, в нашем тылу, не боясь ни нашей авиации, ни пустынных патрулей на мотоциклах.

– Заметь, нападают не просто на машины, Альфред, а на машину самого командующего! – подчеркнул Роммель, в свою очередь стреляя из пистолета и поражая другого неприятельского бойца. – Надо бы и нам перенять их тактику и послать своих ребят из 288-го отряда особого назначения в Каир, в штаб ближневосточной группировки англосаксов, в гости к генералу Окинлеку.

– Вы имеете в виду учебный полк полковника Макензена «Бранденбург»? – уточнил Гаузе. – 288-м отрядом они назывались в Греции. Там, кстати, и остаётся по сей день их база...

Бой длился уже около получаса, и ни одна из сторон не могла одолеть другую. Немцы потеряли две трети солдат, но продолжали отчаянно отбиваться, дожидаясь подмоги. Диверсанты тоже понесли потери, но уходить не спешили. Отчаявшись, стали посылать в укрывшихся сбоку дороги, возле дымящегося «Ханомага», немецких пехотинцев одну осколочную гранату за другой. Ряды защитников командующего таяли, как мартовский снег в Германии. Роммель подозвал своих соратников Георга фон Штумме и Альфреда Гаузе – стал прощаться.

– Чувствую, господа, – пришёл наш последний час. Умрём с честью, как подобает настоящему германскому офицеру!

– Кто бы сомневался, Эрвин, что ты настоящий тевтонский рыцарь! – преданно глянул ему в глаза генерал фон Штумме. – Но не рановато ли собрался в гости к костлявой? – И, усмехнувшись, указал на грунтовую дорогу с западной стороны, ведущую к Дерне.

По ней на полном ходу мчалась дюжина немецких тяжёлых военных мотоциклов с колясками BMW R-75 «Сахара». На каждой коляске, на вертлюге – пулемёт MG-34. За ними несколько бронетранспортёров, грузовик с пехотой, лёгкий германский танк Pz. Kpfw. I Ausf. Panzer с ходу открыл огонь по диверсантам из

башенного орудия, «Ханомаги» ударили по прячущимся в складках местности британцам из пулемётов. Застрочили из МG-34 и головные мотоциклы. Вмиг перевес в силах оказался на немецкой стороне, и отчаянные английские командос, отстреливаясь и умело прикрывая отход друг друга, стали поспешно покидать место боя на лёгких военных джипах, камуфлированных под цвет пустыни. . .

Глава 3. Похождения Ивана и Чезаре

Поздно вечером изрядно выпившие сослуживцы Иван и Чезаре покинули уютную остерию Гаджиани. На улице ребром встал вопрос: что делать дальше?

– Ты как хочешь, приятель, а я остаюсь здесь. Подожду синьорину Летицию со смены, – сказал Чезаре.

– Думаешь, дело выгорит, Бамбино? – скептически усмехнулся Иван. – У неё наверняка есть жгучий итальянский парень из местных. . . Гляди, как бы не вышла осечка. Намнут тогда тебе бока городские ухари.

– Не родился ещё тот человек, бамбино Иван, который бы рискнул намять бока Чезаре Эспозито! – хвастливо заверил гордый сицилиец. – Тем более, я служу не в слабосильной итальянской армии дуче, только и знающей, что драпать от англичан по бескрайней ливийской пустыне, а в славном германском Африканском корпусе самого Роммеля!

На этом друзья распрощались. Чезаре остался дожидаться свою новую пассию, а Иван побрёл по кривым и мрачным улочкам засыпающего прифронтового Дерна к штабу Роммеля. Ему казалось, что он легко найдёт обратную дорогу, однако, не тут-то было. В сгустившихся вечерних сумерках да ещё изрядно подпитый Иван совершенно не помнил дорогу к штабу. Пройдя наугад несколько кварталов, он отчаялся и понял, – окончательно заблудился, с тоской подумал, что нужно было остаться вместе с Чезаро. Тогда была бы гарантия, что итальянец приведёт его к своим. А так – гиблое дело. Ищи пятое колесо в телеге. . .

Неожиданно он услышал громкие женские крики за углом высокого, глинобитного дувала. И хоть кричали на незнакомом Ивану, вероятно, местном, туземном языке, по интонации было понятно, что женщина звала на помощь. Андреюшкин почувствовал это интуитивно, – слов, естественно, разобрать не мог. Не раздумывая ни секунды, воспитанный на родине, в Советском Союзе, на принципах взаимопомощи и самопожертвования, когда: «Сам погибай, а товарища выручай!» – он со всех ног бросился на помощь кричавшей. Это была молодая девушка в длиннополой просторной полосатой одежде, с

открытым лицом, с круглыми серебряными украшениями на голове, наподобие кулонов. По внешнему виду – местная жительница, вероятно, арабка. Она отчаянно отбивалась сумкой от наседавшего на неё мужчины в тёмной накидке, до самых глаз плотно закутанного платком. В руке у разбойника сверкнул кривой магрибский нож.

Иван бросился сзади на противника, крепко схватил за кисть правой руки и с силой крутанул на себя. Нападавший взвыл от боли и выпустил страшное оружие. Нож звякнул о мостовую, как будто рассыпались монеты арабской чеканки. Разъярённый разбойник зашипел, как кобра, и бросился на Ивана, пытаясь схватить руками за горло. Андреюшкин, не долго думая, ловко применил приём рукопашного боя, которым обучился в немецкой разведшколе в Греции. Отбив резким взмахом обеих рук снизу вверх нападение противника, тут же обрушил их – рёбрами ладоней – на его бока. Разбойник, жалобно застонав, скорчился, чуть не упал на колени, попытался выпрямиться, но Иван не дал ему это сделать. Схватив за обвязанный вокруг головы в виде чалмы платок, с силой рванул голову книзу и тут же подставил под неё коленку. Раздался водянистый, чавкающий звук разбитого носа – бандит, охнув, повалился на мостовую, под ноги Ивана и застывшей в оцепенении «арабки». Парень, тяжело отдуваясь, наклонился и поднял кривой нож поверженного врага. По правилам войны, это был теперь его законный трофей.

В ту же минуту девушка, встряхнувшись, как бы отгоняя минутное оцепенение, ожила, восторженно что-то крикнула на своём языке, обращаясь к неожиданному спасителю, как бы приглашая куда-то туда, в темноту глухого переулка, куда она красноречиво махнула изящной тонкой рукой. Но, видя, что незнакомец в военной форме никак не реагирует, схватила его за руку и почти силой потащила вслед за собой. В запальчивости крикнула по-итальянски, – единственным языке белых людей, который немного знала:

– Бежим скорее, мой друг, пока Идигер не поднялся на ноги и не позвал на помощь! Я знаю – он один никогда не ходит. Где-то поблизости скрываются люди из его клана.

Осознавая опасность, которая ему угрожает, Иван повиновался. Вскоре они были уже далеко от места ночного происшествия.

– Что он хотел от тебя? – на плохом итальянском спросил на ходу Андреюшкин. – Ты его знаешь?

– Да, это Идигер. Мой бывший хозяин. Я сбежала от него в прошлом году.

– Ты его служанка?

– Нет, рабыня и наложница, хотя он считает меня своей женой... У них почему-то принято иметь только одну жену, не то, что у нас и арабов.

– Так ты не арабка? – удивился парень.

– Нет, что ты... Я амазиг, по-нашему, – свободная, – с гордостью ответила симпатичная незнакомка. – У туарегов считается большой удачей взять в жёны образованную берберскую девушку.

– А-а, теперь понял: этот Идигер – из племени туарегов, что живут на просторах Великой Сахары, а ты из народа берберов, – сказал Иван.

– Да, Идигер – сахарский туарег, как называют его народ белые люди, – пояснила берберка. – На самом деле они – имошаг. Так они сами себя гордо величают. Что это значит, мне не ведомо. Знаю только, что Идигер родом из восточных имошаг. Здесь у нас, в западной Ливии, это племя зовётся кель-аджер.

– Мудрено у вас тут всё и запутанно, – с сожалением посетовал Иван. – А как имя твоё, красавица?

– Тамалу. А твоё, спаситель?

– Иван.

– Иман? Ты правоверный? – удивилась девушка.

– Нет. Православный, да и то чисто по крещению, – качнул головой парень. – У нас в стране вера в боженьку не приветствовалась. Коммунисты уверяли, что это пережиток прошлого! Бога, мол, нет, а религия – опиум для народа.

– Что ты, Иман, говоришь? – испугалась Тамалу. – Это, может быть, вашего бога, Иссы, нет, а Аллах – есть. И пребудет всегда, потому что он вечный!

– Не будем зазря спорить, Тамалу, – сразу же остановил её Иван, который думал сейчас совсем не о боге... – Ты лучше скажи, что означает твоё прекрасное имя?

– Оно означает «тень», – скромно сказала девушка. – Я только тень на Земле и ничего больше. Всего-навсего – тень, ускользнувшая от Орла...

– Какого Орла? – не понял Андреюшкин.

– Это я так... Идигера вспомнила.

– Ну и при чём здесь этот разбойник Идигер?

– А он и есть Орёл. Его имя обозначает, – ответила Тамалу. – А как понимать твоё имя? Кто ты, чужестранец?

– Я не знаю, что оно значит, – по деду нарекли, – развёл руками Иван. – На церковный праздник меня всегда бабуля в станице поздравляла, на день Святого Иоанна Предтечи, – так моё имя в Святцах прописано. А кто был этот Иоанн и за что ему такая честь – не ведаю. Я ведь в церковной науке не силен. Да и не приветствовали у нас в СССР поповские побаски. Миртовую революцию заварить хотели.

Берберка Тамалу привела Ивана в самые трущобы старой Дерны, в грязный арабский квартал, где ютилась местная беднота. Здесь, почти у самого моря, она снимала небольшой уютный домик под живописными прибрежными пальмами. Иван тактично не стал интересоваться – на

какие средства? В этом суровом мире каждый зарабатывает на жизнь – как может.

– Ты живёшь одна? – поинтересовался только Андреюшкин.

– Да, у меня больше никого нет, – кивнула девушка. – Раньше мы жили с родителями далеко на юге, в Сахаре, в одном из оазисов. Мой отец был проводником караванов. Однажды, когда он ушёл с караваном одного богатого купца в Каир, на нашу деревню напали кочевники туареги. Они поубивали всех мужчин и старых женщин, а молодых взяли в рабство. Так я стала наложницей Идигера.

– Чудно вы живёте, – удивился Иван. – Я о такой жизни в детстве только в книжках читал. Не думал, что и взаправду ещё бывает.

– А из какой ты страны, Иман? Ты не итальянец?

– Нет, куда... – отрицательно мотнул головой парень. – Итальянец у нас – Бамбино, – мой друг Чезаре Эспозито. Мы с ним вместе нынче в кабачке гуляли... А я из России, из Советского Союза точнее. Слыхала о такой стране?

– Россия – знаю, – кивнула берберка. – Я учила в деревне, в оазисе, географию. Это далеко-далеко на севере, где очень холодно, никогда не бывает солнца, и живут страшные бородатые люди в медвежьих шкурах... Но ты, Иман, совсем на них не похож.

– Отчего же? Вишь, тоже с бородой, – улыбнулся парень.

– У тебя нет огромного кривого ножа в зубах и лохматой медвежьей шкуры. Я видела – так рисуют русских в итальянских газетах.

– И ты им веришь, дурочка? – обиделся Андреюшкин. – Брехня это всё буржуйская! Никаких шкур у нас нет. Есть шубы, тулупы, овчинные кожанки, – но это совсем другое... А что касается кривых ножей в зубах, то вашим разбойникам они больше к лицу. Видала сегодня, небось, одного такого орла – Идигера своего... Жаль, что я ему крылья не обломал, а надо бы...

Иван вынул из-за пазухи кривой магрибский кинжал, отобранный у туарега, и повертел в руках:

– Знатная штучка. Таким только глотки английским часовым резать. Как барашкам...

– Иман, где твоя вера? – вспыхнув, испуганно отшатнулась от него берберка.

– Да я вовсе неверующий, можно сказать атеист, – с гордостью сказал парень. – Крещение, что мамаша с батей в младенчестве надо мной учудили – не в счёт. У нас это хоть и не запрещено, только властями не поощряется. Комсомолец я к тому же – в школе приняли, как сознательного.

– Странно, – удивилась Тамалу. – В своего русского бога Иссу не веришь, а имя твоё на арабском языке – «вера»!.. Совсем я запуталась с тобой. У вас, белых людей, – всё не так, как у нас. Какие-то вы странные.

– Белые люди белым людям – рознь, – хмыкнул Иван. – Мы, русские, – особая статья. Нас просто так не раскусишь – крепкий орешек! Вам не по зубам.

– Ты есть хочешь? – спохватилась вдруг Тамалу.

– Да не мешало бы перекусить чего-нибудь, – оживился парень. – Нас с Бамбано в винном кабачке не очень-то потчевали... Да и то сказать правду – жалованья у нас – не густо. С гулькин нос можно сказать... У Гитлера, гляжу, не очень разживёшься. Это своих фрицев он не забывает, небось, и зарплата повыше, чем у нас, «хиви», и премиальные, думаю, выписывает, да и за вредность – африканские капают... Чем не жизнь? Воюй – не хочу!

Пока парень рассуждал, берберка на кухне быстро соорудила ужин. Блюда были восточные, специфические. Некоторые Иван раньше даже не пробовал, тем более экзотические фрукты: бананы, финики, апельсины. Особенно ему нравились финики. Как только выпадал случай, он неизменно отыскивал восточный базар и покупал это лакомство.

Основательно подкрепившись, они вернулись в единственную комнату в квартире Тамалу, служившую одновременно и сенями, и горницей, и опочивальней. Так, во всяком случае, отметил Иван, осматривая небогатое убранство и картинки на стенах. Это были вырезки из европейских непристойных журналов: парень враз заволновался, узрев эту невидаль. Хотя в роте, в учебном диверсионном лагере в Греции, где размещался их 288-й отряд особого назначения «Бранденбург», у немецких унтер-офицеров доводилось подглядеть и похлеще этого.

Берберка Тамалу по-быстрому постелила на широкой, невысокой деревянной кровати, украшенной замысловатым арабским орнаментом, погасила керосиновую лампу. В темноте принялась шелестеть материей, сбрасывая с себя одежды и тем повергая парня в сладостную истому и нетерпеливую дрожь. Вскоре сквозь комнатный полумрак, к которому постепенно привык парень, проступили неясные, колеблющиеся очертания её обнажённого тела.

– Иман, ложись, что ты ждёшь? – свистящим гортанным от волнения шёпотом позвала девушка.

Андреюшкин весь затрясся, возбуждаясь от одного её голоса, путаясь в пуговицах, торопливо содрал с себя грязное, пропитанное походной пылью и едким потом, приклеившееся к телу обмундирование, голый, стесняясь своей наготы, немых ног, искусанных комарами рук и шеи, с головой нырнул под мягкое атласное одеяло, прямо в жаркие объятия желанной и сладкой, как майский мёд, Тамалу...

* * *

Чезаре дождался закрытия винного погребка Гаджиани. Первыми заведение покинули запоздалые посетители: несколько пьяных

вдрызг итальянских матросов и местных грязных босяков-арабов из портовых грузчиков. Затем показались кухонные посудомойки из крикливых и нахальных городских арабов, толстые и степенные повара-итальянцы. Потом вышел кельнер и официантки, все, естественно, местные – из европейцев. Последней, с каким-то симпатичным седоволосым пожилым синьором, выпорхнула радостная Летиция. Пока мужчина о чём-то разговаривал с ночным сторожем, который приготовился запереть изнутри двери остерии, девушка, смотрясь в маленькое круглое зеркальце, кокетливо подкрашивала губки. Сицилиец озверел от ревности при виде подобной картины, приняв незнакомца за бухгалтера или богатого посетителя. Словно разъярённый испанский бык во время корриды, Чезаре набросился с кулаками на пожилого господина.

– Ах ты старая, облезлая, вонючая обезьяна! Думаешь, если набил карман своими паршивыми лирами, так тебе всё дозволено? Можешь походя соблазнять молоденьких, смазливых официанток?.. Я покажу тебе, тысяча чертей, что не всё в этом мире продаётся и покупается!

Летиция вскрикнула от страха, узрев пронёсшегося мимо неё, как полночный скоростной экспресс, эксцентричного итальянца, облачённого в униформу непонятной армии. Он смял господина Фаустино Гаджиани – хозяина остерии: целый град крепких оплеух обрушился на бедного, ничего не понявшего пожилого уважаемого синьора. Тотчас он оказался на земле, а не менее Летиции перепуганный сторож, морщинистый, лет семидесяти, старик-итальянец, засвистел в свисток, который висел у него на шнурке на шее. На его призыв, увы, никто не отозвался. Видимо, ни итальянских муниципальных полицейских, ни германских полевых жандармов поблизости не было, а местные жители побоялись высунуться из домов на улицу. И тогда, пожалев хозяина, Летиция, как кошка, рванулась на его защиту. Первым же болевым приёмом, который был ей известен – ударом острого носка женской туфельки в мужской пах, – она повергла Чезаре в глубокий шок и вынудила прекратить избиение беззащитного синьора Гаджиани.

Сицилиец скорчился от острой, невыносимой боли, страшно взревел, как раненый матадором бык, вылупил глаза на взбунтовавшуюся вдруг девчонку, которую он опрометчиво посчитал уже своей.

Сторож снова отчаянно засвистел, будя уснувший итальянский квартал, Летиция, вторя ему, дуэтом закричала, призывая на помощь незримых «рыцарей». Эти звуки и шум отчаянной борьбы достигли, наконец, цели: в темноте переулка послышался громкий стук по бульжникам подкованных сапог, и в свете фонаря показалась фигура бравого немецкого офицера в зловещей, чёрной форме войск СС. Выхватив из кобуры «парабеллум», спаситель Летиции и синьора Гаджиани поспешил к заведению,

где последний всё ещё лежал на земле, а сицилиец Чезаре стонал на корточках, держась обеими руками за интересное место...

Выстрелив для убедительности в воздух, офицер скомандовал всей четвёрке по-немецки: «Руки вверх!» – и потом, по-немецки же принялся разбираться. Что он говорил, никто, кроме Бамбино, естественно, не понял. Он один стоял с поднятыми руками. Глядя на него, то же самое проделали и остальные. Тогда эсесовец знаками дал понять старику-сторожу, чтобы тот запер снаружи дверь остерии на большой амбарный замок. Построил всех в шеренгу с поднятыми руками, и повёл куда-то в темноту. Чезаре шёл, прихрамывая, позади «изменницы»-Летиции и ругал её последними словами. Бойкая на язычок официантка за словом в карман юбки не лезла – отвечала неудачливому ухажёру. Сильно побитый Фаустино Гаджиани молчал, как будто воды в рот набрал, ему было не до пустой перебранки с Чезаре – саднило и болело всё тело.

Не прошли они и одного квартала, как повстречали целую свору итальянских милиционеров из службы национальной безопасности, большинство из которых – кроме чернорубашечника-центуриона в живописной шляпе с пучком фазаньих перьев – были местными, ливийскими арабами. Они спешили на звук пистолетного выстрела, и наткнулись на них.

– Стоять на месте! Руки вверх, не то стреляю на поражение, – выкрикнул центурион-итальянец, направив на подозрительную группу пистолет. Но в виду того, что четверо и без его требования держали руки поднятыми, команда относилась только к немецкому офицеру.

Тот, ни слова не поняв, в свою очередь направил пистолет на «итальянцев». Арабы-милиционеры оторопели от неожиданности. Не зная, что делать, уставились на эсесовца. Подобную чёрную форму с необычной символикой они видели впервые. Офицер-итальянец, на чём свет стоит кляня в душе немецких союзников из Африканского корпуса Роммеля, стал требовать у германца пароль. Но беда в том, что немец совсем не знал итальянского языка, а итальянец, соответственно – немецкого!

– Эй, как тебя, чёрт поberi... Немец! Брось оружие на землю, не то буду стрелять! – угрожающе шипел, потрясая пистолетом, чернорубашечник, пытался взять противника на испуг, однако не тут-то было. Эсесовец не поддавался и в свою очередь злобно выкрикивал:

– Вы кто? Английские диверсанты? Партизаны?.. Сдавайтесь, вы окружены! Сейчас сюда подойдут германские гранатеры и вам не поздоровится!

Арестованные немецким офицером пленники вообще отказывались что-либо понимать в происходящем. Особенно Чезаре Эспозито. Более-менее ему было ясно только одно: его спасение – в потасовке немца и чернорубашечника. И, подливая масла в огонь, он обратился к итальянскому офицеру:

– Синьор центурион, спасибо! Вы нас здорово выручили. Скажу по секрету: этот тип в форме – британский диверсант! Я своими ушами слышал, как он говорил по-английски. Хвалил проклятого Черчилля и ругал великого дуче!

– Ты итальянец? – спросил центурион-чернорубашечник, заметно добрея при виде соотечественника.

– О, да, синьор, – согласно кивнул Бамбино. – Служил в армии ещё во времена покорения Абиссинии. Освобождён по ранению. Имею государственные награды за героизм.

– И мы тоже итальянцы, синьор милиционер, – дружно загалдели остальные задержанные. – Прикажите этому неотёсанному германцу нас отпустить.

Поднялся невообразимый шум. Немец-эсэсовец, всё ещё державший под прицелом центуриона, повернул к ним голову и с досадой прикрикнул:

– Эй вы, стая чёрных ворон, прекратите сейчас же верещать, не то снова меня рассердите! Вы все тут задержанные и я отведу ваш цыганский табор в немецкую комендатуру до выяснения... А ты, чёрный, – угрожающе обратился офицер к центуриону, – брось сейчас же эту паршивую, как и всё итальянское, хлопушку и прикажи своим невытым аборигенам проваливать на все четыре стороны. Здесь отдаю приказы и распоряжаюсь только я, штурмбанфюрер СС Гарденберг!

Поняв из всего сказанного только знакомую аббревиатуру «СС», итальянец-чернорубашечник стушевался. Шутить со знаменитой охранной службой всемогущего рейхсфюрера Генриха Гиммлера было опасно. Центурион тут же спрятал в кобуру пистолет, поспешно отдал честь немцу, любезно извинился и, сердитым окриком построив арабов-милиционеров в две ломаные шеренги, увёл под пальмы в вязкую, словно кисель, темноту улицы.

Эсэсовец самодовольно усмехнулся и погнал группу задержанных дальше. Вскоре они уже были в немецкой комендатуре...

Глава 4. В штабе Роммеля

На утро капитан Феликс Кляйн, переночевавший в офицерской гостинице, с удивлением обнаружил непонятное исчезновение обоих командиров групп. В палатке комендантской роты они не ночевали, о чём доложил водитель Ганс Ланге, и где они шляются, никто не знал. Велев Гансу готовить «Виллис» в обратный путь, на базу, Феликс поспешил в штаб генерала Роммеля. За ним уже приходил оттуда посыльный.

У входа в штаб, справа и слева от крыльца, выросли за ночь две пулемётные огневые точки, забаррикадированные мешками

с песком. Тут же стояло два бронетранспортёра и лёгкий танк Pz Krfw II. В здании царила бестолковая суэта, немецкие офицеры в тропической или континентальной униформе как угорелые носились по этажам, в кабинетах то и дело трезвонили телефоны, звучали встревоженные голоса. На лестничных площадках стояли суровые, как тевтонские рыцари, вооружённые автоматами охранники, в коридорах в окна смотрели заряженные пулемёты – номера припали к ним, словно ожидая вражеской атаки. То и дело слышалось: «Английские диверсанты!»

Ничего не понимавший в происходящем Феликс Кляйн вошёл в приёмную, представился высокому белокурому голубоглазому офицеру в форме Люфтваффе – адъютанту Роммеля. Тот поспешил доложить об его прибытии командующему. Выглянув из кабинета, учтиво пригласил войти. В кабинете было несколько офицеров, из которых Феликс знал только заместителя Роммеля, генерала фон Штумме, начальника штаба корпуса, генерала Гаузе и полковника Макензена, командира Учебного пехотного полка особого назначения «Бранденбург», в который входило и его подразделение. Помимо них были какой-то незнакомый эсэсовец в чёрном, два итальянца в светло-жёлтых пробковых колониальных шлемах на головах, в тропических кителях цвета хаки, с генеральскими погонами и нарукавными шевронами, три немца различных родов войск.

Кивнув вошедшему, генерал-лейтенант Роммель продолжил:

– Эти каналы, пустынные британские крысы, – обнаглели уже до того, что напали вчера вечером на мою машину вблизи Дерны, подбили её, уничтожили половину охраны и чуть не убили меня самого с офицерами штаба! Это неслыханно, господа! Куда смотрит наша авиация? Я сегодня же сообщу о происшествии командующему 2-го воздушного флота фельдмаршалу Кессельрингу в Италию.

– Но господин генерал, – принялся оправдываться незнакомый капитану Кляйну пожилой, седеющий офицер Люфтваффе в звании подполковника, – в связи с тяжёлым положением вермахта на Восточном, без сомнения – главном фронте, большинство истребителей направлено туда. А те силы 2-го воздушного флота, которые остаются в Средиземноморье, распылены по огромным пространствам. К тому же, фельдмаршалу Кессельрингу постоянно приходится отправлять истребители для сопровождения бомбардировочной авиации на остров Мальту.

– Вы бы лучше не бомбили Мальту, а захватили её штурмом во время десантной операции, – со скептической ухмылкой вставил один из итальянских генералов в щегольских жёлтых галифе со светлыми кожаными вставками с внутренней стороны, в надраенных до зеркального блеска тёмно-коричневых хромовых сапогах.

– К сожалению, генерал Де Стефанис, это от меня не зависит, – развёл руками лётчик.

– Не будем терять время, и отклонятся от главного, господа. У нас ещё много вопросов, которые необходимо решить, – прервал их Роммель. – Представьте, что вы играете в шахматы. Ливия и Египет – идеальная шахматная доска, не правда ли? Противник у вас серьёзный и партия предстоит непростая. Тем более, что он уже выиграл предыдущую партию у вашего коллеги, – Роммель многозначительно взглянул на итальянских генералов, которые сразу потупились. – Нанёс их пешкам, коням и офицерам сокрушительное поражение, причём весьма малыми силами, захватил две осадные башни – туры по шахматной терминологии, в нашей ситуации пусть они будут крепостями, уничтожил ферзь и поставил их королю блестящий мат!.. Что мы видим в данный момент? Силы у нас с противником почти одинаковые. Тура на правом фланге у моря – всем известная крепость Тобрук, не смотря на осаду, держится, и сдаваться не собирается. Ферзь умело командует пешками и офицерами. Король хорошо защищён и к нему просто так не подступиться. Мало того, вчера они делают умелый ход конём, и в глубине нашей обороны чуть не забирают ферзь... Как вы думаете, господа, что нам следует предпринять в сложившейся ситуации?

– Конечно же, ответный ход, господин генерал, – высказался незнакомый Кляйну офицер в эсесовской траурной форме. – И непременно – такую же глубокую атаку в тыл их расположений.

– Правильно мыслите, штурмбанфюрер, – согласно кивнул Роммель. Что-то вспомнив, обратился к Феликсу Кляйну. – Кстати, господин капитан, разрешите представить вам господина фон Гарденберга, с сегодняшнего дня – вашего непосредственного начальника. Он – представитель «Аненербе» в Северной Африке. Будет курировать здесь деятельность организации по изучению древней германской истории, отыскивать в песках Сахары наследие наших далёких предков – арийцев... Надеюсь, я правильно выразился, штурмбанфюрер?

– О, да, мой генерал, – расплылся в жёсткой ухмылке эсесовец из тайного немецкого общества «Наследие предков». – Более чем правильно... А это, как я понимаю, командир Особой тропической диверсионной роты капитан Кляйн собственной персоной?

– Вы не ошиблись, Зикфрид, – кивнул Роммель. – Перед вами действительно – знаменитый на весь Африканский корпус Феликс Борисович Кляйн – лучший офицер пехотного полка особого назначения «Бранденбург». Настоящий Лис пустыни, хоть англичане и наши парни присвоили этот титул мне... Но я бы назвал его Маленьким Лисом пустыни. Тем более, что фамилия капитана это и обозначает.

Все присутствующие заулыбались, оценив остроумие командующего. После короткой несерьёзной разрядки, во время которой Роммель по-своему загнул несколько скабрёзных сол-

датских анекдотов – генерал, не будучи аристократом – вёл себя с подчинёнными демократично, по-простецки, и не гнушался крепкого солёного словца, – совещание продолжилось. Поставив конкретную задачу тому или иному офицеру, Роммель отпускал его, чтобы не утомлять ненужной информацией. Вскоре в кабинете остались только он сам, заместитель фон Штумме, полковник Макензен, фон Гарденберг и капитан Кляйн.

– А теперь, господа, приступим к самому главному, – понизив голос, торжественно произнёс командующий. – Для начала поделюсь с вами увиденным: вчера вечером, когда мы с генералами фон Штумме и Гаузе ехали на бронированном «Ханомаге» из-под Тобрука в Дерну, на шоссе вдруг легла огромная тень орла. Она на минуту закрыла собой солнце, в тени оказалась вся бронемашина, и у меня вмиг возникла ассоциация с Третьим Рейхом: как будто это символ великой имперской Германии хищно распростёр свои крылья над африканским континентом, захваченным англичанами и французами! Не забывайте, господа офицеры, – в результате позорного поражения в прошлой войне Рейх потерял здесь четыре колонии: Того и Камерун в западной части континента, а так же Юго-Западную и Восточную Африку. Наши горе-союзники, итальянцы, тоже лишились уже Сомали, Эритреи и Абиссинии. И только Триполитания, Феццан и Киренаика, благодаря доблестному вермахту, то есть нам с вами, ещё героически держатся... И я подумал: почему бы нам не назвать тайную операцию, которую мы с генералом фон Штумме задумали, «Тень орла»?

Едва услышав эти слова, Феликс Кляйн невольно вздрогнул, и расширенными от удивления глазами взглянул на Роммеля. От того не ускользнул его выразительный взгляд.

– Вы с чем-то не согласны, капитан?

– Нет, что вы, герр генерал, – воскликнул смущённо Феликс, давая понять, что со всем согласен. – Просто я по этому поводу тоже вспомнил одно высказывание моего отца – он немец, но родился в России. Историк по образованию, профессор. Так вот он говорил, что у русских азиатских номадов – кочевников, бытовала поговорка: «Собаки боятся орла, пока видят только его тень». И как это ни странно, я, незадолго до совещания, после разгрома моей диверсионной группой британского аэродрома под Тобруком, вспоминал эту поговорку. Прямо какая-то пророческая мистика...

– Я думаю, что это всё неспроста, капитан Кляйн, – обратился к нему фон Гарденберг. – Это некий символический знак свыше о том, что мы на правильном пути и запланированная секретная операция будет удачной!

– Несомненно, штурмбанфюрер. Я в это свято верю, – согласился Феликс.

– Поразительно, – задумчиво проговорил Роммель и повторил слова Кляйна: – Собаки боятся орла, пока видят его тень... Это так верно, что у меня даже возникают серьёзные сомнения в правильности расовой политики империи по отношению к восточным славянам и азиатам. Подумайте сами, разве могли бы так называемые унтерменши додуматься до такого глубокого, философски мудрого определения?

– Вы совершенно правы, мой генерал, – подобострастно щёлкнул каблуками капитан Кляйн, обрадованный словами видного немецкого военачальника, – в моём подразделении есть несколько русских, один даже дослужился до обер-ефрейтора, зовут, как и всех русских – Иваном, но это не кличка, а его настоящее имя. Очень исполнительный, сообразительный, подающий надежды разведчик... О русских прекрасно отзывался и мой отец, Борис Иванович Кляйн, профессор истории Варшавского университета. Особенно об их казаках – прирождённых отважных воинах. Кстати, обер-ефрейтор Иван Андреюшкин тоже донской казак. А, как известно, высшее руководство Рейха официально объявило русских казаков союзным народом. Оказывается, далёкие предки казаков были выходцами из Германии, в те времена их называли восточными готами.

– Bravo, господин Кляйн, bravo! – искренне восхитился, слегка захлопав в ладони, фон Гарденберг. – Теперь мы воочию убедились, что – как говорят русские: яблоко от яблони падает не далеко... Ваши познания в истории блестящи, что представляет вас весьма достойным продолжателем дела вашего уважаемого отца.

– Не будем отклоняться от темы нашей встречи, господи, – прервал их монолог генерал Роммель. – Итак, операция называется «Тень орла». В чём её суть? Во-первых, показать наглым и самоуверенным островитянам, что мы тоже способны совершать глубокие диверсионные рейды по пустыне, выходя в тыл противнику. Задача вашей роты, капитан Кляйн: на специализированном армейском автотранспорте по впадине Каттара тайно проникнуть на вражескую территорию, в Египет. Добраться до Каира и несколькими диверсионными группами напасть на штаб генерала Окинлека. Перед этим севернее Каира, в пустыне в районе Эль-Аламейна, ночью будет сброшен с самолётов отвлекающий десант, который с утра начнёт боевые действия. Другая десантная группа будет выброшена южнее, неподалёку от Гизы. Её возглавит штурмбанфюрер СС фон Гарденберг. Точнее, это будет самая первая группа. У неё задача другая, по линии «Аненербе». – Роммель многозначительно посмотрел на Гарденберга и, таинственно понизив голос, пояснил присутствующим: – Учебно-исследовательский отдел культуры Северной Африки под руководством унтерштурмфюрера СС, доктора наук Отто Рёсслера располагает неопровержимыми сведениями о том, что в долине пирамид в Гизе скрыта некая внеземная сверх-

секретная информация, оставленная строителями этих загадочных сооружений для землян. Особенно интересуют профессора Рёсслера пирамида Хеопса и Большой Сфинкс. Впрочем, господин фон Гарденберг знает об этой научной загадке Египта куда больше меня. . . Добавлю только, что миссия штурмбанфюрера в Гизе находится под особым контролем фюрера! Пока капитан Кляйн будет по впадине пробираться к Каиру, вы, господин фон Гарденберг, со своими десантниками проникните в знаменитую долину Великих пирамид и постараетесь добыть интересующие «Аненербе» материалы. Всё необходимое для выполнения задания вам будет предоставлено. Есть какие-нибудь вопросы, пожелания?

– Есть, господин генерал, – поспешно кивнул эсесовец. – Могу я лично подобрать для операции необходимых мне людей?

– Можете. И кого же вы хотите?

– Прежде всего, – уважаемого отца хауптмана Кляйна, профессора Бориса Кляйна, – уверенно и сухо заговорил фон Гарденберг. – В десантную группу, в основном, – арабов-либийцев или египтян, хорошо знающих английский язык, имеющих специальную военную подготовку. Если таковые найдутся – арабских или негритянских колдунов или шаманов из числа жителей бывших германских африканских колоний, сочувствующих Третьему Рейху. Пожалуй, всё. . . Хотя, вот ещё: некоего старшего сержанта Чезаре Эспозито, итальянца, задержанного мною сегодня ночью возле одной городской таверны, где он учинил пьяный дебош с мордобоем.

– Бамбино? Так он задержан? – чуть не вскрикнул, встрепенувшись, Феликс. – Это один из лучших моих разведчиков, взводный. Он приехал со мной в Дерну из расположения роты и куда-то пропал ночью. Я уже подумывал: не захватили его случайно английские диверсанты, если у них такие длинные руки, что могут дотянуться из Египта до командующего Африканского корпуса?

– Ничего страшного, хауптман, синьор Эспозито жив, здоров и сидит на гауптвахте, – ехидно усмехнулся Гарденберг. – Я сейчас же прикажу его выпустить, если вы, Кляйн, согласитесь на время откомандировать его в мою группу.

– Но он мне самому нужен, – горячо возразил Феликс.

– Не беспокойтесь, господин Кляйн, – выразительно посмотрел на него Роммель, – на обратном пути из Каира, в Гизе, вы соединитесь с командой штурмбанфюрера, и предмет вашего разногласия вновь займёт подобающее ему место в вашей тропической роте. . . Теперь по второй кандидатуре. Надеюсь, против участия в секретной операции «Аненербе» вашего отца вы ничего против не имеете?

– Позвольте не согласиться, генерал. Имею! – смело и открыто взглянул на командующего Кляйн младший. – Моему отцу уже шестьдесят восемь лет, и не в его возрасте прыгать с парашютом в пустыню, страдать от жажды в диком африканском пекле и рисковать своей головой под пулями англичан.

– Но он известный в Ливии учёный-историк, и как раз по тому профилю, который требуется для выполнения специального задания фюрера в Египте, – убедительно заговорил командующий. – Поймите, Кляйн, – от профессора, быть может, зависит наша победа в войне и судьба всей Германии... А что касается прыжков с парашютом, то тут я с вами совершенно согласен: профессору это не к лицу, он ведь, в самом деле, не семнадцатилетний юноша из Гитлерюгенда. Пусть отправляется вместе с вами через пустыню на автомобиле... Кстати, обратно вас заберёт из долины великих пирамид транспортный самолёт. Вам только потребуется подыскать в пустыне ровную площадку для его посадки, разжечь ночью сигнальные костры... Но это уже детали.

– Не мешало бы спросить сначала согласия самого отца, – не уступал Феликс.

– Вот вы съездите на недельку домой, и поинтересуйтесь, – подвёл черту Роммель. Обратился к фон Гарденбергу: – С двумя, названными вами господами, всё ясно. Насчёт остальных – решайте с командиром полка особого назначения «Бранденбург»... Полковник Макензен, у вас в подразделении числятся интересующие штурмбанфюрера солдаты?

Тот утвердительно кивнул головой, торопливо заговорил, довольный тем, что может поспособствовать столь значительной диверсионно-разведывательной операции, которую держит под контролем сам фюрер:

– У меня в полку, в первом и втором учебных батальонах, служит очень много выходцев из арабских стран, а также из бывших германских африканских колоний. Есть даже один офицер, весьма опытный разведчик, обер-лейтенант Буру. Масай по национальности, воевавший в составе германской армии ещё в прошлую войну в Восточной Африке. Лично знал знаменитого полковника Пауля фон Леттов-Форбека.

– Вот как? Это интересно, – сразу оживился генерал Роммель. – Хотелось бы побеседовать с этим масаем. Вы, господин полковник, надеюсь, предоставите мне такую возможность?

– Да, мой генерал. Я сегодня же распоряжусь, чтобы обер-лейтенант Буру явился в штаб корпуса...

* * *

В это время, напавшие на машину Роммеля английские диверсанты были уже довольно далеко от Дерны. По пустыне, прямо по бездорожью, на бешеной скорости мчалось пять американских армейских джипов повышенной проходимости «Willys MB», поставляемых американцами по ленд-лизу в Соединённое Королевство. На головном ехал командир «Истребительного отряда дальнего действия № 1» майор Пеняков – плотный, загорелый до негритянской

черноты, светлородый мужчина лет сорока пяти в выцветшей итальянской тропической униформе без знаков различия, в арабском головном платке – куфии. Это был бельгиец русского происхождения, родители которого – довольно состоятельные люди – задолго до первой русской революции выехали из Российской империи и обосновались в Брюсселе. Там же, к слову сказать, и появился на свет этот необычный человек. А примечателен он тем, что, будучи всего-навсего майором, – был известен не только всей английской армии в Египте, но и Африканскому корпусу по ту сторону фронта. Его боялись и одновременно уважали почти как генерала Роммеля, о подвигах его «личной армии» слагали легенды.

Сам Владимир Пеняков, или как его в шутку прозвали английские офицеры, Сэм Попский, был весьма скромным человеком. Подобная газетная шумиха вокруг его имени его изрядно раздражала, мало того, она его демаскировала. А с некоторых пор – даже вредила: немцы стали действовать под него. Красноречивое свидетельство тому – уничтожение британского военного аэродрома под Тобруком, которое осуществила немецкая диверсионная спецгруппа, назвавшаяся английским патрулем «Личной армией Попского»! Мало того, по рассказам очевидцев нападения, – у противника даже появился его двойник, какой-то немец русского происхождения, тоже, как и Пеняков, учившийся в престижном университете, только не в Кембридже, а в Каире.

– Как думаешь, Джек, уложили мы в песчаную могилу проклятого Роммеля, или этой хитрой Лисе как всегда удалось выкрутиться? – задал он мучивший его всю обратную дорогу вопрос водителю-бородачу в такой же потрёпанной итальянской форме. Говорил по-английски, который считал своим родным языком.

– Сэм, я видел своими глазами, как мы изрешетили броневик бошей гранатами из их же «шиссбехеров», – бодро ответил водитель. – В той каше Лису вряд ли удалось остаться целым и невредимым. Я думаю, что если мы его не шлёпнули, то уж во всяком случае хорошо прищемили лапу... Не сомневайся, командир, – Роммель, если и не в гробу, то в госпитале – это точно. Могу побиться об заклад, что это так. Иначе, за что погибло двое наших ребят?

Владимир вспомнил о двух убитых разведчиках, из-за чего пришлось бросить на месте боя один из «Виллисов», и заметно помрачнел. Любую потерю в личном составе, даже самую незначительную, он воспринимал как трагедию и долго не мог успокоиться. Тем более – сейчас, когда даже не удалось по-человечески похоронить парней. Из-за грустных мыслей он даже не смотрел по своему обыкновению по сторонам, не выискивал в однообразном, как морские просторы во время штиля, ландшафте пустыни что-либо примечательное и запоминающееся. Да и что можно было увидеть в этом ровном, как гладильная доска, море песка, изредка всхолмлённого, кое-где покрытого чахлой, высохшей на

солнце, колючей растительностью, которую могут употреблять в пищу только неприхотливые и выносливые, как заокеанские боевые внедорожники, косматые магрибские верблюды.

На первый взгляд пустыня казалась безжизненной, вымершей, забытой людьми. Она была похожа на неведомую планету. И человека, впервые попавшего в самое её сердце, невольно охватывал страх одиночества, а то и липкий мистический ужас. Но только – не майора Пенякова – бывалого пустынного скитальца и бродягу, и его бесстрашных разведчиков, слетевшихся сюда, как перелётные птицы, со всех концов света.

Неожиданно, чуть ли не из-под самых колёс «Виллиса» стремительно скользнула в сторону извилистая стрела крупной змеи.

– Кобра, Сэм! – вскрикнул в непонятном восторге водитель и, не снижая скорости, на полной ходу азартно крутанул баранку вправо, чуть не опрокинув тяжело гружённый автомобиль.

Владимир еле удержался на переднем сиденье, крепко схватившись двумя руками за поручень. А лихач Джек, как сумасшедший, погнался вслед за исчезающей среди мелкой растительности и неровностей почвы коброй, норовя раздавить её в лепёшку.

– Что ты делаешь, Джек? – вскрикнул сердито майор, в недоумении глядя на подчинённого. – Оставь её в покое и немедленно возвращайся к отряду – дорога каждая минута. За нами, вероятно, уже послана погоня, и скоро мы сами будем улепётывать от бошей быстрее этой несчастной рептилии.

– Майор, гадина переползла нам дорогу, а это плохой знак! – оправдывался водитель, продолжая бешеную гонку в чёрной туче песка и пыли, поднятой колёсами «Виллиса». – Это почти то же самое, что встретить в пустыне закутанного до самых глаз в синие одежды туарега. Так говорят местные арабы, я сам сколько раз слышал.

– Не будешь же ты гоняться за ней по всей Сахаре, – усмехнулся Пеняков. – Если уж так неймётся побеседовать с пресмыкающейся – обгони её и высади меня из машины. Я постараюсь поймать кобру руками. Живая она будет куда полезнее, чем в виде гербария, который ты хочешь из неё сделать.

Джек так и сделал, хоть не верил, что майор говорит серьёзно. И в самом деле: как можно поймать страшную сахарскую кобру голыми руками, без специальной рогатины, которой обычно пользуются опытные змееловы. Но Владимир несколько не шутил, ему действительно взбрело в голову взять кобру живой – как вражеского языка во время рейда. Живя долгое время в Египте, он много раз видел, как это делают настоящие, профессиональные змееловы. После начала войны, когда стали прибывать туземные войска из Индии, познакомился с одним колониальным английским офицером, державшим в своей палатке, словно собаку, – настоящую индийскую кобру, или, как её ещё называют: очковую змею из

семейства аспидов. Она не трогала людей, спала на груди офицера, ела из его рук и была предана ему, как никто. Пеняков просто умилялся, глядя на их необычную, – на грани фантастики, – дружбу. Британец рассказывал, что в некоторых буддийских храмах кобры живут годами, свободно ползают под ногами верующих, никого не кусают, не проявляют природной агрессии. Как будто индийский Бог Шива, изображаемый со змеями на шее, голове, руках и ногах в виде браслетов, – на поясе, и – переброшенной через плечо, как аналог священного шнура, незримо влияет на них своей безграничной благодатью. Зато ночью королевские кобры охраняют от грабителей храмовые ценности, и горе рискнувшему залезть в это время в храм с недобрыми помыслами. На утро служители находят на полу его холодный труп, а змеи вновь становятся послушными и не опасными – до следующей ночи.

На полном ходу выпрыгнув из, казалось, летящего по воздуху стремительного джипа, Владимир не удержался на ногах, упал и по инерции прокатился по песку несколько ярдов. Ловко вскочив, он заметил юркнувшую мимо змею, сорвав с головы арабскую кuffию, быстро наматал на правую руку, в длинном прыжке – словно рыбкой в воду – настиг беглянку, упал на неё всем телом. Придавил извивающееся, скользкое тело к земле. Левой рукой сжал голову, чувствуя, как свирепо вонзаются игольчатые, острые, как бритва, клыки змеи в ткань платка. Тут же правой, не защищённой рукой крепко схватил кобру за горло – хватка у него была железная. Встав на колени, победно, как трепещущий в воздухе «штандарт» пророка Моисея,⁵ – поднял двухметровое тело змеи над головой. Издал боевой клич древних евреев: «Ахарай!», – призывая Джека.

Тот подлетел на своём запылённом, заляпанном сухой грязью до самых лобовых стёкол «Виллисе», тормознул так, что машина встала, как вкопанная, будто ей, словно человеку, на полном ходу подрубили колени. В руках у Джека был мешок из плотного армейского камуфлированного брезента, куда и была опущена, хвостом вниз, вырвавшаяся из рук Пенякова кобра. Вскоре они уже догоняли колонну машин своего отряда, которая за это время ушла далеко вперёд.

Глава 5. Туарег Идигер ищет Тамалу и Ивана

Проведя бурную ночь с красавицей берберкой Тамалу, которую он спас от страшного разбойника Идигера, Иван проснулся

⁵ «Штандарт» пророка Моисея – медный змей, изготовленный им во время перехода евреев из Египта в Ханаан для исцеления укушенных ядовитыми змеями.

утром с больной головой. Голова болела по двум причинам: от выпитого вчера в уютном погребке «Ува Гаджиани» вина – Иван явно переборщил – и от тревожных мыслей о новой знакомой, которой грозила беда. Коварный главарь шайки туарегов ни за что не простит ей вчерашнего, и непременно будет искать, чтобы отомстить. Что делать русский парень не знал и от этого страдал ещё больше. К тому же нужно было срочно возвращаться к своим – служба есть служба и никуда от неё не денешься. Он и так целую ночь не показывался на глаза своему непосредственному начальнику, и тот мог посчитать его дезертиром.

Расставаясь с Тамалу, Андреюшкин нежно поцеловал её в губы, погладил по голове:

– Не бойся ничего, милая, я за сегодня что-нибудь придумаю, как тебе помочь. Расскажу всё пану офицеру, может, он что посоветует?.. А пока – вот тебе от меня, на всякий пожарный. – Он вытащил из кобуры и протянул девушке небольшой немецкий офицерский браунинг. – Пользоваться, думаю, сумеешь?

– Да, Иман. В пустыне каждая берберская девушка может обращаться с оружием, – кивнула она. – Правда, такого – никогда не видела.

– Ничего особенного, Тамалу, в принципе, все пистолеты, какой бы системы ни были, – одинаковы по устройству, – принялся торопливо объяснять парень. – Вот это курок, это предохранитель, в рукоятке снизу – магазин с патронами. Вводится пистолет оттягиванием на себя затворной рамы – вот так. Поняла?

– Ты ещё придёшь, Иман? – не отвечая на вопрос, в свою очередь с неприкрытой надеждой спросила берберка.

– Конечно, приду, – пряча глаза, соврал Андреюшкин. – Куда я от тебя денусь... Теперь мы – по гроб жизни вместе! Вот только разобьём англичан под Тобруком, – я и приеду... А пока, прости, Тамалу, – на службу надо. Я и так целую ночь с тобой провёл, начальство, небось, уже хватилось. Я ведь человек подневольный, это ты – свободная.

– Иди, Иман. Я буду тебя ждать каждый день.

– Схожу, в море только ополоснусь... Поверишь, – никогда ещё в Средиземном море не купался, – счастливо улыбнулся Иван...

Море тихо набегало на песчаный берег ласковой прозрачной волной, – словно колыбель раскачивалось в огромной чаше: туда-сюда, туда-сюда. На пустынном пляже не было ни души. Только крикливые чайки стаями носились над волнами, то и дело падая в воду и выхватывая из неё что-то острыми клювами. Неподдалёку, кормой в море, словно выбросившийся на берег кит, кособоко застрял в песке развороченный прямым попаданием снаряда итальянский патрульный катер. Чуть дальше, в дюнах змеились обрывки ржавой колючей проволоки, виднелись остатки обвалившихся старых окопов, разбитых блиндажей,

кучи какого-то железного ломаного военного хлама, – всё, что осталось от жестоких, кровопролитных боёв, проходивших здесь в феврале этого года, когда британские войска успешно громили группировку итальянского маршала Грациани.

Иван укоризненно покачал головой, окидывая взглядом бывшее поле брани, в который раз подумал о том, что итальянцы – совсем никудышные вояки. Их театрально наряженная армия с пучками глухаринных перьев на стальных шлемах умеет только красиво печатать шаг на фашистских парадах в Риме, – в деле же терпит поражение за поражением, отступая при первых выстрелах артиллерии и пулемётов противника. Андреюшкин не раз видел это здесь, в Африке, собственными глазами.

Он облюбовал место возле катера, – привычка опытного вояки-разведчика и диверсанта (спина всегда должна быть защищена надёжным прикрытием), – принялся раздеваться. Из оружия у него оставались только револьвер и кривой магрибский нож, который он отобрал у туарега Идигера. Вчера, направляясь вместе с Чезаре в город, он бросил почти всё вооружение в «Виллисе»: автомат МП-40 с запасными магазинами, гранаты, кинжал. Оставшись в одних трусах, с опаской огляделся по сторонам, но пляж по-прежнему был пуст и безмолвен. Видимо, местные жители не ходили сюда купаться, опасаясь мин и неразорвавшихся снарядов.

Иван сбросил чёрные траурные трусы, похожие на часть эсесовской униформы, голый разбежался и с наслаждением нырнул в набегавшую невысокую волну. Море вначале поглотило его тело, но быстро выплеснуло на поверхность. Тёплая утренняя вода, как женщина – пальцами, осторожно ласкала кожу. Парень перевернулся на спину и размашисто поплыл, как любил плавать в юности по Дону. Солёная морская вода, враз освежившая пропотевшее, скованное взопревшей одеждой тело, – радовала. Непередаваемое словами наслаждение! Перестав грести, он широко разбросал в стороны руки и ноги, застыл, покачиваясь на волнах. На море был лёгкий бриз, и это приятное колыбельное покачивание убаюкивало и умиротворяло. Смотря в бездонное голубое африканское небо, Иван ощущал себя одиноким скитальцем, затерянным в бесконечных океанских просторах. Берега видно не было – только небо и чайки, то и дело мелькавшие перед глазами. Их гортанные, ничего не говорящие человеческому слуху, бессвязные крики, – единственные, – нарушали идиллию. Напоминали о времени и кипевшей вокруг, суетной жизни.

Андреюшкин вспомнил, что давно пора возвращаться в расположение штаба корпуса, где, вероятно, его уже заждался капитан Кляйн, снова перевернулся на живот и поплыл к берегу. Едва сделал несколько шагов по песку, – из-за катера вышло трое. Это были явно туареги в просторных тонких

шерстяных хаиках,⁶ у одного светлого цвета, у остальных – тёмного. На головах – традиционные туарегские мужские платки – литамы, по-арабски, скрывающие лица до самых глаз, в руках – итальянские автоматы «Beretta» системы Тулио Маренгони с деревянными винтовочными прикладами и прямыми как у немецкого «шмайсера» магазинами. Четвёртый разбойник, в тёмно-синей хаике и платке, видимо, главарь, – сидел, свесив вниз ноги в сандалиях с загнутыми носами, на палубе катера. В одной руке у него был наган Ивана, в другой – кривой магрибский кинжал. Андреюшкин сразу понял, что это Идигер.

Тот что-то крикнул на своём, непонятном Ивану языке, и поманил рукой. Андреюшкин, смущённо прикрывая ладонями пах, повиновался. Что ему ещё оставалось делать? Туарег снова что-то сказал, обращаясь к Ивану. Один из разбойников внизу повторил по-итальянски, вероятно, по наивности думая, что любой белый человек в Киренаике – обязательно итальянец:

– Где жена нашего повелителя, Тамалу?

– Я не знаю где она, уважаемый Идигер, – со смиренным почтением обречённого сказал Андреюшкин. – Мы с ней расстались вчера сразу же, не пройдя и несколько кварталов по улице. Она сказала, что поедет искать своего отца в Каир. Знакомые кочевники-берберы обещали провести её через линию фронта на ту сторону ливийской пустыни.

Главарь что-то в негодовании крикнул в ответ и потряс в воздухе своим страшным, острым как бритва, оружием. Туарег перевёл:

– Ты подло лжёшь, итальянец! Тамалу где-то здесь и мои люди уже ищут её в прибрежных кварталах Дерны. А с тебя, если ты не скажешь где она? – я лично с живого сдеру кожу, как с верблюда, и оставлю издыхать на солнце. Ну, говори!

Иван понял, что дело – дрянь, и нужно срочно что-то предпринять, иначе, как говорят немцы, ему действительно – аллес капут! Но прежде всего, нужно одеться – голяком ведь никуда не убежишь. . .

– Пан Идигер, так и быть, я открою, где твоя жена Тамалу, – со вздохом сказал Андреюшкин. – Но я не разбираюсь в арабских названиях улиц и не смогу объяснить, где её дом. Хочешь я провожу туда твоих аскеров, я хорошо запомнил дорогу. . . Только, сам понимаешь, мне нужно одеться, не пойду же я в таком виде по городу?

Главарь разбойников минуту подумал, подозрительно разглядывая Ивана сквозь узенькую амбразуру в обмотанном вокруг головы синем платке. Согласно кивнул головой, сказал что-то своим туарегам. Переводчик небрежно подцепил ногой и швыр-

⁶ Хаик или доккали – просторная туника обычно тёмно-синего цвета, которую туареги носят поверх широких штанов, завязанных на лодыжке (яз. тамашек).

нул Ивану обмундирование. Тот стал торопливо одеваться, боясь, как бы Идигер не передумал. Пока всё складывалось удачно. Он правильно всё рассчитал, – туареги, ведя его по улицам, вынуждены будут спрятать под широкополые, просторные хаики свои автоматы. Это ему на руку: в случае чего, они не сразу откроют огонь. Останется только вывести их к центру города, и, когда на встречу попадётся итальянский или немецкий военнотружущий, – поднять тревогу! Потом, в разгоревшейся уличной суматохе и неразберихе, – шмыгнуть в толпу и попробовать в ней затеряться. Хорошо бы привести разбойников на городской рынок, но, увы, Иван не знал, где он находится. Дорогу к штабу генерала Роммеля он тоже забыл, а то бы сразу повёл туарегов туда. Там бы свои вырчили, один Бамбино чего стоит. Орёл!..

«Чёрт, но ведь Тамалу говорила, что в переводе с языка туарегов, Идигер тоже – орёл... – с досадой вспомнил Андреюшкин. – Стоп! У Тамалу – мой браунинг. В случае крайней опасности она могла бы помочь... Нужно обязательно провести «басмачей» мимо её дома. Авось, глазастая, – увидит, что её спаситель попал в беду! Может, что-нибудь придумает, итальянским властям сообщит, или фрицам»...

* * *

– Не желаешь ли перенести нашу беседу из душного штабного помещения на свежий воздух, поближе к морю? – предложил генерал Роммель обер-лейтенанту Буру, едва тот переступил порог его кабинета.

– Мне всё равно, генерал, но если вы так хотите, я не против, – по-немецки, но с сильным африканским акцентом, ответил огромного роста, сухощавый пожилой негр в нелепо сидевшей на нём поношенной тропической униформе вермахта. На голове у него – старая, времён Первой мировой войны, немецкая офицерская шляпа. Пожав покатыми плечами, он без приглашения плюхнулся на стул с германским ширококрылым орлом на спинке. Это был не совсем негр, потому что кожа у него хоть и тёмная, но без традиционной мрачной черноты аборигенов Западной и Центральной Африки, – коричневатая, как бы шоколадная, светлых тонов, как у коренного народа Абиссинии амхара.

Роммель несколько подивился развязным манерам и непосредственности масая, однако ничего не сказал, благоразумно полагая, что у всякого народа свои обычаи, и возможно у свобододлюбивых, независимых, как местные туареги, масав – так принято. Предложил туземному офицеру гаванскую сигару из красочной коробки, вызвал по телефону дежурного офицера:

– Дирк, прикажи подать к подъезду мой штабной «Кюбельваген». И отыщи немедленно Ральфа. Пусть сопровождает нас с господином обер-лейтенантом.

– Для охраны – взвод мотоциклистов? – подобострастно уточнил офицер.

– Ну что ты, Дирк, смеёшься? Ещё снаряди целую роту, чтобы весь корпус завтра рассказывал анекдоты о «храбрости» своего командующего, – пошутил генерал. – Я ведь, в самом деле, не разодетый, как попугай, итальянец, чтобы меня сопровождал по тыловому городу нескончаемый эскорт мотоциклов с пулемётами!

– Вообще никого не надо, генерал, – дымя дорогой сигарой, подал голос флегматичный Буру. – Я – на «Носатом»,⁷ в кузове которого четверо проверенных следопытов-аскари из моей роты. Каждый стоит целого отделения!

– Очень хорошо, обер-лейтенант, – одобрительно кивнул Роммель.

Через несколько минут открытый легковой автомобиль командующего «Kfz.1» в сопровождении грузовика «Крупп L2H143» уже юлил по запутанному лабиринту кривых и узких улочек старой арабской Дерны в направлении моря. Обер-лейтенант Буру сидел на заднем сиденье «Кюбельвагена» рядом с Роммелем, адъютант командующего лейтенант Ральф Клейнер – на переднем. Генерал, чтобы не терять зря драгоценного времени, расспрашивал масая о полковнике Форбеке:

– Ты хорошо знал полковника?

– Лучше меня его не знал никто, мзее генерал, – кивнул головой масай Буру. – Я был начальником контрразведки полковника. Выполнял самые секретные задания, от которых зависела наша победа над врагом. Ходил в глубокие тылы англичан.

– К примеру?

– Захват командующего английской армией в Кении генерала Смутса.

– Ну и как? Насколько я слышан о событиях прошлой войны, – полковнику фон Леттов-Форбеку не удалось пленить этого южно-африканского генерала, – вопросительно взглянул на собеседника Роммель.

– Это так, мзее генерал, – не стал отрицать Буру. – Нам не удалось это сделать. Моя диверсионная группа была обнаружена: часть следопытов-аскари героически пала в неравном бою, часть угодила в плен. Кое-кто был расстрелян... – Масай вспомнил суахили Кумбу, разведчицу, с которой у него были довольно близкие отношения, и тяжело вздохнул. – Там погибла Кумба... моя Кумба.

– Понимаю, – соболезнующе опустил книзу глаза Роммель. – Это твоя жена?

⁷ «Носатый» (*Schnauzer*) – прозвище, данное солдатами вермахта грузовому автомобилю «Крупп L2H143» (Kfz 69), из-за своеобразной формы капота.

– Нет, просто... знакомая женщина... Она работала в контрразведке полковника вместе со мной. Мзее Форбек очень высоко её ценил и гордился ею... Часто её вспоминал. Говорил, что любит её, но это не так. Полковник не мог любить простую туземку из Дар-эс-Салама, у которой в грязных портовых кабачках было много разных мужчин... я в том числе... А у мзее Форбека была в Германии любимая супруга, чистая белая женщина, и он не мог променять её на безродную негритянку, – вульгарную уличную шлюху Кумбу. Он сам мне об этом говорил.

– Забавно, – усмехнулся генерал Роммель. – Я читал записки полковника о его партизанской войне в Восточной Африке, там ничего об этом нет.

– Мзее Форбек хранил образ негритянки Кумбы глубоко у себя в сердце и не доверял бульварным немецким газетам, в угоду своим хозяевам, искажающим достоверную жизнь, – сказал Буру.

– Я говорю не о крикливой жёлтой прессе, а о собственной книге фон Леттов-Форбека, которую он написал и издал после войны.

– Не читал. Чтение газет, журналов и книг белых людей – недостойное занятие для настоящего масайского воина!

– Ну да, лучше быть неграмотным и диким, и воевать против бронированных английских «Валентайнов» с копьями и допотопными луками со стрелами, – скептически заметил Роммель. – Точно так, как это делали абиссинцы в 1935 году, во время войны с Италией. Но, как мне помнится, макаронники дуче в пух и прах разнесли туземную армию императора Хайле Селассие I.

– Я был на этой войне, – неожиданно признался масай Буру.

– Ну и на чьей же стороне? – удивился Роммель.

– На нашей. Я всегда воюю на стороне белых людей!

– Но англичане тоже белые люди?

– Англичане – враги Германии, а я родился в германской Восточной Африке, – возразил Буру. – К тому же, мзее Форбек, – великий полководец! Он за всю войну не потерпел ни одного поражения. У него было мало африканских аскари, ещё меньше белых немецких солдат и офицеров, мало пулемётов и совсем не было пушек и крылатых богов Мунгу, но он всё равно побеждал. И проклятым английским торгашам с затерянного в море острова не помогли их многочисленные туземные африканские полки, индийские подлые наёмники, дивизии бледнолицых солдат со всех концов света, дымящие трубами железные корабли в море, пулемёты, пушки и крылатые боги Мунгу, как называли неграмотные и суеверные туземные аскари аэропланы. Полковник Форбек победил их всех, один, там, в саваннах моей далёкой родины, Танганьики, захваченной теперь англичанами... И потому я добровольцем вступил в итальянскую армию, как только услышал

о новой войне на востоке Африки. Я думал, что после победы над слабой Абиссинией великий итальянский вождь Муссолини двинет свои непобедимые армии в Кению, разобьёт коварных англичан, как войска императора Селассие I, и освободит германскую Восточную Африку. Но этого не было. Вождь белых людей из Италии Муссолини оказался крикливым, как баба, болтуном, а не храбрым воином, и я ушёл из его армии к своим.

– То есть, Буру, ты имеешь в виду мой Африканский корпус?
– уточнил Роммель.

– Так, мзее генерал.

В голове Роммеля неожиданно мелькнула шальная мысль: «А что, если попробовать?!..»

– Обер-лейтенант, а не хочешь ли ты вернуться в свою Восточную Африку?

– Хотелось бы, да ведь там проклятые англичане, генерал,
– ответил масай.

– Вот именно, Буру. И я тебе предлагаю совершить не увеселительную прогулку по саванне, а – боевую диверсионную операцию, подобно тем, которые в прошлую войну блестяще проводил полковник Форбек. К примеру, ты подбираешь группу из ветеранов, бывших туземных аскари, или – молодёжи: среди пленных британцев можно на вербовать достаточно выходцев из бывшей германской Восточной Африки, там они есть... Самолёты Люфтваффе перебрасывают твой десант в Танганьики, сбрасывают в саванне, допустим в районе Килиманджаро, где кочует много масайских племён, и ты развязываешь там беспощадную партизанскую войну против колонизаторов-англичан! Опыт ведения подобных боевых действий в отрыве от главных германских сил у тебя достаточный, местность, язык, культуру и менталитет масаев и других окружающих народов ты знаешь хорошо. Почему бы не рискнуть и тем, как некогда полковник Форбек, помочь метрополии, оттянув на себя часть воинских сил неприятеля? Я думаю, сам фюрер всех немцев, великий и справедливый Адольф Гитлер, одобрил бы наш план, если бы знал о нём.

– Ты, мзее Роммель, не скажешь фюреру обо мне? – наивно поинтересовался Буру.

– Ты хочешь, чтобы я согласовал эту секретную операцию с самим фюрером? Летел в ставку? – удивился Роммель.

– Ты не доверяешь фюреру?

– Что ты говоришь, Буру? Как я могу не доверять великому вождю Германии?.. Дело не в этом.

– А в чём?

– Видишь ли, у нас не принято беспокоить фюрера по таким малозначимым пустякам. Он решает более масштабные задачи, чем переброска в Восточную Африку небольшой диверсионной группы туземцев.

– Я думаю, в ту войну великий кайзер Германии Вильгельм рассуждал точно так, – заговорил масай Буру. – Наверно, он так же думал, что мзее Форбек занимается маленьким делом у себя в Африке, в то время, как за морем, в далёкой стране умных белых людей идут большие сражения и решается судьба всей войны... Ну и где теперь кайзер Вильгельм, и где его победа? Германия проиграла войну, а полковник Форбек в Африке – выиграл! И если бы кайзер помог полковнику пушками, аэропланами и солдатами – мы бы одержали победу! Так я говорю!

Неожиданно на улице показалась странная процессия: впереди понуро брёл бородатый немецкий солдат без оружия в мятой, давно не стиранной, выгоревшей на солнце тропической униформе с погонами обер-ефрейтора на плечах, позади него, словно конвой, вышагивали четыре туарега, до самых глаз закутанные в длиннополые национальные одежды. Это насторожило Роммеля.

– А ну-ка, Олдман, останови машину, – приказал он водителю.

Увидев немцев, туареги забеспокоились. Самый высокий, стройный, видимо главарь, незаметно сунул руку в складки своего синего хаика. То же самое быстро проделали и его люди, окружавшие бородатого безоружного «немца».

Не успел Роммель ничего сказать, как Иван (это был он) с криком: «Берегитесь, господа, у басмачей под халатами автоматы!» – набросился на ближайшего туарега, ловкой подсечкой под колено повалил того на землю, выхватил из-за пазухи его коричневой туники итальянский автомат «Beretta». Двое других туарегов и главарь шайки, султан Идигер аг Муса тут же вытащили припрятанное оружие, открыли яростный огонь по немцам в машине и боровшемуся с их товарищем Ивану. Он ухитрился перевернуться на спину, прикрывшись от пуль телом туарега. Автоматная очередь свинцовой плёткой больно хлестнула по спине туземца, бедняга громко вскрикнул, судорожно вздрогнул и затих, уронив голову на плечо Ивана. Андреюшкин брезгливо сбросил с себя труп, не целясь, от живота, полоснул из автомата по разбойникам, достал ещё одного. Туарег в светлой хаике выронил из рук «беретту» и стал оседать на землю, на его груди чётко обозначились красные рваные точки, словно кто раздавил переспевшие донские вишни. Другой туарег продолжал поливать из пистолета-пулемёта «Кюбельваген» командующего, тем самым прикрывая бросившегося в переулок Идигера. Оглядываясь, главарь то и дело стрелял в немцев в машине из отобранного у Ивана револьвера. Водитель Роммеля Олдман был убит на месте, адъютант Клейнер ранен в плечо. Роммель и Буру, выхватив пистолеты, несколькими меткими выстрелами уложили последнего, оставшегося на ногах туарега. Масай Буру выскочил из автомобиля, оглянувшись на стоявший позади «Кюбельвагена» грузовик со своими туземными солдатами, что-то крикнул им на

суахили. Те быстро перемахнули через борт «Носатого», со «шмай-серами» в руках бросились в переулок в погоню за Идигером.

На шум уличной перестрелки из соседних домов сбежалась целая толпа крикливых арабов и не менее эмоциональных местных ливийских итальянцев. У многих мелькало в руках не только холодное, но и огнестрельное оружие, что было здесь, в беспокойной, граничащей с Египтом Киренаике, в порядке вещей. Поднявшийся на ноги Иван увидел среди разношерстной восточной толпы свою знакомую, берберку Тамалу, бросился в её объятия.

– Ты как здесь очутилась? Глупышка, тебя же Идигер повсюду ищет! Меня чуть жизни за тебя не решил... Если бы свои по пути не попались – кранты!

– Иман, я слышала – на улице стреляют! А ты ушёл. За тобой охотится Идигер, чтобы отомстить! – торопливо тараторила по-итальянски девушка. – Я взяла твой пистолет и прибежала сюда. Здесь громко стреляли. Я думала – здесь ты и тебе нужна моя помощь.

– Очень нужна, Тамалу! – горячо заговорил Иван, продолжая обнимать берберку. – Спасибо тебе за всё, ты бесстрашная девушка! Что бы я без тебя делал?.. Но видишь, управились без тебя, – парень кивнул на трупы туарегов, валявшиеся у дороги.

Роммель велел масаю Буру и водителю грузовика, молодому чернокожему туземцу, переложить тело убитого туарегами Олдмана в кузов «Круппа». Сам принялся умело перевязывать раненого лейтенанта Клейнера. Вернулись гонявшиеся за разбойником Идигером туземные аскари из подразделения оберлейтенанта Буру – весёлые чернокожие парни, вероятно, его земляки из Восточной Африки невесть какими путями попавшие в итальянскую Киренаику. Доложили своему командиру, что главарь нападавших скрылся в рыночной толпе.

– Что они говорят, обер-лейтенант? – окликнул Роммель масая, заканчивая перевязывать адыютанта.

– Сказали, что синему туарегу удалось улизнуть от них, как хитрой рыжей лисице кенийской саванны, – как всегда образно и по-восточному высокопарно ответил масай Буру. – Если хочешь, мзее генерал, я займусь этим прохвостом. Дерна не очень большой городишко, и найти на побережье разбойника будет легко. Если он, конечно, не удерёт сегодня же на юг, в Сахару. Туареги – кочевники и не сидят на одном месте, предпочитая бродить по пустыне из конца в конец, не признавая никаких границ и ни чьих колониальных владений. Как, впрочем, и мы, масаи. Единственные настоящие люди Африки!

– Ну-ну... – усмехнулся командующий столь экзотической расовой теории туземца. Подозвал освобождённого из плена Ивана, стал расспрашивать, что с ним случилось. Четверо аскари с немецкими автоматами в руках, по приказу Буру, стали

разгонять с места происшествия толпу зевак, набежавших из соседних кварталов.

Как всегда под шапочный разбор появилась «доблестная» итальянская колониальная милиция. Роммель пренебрежительно отказался отвечать на вопросы офицера, лишь кивнул на трупы туарегов, велел убрать. Посоветовал лучше следить за порядком в городе. Ехать дальше по намеченному маршруту не было уже никакого смысла: нужно было возвращаться, чтобы доставить раненого Ральфа в немецкий полевой госпиталь, а убитого Олдмана – в морг. Генерал посадил за руль «Кюбельвагена» Ивана, узнав, что тот умеет водить машину, и автомобили, развернувшись на перекрёстке, тронулись в обратный путь.

Глава 6.

Феликс Кляйн едет в Триполи к родителям

После невероятных, как в знаменитой «Тысяча и одной ночи», приключений в ночной Дерне – Иван Андреюшкин и Чезаре Эспозито снова оказались среди своих, в обществе командира отряда капитана Кляйна и водителя Ганса Ланге.

– Вскоре предстоит секретная спецоперация, а пока мне нужно съездить к родителям в Триполи, – загадочно сообщил Феликс обоим взводным командирам перед отправлением на базу их Особой диверсионной роты в город Бенгази.

Едва Иван услышал эту новость, его сейчас же осенило: «Вот выход из тупикового положения!» Дело в том, что последние дни он ломал голову и никак не мог найти правильного решения: что делать с берберкой Тамалу и как спасти её от кровожадного Идигера?

– Пан капитан, можно обратиться к тебе с одной просьбицей? – смущённо спросил по-русски Андреюшкин, усаживаясь на заднее сиденье «Виллиса», слева от закреплённого на корме на специальном станке авиационного пулемета MG 17 калибра 7,92 миллиметра с самодельной рукояткой управления огнём, снятого с разбитого «Мессершмитта». Впереди, напротив пассажирского сиденья, был установлен обыкновенный пехотный MG 34 такого же калибра, так называемый «Косторез», как окрестили его британцы по ту сторону ливийского фронта. Для того, чтобы его приладить, Гансу пришлось обращаться за помощью к ремонтникам, – они срезали электросваркой рамки лобового стекла.

– Обращайся, господин обер-ефрейтор, только покороче, у нас мало времени, – ответил Кляйн. Дал знак водителю, чтобы трогал.

– Можно тебя попросить чуток попридержать «Виллиса», не то Фриц... Тыфу ты чёрт оговорился – Ганс, одним мигом за город выскочит. А у меня ещё тут делишки кое-какие...

– Что ты, Андреюшкин, ходишь вокруг да около? – рассердился Феликс. – Говори прямо, чего нужно?.. Ланге, не гони быстро, у Ивана снова какие-то проблемы.

Сидевший по правую сторону авиационного пулемёта Чезаре, язвительно усмехнувшись, сказал по-итальянски:

– Команданте, русского, наверно, похмельная жажда мучает... Не захватить ли нам в один уютный итальянский винный подвальчик – мы позавчера с Иваном хорошо там посидели! У нас в Сицилии насчёт этого говорят: того, кто не пьёт вина, Бог может лишит воды.

– Да нет, пан офицер, я не о том, – поняв о чём речь, с досадой отмахнулся от назойливого языкастого итальянца Иван. – Знакомая у меня в городке имеется, местная жительница, Тамалу звать, из берберийского роду-племени. Ей страшная опасность угрожает от её сородичей: замуж её насильно отдать норовят, а она противится. Сбежала от своего жениха нелюбимого – разбойника и контрабандиста Идигера, и теперь он её повсюду ищет, чтобы жизни лишит за неверность... Уважь мою просьбу, помоги несчастной.

– И чем же я ей помогу, ливийке этой, – недоумённо пожал плечами Феликс.

– Возьми её с собой до Триполи, а там видать будет... Может, папаша ваш в услужение её примет... Тамалу, она работающая, всё в доме по хозяйству делать умеет. И жалованья много не запросит, так, самую малость... Ей лишь бы подальше от Идигера.

– Это что же, Иван, твоя невеста, что ли? – удивлённо взглянул на подчинённого капитан. – Быстро же ты здесь освоился: сутки с небольшим в Дерне пробыл, и уже, как говорят русские, – суженую себе нашёл. Молодец парень!

– Так что, пан офицер? Как моя просьбица? Уважишь? – заискивающе посмотрел на командира Иван.

Не дожидаясь решения командира, сицилиец Чезаре брезгливо поморщился, покачал головой, пренебрежительно фыркнул, как рассерженный кот:

– Вот ещё... Придумал, бамбино. Подцепил грязную портовую шлюху и думает – все этому рады. Зачем она здесь нужна? Пускай проваливает на все четыре стороны! К своим туарегам...

– Кто шлюха? – взорвался Иван и схватил Чезаре за грудки. – А ну повтори, Бамбино, что ты сказал, иначе – дух вон!

Итальянец ловко отбил руки парня и с силой оттолкнул его от себя.

– Не лезь, русский! Ты ещё не знаешь, как умеет драться Чезаре Эспозито из Катании. Катания, конечно, не Рим, но у нас в Сицилии по этому поводу говорят: лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме.

– Отставить драку, парни! – гневно вскрикнул Феликс, сверля укоризненным взглядом обоих. – Иначе, по прибытии на базу в Бенгази, оба окажетесь на гауптвахте! Хотите?

– Никак нет, команданте, – отрицательно качнул головой в итальянской бустине Чезаре. – Я уже просидел ночь на немецкой гауптвахте. Больше желания нет. По мне уж лучше жить один день как африканский лев, чем сто лет как итальянская овца, которой помыкают боши.

– Я думаю, нам нужно взять с собой эту несчастную берберскую девушку, – принял, наконец, решение капитан Кляйн. – Иван, показывай дорогу Гансу к её дому. Надеюсь, это недалеко?

– Совсем рядом, пан офицер, каких-нибудь пятнадцать минут пути, – обрадовался Андреюшкин: – Ганс, жми на железку. Всё время прямо до самого моря, а там скажу... Нужно будет отыскать разбитые окопы и ржавый итальянский катер на берегу. А оттель я уже пёхом легко доберусь, зрительная память у меня что надо.

Вскоре они уже были на берегу Средиземного моря, на пляже возле разбитого катера, где на Ивана напали разбойники Идигера. С пистолетом наизготовку он выскочил из машины и побежал по знакомой улице к домику Тамалу. Девушка не ожидала его появления, они не договаривались сегодня встретиться. Парень торопливо вкратце изложил ей суть дела, предложил поскорее собраться и следовать с вещами за ним.

– Иман, ты не шутишь? Ты вправду берёшь Тамалу с собой? – восторженно спросила берберка.

– Какие шутки, когда за тобой охотится этот волк Идигер! – сказал Иван.

– Он орёл, – поправила девушка, торопливо собирая в большую хозяйственную сумку необходимые вещи.

– Ну да, а ты его тень, – скептически усмехнулся казак. – Только это, по-вашему, по-туземному. А по-нашему, по-русски, – он бирюк, а то и похуже – шакал! А ты не его тень, а моя – отныне и до веку!

– Тамалу – тень Имана, – старательно повторила берберка по-итальянски (разговаривали они всегда на этом языке). Подхватила тяжёлую сумку и направилась к выходу. Парень догнал возлюбленную и отобрал у неё ношу. Девушка благодарно посмотрела в глаза Ивана, стараясь передать взглядом всю нежность и признательность, которые к нему испытывала.

«Виллис» ожидал их у входа. Феликс, как опытный разведчик со стажем, велел Чезаре проследить на всякий случай за Андреюшкиным. Иван с берберкой уселись на заднее сиденье, машина взвыла двигателем и быстро сорвалась с места. Тамалу без сожаления оглянулась, провожая взглядом своё исчезнувшее за поворотом пристанище...

* * *

Генерал Роммель, разгневанный уже вторым за последнее время нападением на его машины, а, следовательно, и – на него лично, восприняв это как целенаправленную охоту противника, поручил полковнику Макензену, командиру полка особого назначения «Бранденбург», и штурмбанфюреру СС фон Гарденбергу уничтожить пробравшихся в Дерну вражеских диверсантов. Туарегов Идигера он принял за английских лазутчиков. Более опытный в магрибских делах Макензен собрал на летучее совещание командиров трёх батальонов и некоторых ротных, среди которых был и масай, обер-лейтенант Буру. Стали разрабатывать план операции. Фон Гарденберг разделял точку зрения Роммеля о том, что в городе действует британская секретная агентура и нужно противопоставить ей – свою, каким-нибудь образом внедрить в ряды противника своих людей.

– Можно попытаться сделать это через местных итальянцев, – убедительно говорил штурмбанфюрер, излагая свой план действий. – У меня уже есть на примете одно весьма подозрительное питейное заведение, принадлежащее синьору Гаджиани. Я предлагаю установить за этим гаштетом круглосуточную слежку, и, если нужно, внедрить в обслуживающий персонал своего человека.

Полковник Макензен недовольно фыркнул:

– Не думаете ли вы, штурмбанфюрер, что британская разведка будет иметь дело с макаронниками? Им гораздо легче завербовать местных ливийских арабов или берберов. Те всегда были недовольны оккупацией их страны макаронниками, то и дело бунтовали против дуче. С началом войны национально-освободительная борьба ливийцев обострилась, недовольные толпами побежали через границу в Египет. К слову сказать, здесь, в пустыне, и границы-то никакой нет. По нашим разведанным, у англичан в Египте сформирован целый легион из бежавших туда ливийских арабов.

– Мзее полковник, разреши сказать, – обратился вдруг масай Буру к Макензену.

– Вы, господин обер-лейтенант, неисправимы, – снова фыркнул, но уже громче и эмоциональнее командир учебного полка. – Никак не приучитесь обращаться к старшему по званию офицеру вермахта на «вы» и без этого вашего непонятного словечка «мзее».

– Я всегда так говорю, мзее полковник, – недоуменно пожал покатыми плечами огромный пожилой масай.

– Хорошо, говорите. Что у вас?

– Мои аскарары и я сам видели нападавших на мзее Роммеля прохвостов своими глазами, – заговорил обер-лейтенант. – Это были не арабы, а туареги. Их в городе очень мало, почти нет. Они кочуют далеко на юго-западе, в Сахаре, на границе с Алжиром.

– Ну и какого дьявола их сюда, в прибрежную Дерну, занесло? – удивлённо спросил Макензен. – И если они не британские диверсанты, то какого чёрта, извиняюсь за выражение, они напали на машину командующего, убили шофёра и ранили адъютанта?

– Скорее всего, они кого-то искали в городе, – высказал предположение всезнающий, опытный разведчик Буру. – Машина мзее Роммеля оказалась на их пути случайно. Я всё видел своими глазами, потому что, как ты знаешь, ехал вместе с генералом. Если бы мзее Роммель не приказал шофёру остановиться, ничего бы не было.

– Нам теперь не важно, обер-лейтенант, кого искали разбойники, – нетерпеливо прервал его полковник Макензен. – Вопрос стоит ребром: где искать самих туарегов, подло напавших на командующего Африканским корпусом?

– Конечно, в пустыне, мзее полковник, – не задумываясь, ответил Буру. – Туареги не ходят в одиночку. Вероятно, где-то за городом, в барханах или в каком-нибудь ближайшем оазисе скрывается их караван. Нужно произвести воздушную разведку, обнаружить их логово и направить на его уничтожение моих следопытов аскари. Мы справимся с задачей, мзее Роммель будет доволен нашей работой. У меня всё.

– Вы лаконичны, Буру, и как всегда – убедительны, – восхищённо взглянул на подчинённого Макензен. – Следовательно, так и поступим... Ну, а вы, штурмбанфюрер, займитесь слежкой за гаштетом синьора, о котором говорили. Возможно, это даст какие-нибудь положительные результаты. А если нет – отрицательный результат тоже результат, не правда ли?

– Нет сомнения, герр полковник, – согласился с Макензеном фон Гарденберг...

Засада на караван туарегов была устроена в развалинах старой, почти занесённой песком крепости, построенной здесь, вероятно, ещё до римлян и карфагенян каким-нибудь местным берберским правителем. Возможно, здесь в древности был цветущий оазис, мимо которого пролегал караванный путь с юга чёрного континента в Египет. По песчаной тропе в пустыне вездесущие финикийские и арабские купцы везли с юга экзотические африканские фрукты, пряности, слоновую кость, гнали унылые вереницы чёрных рабов; с севера в Африку доставляли римское и греческое металлическое оружие, бытовые предметы, орудия труда, китайский шёлк, европейскую одежду и восточные украшения. Но за долгие века подземный источник, щедро подпитывающий водоём зелёного оазиса, постепенно иссяк, захирели и завяли финиковые пальмы, улетели в другие оазисы птицы, за ними, бросив уже никому не нужную крепость, ушли люди. И цветущий обитаемый островок жизни в необозримых мёртвых песках постепенно зачах, развалились глиняные стены неприступной некогда твердыни,

просели и обрушились крыши домов и туземных хижин, рассыпались в прах иссохшие на солнце, сгнившие крепостные ворота.

Обер-лейтенант Буру распорядился спрятать грузовые немецкие автомашины, на которых они приехали, за большим и длинным серповидным барханом, расположил своих аскари в руинах домов. Караванный путь как раз пролегал через старую крепость, где в полуденный зной можно было сделать привал и на время укрыться от невыносимо палящего солнца. Это было на руку разведчикам, действовавшим по опробованной множество раз схеме: на левом и правом флангах были оборудованы и тщательно замаскированы пулемётные точки – с каждой стороны по пулемёту. Остальные африканские следопыты с ручным автоматическим оружием рассредоточились по периметру. Это были действительно – следопыты и прирождённые воины, которых Буру лично вербовал из числа кенийских и восточноафриканских мусульман-суахили, арабов, а также наиболее воинственного туземного народа Танганьики – вахехе, и наиболее многочисленного – сукума. Часть их была найдена среди военнопленных англичан в концентрационных лагерях, часть – среди остатков туземных формирований итальянской армии, вывезенных в своё время на кораблях из Абиссинии и Сомали, остальные – в самой Ливии, куда они попали после поражения Германии в Первой мировой войне. Это были в основном сыновья бывших аскари полковника Форбека, как и сам обер-лейтенант Буру, бежавших из захваченной британцами германской Восточной Африки в независимую Абиссинию, под крыло императора Хайле Селассие I. В отряде, вернее в роте был даже один юноша масай, которого Буру назначил командиром взвода. Звали его Симба, что значит на языке суахили «Лев».

Буру послал Симбу командовать правым флангом, сам остался на левом. Здесь должна была быть голова каравана, а значит – самые сильные и опытные воины во главе с вожаком. Предупредить о подходе туарегов должен был аскари, засевший на самой верхушке огромной пирамидальной дюны высотой около ста пятидесяти метров. С неё каменистое плато хорошо просматривалось на десятки километров в округности. Напротив возвышалась поперечная песчаная дюна чуть пониже первой, но тоже грациозно высокая. Караванная тропа проходила внизу, как раз у подножия дюн. Казалось бы – идеальное место для засады, но опытный разведчик и диверсант Буру знал, что так же, вероятно, подумают и туареги. Вожак каравана непременно пойдёт на обе горы своих людей, чтобы проверить – нет ли опасности. И поэтому засада была устроена внизу, в крепости, в месте, не слишком подходящем для этого. Но точно так же рассуждали, по-видимому, и туареги. И Буру решил их перехитрить. А чтобы его аскари в тесных развалинах не перестреляли в горячке боя друг друга, обер-лейтенант велел стрелять по очереди: пока

правая сторона ведёт огонь, левая – прячется между камнями, и – наоборот.

Командир взвода, старший рядовой Симба, по-немецки обершютце, лежал за обрушенной глинобитной стеной рядом с первым номером пулемёта MG 34, молодым смуглолицым арабом из Танганьики Ибрахим ибн Латифом. Симба за двадцать лет жизни в Магрибе хорошо выучил арабский язык, но в основном – его ливийский диалект. Ибрахим, родившийся в бывшей германской Восточной Африке, говорил хоть и на арабском, но несколько иначе. Симба плохо понимал его, особенно, если тот говорил очень быстро. Иногда приходилось переходить на итальянский, которым во взводе владели почти все аскари. Второй номер «Костореза», или как ещё называли враги немецкий пулемёт MG 34 – «Циркулярки Гитлера», хмурый, неразговорчивый туземец, суахили из Кении, – помалкивал. Он попал в особый полк из лагеря для военнопленных, перед тем служил в британских колониальных частях в Египте, и чувствовал себя среди солдат вермахта неуютно. Хотя настоящих, природных немцев видел очень редко, да и то издалека, на общих построениях учебного полка «Бранденбург». Что касается диверсионного отряда Буру, то немцев в нём вообще не было.

– Ибрахим, стрелять только по моей команде, – давал последние наставления первому номеру молодой масай Симба. – Первой же очередью постарайся уложить вожака каравана и всю его свиту. Они будут в синих длиннополых накидках и платках. Это знать кочевников, все остальные – их вассалы.

– Хорошо, бвана обершютце, я сделаю, как ты скажешь, – согласно кивнул араб, поправляя на голове светлую куфию. – Мы уничтожим синих разбойников, осмелившихся напасть на самого генерала Роммеля! Они сдохнут в песках, как подлые трусливые шакалы.

Симба отцепил с поясного ремня, на алюминиевой бляхе которого было выбито «Gott mit uns»,⁸ круглую немецкую флягу со стальным стаканчиком наверху, налил в стакан тёплой, нагретой на солнце воды.

– Будешь?

Ибрахим сделал несколько жадных глотков, бережно передал посуду с драгоценной влагой второму номеру. Аскари суахили, с трудом сдерживая себя, неторопливо отхлебнул, не пролив ни капли, вернул стакан командиру взвода.

– Шукран, – поблагодарил кениец, приложив ладонь правой руки к сердцу.

– Афуан,⁹ – ответил Симба.

⁸ *Gott mit uns* – с нами Бог (нем.).

⁹ *Афуан* – пожалуйста (арабск.).

Неожиданно из пустыни, что раскинулась во всю свою бескрайнюю ширь за крепостными развалинами, послышался непонятный, пугающе странный звук, похожий на мелодию католического органа. Симба слышал нечто подобное в костёле в городе Триполи, в котором жил с родителями до войны. Отец его был католик, женатый на местной итальянке.

– Откуда в пустыне орган? – удивлённо спросил молодой масай у своих товарищей. – Вы слышали, парни, или это у меня слуховые галлюцинации? Католический орган играет.

– Это не орган, бвана Симба, это поют пески Сахары, – полупшёпотом сказал Ибрахим. – У тебя со слухом всё в порядке, не бойся... И не грехи на зрение, если вдруг увидишь когда-нибудь в пустыне, в палящий знойный день, – цветущий зелёными пальмами, прохладный оазис с озером, в котором плескаются обнажённые прекрасные чернокожие гурии. Это так искушает правоверных коварный Иблис, по религии белых людей – дьявол.

– Я, как видишь, не белый человек, но тоже придерживаюсь католической веры, хоть и не крещён, – ответил Симба.

– Нельзя предавать веру своих отцов, – настаивал набожный мусульманин Ибрахим.

– Но мой отец – католик! И мать тоже католичка, она у меня итальянка, – объяснил молодой масай. – Но хватит об этом... Скажи, Ибрахим, ты правда говоришь, что поют пески? Разве они умеют петь? Впервые слышу.

– Умеют, бвана обершютце, – убедительно произнёс араб. – Но это вовсе не песня, как ты считаешь, а стон.

– И кто же стонет?

– Шайтан!

– Ну, у тебя, Ибрахим, вся нечистая сила собралась, – усмехнулся Симба. – То искушитель Иблис, то поющий шайтан... И что это ему вдруг вздумалось стонать в пустыне?

– В незапамятные времена бродил по разным странам шайтан, – один из заблудших слуг Иблиса, – торжественно заговорил Ибрахим. – Подсматривал за женщинами в бане, строил козни мужчинам, всюду совал свой нос и не пропускал ничего. Однажды прогневался на него Аллах и отобрал волшебные сапоги-скороходы, надев которые, шайтан мгновенно оказывался в том или ином месте. Тогда слуге Иблиса пришлось пешком добираться до своего дома, который стоял на макушке самой высокой песчаной горы. Долго шайтан шёл по пескам Сахары, пробирался по извилистым каменистым тропам вдоль берегов высохших рек, наконец, устал и прилёг отдохнуть. Так труден и тернист был его путь, и так тяжёл груз совершённых грехов, что шайтан уснул вечным сном – так распорядился Великий Аллах. И спит он до сих пор, занесённый песком, ставший одиноким барханом, и ничто не может его разбудить – ни жарко палящее солнце, ни дожди, ни страшные песчаные

бури, которые ливийские арабы называют «Хамсин». Только иногда одинокий стон вырывается из его груди, когда кто-то пытается потревожить навсегда уснувшего шайтана...

– Так значит – это мы его потревожили, Ибрахим? – усмехнулся Симба.

– Наверно...

По цепи вдоль развалин пробежал вдруг чернокожий аскари в тропической германской форме цвета пустыни, в пробковом колониальном шлеме на голове, со «шмайсером» на шее – посыльный обер-лейтенанта Буру. Твердил на каждом шагу по-итальянски: «Приготовиться!» Через некоторое время на дороге показались первые всадники на длинноногих одногорбых белых верблюдах – дромадерах. Все они были в синем, обвешанные холодным и огнестрельным оружием, перетянутые пулемётными лентами и офицерскими португезами поверх широченных кушаков и просторных покрывал – тагельмустов. Это элита клана, так называемая «барабанная» племенная группа; благородная туарегская знать, – имхары. За ними ехали вассалы – имгады, в туниках, – по местному доккали, – разного цвета, но только не тёмно-синего, как у знати. Оружие у них было победнее, в основном французские винтовки. Каждый вёл за собой второго, навьюченного тяжёлой поклажей, двугорбого коричневого верблюда – бактриана.

Дождавшись, когда головной верблюд поравняется с местом засады, масай Симба резко рубанул рукой раскалённый на солнце, казалось, расплавленный сахарский воздух и громко скомандовал: «Огонь!» Ибрахим ибн Латиф нажал на гашетку пулемёта и «Косторез» сердито зарокотал, безжалостно выкашивая первые ряды туарегов. В крепости поднялась невообразимая суматоха, голова каравана, напоровшись на убийственный пулемётный огонь, повернула назад, но навстречу безумной толпой хлынули всадники арьергарда, подстёгнутые очередями второго MG 34. Одновременно слаженным хором застрекотали автоматы немецких аскари, добывая мечущихся в узком пространстве крепости всадников. Повсюду стали лопаться ручные гранаты, смертоносные осколки с дьявольским свистом веером рассыпались по крепости, поражая людей и обезумевших от ужаса животных. Истекающие кровью верблюды с громкими жалобными криками вставали на дыбы, сбрасывали на песок всадников и поклажу, падали вслед за ними, сражённые очередями «Косторезов» или короткими строчками «шмайсеров». Кое-кто из туарегов, спешившись, прятался за тушу убитого верблюда, пытался оказывать сопротивление «немцам», но смельчаков быстро доставали меткими выстрелами туземные снайперы. Обер-лейтенант Буру, пригибаясь, перебежал от одного аскари к другому, подбадривал громкими гортанными возгласами на родном языке масаев – маа, забыв в горячке боя, что маа здесь почти никто не знает. Показывая личный пример, Буру метко стрелял в туарегов

из пистолета. Время от времени давал команду прекратить огонь и спрятаться в развалинах: тогда начинала стрелять другая немецкая группа на противоположной стороне караванной тропы, уничтожая бегущих навстречу туарегов.

Бой был короточный, вернее, это был даже не бой, а истребление каравана. За всё время был ранен только один туземный аскари, убитых не было вовсе. Зато всё видимое пространство старой разрушенной крепости было завалено трупами туарегов и верблюдов. Мало кому из кочевников удалось выскользнуть из западни живыми. «Циркулярки Гитлера» без устали звенели на обоих флангах, добывая остатки банды видного аменокаля¹⁰ туарегов Идигера. Сам он с несколькими отчаянными имхарами, бросив бесполезных верблюдов и разгромленный караван, прорвался сквозь плотное оцепление диверсантов. Отстреливаясь на ходу из итальянских автоматов, смельчаки бежали в пустыню и вскоре растворились в ней, как мираж.

В крепости ещё кое-где лениво постреливали – это туземные аскари Буру по привычке добивали раненых туарегов. Другие с интересом рылись в больших тюках, навьюченных на верблюдов, искали, чем поживиться. Обшаривали тела мёртвых туарегов. Ober-лейтенант Буру ещё со времён прошлой большой войны в Восточной Африке сквозь пальцы смотрел на эту скверную традицию своих солдат. Это было неизбежное зло, с которым поневоле приходилось считаться. Вековой древний обычай гласил: всё, что осталось на бранном поле – законная военная добыча победителей. Так было всегда, ещё со времён египетских фараонов, непобедимых фаланг Александра Македонского, карфагенян и римлян, поочерёдно сменяя друг друга, хозяйничавших в этих гиблых песках.

Буру распорядился только об одном, чтобы всё оружие туарегов было неизменно собрано, пересчитано и погружено в кузов одного из немецких грузовиков. Оно ещё могло пригодиться в дальнейшем для диверсионных целей. Как и несколько комплектов национальной одежды туарегов, которую тоже сняли с убитых. В общих чертах, задание командования было выполнено, шайка кочевников уничтожена. Те жалкие остатки, которым удалось вырваться из крепости, не в счёт – Буру не собирался гоняться за беглецами по всей Сахаре. Они уже не представляли никакой опасности, и сами, вероятно, помрут в пустыне без воды и пищи. Ведь до жилья в ближайшем оазисе – многие десятки, а то и сотни километров по безжизненным раскалённым пескам. Здесь даже верблюды, эти неутомимые корабли пустыни, не выдерживали и порой погибали от обезвоживания.

С высоты пирамидального бархана, куда после боя взобрались обер-лейтенант Буру и старший рядовой пехоты Симба, чтобы

¹⁰ Аменокаль – вождь (яз. тамашек).

проследить, в какую сторону направились беглецы, Сахара походила на другую, совершенно необитаемую планету. Вероятно, такой же пейзаж предстал бы перед ними на Луне или Марсе. Вокруг, насколько хватал взгляд, – ни кустика растительности, ни единого зверька, ни птицы в небе, – одни только зыбучие пески, барханы, причудливой формы дюны, на горизонте – изломанная гряда гор, напоминающая кривые, полустгнившие зубы старика-бербера. И ни звука кругом, только ветер, да иногда слабое попискивание сухого песка – так называемое пение.

Жуткая и завораживающая картина...

Глава 7. Каир. Штаб Окинлека

Главнокомандующий Ближневосточными вооруженными силами Соединённого Королевства генерал Клод Окинлек проснулся в скверном настроении: ночью одолевали плохие, тревожные сны, утром – невесёлые мысли. И виной всему – Тобрук, плотно заблокированный войсками Роммеля с суши, так что оставался единственный путь подвоза боеприпасов, продовольствия и подкреплений – из Египта по морю. Но вражеская авиация беспощадно бомбила конвой транспортных судов в море, донимали настырные итальянские подводные лодки, топя корабли, а тут ещё за линией фронта активизировались немецкие диверсионные группы. Один недавний взрыв аэродрома под Тобруком чего стоил! Об этой дерзкой операции немцев узнал сам Черчилль и пришёл в неопишную ярость: пригрозил ему, Окинлеку, отставкой, если срочно не будут приняты надлежащие меры, чтобы не допускать подобного впредь.

«Легко сказать, – недовольно думал командующий, одеваясь в своей каирской квартире, где жил постоянно, почти не выезжая на фронт. – Нужно срочно связаться с генералом Каннингемом и поговорить на этот счёт. Хорошо ли у него в восьмой армии поставлена разведка? Да и сэра Джона Хэкетта стоить побеспокоить: это ведь его прямая обязанность – разрабатывать и проводить в тылу немцев и итальянцев специальные операции, внедрять в ряды противника собственную агентуру. Да мало ли что ещё...»

У подъезда его уже дождался штабной легковой автомобиль «Форд 1GA», поставляемый в Великобританию из США по Ленд-лизу. Окинлек демократично поздоровался с водителем, уселся на заднее сиденье, назвал адрес следования. Ему необходимо было сначала съездить по делам службы в старый город, во дворец египетского короля Фарука.

– Вам нужна охрана, господин генерал. Пойти распорядиться? – высказал предположение водитель.

– Не стоит, Говард. В Каире около ста сорока тысяч военноружащих стран Британского Содружества, – он просто наводнён солдатами. О какой охране может идти речь? Разве германские диверсанты сунутся в такой муравейник?

– От бошей можно ожидать чего угодно, – недовольно буркнул водитель.

Машина, сердито взревев двигателем, тронулась с места.

Утренний Каир был суетлив и шумен, улицы коптской части города густо запружены одноосными повозками спешивших на рынок местных коптов-христиан и феллахов из окрестных нильских деревень. Повозки тащили маленькие, выносливые ослики. Попадались караваны навьюченных тяжёлой поклажей двугорбых верблюдов, скрипучие арбы с впряжёнными в них флегматичными круторогими быками, грузовой и легковой автотранспорт англичан и состоятельных каирских промышленников, лакированные экипажи арабской столичной знати. То и дело мелькали крытые брезентом английские армейские трёхтонные грузовики «Матадоры», «Бедфорды» разных модификаций, юркие, окрашенные в жёлтый камуфлированный цвет, американские «Виллисы», тяжёлые тягачи, тащившие пушки. Тарахтя двигателями и нещадно дымя выхлопными газами, проезжали военные мотоциклы без колясок, крутили педали велосипедов неутомимые одиночки-томми из частей связи. Вдоль обочин вышагивали пешие индийские патрули в защитного цвета тюрбанах на голове, с винтовками через плечо. Почти на каждом перекрёстке, на небольших импровизированных базарчиках, арабы всё так же, как и до войны, торговали коврами и сувенирами. Между машинами и повозками шныряли черно-волосые, бедно одетые, ловкие каирские мальчишки, выкрикивая на бегу по-английски «Vourse! Vourse!», – продавали египетскую версию лондонской «Таймс». Окинлек окликнул одного из них, брезгливо сунув в немытую ладонь мелочь, взял газету. Надев пенсне, развернул номер, но от сильной тряски читать не смог. Отбросив на сиденье, снова уставился в раскрытое окно.

Генерал, которому в июне исполнилось пятьдесят семь, изо дня в день равнодушно лицезрел эту надоевшую до одури картину египетского Вавилона. В это время, в унисон его мыслям, справа показалось древнее сооружение из красного и белого кирпича – так называемая Вавилонская крепость, построенная ещё римлянами во времена их владычества Египтом в последние десятилетия старой эры. Окинлек плохо разбирался в архитектуре, но знатоки говорили, что крепость сооружена типично римской связанной кладкой.

Британский генерал знал, что Каир – самый крупный город на Африканском континенте, в котором высится несколько сотен одних минаретов. Только за время недолгого пути Окинлека из своей квартиры на нильском острове Гезира, до центральной площади Ат-Тахрир, по обеим сторонам одной из оживлённых

городских улиц Талааб Харб промелькнула уже дюжина мусульманских мечетей. Не зря Каир называют Воротами Востока.

За время службы генерал Окинлек изъездил Каир вдоль и поперёк, особенно его историческую часть, так называемый старый город, который находится на месте средневекового арабского Эль-Фуста́та – столицы Египта при Омейядах и Аббасидах. Хорошо знал исторические достопримечательности Каира. Побывал во всех старинных каирских культовых сооружениях: в синагоге Бен-Эзра, в коптской церкви Святого Павла, в Подвешенной церкви, в монастыре Святого Георгия, в древнейших мечетях Африки Амр ибн аль-Ас и ибн Тулуна. В городе Эль-Минья, расположенном на восточном берегу Нила в нескольких десятках миль от Каира, видел таинственный грот, где по преданию пряталось Святое Семейство после бегства из Иудеи от царя Ирода. На этом месте основан монастырь во имя Пресвятой Богородицы, в котором в 328 году новой эры императрица Елена построила в пещере коптский храм.

Истинный христианин, глубоко верующий человек из семьи ирландских протестантов, генерал Окинлек был поражён таким обилием древних христианских святынь в Египте, чего не наблюдалось в его родной Ирландии. И он с внутренним страхом следил за зловещим приближением Африканского корпуса генерала Роммеля к границам Египта. Приказал усилить противовоздушную оборону Каира, чтобы не допустить бомбардировок города вражеской авиацией, в результате чего пострадали бы бесценные архитектурные сооружения прошлых веков.

Именно поэтому генерал приказал защитникам Тобрука стоять насмерть и ни в коем случае не сдавать крепость немцам. Только Тобрук мог ещё удержать Роммеля на границе с Египтом, не дать его стремительным танковым дивизиям вырваться на оперативный простор в пустыню. Тобрук оттягивал основные силы немцев, которых и без того было недостаточно для масштабного наступления. Англичанам нужно было держаться, не смотря ни на что, и накапливать силы для решающего контрудара...

Когда генерал вернулся в европейский район, – так называемый «Город-сад», расположенный напротив острова Гезира, был уже полдень. Об этом красноречиво говорило стоявшее в зените, раскалённое, как доменная печь, африканское солнце. Ставка верховного британского командования располагалась в многоквартирном доме, переоборудованном в офисный центр.

Генералы Аллан Каннингем и Джон Хэкетт были срочно вызваны в штаб ближневосточной группировки. Командующему ждать долго не пришлось, потому что их собственные штабы тоже располагались в Каире. Это было весьма удобно, хоть и довольно далеко от линии фронта. Вернее, от линии соприкосновения с немецкими разведывательными пустынными патрулями, потому что, как таковой, линии фронта в европейском понима-

нии этого слова – вообще не существовало. Здесь, в Африке, шла не позиционная, а маневренная война. Войска постоянно перемещались по пустыне, пытаясь обойти фланг противника и ударить по его тылам. Ценились не мощные, долговременные оборонительные сооружения, а мобильная подвижность танковых и моторизованных соединений. Укреплялись в основном населённые пункты, приморские портовые города вроде Тобрука, которые имели стратегическое значение, оазисы в пустыне.

В связи со спецификой подвижной африканской войны, приобретали огромное значение мелкие спецчасти разведчиков и диверсантов, так называемые коммандос, способные проникать глубоко в тыл расположения войск неприятеля. Руководитель специальных операций на ближневосточном и североафриканском театрах военных действий генерал Хэкетт интуитивно догадался, для чего его вызывает командующий. Вероятно, – чтобы получить необходимую информацию из первых рук, непосредственно от её носителей, а не рыться в куче бестолковых статистических фронтовых сводок и всяких других бесполезных штабных бумаг, которые он в душе презрительно именовал «макулатурой» штабных «крыс». На совещание так же был вызван руководитель войск особого назначения в Северной и Восточной Африке бригадный генерал Вилмер Робинсон и нескольких командиров диверсионных групп, в том числе и майор Пеняков, так называемый Сэм Попский, как его окрестили в восьмой армии...

Владимир в это время только закончил кормить кобру, которую поймал во время последнего рейда в ливийскую пустыню, на ту сторону, к немцам. Сходя к ремонтникам в автомобильный батальон, он за пару бутылок шотландского виски попросил соорудить из металлической сетки, натянутой на уголки, просторную клетку для рептилии, с удобной ручкой сверху для переноски. Набросал туда ваты, сухих пальмовых листьев, веток кустарника, мелких камешков, насыпал песка. Получилось красиво, как в зоопарке и весьма похоже на место обитания змей в природе, – что-то вроде мини-пустыни.

Кобра была метра два длиной; судя по одноцветной, тёмно-коричневой окраске с более светлой брюшной стороной – взрослая особь. На шее с нижней стороны можно различить несколько широких тёмных полос, – особенно хорошо они были заметны, когда рептилия принимала угрожающую позу. То есть, поднимала вверх голову с частью туловища, распускала так называемый «капюшон» и широко раскрывала хищную пасть с острыми игольчатыми верхними клыками и раздвоенным, юрким языком.

Пеняков покупал для неё на ближайшем рынке мелких птиц, мышей и ящериц. Узнав об этой странной причуде «белого господина», местные каирские мальчишки стали промышленять,

вылавливая в пустыне ящериц и мелких грызунов и снабжая этой живностью подопечную майора. Он, не скупясь, расплачивался с находчивыми предпринимателями. Англичанин Джек Парсон, тот самый водитель, гонявшийся за коброй на «Виллисе», относился к затее командира приручить страшного аспида с пониманием. Он жил в одной палатке с Пеняковым, быстро привык к новой соседке, или соседу, в отсутствие майора, расплачивался с мальчишками, сбывавшими свой товар, иногда кормил кобру. Единственным его условием было одно: чтобы командир не выпускал рептилию из железной клетки.

– Она хорошая, Сэм, пока сидит взаперти, – говорил он, с опаской косясь на кобру, которая дремала, свернувшись в клубок, в углу клетки на подстилке из сухих пальмовых листьев. – Но если будет ползать для моциона у меня под ногами, я категорически не согласен! Когда это она поймёт, что ты её хозяин, а я – твой друг? Возьмёт, да и цапнет своими зубами за ногу! И беги потом к фельдшеру на приём, – лазарет ведь за несколько миль, в городе.

– Если добежишь, Джек, – усмехнулся Владимир.

– Во-во... Она же, кажется, ядовитая?

– Все змеи ядовитые, кроме полозов и ужей, – пояснил майор. – Аспиды – самые опасные змеи; кобра как раз из семейства аспидовых. Страшнее её в Африке – только чёрная мамба, которая обитает в Кении, и гадюка.

– Лучше бы ты, Сэм, приручил ужа или полоза, – вздохнув, посетовал рассудительный Джек Парсон.

– Тогда бы тебе, дружище, пришлось спать с закрытым ртом, – подковырнул сослуживца Пеняков. – Но ты ведь ночью храпишь, как иерихонская труба!

– При чём тут это? – недовольно скривился англичанин, как будто ему наступили на мозоль.

– А то, что уж имеет дурную привычку заползать ночью в какую-нибудь нору. К примеру – в слишком широко раскрытый рот английского томми... Такие случаи бывали и довольно не редко. После приходилось выманивать его оттуда молоком.

– Как это? – продолжал омерзительно кривиться Парсон.

– Очень просто, – принялся пояснять Пеняков. – Несчастный раскрывает широко свой рот, а возле него ставят блюдце, наполненное молоком. Уж чувствует молоко, – а он большой любитель этого напитка, – и выползает лакомиться. Тут его из рта и вытаскивают, как сосиску.

– Сэм, прекрати! Не то я сейчас блевану, – схватился ладонями за рот Джек. – Где ты только вычитал эту байку? Небось, в каком-нибудь комиксе.

– Как хочешь, Джек, но это истинная правда, – пожал плечами Владимир. – Но ты не бойся, кобра в рот к тебе не залезет.

Во-первых: она всё время в клетке. Разве что ты сам перепутаешь, и ночью спяну полезешь в её жилище... А во-вторых, от тебя всегда здорово разит перегаром. А кобры, насколько я знаю, – трезвенницы, как англиканские миссионерки: на дух не переносят спиртного.

– Тебе бы всё шуточки, Сэм...

– Что поделаешь, старина. Иногда полезно и позубоскалить. Не всё же время быть серьёзным, как лесной филин, – майор дружелюбно улыбнулся солдату: – Кстати, нам нужно как-нибудь назвать кобру, коль она прочно обосновалась у нас на квартире. Ты не находишь?

– Назови Роммелем, – выскалился в ответ Парсон.

– А что, неплохо. У тебя котелок варит, Джек, – согласился Владимир. – Пусть будет Роммель, так смешнее.

– Ну да, обхохочешься. Особенно, когда она раскроет свою пасть, распустит капюшон и зашипит, как пропускающий воздух велосипедный ниппель, – посетовал Джек.

Пришёл посыльный солдат из штаба 1-го герцога Корнуэльского легкопехотного полка, в тыловом лагере которого, на окраине Каира, располагалось подразделение майора Пенякова. Сообщил, что господина майора срочно вызывает генерал Хэкетт.

– Я с тобой, Сэм? Заводить «Виллис»? – вопросительно глянул на командира Джек Парсон.

– Не беспокойся, малыш, – сам справлюсь, – отмахнулся майор Пеняков. – Присмотри лучше за беднягой Роммелем. Вдруг меня долго не будет, покормишь его вечером.

– А уж это я – пас! – испуганно воскликнул англичанин. – Как вернёшься, сам и покормишь своего фашиста! Ещё чего не хватало... Хочешь, чтобы он меня слопал? С него, бандита полосатого, станется...

Совещание в штабе британской ближневосточной группировки затянулось до вечера. Сначала главнокомандующий Клод Окинлек расспрашивал генерала Каннингема о положении на ливийском фронте, о ходе обороны Тобрука, о возможностях восьмой армии по деблокировке запертых в крепости войск.

– К сожалению, господин генерал, наших сил для прорыва кольца немецкого окружения под Тобруком не хватит, – тяжело вздохнув, заговорил Аллан Каннингем. – Срочно необходимы резервы и желательно – европейские войска, в крайнем случае, – южноафриканцы или новозеландцы. А мне присылают индийские колониальные полки, или туземцев из Кении или бывшей германской Восточной Африки. А они, извиняюсь за откровенность, воюют скверно, бегут от незначительных немецких сил и при первой же возможности сдаются в плен толпами.

– Вы считаете колониальные войска ненадёжными? – сухо осведомился Окинлек.

– Именно так, сэр, – кивнул простоволосой, сидящей головой командующий 8-й армией. – Из-за этого я вынужден держать все индийские бригады в тылу, рассредоточив в качестве гарнизонов по приграничным населённым пунктам.

– Недавно, если не ошибаюсь, в начале августа, вам была отправлена 70-я английская пехотная дивизия, – констатировал главнокомандующий. – А вы, Каннингем, жалуетесь на отсутствие у вас надёжных британских частей.

– Но, господин генерал, мы вынуждены были отправить свежую дивизию в Тобрук для замены измотанной и обескровленной 9-й австралийской дивизии генерал-лейтенанта Лесли Моршида, – ответил генерал Каннингем. – Австралийцы держались в крепости больше пяти месяцев, начиная с марта, когда впервые столкнулись с танками Роммеля.

– Какие ещё силы составляют сейчас гарнизон Тобрука?

– Шеститысячная Карпатская польская бригада и 11-й чехословацкий пехотный батальон под общим командованием генерал-майора Рональда Скоуби, – чётко ответил Каннингем.

– Какова в общих чертах обстановка в городе?

– Последнее время Роммель весьма активизировал действия своего корпуса и вспомогательных итальянских дивизий, – встав с указкой у большой настенной карты ливийской Киренаики, принялся рассказывать генерал Каннингем. – Во время весенней и летней наступательных операций немцам удалось глубоко вклиниться в нашу оборону на дальних подступах к Тобруку, занять господствующие над местностью высоты Рас-Мадауара. Они подвергли массированному артиллерийскому обстрелу позиции австралийцев и жилые кварталы, бросили в лобовую атаку танки и пехоту, но понесли серьёзные потери в живой силе и технике. В августе, после четырёх недель жестоких боёв, Роммель был вынужден отвести свой корпус от стен Тобрука и приступить к осаде. Немцы плотно заминировали все подходы к городу, бросили на крепость эскадрильи «Штукас», «Хейнкелей» и «Мессершмиттов», которые методично, почти каждый день бомбят и обстреливают Тобрук. В помощь гарнизону мы отправили тяжёлые танки и восьмиколёсные броневики, но изнутри прорвать блокаду не удастся. Войска терпят лишения: остро не хватает воды, продовольствия, боеприпасов, медикаментов... Командир 9-й австралийской пехотной дивизии генерал-лейтенант Моршид рассказывал, что у его ребят не было возможности даже мало-мальски поспать, не говоря уже о каких-то самых примитивных «удобствах» бивуачной жизни. Одна безумная, почти психическая атака немцев и «макаронников» следовала за другой. Они как будто с цепи сорвались: гибли сотнями, но всё лезли и лезли на позиции австралийцев...

– Это уже лирика, сэр, – недовольно поморщившись, прервал рассказ подчинённого командующий. – У нас на это совершенно нет времени. Приберегите эмоции для какой-нибудь театральной постановки в солдатском клубе, – меня интересуют одни только факты.

– Извиняюсь, генерал, – стушевался Каннингем и сразу умолк.

– Нам необходимо деблокировать Тобрук, и чем раньше – тем лучше, – объявил неожиданно генерал Окинлек. – Операция под кодовым названием «Крусейдер»¹¹ запланирована на 27 ноября. Её детальной разработкой занимается мой начальник штаба с высшими офицерами. Нам следует сейчас уточнить некоторые рабочие моменты, а главное, подготовить отвлекающую диверсионную операцию в глубоком тылу противника... Это по вашей части, господин генерал, – обратился он к Джону Хэккетту. – Вы, надеюсь, готовы к предстоящему непростому разговору? – генерал намеренно акцентировал слово «непростому».

Руководитель специальными операциями на ближневосточном и североафриканском театрах военных действий генерал Хэккетт понял, что неприятный разговор пойдёт о недавней диверсии немцев на аэродроме под Тобруком, и приготовился к глухой защите. Для этого случая у него были два козла отпущения: бригадный генерал Вилмер Робинсон, непосредственно отвечающий за действия английских войск особого назначения в Северной и Восточной Африке, и ни за что, кроме самого себя не отвечающий, лихой пустынный разведчик непонятной национальности, смахивающий на головуреза, Сэм Попский, или майор Пеняков – командир Истребительного отряда дальнего действия № 1.

Джон Хэккетт согласно кивнул головой, думая, что сейчас начнётся «разнос» его ведомства вышестоящим начальством, но Окинлек повёл речь о другом:

– В рамках операции «Крестоносец», нам необходимо активизировать подрывную работу в тылу германо-итальянских войск. В частности, направить наши усилия на возмущение ливийских кочевых племён в Западной Сахаре, главным образом – туарегов. Что вы на это скажете, генерал?

Хэккетт призадумался. Честно говоря, о загадочных туарегах он имел самое смутное представление, во всём полагаясь на бригадного генерала Робинсона. Тот понял затруднение своего непосредственного начальника и поспешил придти ему на помощь:

– Господин генерал, взбунтовать сахарских туарегов не представляется возможным. Я уже докладывал причины сэру Хэккетту... Их несколько.

– Начните с самой главной, – недовольно поморщился Окинлек.

– Туареги не считают себя подданными Итальянского королевства, – заговорил генерал Робинсон. – Они кочуют по Сахаре

¹¹ «Крусейдер – крестоносец» – (англ.).

кланами, не признавая государственных границ, живут по своим племенным законам и считают себя вольными людьми, что на их языке тамашек¹² звучит как «имишаг».

– Ну и что из этого следует, сэр? – продолжал нетерпеливо допытываться командующий британской группировкой. В интонации его голоса сквозило явное раздражение и недовольство подчинённым. – Зачем вы всё это рассказываете? Вас же попросили не лекцию для студентов-лингвистов прочитать, а изложить вашу точку зрения насчёт возможности или невозможности восстания туземных племён туарегов в тылах Африканского корпуса Роммеля.

– Это невозможно прежде всего потому, что туареги равно ненавидят всех белых людей, будь то немцы, итальянцы или мы, англичане, – откровенно высказался Робинсон. Их не удастся склонить на нашу сторону никакими посулами, как мы это практиковали во время прошлой Большой войны в Кении и германской Восточной Африке среди тамошнего народа масаев.

– Вы служили в ту войну в Кении? – уважительно взглянул на бригадного генерала Окинлек. При этом взгляд его заметно потеплел, а голос смягчился.

– Да, сэр. Командовал особым колониальным батальоном, выполнявшим специальные диверсионные операции в бывшей германской колонии Танганьика. Хорошо изучил язык туземцев племени масаев – маа, их быт, обычаи, религиозные воззрения, культуру.

– Ха! Впервые слышу, что у африканских дикарей есть, оказывается, культура? – со скептическим смешком воскликнул генерал Окинлек.

– Оговорюсь, – так называемая культура, – уточнил Вилмер. – Как, впрочем, и у любого туземного народа.

– Я в прошлую войну был помощником командира 62-го Пенджабского пехотного полка в Индии, – пустился в ностальгические воспоминания Окинлек. – Мы с вами почти коллеги, сэр Робинсон. Как только грянула война, наш доблестный полк тут же перебросили в Палестину, на тамошний театр боевых действий против турок. Они тогда дрались на стороне германского Кайзера, рвались в Египет, чтобы перерезать морское сообщение наших войск по Суэцкому каналу. Помню славное дело в феврале пятнадцатого года: тогда, при очередной яростной атаке османских войск на позиции нашего полка на Синае, мои храбрые индусы здорово отличились. Мы остановили турецкое наступление на занимаемых позициях, а затем стремительной штыковой контратакой отбросили их на значительное расстояние от канала. Да-а, была баталия... В следующем году я уже был командиром

¹² Тамашек или тамахак – название языка туарегов, в зависимости от того, какие племена говорят на нём – сахарские или сахельские. Является диалектом берберской лингвистической группы.

полка и нас перебросили в Месопотамию... Ну да ладно, мы ещё посудачим о прошлых делах, – о чём сердце думает, о том язык говорит, а пока вернёмся к нашим овцам. Вернее, к туарегам... Что вы ещё можете сказать по этому поводу, сэр? – спросил Окинлек Вилмера Робинсона. – Или у вас всё?

– Можно спровоцировать туарегов на мятеж, – минуту подумав, уверенно сказал Робинсон.

– Каким образом?

– Пошлём в места обитания синих кочевников мобильную диверсионную группу, которая под видом немцев нападёт на стойбище туарегов и уничтожит их старейшин и вождя клана, – изложил хитроумный план спецоперации генерал Робинсон. – В результате, туареги взбунтуются и начнут резать швабов и макаронников. Нам это будет на руку.

– Надеюсь, генерал, у вас есть на примете подразделение, которое смогло бы справиться с подобной задачей? – осведомился враз оживший Окинлек.

– Оно у всех на слуху в нашей восьмой армии, – сказал Робинсон. – Это знаменитый Истребительный отряд дальнего действия № 1, или как его ещё неофициально называют наши ребята в Египте, – «Личная армия Попского»... Кстати, вот он, собственной персоной, – Вилмер уважительно указал на Владимира. – Командир особого отряда майор Пеняков.

– Сэм Попский?! – вспомнив, с улыбкой произнёс командуемый прозвище Владимира. Приблизившись к нему, крепко пожал руку. – Очень приятно, майор, видеть лично, после всех ваших подвигов в Северной Киренаике. Наслышан, наслышан...

– Ничего особенного, господин генерал. Служба... – горячо отвечая на дружеское рукопожатие командуемого, скромно сказал Пеняков.

– Не умаляйте своих заслуг, майор, – не согласился Окинлек. – Ничего себе безделица – нападение на машину самого Эрвина Роммеля!

– К сожалению, сэр, хитрый Лис выскользнул из нашей западни целым и невредимым. Мы только слегка прищемили ему рыжий хвост.

– Надеюсь, у вас ещё получится захлопнуть капкан, Сэм Попский, – сочувственно ответил Окинлек. – А пока предлагаю назвать ваш будущий рейд в итальянский Феццан – «Лис пустыни». Это будет особая операция в рамках общей операции «Крестоносец». Вы не против?

– Я на службе его величества, сэр! – лаконично ответил майор Пеняков.

– О'кей! Детали рейда и точный маршрут разработаете в штабе бригадного генерала Робинсона. Всё необходимое получите на складах... Какие-нибудь вопросы, предложения?

– Всего лишь одна просьба, сэр.

– Спрашивайте, майор.

– В ходе последнего рейда на немецкую сторону группа понесла потери: есть раненые, и несколько человек убито. Могу я пополнить её лично?

– Что значит лично? – переспросил Окинлек.

– Я имею в виду личный отбор бойцов для своего подразделения, – пояснил Пеняков. – И не только из резерва и маршевых рот, но также из боевых подразделений, из числа пленных и местного гражданского населения.

– Если это нужно для нашего общего дела, – я не против, господин майор, – разрешил неслыханную в британской королевской армии вольность и пренебрежение уставом командующий. – Исходя из того, что это ваша «личная армия», я сделаю для вас некоторые исключения. Вербуйте в отряд людей по своему усмотрению, но знайте: за каждого отвечаете головой!

– Есть, сэр! – обрадовался майор Пеняков, звонко щёлкнул каблуками пыльных, стоптанных армейских ботинок и вскинул руку к лиху сбитому набекрень, старенькому краповому берету английских воздушных десантников.

– А вы, генерал, активизируйте свою секретную агентуру в немецко-итальянском тылу, – обратился Окинлек на прощание к Вилмеру Робинсону. – В основном это касается города Триполи, где располагается ставка командующего вооружёнными силами стран «Оси», генерал-губернатора Ливии Этторе Бастико. Это очень важно в рамках общей операции «Крестonosец». Пока Роммель прохлаждается в Италии, мы должны вырвать из его рук победу и разгромить его хваленые танковые дивизии...

В расположение отряда майор Пеняков возвращался как на крыльях. Ещё бы: его удостоил чести личного разговора сам главнокомандующий группировкой! К тому же дал добро подбирать разведчиков по своему усмотрению. Об этом можно было только мечтать. Владимир чувствовал себя настоящим полководцем своей «армии», хоть она и насчитывала в лучшие времена едва ли сотню бойцов. Но зато – каких! Это был цвет британской армии во всей Северной Африке, каждый из командос Пенякова стоил двух десятков обыкновенных пехотинцев-томми. А если сравнивать их с итальянцами, то людям Владимира вообще не было равных во всей слабосильной армии Муссолини, привыкшей только показывать пятки наступающим английским войскам, оставлять огромные, стомильные территории безводной ливийской пустыни и сдавать в плен десятки тысяч нелепо наряженных, с пучками фазаньих перьев на парадных шляпах и касках, берсальеров...

Вторая часть. Операция «Лис пустыни»

Глава 8. Сафари в пустыне

Быстроходный трофейный «Виллис» капитана Кляйна мчался по приморскому шоссе на запад, всё дальше и дальше от линии фронта. Военных машин заметно поубавилось, а боевая техника исчезла вообще. Только длиннющие, змеевидные колонны немецких запылённых бензовозов то и дело попадались на встречу. Над головой жужжали «Мессершмитты», отгонявшие от «драгоценного» груза наглых английских стервятников. «Спитфайры», почуяв добычу, стаями кружились вблизи шоссе, то и дело схватывались в поединке с храбрыми немецкими одиночками. Яростная воздушная дуэль, как правило, заканчивалась гибелью англичанина, и немец, позволив противнику выброститься с парашютом, по-рыцарски улетал. Расстреливать в воздухе поверженного противника считалось подлостью. Тем более, никому из немецких лётчиков и в голову не приходило гоняться по пустыне за одиночными машинами, как это делали их коллеги на Восточном фронте. Война здесь, в Африке, была другой. Офицеры, помнившие Первую мировую, говорили, что так примерно сражались и тогда, без современного звериного ожесточения и непонятной первобытной подлости и бесчестия.

Местность вокруг расстилалась ровная, как обеденный стол: вокруг, на десятки километров, куда ни глянь, – ни холма, ни песчаного бархана, ни взгорка. Растительность весьма скудная, – серо-зелёных, серых и жёлтых тонов, – придавала пейзажу особенно печальный, безжизненный вид. Преобладали жестколистные травы, солелюбивые растения и полынь. На песках и камнях, мелькавших по обеим сторонам дороги, встречались колючие приземистые или стелющиеся растения с мелкими листьями или колючками. Кое-где сиротливо покачивались на ветру древовидные молочаи. Местами попадались тамариски, колючие кустарники, отдельные купы акаций.

– Тоска тут у вас в Африке, – сетовал Иван Андреюшкин, обращаясь к молодой берберке Тамалу. – Глазу не за что зацепиться: всё пески, да пески... Ни речки, ни травки какой, ни кустика зелёного – одни верблюжьи колючки. Тоска.

– Иман, тебе не нравится Ливия? – наивно спросила девушка. – А где есть лучше? В Италии?

– Да не был я в Италии, сколько раз тебе говорить? Талдычишь, как попугай, своё, – ответил Иван. – С Дону я, из России. Там у нас – степь! Поля засеянные кругом, реки бурные, полноводные, станицы в садах фруктовых утопают. Красота!.. А у вас – как на кладбище.

– Смотри, смотри, русский, антилопы! – встрепнулся вдруг сицилиец Чезаре, дремавший по другую сторону авиационного пулемёта. Указал рукой влево от дороги, в пустыню.

Там, в нескольких километрах от них, чётко было видно небольшое стадо стройных длиннорогих животных, особей в двадцать-тридцать. Они не спеша передвигались параллельно шоссе, не испытывая беспокойства. Животные то и дело наклоняли головы, выискивая под ногами скудный корм.

Феликс Кляйн приложил к глазам цейсовский бинокль, с интересом разглядывая стадо.

– Это газели, Бамбино. Самки с детёнышами.

– Вот, что значит настоящий мужчина! – залился весёлым смехом жизнерадостный сицилиец. – На таком расстоянии, в бинокль определить самок газелей... Команданте, я снимаю шляпу!

– Молчи, пустобрёх, – отмахнулся Феликс.

Между тем в душе Ивана разыграл древний охотничий азарт.

– Пан офицер, скажи Фрицу... извиняюсь, – Гансу, чтобы свернул в степь: страсть как руки чухаются подстрелить на шумном парочку молодых сайгаков... Тьфу, чёрт, опять оговорился. Как их там, – газелей.

– Ганс, давай за ними, – бросил Феликс водителю. Ему и самому захотелось пострелять по движущимся целям.

Пугливые животные, едва услышав рёв машины, на полной скорости двинувшейся по пустыне, стремительно сорвались с места и понеслись наутёк.

– Ганс, давай, поднажми! – азартно кричал водителю Иван, передёргивая затвор немецкой винтовки системы Маузера, которую поднял с пола.

Расстояние между «Виллисом» и газелями стремительно сокращалось. Животные буквально стелились по песку в бешеном беге, но куда им было тягаться с американским внедорожником, развивавшим скорость до ста четырёх километров в час. Газели могли пробежать за это время не больше пятидесяти.

Взял на изготовку пистолет-пулемёт «Беретта» и Чезаре. Он тоже загорелся, подхваченный всеобщим порывом. Да и горячая итальянская кровь давала о себе знать. До убегающих животных оставалось совсем ничего, когда прогремели первые выстрелы. Стреляли одновременно Иван и Чезаре. Оба позорно промахнулись из-за дьявольской тряски на кочках и неровно-

стях почвы. Выстрелил несколько раз из пистолета Феликс, но тоже промазал: рука то и дело подпрыгивала и пули уносились в небо или зарывались в песок, не долетев до газелей.

– Остановиться надо, команданте, – крикнул Феликсу сицилиец, пытаясь на ходу прицелиться в животное. Но это не удавалось, короткие очереди «Беретты» всё также уходили в голубое небесное «молоко».

Посылал пулю за пулей в стремительных животных Иван: для него было делом чести подстрелить газель на ходу. Ведь его далёкие предки, донские казаки, в степях так и охотились, – на лошадях загоняли зверя в ловушку. И били дичь на всём скаку из допотопных кремнёвых ружей, а то и поражали стрелами из тугих татарских луков.

Тамалу во все глаза следила за погоней. В её душе боролись противоречивые чувства: как женщина, будущая мать, она сочувствовала газелям-самкам, спасающим от смерти детёнышей. Но в то же время, как берберка, которые были прирождёнными охотниками, страстно желала, чтобы белые мужчины догнали и убили добычу. Дичь в пустыне это – пища, а значит – жизнь! Без пищи и воды – смерть. И с этим приходилось считаться.

Водитель Ганс, не получив от капитана приказа остановиться, продолжал бешеную гонку по кочковатой, неровной пустыне почти по пятам мчавшегося в клубах песка и пыли, обезумевшего от ужаса стада. Он мог бы сбить крайних газелей бампером автомобиля, но в результате это была бы уже не благородная мужская охота, а кровавая средневековая бойня. Культурный немецкий юноша из образованной городской семьи не мог на это решиться. Он попросту взял немного левее, и летел, как птица, параллельно убегавшим животным. Охотникам стрелять стало намного удобней, и несколько особей, задетых пулями, кувыркнулись в песок. Две сейчас же вскочили и, заметно прихрамывая, бросились в разные стороны, одна так и осталась на месте, сражённая наповал.

– Хватит, Иман! Добыча есть, гляди, – закричала в восторге Тамалу, хлопая в ладоши и махая рукой в сторону оставшейся далеко позади, подстреленной газели.

Но не тут-то было. Раззадоренные погоней и видом крови мужчины жаждали продолжения увлекательного и захватывающего африканского сафари. Все трое не переставали беспрерывно палить в газелей, и животные всё чаще и чаще падали на песок и больше не поднимались. В конце концов, их осталось не больше дюжины – половина была или перебита, или разбежалась по пустыне. Было много раненых газелей, которые метались то туда, то сюда, ища спасения, изнемогая от потери крови.

– Ну всё, хватит! – подал команду очнувшийся наконец от дурманящего охотничьего угара капитан Кляйн. – Куда нам

столько мяса? Солить на зиму, что ли?.. Ганс, сейчас же поворачивай назад, пока нашу добычу шакалы и гиены не растащили, да стервятники и пустынные вороны не поклевали.

Ганс заложил крутой вираж, разворачивая «Виллис» и тем самым даруя жизнь оставшимся в стаде газелям. Поехали неторопливо обратно, подбирая по пути туши убитых животных. Всего набралось шесть штук. Когда добычу погрузили в «Виллис», Феликс растерянно почесал затылок.

– Ну и что нам теперь делать с этой кучей мяса?

– Прежде всего, нужно свернуть к морю, отыскать укромное местечко, разжечь костёр и плотно подкрепиться, – здраво рассудил Чезаре. – Не пропадать же добру, коль так случилось...

– Это очень дельное предложение, герр хауптман, – горячо поддержал сицилийца водитель Ганс. – Признайся: осточертело ведь жрать в сухпайке чёрствы́е галеты, плюс банка сардин в масле или итальянские консервы из переваренной, жилистой говядины – «Мечта старика», как называют это блюдо немецкие гранадеры на передовой.

– Но что делать с остальным мясом? Мы ведь всё не съедим, – не отставал от Чезаре командир группы.

– Ну, а потом можно сделать запасы на дорогу, – заговорил сицилиец. – Нарежем мясо ломтиками, натрём с обеих сторон солью и провялим на солнце или прокоптим в дыму над костром. Остальных антилоп выпотрошим и в ближайшем арабском селении продадим на базаре.

– Бамбино, рекомендую тебе после войны заняться торговым бизнесом, – пошутил Феликс. – У тебя есть эта жилка, поверь мне на слово. Большие деньги будешь иметь.

– Деньги у меня в руках никогда не задерживаются, команданте, – похвастался как всегда цветущий улыбкой Чезаре. – Утекают прямо как вода сквозь пальцы. Так что, бизнес – не по моей части. Пусть лучше евреи торгуют, им это ближе и – к лицу... Воровать – другое дело! Тут я – всегда пожалуйста... Вот занятие, достойное настоящего сицилийца-пиччотти.¹ А складывать деньги в кубышку, трястись над каждой лирой – не по мне...

* * *

Африканский корпус генерала Роммеля продолжал топтаться под Тобруком. Связанный по рукам и ногам осадой упорно не желавшей капитулировать крепости, Роммель не мог продолжать наступление и вторгнуться в Египет, чего настойчиво требовал командующего вооружёнными силами стран «Оси» в Северной Африке, он же генерал-губернатор Ливии Этторе Бастико. Не

¹ Пиччотти – рядовой член сицилийской мафии, боевик (итал.).

смотря на его грозные приказы из Триполи, немецкие танковые дивизии и итальянские вспомогательные войска держали фронт на границе Египта. Роммель ограничивался только отправкой в пустыню, на линию соприкосновения с британскими передовыми частями, немецких мобильных разведывательных групп, так называемые пустынные патрули. Британский генерал Окинлек тоже задействовал своих командос. В пустыне шла полупартизанская война быстроходных авангардных групп и отрядов обеих враждующих армий: своеобразное сафари, где добычей была одетая в военную тропическую униформу, двуногая дичь.

Отчаявшись добиться беспрекословного выполнения своих приказов от неуправляемого Роммеля, генерал Бастико пожаловался на него вышестоящему руководству в Риме: начальнику генерального штаба итальянских вооруженных сил, графу Умго Каваллеро. Тот связался с главнокомандующим немецкими войсками Юго-Запада, которому с недавнего времени подчинялась и вся итальянская армия, генерал-фельдмаршалом Люфтваффе Альбертом Кессельрингом. Вкратце изложил обстановку на ливийско-египетском фронте, намекнул, что великий дуче крайне озабочен нерешительностью генерала Роммеля, его явным нежеланием найти общий язык с итальянскими союзниками.

Чтобы лишний раз не раздражать чопорных, высокомерных и спесивых итальянцев, с которыми у него и без того были весьма натянутые отношения, Кессельринг пообещал генералу Каваллеро во всём разобраться. В тот же день вызвал в Рим генерала Роммеля, и отправил уведомление об этом в ставку Гитлера. Фюрер быстро отреагировал на сообщение из Италии, отправил в штаб генерал-фельдмаршала Кессельринга своего личного адъютанта, майора Николауса фон Белова.

Таким образом, несмазанные шестерёнки скрипучей, громоздкой военно-бюрократической машины двух союзных фашистских империй медленно завертелись, словно колоду карт в нечестной шулерской игре, перетасовывая всевозможные приказы, распоряжения, служебные уведомления, а главное, основных участников этого театрализованного действия, под названием «всемирная война» – людей.

Собираясь отбыть в Рим, Роммель подумал, что представился удобный случай изложить командующему свои соображения насчёт дальнейшей партизанско-диверсионной войны в Северной, а возможно и – Восточной Африке, в бывших итальянских и германских колониях, взял с собой помимо начальника штаба корпуса генерала Гаузе и сопровождающих офицеров – масая, обер-лейтенанта Буру. У Роммеля были мысли, после аудиенции у Кессельринга в Риме, лететь в Германию к знаменитому герою Восточной Африки, семидесятилетнему генерал-майору Паулю фон Леттов-Форбеку, устроить ему встречу с бывшим соратником

по партизанской борьбе, масаем Буру, и предложить вернуться в Африку и снова взяться за привычное дело. Без сомнения, весть о появлении Форбека разнесётся далеко за пределами итальянской Ливии, об этом неминуемо узнают в Восточной Африке, да и в колониальных британских войсках в Египте, где очень много выходцев из бывших германских владений. Чем чёрт не шутит, не удастся ли поднять восстание туземцев в тылу английских войск? Используя имя популярного в Африке Форбека, как знамя, забросить в английские колонии на Востоке немецкие диверсионные группы, укомплектованные туземцами. Не будут ли они той искрой, как говорят русские, из которой вновь разгорится пламя партизанской войны, как это было в прошлую Великую войну? Ведь полковник Форбек целых четыре года успешно воевал с англичанами и их союзниками со всего мира в Танганьике, не получая из метрополии ни патрона боеприпасов, и ни единого солдата! Почему бы не попытаться всё это повторить и в эту войну?..

Обер-лейтенант Буру впервые видел так близко крылатого «бога» белых людей, – Мунгу на суахили. Язык этот он хорошо знал, как и большинство коренных жителей Восточной Африки. Приближаясь вместе с генералом Роммелем и офицерами его штаба к огромному военно-транспортному «Юнкерсу» Ju-52/3m, дикарь во все глаза рассматривал корпус с гофрированной обшивкой, покрытой хищным, жёлто-коричневым камуфляжем. На корпусе, справа от разинутой страшной «пасти» Мунгу, красовался чёрно-белый крест, такие же были на прямых, орлиных крыльях «бога». На красном, как задница макаки, хвосте, в белом кругу, – свастика. Буру не знал, что обозначают эти знаки, но выглядели они довольно зловеще, особенно свастика – такая же, как и на гордом, державном германском орле. Голова у Мунгу была большая и слегка заострённая, но меньше чем у крокодила. Так же, как у рептилии, – являлась продолжением туловища.

Когда генерал Роммель и штабные офицеры стали по одному исчезать в чёрной, ненасытной утробе Мунгу, Буру не на шутку струхнул: он знал, что крылатый бог, поглотив белых людей, сейчас же взовьётся в синее африканское небо и поднимется так высоко, что с земли будет видно только маленькую, похожую на москита, точку. Что случится с «проглоченными» Мунгу людьми, Буру не знал, потому что никогда ещё не путешествовал в брюхе страшного крылатого бога. Возможно, страшилище их переваривает во время полёта, а ненужными останками испражняется над морем.

– Ну что же ты, бвана обер-лейтенант? – умело вставив почерпнутое из речей масая обращение, по-немецки приободрил его выглянувший из овальной двери самолёта генерал Роммель. – Смелее! Иначе мы улетим без тебя. Ты ведь хотел увидеть мзее Форбека?

– Ты хочешь, чтобы Буру пошёл прямо в брюхо крылатого Мунгу? И бог ничего с нами не сделает? – с опаской переспросил дикарь.

– Ничего не делает, бвана Буру.

– Мунгу домчит меня по небу к полковнику Форбеку? Бог – друг мзее Форбека?

Генерал Гаузе, офицеры, лётчики экипажа и все немцы, которые в это время были на взлётной площадке, откровенно потешались над детской наивностью и непосредственностью пожилого африканца. Роммель пожалел, что связался с обер-лейтенантом, ни разу не летавшем на самолёте. Дикие предрассудки туземца задерживали рейс. Неизвестно, что ещё масай может учудить в Риме.

– Буру, прекрати, наконец, ломать комедию! – не выдержал подыгрывавший ему до этого Роммель. – Садись скорее в самолёт, у нас мало времени. Не верю, что ты до такой степени тёмен и не образован, чтобы не понимать таких простых вещей, о которых знает любой юнец из Гитлерюгенда.

Масай на ватных, негнущихся от страха ногах, подошёл к транспортнику, поднялся по небольшому трапу навверх, крепко зажмурил глаза, шагнул в овальную дверь. Борттехник сейчас же поднял трап, захлопнул дверь. «Юнкерс» взвыл моторами и, постепенно набирая скорость, легко заскользил по взлётной полосе. Вскоре шасси самолёта оторвались от земли, и он полетел, забираясь всё выше и выше в небо. Масай, глядя в квадратный иллюминатор, просто взвыл от переполнявшего его фееричного восторга. Стал ударять себя сильными, литыми кулаками в грудь, – указывал длинным коричневым пальцем в иллюминатор, скалился и что-то быстро-быстро говорил на своём языке. Пассажиры в салоне, косясь на его бурную реакцию, посмеивались.

Самолёт набрал нужную высоту и взял курс на Италию. В иллюминаторы можно было разглядеть истребители сопровождения.

– Крылатый бог Мунгу летит, словно перелётная птица на север – с целой стаей, – с восторгом воскликнул Буру, увидев звено «Мессершмиттов» 109.

– А как же иначе, обер-лейтенант, – поддакнул один из сопровождавших Роммеля штабных офицеров, Дирк Зигель. – Иначе мы рискуем встретиться по пути с другой стаей, враждебной нам... Вот налетят британские «Спитфайры» или «Аэрокобры», тогда только держись! Зададут жару нашему «лапотнику» – мало не покажется.

– Не каркай, Дирк, – сердито отозвался генерал Роммель. – Мы хоть и летим, по мнению обер-лейтенанта, в животе крылатого бога, но сами отнюдь не боги и даже не ангелы. Не имеем не то что крыльев, но даже элементарно – парашютов. Так что, встречаться с английскими воздушными пиратами у меня нет никакого желания.

Борттехник принёс командующему кофе.

– Данкешён,² – поблагодарил Роммель.

– Битте,³ – любезно ответил лётчик, удаляясь в пилотскую кабину.

– Принесите кофе и нашему африканскому другу, – попросил генерал.

Борттехник, оглянувшись, в недоумении уставился на масая. Ему показалось, что командующий шутит. Неслыханное дело, чтобы истинный ариец, как услужливый официант, разносил кофе неграм! Немец даже попытался улыбнуться, давая тем самым понять, что юмор господина генерала дошёл до адресата и в полной мере оценен.

– Вы не поняли, лейтенант? – холодно и зловеще осведомился Роммель. – Я попросил принести кофе обер-лейтенанту вермахта, господину Буру... Третий раз я повторять не буду, учтите...

Лейтенант Люфтваффе, уразумев, наконец, что знаменитый генерал не шутит, пулей сорвался с места, и вскоре довольный Буру уже прихлёбывал дымящийся ароматный напиток из такой же маленькой чашечки как и у Роммеля. Временно исполнявший обязанности адъютанта командующего после недавнего ранения лейтенанта Клейнера, капитан Дирк Зигель тоже попросил кофе. Когда молодой, зелёный лейтенант борттехник исполнил и его просьбу, Дирк по-дружески похлопал его по плечу.

– Как тебя зовут, старина?

– Колман, – охотно ответил лётчик.

– Запомни сегодняшний день, камерад.⁴ Ты везёшь самого генерала Роммеля! Англичане боятся его как огня и зовут Лис пустыни.

– О, да! Я наслышан о господине генерале, – восторженно проговорил борттехник Колман. – Вся Италия говорит о нём.

– Ну и что же говорят обо мне в Италии? – осведомился, услышав их разговор, командующий. Популярность в войсках ему льстила. И в то же время, генерал не любил, когда его сверх меры расхваливали и называли великим полководцем. Он чувствовал себя не очень уютно, опасаясь не оправдать высокого доверия и надежд, которые на него возлагали. Роммель считал себя всего лишь солдатом, от которого мало что зависит, и не хотел взваливать на свои плечи непосильную ношу военного гения.

– Вас считают вторым Бисмарком или Фридрихом Великим, – с пафосом воскликнул борттехник Колман.

– Что за чепуха! – поморщился Роммель. – А вторым Заратустрой меня ещё не считают?

² Данкешён – спасибо (нем.).

³ Битте – пожалуйста (нем.).

⁴ Камерад – приятель (нем.).

– Я не знаю, кто это, герр генерал, – недоуменно пожал плечами лётчик.

– Это сказочный персонаж легенды писателя Фридриха Ницше, которая называется «Так говорил Заратустра», – пояснил исполняющий обязанности адъютанта Дирк Зигель. – Весьма занимательное чтение.

Начальник штаба генерал Гаузе, вслушиваясь в разговор офицеров, счёл нужным уточнить:

– Вы забыли добавить, Дирк, что теория литератора и философа господина Ницше весьма импонирует фюреру. Он даже кое-что почерпнул из неё во время работы над своей собственной книгой «Майн Кампф». В частности, образ сверхчеловека. Отныне, это своеобразный эталон, к которому должен стремиться каждый настоящий ариец. Кстати, некоторые исследователи утверждают, что Фридрих Ницше имел польские корни. То есть, под образ сверхчеловека вовсе не подходил. Тем более, – под конец жизни начисто лишился рассудка и почти десять лет провёл в базельской психиатрической клинике.

– А вы, Альфред, – в своём седле! – не преминул поддеть подчинённого генерал Роммель. – Не можете, чтобы по привычке не ляпнуть ложку дёгтя в бочку с мёдом...

Масай Буру с удовольствием смаковал горячий тёмно-коричневый возбуждающий напиток, к которому приистрастился ещё в прошлую войну, когда служил в контрразведке полковника Форбека, и равнодушно слушал пустую, по его мнению, болтовню «глупых» белых людей. Среди них не было полковника Форбека, которого он боготворил и почитал даже выше кайзера всей Германии Вильгельма Второго. По наивности Буру думал, что ничего с тех пор не изменилось: кайзер по-прежнему правит империей, проклятые собаки англичане захватили его родину в Танганьике на плато Серенгети, а немцы продолжают войну, чтобы освободить свои законные владения и снова поднять имперский флаг над высочайшей вершиной Африки, гордой Килиманджаро – такого же гордого, величественного германского орла с короной.

Буру знал, что без полковника Форбека победы в Африке не будет, и был глубоко благодарен генералу Роммелю, который обещал доставить его к полковнику...

Рим поразил Буру не меньше, чем крылатый бог белых людей Мунгу, на котором он летал первый раз в жизни. В Европе масай тоже оказался впервые. До этого, за пределы Африки не выбирался и считал столицу Танганьики, город Дар-эс-Салам, Дар по-местному, величайшей столицей мира. Правда, побывав впоследствии в Триполи, а потом – во время итало-абиссинской войны – и в Аддис-Абебе, представления его о величии Дара несколько поубавились. Кругозор расширился, он понял, что есть города и побольше. Об этом же рассказывали полковник Форбек и некоторые германские

офицеры. Они наперебой расхваливали Берлин, восхищались им, и называли самым прекрасным городом Европы.

И вот масай Буру и сам оказался в стране белых людей, в одной из их столиц.

На аэродроме Роммеля встречали немцы и итальянцы, – толпа лощённых, вышколенных штабных офицеров, довольных своей службой вдалеке от театра военных действий в Северной Африке, а тем более – в гиблой снежной России. Приезжих провезли по городу, показав достопримечательности итальянской столицы, после чего доставили в шикарный отель, который густо обступали пышные платаны. На сегодня официальных мероприятий больше намечено не было. Встреча с генерал-фельдмаршалом Кессельрингом и адъютантом фюрера Николаусом фон Беловым предстояла на следующий день, с утра. Аудиенция у Бенито Муссолини – послезавтра.

– Господа офицеры, можете немного расслабиться, погулять по городу, слегка повеселиться, – объявил сопровождавшей его свите генерал Роммель. – Только предупреждаю: не увлекайтесь слишком итальянскими винами и молоденькими темпераментными итальянками. И следите хорошенько за своими карманами. . . Здесь вам не Фатерланд.

– Где живёт полковник Форбек, мзее генерал? – с нетерпением спросил масай Буру, простодушно полагая, что Рим – столица какой-нибудь германской провинции. – Ты обещал, что я его увижу, как только мы попадём в страну белых людей.

– Буру, ты неверно меня понял, – усмехнулся командующий. – Я сказал, что ты увидишь полковника. . . кстати, он уже давно не полковник, а генерал-майор! Так вот, я говорил, что ваша встреча произойдёт, как только мы доберёмся до Германии. Но мы пока в Италии, и твой кумир очень далеко отсюда, – на другой стороне Альп. . . Но мы обязательно поедem с тобой в Германию, я поговорю об этом с Кессельрингом, изложу свой план партизанской войны в Восточной Африке. Он, думаю, поймёт и одобрит мою идею, разрешит съездить к прославленному генералу. И тогда ты, бвана Буру, наконец-то увидишь своего Форбека. . . И, чем чёрт не шутит, может быть, даже – фюрера всех немцев, великого Адольфа Гитлера! Я добьюсь приёма у фюрера у него в ставке. Ведь у меня дело чрезвычайной государственной важности, от положительного решения которого, возможно, зависит судьба всей войны.

– Я не разбираюсь в делах белых людей, мзее Роммель, – коротко сказал африканец. – Но верю, что ты сдержишь своё слово и приведёшь меня в хижину полковника Форбека. Обещаешь?

– Обещаю, обер-лейтенант.

– Поклянись.

– Слово солдата! – серьёзно ответил Роммель.

Глава 9. В песках Сахары

Майор Пеняков, как и было оговорено в штабе генерала Окинлека, за неделю пополнил поредевший отряд новыми волонтерами. Нанял несколько ливийских арабов и берберов, трёх итальянцев из военнопленных и абиссинца из итальянского туземного батальона, одного американца, неизвестно каким образом оказавшегося в Египте, и даже двух русских – бывших военнопленных, работавших в Ливии в немецкой организации Тодта.

Ещё две недели ушло на подготовку намеченной операции «Лис пустыни». Пеняков часто бывал в штабе бригадного генерала Вилмера Робинсона, уточнял все детали и тонкости предстоящего рейда. В первый же день генерал поразил Владимира необычной просьбой. На заседании присутствовало ещё несколько британских офицеров, и генерал Вилмер Робинсон, обеда их кротким, любящим взглядом, скромно попросил:

– Господа, разрешите начать нашу встречу с молитвы. Чтобы Отец Небесный благословил её своим духом, вразумил нас, грешных.

Присутствующие, видимо, привыкли к этому, – опустили книзу глаза, сложили на груди руки. Генерал стал тихо молиться, изливая невидимому, но, по его мнению, всё слышавшему Богу свою душу. Владимир чувствовал себя не в своей тарелке: никогда ни в одном штабе он с подобным не сталкивался. Правда, родители его, люди набожные, в детстве водили Володю в храм в Брюсселе, молились дома перед образами. Но молитвы были православные, канонические, из молитвенников, – сопровождались крестным знаменем и глубокими поясными поклонами. Мать иногда молилась у себя в спальне, встав на колени.

Генерал Робинсон обращался к Богу своими собственными словами, как бы импровизировал. Пеняков нигде таких молитв не читал и не слышал в католических костёлах, куда иной раз захаживал. В Англии, в англиканских молитвенных домах, где бывал Владимир во время обучения в Кембридже, так тоже не молились. Робинсон благодарил Всевышнего за какого-то пророка Джозефа Смита, якобы восстановившего какую-то истинную Церковь на земле. Просил благословить ныне живущего пророка провидца и прорицателя, президента Церкви мормонов Хибера Гранта.

Владимир Пеняков слышал об этой американской секте, но не предполагал, что его непосредственный начальник, бригадный генерал Робинсон является её адептом. По правде говоря, майор был не лестного мнения об этой религиозной организации. В Англии мормонов недолюбливали за их фанатичное неприятие других конфессий. Мало того, последователи пророка Иосифа Смита подвергались преследованиям даже у себя на родине, в

Соединённых Штатах, особенно в конце прошлого, девятнадцатого века, когда шло становление Церкви. Мало того, Пеняков слышал, что их физически истребляли и силой изгоняли из некоторых восточных штатов на дикий Запад, в гиблую, засушливую и безводную пустыню в долине Солёного Озера в штате Юта.

Знаток и страстный любитель пустынь, Владимир был много наслышан об этой безжизненной некогда долине, которую губернатор штата Юта Бригам Янг, второй президент Церкви мормонов, за несколько десятков лет превратил в цветущий райский сад. Пенякову представлялось это чудом из волшебных арабских сказок, и он после совещания спросил об американской пустыне у бригадного генерала.

– Мистер Попский, вы не совсем ясно представляете себе долину Солёного Озера, – усмехнувшись, сказал Робинсон. – Правда, я тоже там не бывал, как и вы, и сужу об этих местах понаслышке. Но разговаривал с коренными уроженцами тех мест, американцами из штата Юта, мормонами, естественно... Эта пустыня только называется так интригующе, но она вовсе не похожа, к примеру, на африканскую Сахару. В долине Солёного Озера нет песков, почва хоть и каменистая, но не бесплодная, там произрастают всевозможные травы и даже деревья, есть не только озеро, но и реки. По большому счёту, это полупустыня, прерия по-американски. Там водятся различные животные, до прихода последователей Джозефа Смита, – кочевали племена индейцев шошонов... Так что превратить эти пустынные прерии в плодородные земли пророку Бригаму Янгу было гораздо легче, чем, к примеру, вам, майор, обустроить пустыню Сахару, если бы это вдруг взбрело в вашу голову, – в завершение пошутил Робинсон.

– Но я и не собираюсь этого делать, сэр, – пожал плечами Пеняков. – Тем более, я не мормон, а православный по батюшке. Я просто подумал, услышав, что долина Солёного Озера – пустыня: как можно превратить в плодородную почву, на которой колосятся пшеничные поля и цветут фруктовые сады, безжизненные пески, как у нас в Египте и соседней итальянской Ливии.

– Что ж, каждому сыну Божьему даётся право собственного выбора, – тоном религиозного проповедника задумчиво произнёс генерал. – А насчёт превращения песков в чернозём скажу, что Богу всё по силам. Превратил же он на свадьбе в Кане Галилейской воду в первосортное вино.

– Смею возразить, сэр... Тоже, мне кажется, из области фантастики, – замялся Владимир, не сильно доверявший Библии, когда дело касалось точных, проверенных наукой вопросов.

– Веры у вас мало в душе, мистер Попский, – укоризненно взглянул на него Робинсон. – С верой – всё возможно! Будь у вас в душе вера хотя бы величиной с горчичное зерно, – вы смогли бы сказать, к примеру, пустыне, что лежит на

запад от Каира: «Обратись в цветущий зелёный сад!» – и было бы по-вашему.

– Ну да, о миражах я тоже слышал, – скептически усмехнулся Пеняков. – Даже сам несколько раз видел в пустыне во время рейдов.

– Я говорю серьёзно! – строго взглянул на подчинённого бригадный генерал. – И не о миражах, а о вполне реальных вещах... Ведь вы же не будете отрицать, Попский, что в пустыне существуют оазисы? Как они там появились?

– Известно как, – подземные источники на поверхность песков пробились.

– Но каким образом песок превратился в почву, на которой выросли пальмы и различные кустарники, злаковые, трава? – настаивал на своём Робинсон. – А кто подвёл к этому месту подземный источник? Неужели вы думаете, что всё произошло по чистой случайности? Нет, смею вас заверить, ничего случайного в мире нет. Всё в руках Господа Вседержителя. Всё происходит по его всеобъемлющей воле.

– Ну, в религиозных вопросах я не большой знаток, господин бригадный генерал, – сдался, наконец, Пеняков. – Будем надеяться, что Бог очистит от песка пустыню, а мы пока будем её очищать от нацистов и итальянцев...

На базе «Истребительного отряда дальнего действия № 1» заканчивались все приготовления к очередному рейду в глубокие тылы немецких и итальянских войск. Операция по деблокированию гарнизона Тобрука под названием «Крестonosец» должна была начаться со дня на день. Форсированию английского контрнаступления способствовало и отбытие генерала Роммеля в Италию. Окинлек решил воспользоваться этим шансом, дарованным Богом и провидением, и разбить немецкий Африканский корпус в отсутствие его «гениального» руководителя. Его заместитель и начальник штаба, а тем более союзные итальянские генералы – не в счёт. Хвалёные дивизии Муссолини англичане, до появления в Ливии Африканского корпуса, щёлкали как семечки.

В рамках «Крестonosца» Владимир Пеняков приступил к собственной малой операции «Лис пустыни». Но «малой» она была только на словах и – в штабных документах. Разведчикам предстояло проделать по пустыне почти тысячу миль, уничтожая по пути склады неприятеля, мелкие разъезды и опорные точки, блокпосты на дорогах, перерезая телефонные провода и устраивая другие диверсии. Сея в тылах противника страх, панику и неразбериху.

В рейд решено было отправиться группой из шести «Виллисов», по два-три человека на каждом, плюс грузовой автомобиль с остальной необходимой поклажей. Для этой цели подобрали немецкий трёхтонный «Форд» G997 St III b, развивавший скорость по шоссе больше восьмидесяти миль в час. Для во-

дителя и двух пассажиров в просторной трёхместной кабине на всякий случай приготовили три комплекта тропической формы вермахта, в том числе один – офицерский. Людей для выполнения ответственного задания командования майор Пеняков, как всегда подбирал сам, во время короткого собеседования. Он должен быть уверен, что боец готов к выполнению боевой задачи не только физически, но и морально.

Последним в длинной череде собеседований был разговор с двумя русскими, бывшими военнопленными, которых звали Сергей и Николай. Первый сразу же вызвал сомнения в душе проницательного майора, – сильно истощён, запуган, неряшливо одет. Больше интересовался полевой кухней, чем порученным делом. Да и поручить ему по большому счёту пока было нечего: машину водить он не умел, подрывное и сапёрное дело не знал, в войсковых средствах связи не разбирался. Пеняков решил оставить его в лагере сторожить свою палатку и присматривать за коброй. Николай же был первоклассным шофёром, умел водить трактор, разбирался во многих марках пулемётов, неплохо знал немецкий язык, и майор, не задумываясь, зачислил его в диверсионную группу...

По шоссейным и просёлочным дорогам Египта, на север, в сторону побережья Средиземного моря тянулись нескончаемые колонны английских колониальных войск, доставленных сюда на огромных океанских пароходах и выгруженных в порту города Суэца. Небольшая группа запылённых американских внедорожников и грузовой «Форд» Пенякова, обгоняли их на скорости по обочине. Владимир с интересом разглядывал открытые грузовики с австралийской и новозеландской пехотой, одетой в новенькую форму цвета хаки, в ковбойских шляпах на головах. Южно-африканцев, среди которых были в основном буры-африканеры, он узнавал по колониальным пробковым шлемам. Туземные полки африканских аборигенов-аскари, а также выносливые индийцы шли своим ходом, пешком. Солдаты сгибались под тяжестью громоздких армейских ранцев и прочей поклажи. Чёрные лица африканцев и бронзовые – индийцев блестели от пота, будто жирно смазанные мастикой, на груди, спинах и под мышками лёгких хлопчатобумажных мундиров расплывались большие влажные пятна, по краям уже взявшиеся неровной корочкой соли.

Лязгая стальными гусеницами, весело бежали по обочине новенькие, только с завода, британские танки «Валентайны», доставленные в Египет окружным путём, мимо Игольного мыса, – самой южной точки Африки, и мыса Доброй Надежды. Ползли лёгкие американские танки М-3 «Генерал Стюарт», ласково прозванные английскими томми «Милягами», – модифицированные специально для британских войск американские средние танки М3 «Грант» и американские же «Шерманы» М4А1 HVSS.

Мощные армейские тягачи тащили тяжёлые пушки и зенитки, лёгкие орудия перевозили трёхтонные грузовики, окрашенные в защитные жёлто-коричневые пятнистые цвета пустыни. Над скопищем войск кружили звенья истребителей «Спитфайр», «Харрикейн» и устаревших бипланов «Гладиатор». Большие группы английских скоростных лёгких бомбардировщиков «Бристоль Бленхейм» и двухмоторных – «Виккерс Веллингтон» летели на северо-запад, бомбить немецкие и итальянские войска, осаждавшие порт и крепость Тобрук.

Операция «Крестonosец» набирала ход, и отряд Пенякова, направлявшийся по особому заданию, буквально увяз в этом невообразимом людском и металлическом месиве.

– Сэм, нужно срочно выбираться на прямую дорожку в нашей любимой пустыне, – подал голос водитель Джек Парсон, сидевший за рулём командирского «Виллиса». Рядом, напротив ручного пулемёта, вертя во все стороны головой в арабском платке-куфии, который англичане называли «шемагом», пристроился новобранец Николай. Майор Пеняков взял его в свою машину пулемётчиком, – хотел, чтобы тот попутно постажировался в вождении «Виллиса». Сам майор жался на заднем сиденье, справа от тяжёлого станкового пулемёта; у стенки, – всё свободное место занимало несколько вместительных канистр с питьевой водой, три цинка с винтовочными патронами, тысяча крупнокалиберных патронов для пулемёта, ящики с гранатами, матерчатые сумки с противогазами, картонные коробки полевых сухпайков, брезентовый тент, палатка. Помимо всего, на корпусе джипа, начиная от капота и заканчивая задним бортом, было приварено несчётное количество металлических крюков, на которых висело шесть двадцатилитровых канистр с бензином, шанцевый инструмент, рюкзаки со снаряжением, средства навигации, связи и масса других необходимых в рейде мелочей. Такой же груз навьючен на каждый из шести «Виллисов», отчего машины были похожи на маленьких, но очень выносливых арабских осликов, или на живописные цыганские кибитки. Самым ценным считались канистры с бензином, позволявшие увеличить запас хода внедорожников до тысячи миль и больше.

На базе специалисты-ремонтники хорошо подготовили «Виллисы» к дальнему пути по ливийскому бездорожью: с них снимали рамки с лобовыми стеклами, чтобы установить пулемёты. Спилили все поперечные перекладки, а также решётки радиаторов для улучшения охлаждения в условиях пустыни. Спереди, рядом с сиденьем водителя, установили американский пулемёт Browning M1919 – 7,62 калибра, а в кузове смонтировали Browning M2, калибра 12,7. На командирском «Виллисе» Пенякова впереди стоял английский Vickers K. Всё не вместившееся в джипы имущество подразделения, а также запас масла, воды,

провианта загрузили в трёхтонный немецкий «Форд». Он, правда, значительно замедлял движение спецгруппы, зато в случае встречи с противником мог сослужить добрую службу. Для этого и припасены комплекты немецкой тропической униформы...

* * *

Аменокаль туарегов Идигер аг Муса с пятью оставшимися в живых приближёнными имхарами, двумя вассалами-имрадами и чернокожим энадом – ремесленником вот уже неделю шли по сыпучим пескам в направлении оазиса Юфитран, что находился в Сахаре недалеко от границы с французским Алжиром, где-то километрах в пятидесяти к юго-западу от города Мурзука в Фецчане. У беглецов совершенно не было с собой пищи и, самое главное, – ни капли воды. Уже на второй день люди стали просто валиться с ног от усталости и жажды, и Идигер послал двоих, самых сильных и выносливых имхаров, в пустыню, подстрелить какую-нибудь дичь. Туареги долго не могли отыскать в песках никакой живности. Водившиеся в этих гиблых местах антилопы-орикс, ещё издали увидев измождённых охотников, стремительно бросались наутёк, и пули из итальянских автоматов, запоздало выпущенные туарегами вслед пугливым животным, только бесполезно взрыхляли песок далеко от их копыт. Наконец им посчастливилось подстрелить змею, небольшую молодую кобру, и беглецы накинудись на неё с яростью изголодавшихся зверей. Рвали тело рептилии на части, жадно высасывали кровь, не обращая внимания на то, что она густо заливает их головные повязки-покрывала, – тукурди на языке народа хауса, отчего они из тёмно-синих превратились в ярко-красные. С удовольствием чавкали, разжёвывая острыми белыми зубами, окрашенными свежей кровью, сладкую, как сахар змеятину, чувствуя как желудок наполняется непердаваемо приятным ощущением блаженной сытости. Буквально проглотив за считанные минуты кобру, так что от неё осталась только голова со страшными ядовитыми зубами, имхары почувствовали необычный прилив свежих сил и бодрости, продолжили путь по пескам. Взобравшись на высокий дугообразный, похожий на лук африканских туземцев-негроидов, бархан, увидели небольшое стадо диких одногорбых верблюдов – дромадеров, идущих куда-то по пустыне. Туареги обрадовались. Один из них вскинул итальянский пистолет-пулемёт «Беретта», чтобы сейчас же открыть огонь, но другой его удержал.

– погоди, Амасган, не стреляй! Что толку, если ты убьёшь одного верблюда, а остальные убегут в пустыню, и мы их больше не найдём.

– Ну и что? Зато мы досыта наедемся верблюжьего мяса и напьемся крови, – ответил Амасган. – Не забывай, Фирхун, что наш султан Идигер всё ещё голоден и умирает от жажды. На всех за глаза хватит и одного верблюда.

– Амасган, ты, как я посмотрю, такой же глупый, как этот верблюд, – презрительно глянул на него Фирхун. – Если мы пойдём вслед за животными, они обязательно приведут нас к воде. Там мы сможем подстрелить столько всякой дичи, сколько захочем. К тому же вдоволь напьёмся воды и возьмём с собой про запас... Нархай алларх!

– Нархай алларх! – пугаем повторил Амасган священные слова заклинания, которое туареги обычно произносят перед тем, как отправиться всем племенем на реззу – грабёж стоянок противника.

Вскоре впереди показалась возвышенность, а ещё через несколько километров пути – хаотичное нагромождение невысоких скал, вырастающих прямо из песка, как стволы деревьев. Внизу разливался, синевя на солнце, водоём, в котором копошились какие-то мелкие, похожие на птиц, существа. Их было так много, что берег водоёма казался живым: он всё время шевелился и то и дело менял очертания. Уставшим, одуревшим от солнца путникам виделось всё столь чётко, что они невольно усомнились: уж не мираж ли это? До водоёма, возле которого не было ни одного зелёного деревца – только бурые скалы и жёлтый песок, – на глаз не больше километра. Во всяком случае, так им представлялось.

Идти, однако, пришлось довольно долго. Они всё время следовали по пятам верблюдов, но водоём не приближался, а как будто даже отдалялся от них. Словно убегал с той же скоростью, с которой они к нему шли.

– Это мираж, Фирхун. Хватит, – пал, наконец, духом амахар Амасган. – Шайтан заманивает нас в преисподнюю, чтобы погубить, как всех остальных из нашего несчастного каравана... Давай застрелим крайнего верблюда, наедемся вволю свежего сладкого мяса, напьёмся верблюжьей крови и отнесём мяса Идигеру и другим имхарам... Мы никогда не дойдём до этого благодатного источника, потому что нельзя дойти до цели, которой нет!

– Амасган, можешь отправляться назад к Идигеру и его людям, – отрывисто бросил целеустремлённый и фанатично упрямый Фирхун. – Скажи аменокалю, что я нашёл подземный источник и вскоре достигну его, несмотря на все проделки Шайтана! Пусть идёт по моим следам: возле источника его будет ждать обильная пища и влага, которой хватит, чтобы добраться не только до нашего родового оазиса Юфитран возле озера Умм-Убари, но даже до Египта, до его главного города Каира или до ливийского Бенгази.

– Я так и сделаю, Фирхун, я вернусь к Идигеру и всё ему расскажу, как ты велел, – согласился с товарищем туарег. – И горе тебе, если ты соврал и всё вовсе не так, как ты говоришь. Идигер с живого сдерёт с тебя кожу и выпьет твою кровь, чтобы утолить жажду. Ты знаешь нашего повелителя...

Султан Идигер от невыносимо-палящей жары уже плохо соображал и почти не видел. Он лежал на песке, на животе, и бесцельно смотрел вдаль. Рядом без движения застыли в разных позах три имхара из его свиты, чуть поодаль сидели – спина к спине – имрады. Отдельно от всех, презираемый благородными туарегами, понуро сунулся на корточках негр-энад из касты кузнецов и ремесленников.

Приблизившегося амахара Амасгана, замотанного до глаз синим платком-покрывалом, Идигер принял за берберку Тамалу, – свою бесплотную тень, сбежавшую от него в приморском Дерне. Она предстала перед ним полностью обнажённой, и султан заскрежетал от бессильной ярости зубами: проклятые белые люди мало того, что отняли у него жену, но ещё и надругались над ней самым бессовестным образом! Ведь у туарегов даже во время войны не принято до нага раздевать захваченных женщин враждебного племени. Это всё равно, что сорвать с лица поверженного врага его головной платок! Только люди без чести и совести способны на такое святотатство. Да ещё – бледнолицые волки, густо населившие с недавних пор прибрежные города Триполитании и Киренаики.

... Тамалу шла к нему, соблазнительно покачивая крутыми бёдрами. Стройные, гибкие ноги молодой беглянки едва касались раскалённого песка – она, как будто плыла по воздуху, загадочно улыбаясь ему, Идигеру. Видимо тем самым просила прощения за побег... Он, конечно же, её простит. Как можно не простить девушку, у которой такие умопомрачительно округлые, нежные груди и мягкий, и в то же время упругий, словно каучуковый мяч, живот.

– Господин, вставай и радуйся! Мы с Фирхуном аг Иклу нашли водопой и много-много верблюдов, – почему-то голосом амахара Амасгана, прокричала берберка Тамалу и дружелюбно помахала ему рукой, в которой был почему-то автомат «Беретта». – Вставай, мой господин, я укажу тебе путь к источнику.

Услышав голос товарища, имхары на песке зашевелились, двое с трудом поднялись на ноги, один, сидя по-турецки, разглядывал подходившего Амасгана из под козырька ладони. Идигер разгневался:

– Мохаммед, не гневи Аллаха! Не смотри на мою жену Тамалу – видишь, она совсем без одежды, – еле ворочая языком от невыносимой жажды, проговорил султан. – Наверно, подлые разбойники Ливийской пустыни, берберы или арабы, ограбили и раздели её. Отвернись сейчас же, иначе я найду в себе силы вырвать твои бессовестные глаза! Недаром я с рождения зовусь орлом... И вы двое – тоже! Что пялитесь на обнажённую женщину? Разве настоящие, уважающие себя туареги нарушают незывлемые законы наших священных предков, а главное – закон пустыни?

Имрадам он ничего не сказал, потому что те предусмотрительно отвернулись от якобы идущей к ним по песку обна-

жённой берберки Тамалу, неверной жены хозяина. Хотя очень чётко даже с такого расстояния увидели, что это вовсе не голая женщина, а закутанный в широкие одежды мужчина. Ремесленнику знаду султан тоже не сделал замечания, хоть тот во все глаза глядел на его предполагаемую супругу. Идигер до такой степени презирал его, что даже не считал мужчиной. Негр для него был кем-то вроде шута, которые всюду допускаются, даже на женскую половину в шатре знатного кочевника.

– Но, господин, ты ошибаешься, – взмолились в один голос трое имхаров. – Это не твоя жена, беглянка Тамалу, а всего лишь Амасган, который пришёл с доброй вестью... И пусть бы он даже был совсем обнажённый: без хайка, штанов, сандалий-ирратименов, – на нём покрывало-тагельмуст, закрывающее лицо, а главное рот. И нам вовсе не стыдно смотреть на него, потому что все приличия соблюдены, и древнее табу предков не нарушено.

– Неужели это был всего лишь мираж, и я схожу с ума?! – простонал обессиленный Идигер.

– Это мираж, господин. Никакой Тамалу нет, – заверил грозного повелителя амахов Мохаммед. – Вставай, мы отведём тебя к воде, и ты снова будешь жить и здраво мыслить... А берберка Тамалу никуда от тебя не денется. Мы всё равно разыщем её, пусть она даже заберётся в преисподнюю к самому Шайтану.

Идигер, бережно поддержанный под руки имхарами, осторожно поднялся на ноги и поковылял по песку за Амасганом. Двое вассалов-имрадов и негр ремесленник почтительно шли в отдалении, как бы прикрывая тыл процессии. Не знатные туареги, которые даже внешним видом, бедной одеждой и обувью, сильно отличались от аристократов, о чём-то вполголоса переговаривались между собой. Негр всё время молчал, как будто в рот воды набрал, хотя хорошо знал язык туарегов, «тамашек». Ремесленникам не разрешалось встревать в разговор вольных людей – «имошаг» на языке тамашек. Их третировали не только за низкое происхождение. Большинство энаденов весьма беспринципны в моральном отношении: сквернословили, пьянствовали, занимались сводничеством, шпионили за хозяйскими слугами-икланами и жёнами имхаров.

Амасган шагал довольно бодро, и туареги имхары то и дело окликали его, чтобы не спешил, – обессиленные, они не могли поспевать за ним. К тому же их сильно задерживал еле плетущийся Идигер. Когда они с невероятным трудом, убив несколько часов, добрались, наконец, до источника – был уже глубокий вечер. Жара начала спадать и дышать стало значительно легче...

Фирхун, распугивая пришедших на водопой животных, несколько раз спускался с прибрежного дна вниз, к пробившемуся из-под земли источнику у подножия скал, напился так, что живот вздулся и стал смахивать на большой военный барабан – тобол,

символ власти аменокаля. Вода была иссиня чёрного цвета, какая-то маслянисто-грязная, вязкая, противно пахла верблюжьими испражнениями и имела неприятный солоноватый привкус. Убивать дичь туарег не решался, опасаясь выстрелами привлечь внимание пастухов из враждебного племени, которые, вероятно, находились где-то поблизости и тоже время от времени пригоняли на водопой стада домашних животных. Амахар думал, что не плохо было бы поймать пару-тройку верблюдов и взять с собой, но как это сделать, не знал. Всю жизнь занятый только войной и караванным разбоем в пустыне, – реззу, чем и подобает заниматься любому знатному, благородному амахару, – Фирхун аг Иклу был совершенным профаном в бытовых вопросах, не умел охотиться, а тем более ловить диких верблюдов. Его собственные стада коз, овец и верблюдов пасли имрады – верные вассалы; в доме, помогая жене, прислуживали икланы – люди из касты бывших рабов-африканцев; все необходимые хозяйственные предметы и оружие изготавливали энадены – ремесленники-кузнецы. Фирхун палец о палец не ударял, чтобы сделать что-нибудь собственными руками. Это было запрещено суровыми законами пустыни. Его уделом были только война и разбой! Вооружённый грабёж на караванных дорогах и в редких селениях оазисов считался своеобразной рыцарской доблестью знатного туарега-амахара. Не случайно в их языке слово «амахар» имело тот же корень, что и глагол «грабить». Это, в представлении аристократической касты кочевников, считалось символом свободы, высокого общественного положения.

Когда к водному источнику приплелись измождённые имхары, таща под руки полуживого, одуревшего от жары, жажды и голода Идигера, и вассалы с ремесленником, – на водопой опять собралось много одногорбых верблюдов. Среди них были видны небольшие стада газелей-мохр и антилоп-орикс. Попадались отдельные особи круторогих горных муфлонов. Аменокаль, едва увидев желанную влагу, хотел тут же бежать вниз, к источнику, боясь, что это опять мираж, – грязно-синяя, взбаламученная десятками копыт животных, вода ему только чудится, и скоро исчезнет. А он так и не напьётся. Туареги едва удержали предводителя, усадили в остывающий тёплый песок, чтобы не мешал, достали оружие.

Вскоре в оазисе загремели автоматные, пистолетные и винтовочные выстрелы: пули безжалостно поражали склонивших головы над водой верблюдов, испуганно метнувшихся в разные стороны газелей и антилоп, стремительно выскочивших на берег муфлонов. Эхо выстрелов, гулко отдаваясь в горах, многократно увеличивало количество залпов, отчего казалось, что у подножия скал идёт нешуточная битва. Туареги стреляли и стреляли в беззащитных, обезумевших от ужаса, спасающихся от пуль животных, пока на берегу источника не осталось ни одного живого верблюда, антилопы либо муфлона. Все, что уцелели в этой жестокой

бойне, разбежались по пустыне. В воде и на песке громоздились только неподвижные, окровавленные туши. Некоторые тяжело раненые животные пытались встать, но снова падали. Вышедшие на берег туареги безжалостно и хладнокровно добились их выстрелами в ухо, или ударами по горлу боевого меча – такуба.

Убитые животные, а главное – вода источника дали возможность беглецам преодолеть остаток пути... Имхары, хорошо подкрепившись свежими внутренностями антилоп, терпеливо дождались, когда вассалы разведут костёр и поджарят на огне нанизанное на копыя мясо. Остальную добычу слуги-имрады тщательно разделали старинными родовыми кинжалами кочевников, нарежали мясо большими тонкими полосами, разложили на камнях вялиться. Из желудков и кожи шеи верблюдов чернокожий ремесленник-энад смастерил нечто похожее на бурдюки, в которые набрал воды из источника.

На следующий день снова до отвала наелись, напились воды, забрали, сколько смогли унести на себе, оставшееся мясо. Тронулись в дорогу, которой, впрочем, не было – кругом простиралось лишь дикое холмистое бездорожье. Километров через десять самый глазастый из путников – аменокаль Идигер первым заметил вдаль, среди высоких и крутых песчаных барханов, зелёный оазис.

– Мы дошли, воины! Вот он, долгожданный оазис Юфитран, и наше родное селение, – обрадовался предводитель, обращаясь к своим имхарам. С имрадами, как с людьми значительно низшей социальной группы, он не разговаривал, а негра энада вообще не считал за человека. Тот ему, впрочем, платил той же монетой, испытывая глубокую ненависть и презрение. Тем более сейчас, когда аменокаль в очередной раз опрометчиво принял желаемое за действительное! Ведь родной оазис, кроме Идигера, больше никто не видел, и не потому, что зрение у того было, как у орла, оправдывая гордое имя... Просто все твёрдо знали: до оазиса Юфитран ещё ровно шесть раз по столько, сколько они уже до этого прошли. И видение предводителя – очередной сахарский фантом, вроде недавней глупой химеры с обнажённой беглянкой Тамалу.

Кто ещё, как не последний глупец, вроде спесивого Идигера, принимает в пустыне причудливые миражи за действительность!

Глава 10. Триполи

Столица Ливии Триполи была забита всё прибывающими и прибывающими из Италии немецкими и итальянскими войсками, автомашинами с грузом, танками, бронетранспортёрами, самоходками, зенитками, полевой – тяжёлой и лёгкой – противотанковой артиллерией. Узкие улочки были почти безлюдны, местные жи-

тели, в основном итальянцы, уже так горячо не приветствовали прибывшие войска немецких союзников, как это было в начале года. А арабам, вероятно, без разницы, какое колониальное ярмо таскать на своей худой шее: итальянское, немецкое или английское. По большому счёту, им хотелось только одного: чтобы белые люди совсем убрались из Ливии со всеми своими танками, пушками и самолётами. И чем скорее, тем лучше.

Капитан Кляйн радовался в душе, смотря с переднего сиденья «Виллиса» на эту стальную мощь, способную смести с лица земли все преграды, опрокинуть английский фронт на востоке и захлестнуть Египет. Сидевший на заднем сиденье Чезаре Эспозито бурно реагировал при виде длинных колонн немецких тяжёлых грузовиков с итальянской пехотой. Подбрасывал вверх форменную тропическую бустину защитного цвета, и во всю глотку орал «Аванти!»⁵ – боевой клич своих земляков.

Товарищи по оружию помалкивали, не разделяя восторга Чезаре. Но когда, вслед за пехотой, показались итальянские танкетки «Карро Велоче» L3/38, вооружённые всего лишь одним 13,2-миллиметровым пулемётом «Breda», и несколько средних, по итальянской классификации, танков «Carro Armato» M.13/40, фактически являвшихся лёгкими, Феликс Кляйн не выдержал и презрительно фыркнул:

– «Коробки для сардин» поехали... Немецкие танкисты шутят, что англичане щёлкают их из своих пушек, как грецкие орехи. Да и грузовики довозят итальянских берсальеров и стрелков-пехотинцев только до Бенгази, дальше они топают по пустыне своим ходом, либо едут на повозках или верблюдах. По оценке военных специалистов в Ливии, армия дуче напрочь лишена мобильности, и воюет так, как будто на дворе всё ещё начало века.

– Что поделаешь, команданте, на нас не работает вся Европа, как на вашу Германию, – тут же парировал Чезаре. – Италия, бедная страна... К тому же, потеряла уже все свои колонии в Восточной Африке... Но дуче Муссолини, несомненно, – подлец! – неожиданно закончил сицилиец свою пламенную речь. – Я и мои друзья-пиччотти никогда не простим этому жирному, напыщенному борову тот погром, который он учинил в Сицилии в январе 1926 года. Вернее, не он сам, а его верный цепной пёс, мой тёзка – чтоб ему было пусто! – Чезаре Мори, «Железный префект» Палермо.

– Опять ты о каких-то ваших мафиозных делах, Бамбино? – скривившись, осведомился Иван Андреюшкин. Он ласково обнимал за плечо берберку Тамалу и всю дорогу не отрывал от неё влюблённого взгляда. Она отвечала тем же.

– Тебе, конечно, наплевать на всё, русский. Тебя это не коснулось и вообще, у вас в заснеженной России нет мафии, – быстро

⁵ *Аванти (Avanti) – вперёд! (итал.).*

и горячо заговорил Чезаре. – Но я хорошо помню, что устроил тогда Железный префект в селе Ганджи, негласной мафиозной столице Сицилии. Мне тогда едва исполнилось двадцать лет, и я, бамбино, был тогда там, в Ганджи... Чезаре Мори плотно окружил село карабинерами и значительными полицейскими силами, как будто перед ним была вражеская территория и кругом полыхала настоящая война, как сейчас здесь, в Африке. Префект обыскивал дома рядовых пиччотти, а каменные крепости видных мафиози брал штурмом. Задерживал всех подозреваемых, а если кто находился в бегах, – брал их жён и детей в заложники, чтобы беглецы поскорее сдавались. Мори, не колеблясь, проводил осаду городов, применял пытки заключённых, в том числе женщин. В общем, показал себя настоящим фашистом. Мне чудом удалось унести ноги.

– Я думаю, Чезаре, что ваш префект действовал правильно, – подал голос в защиту Мори капитан Кляйн. – В государстве должен быть твёрдый порядок и сильная власть. А мафия подрывает основы государства, вносит анархию и беспорядок. Это преступная группировка, а с преступностью нужно бороться.

– Иногда законная власть хуже всякой Коза Ностры, Каморры или Стидды, – не согласился с командиром Чезаре. – Ты не бывал у нас в Италии, команданте. Чиновники до такой степени погрязли в различных криминальных махинациях, взяточничестве и казнокрадстве, что простые сицилийцы идут за правдой в «семью» к «крёстному отцу» – *padrino*, по-нашему, чтобы найти у него управу на этих бандитов в мундирах и при всех регалиях!

За разговором не заметили, как подъехали к просторному двухэтажному особняку – тропическому бунгалу, выстроенному в колониальном стиле – стоявшему в живописном окружении разлапистых низких пальм на окраине города, недалеко от моря, в новом европейском квартале. В застройке преобладала смесь итальянской и арабской архитектурных манер, но было что-то и от русской, – дореволюционной. Лепные кариатиды на фасаде, по обеим сторонам высоких окон, и на пилястрах первого и второго этажей, использование в убранстве здания мотивов античности, греческих военных доспехов и оружия, оплетённых замысловатым орнаментом, узорчатая дата постройки: «1933 год», – искусно изображённая вверху, над окнами балюстрады.

Иван невольно залюбовался особняком, враз оживившим в душе воспоминания о далёкой России. В его родном городе, Ростове-на-Дону, в старой части, особенно на главной улице Энгельса – до революции, Большой Садовой, – много старинных зданий с подобной архитектурой. И кариатиды с атлантами ему хорошо знакомы: в детстве он всегда восторгался их грацией и силой, проходя мимо фронтонов домов, украшенных их полуобнажёнными фигурами. Маленькому Ивану тогда казалось, что

они поддерживают своими могучими плечами кровли зданий и основания верхних балконов.

Капитан Кляйн с соратниками и берберкой Тамалу вышли из автомобиля, Ганс отогнал его чуть в сторону от подъезда, заглушил двигатель и тоже покинул «Виллис». Навстречу гостям уже спешил с распростёртыми объятиями престарелый, почти семидесятилетний профессор Кляйн. Он крепко обнял сына, дружелюбно поздоровался с его спутниками. На верхней ступеньке полукруглой широкой лестницы, у дверей стояла высокая, чуть полноватая, красивая стройная негритянка с длинными, прямыми, чёрными как смоль волосами, распущенными по плечам. Даме на вид было лет пятьдесят. Одея она была в длинное европейское кружевное платье без рукавов и широкополую белую шляпу от солнца. Черты лица правильные, не похожие на негроидные, – смахивала на абиссинку; мочки ушей сильно оттянуты книзу и проколоты. Их украшали большие круглые золотые серьги в форме браслетов. Это была, по-видимому, мать Феликса, Бронислава в крещении, до замужества – дочь вождя масаев Боипелло, о которой он часто рассказывал. Пока Борис Иванович крепко обнимал и целовал сына, мать терпеливо ждала своей очереди.

Едва оторвавшись от отца, Феликс стремительно бросился по ступенькам к матери. Она прослезилась, нежно прижимая голову дорогого человека к своей груди, которая его вскормила. Глазом не успела моргнуть: сын уже оперился и вылетел из гнезда! О, боги, где её маленький, вихрастый, хорошенький мальчик Феликс, которого она терпеливо и любовно укачивала в колыбели? Перед ней – взрослый, папахивающий табаком, потом и военной амуницией, взрослый мужчина, боевой офицер германского вермахта. Думала она когда-нибудь, что увидит его таким?

Феликс представил родителям своих подчинённых и бербурку Тамалу. У Брониславы невольно мелькнуло в голове, что девушка – невеста сына, и он привёз её, чтобы показать родителям. Как объяснял муж, у русских это называется «смотрины». Но потом женщина изменила своё мнение, видя, что берберка всё время льнёт к светлородому обер-ефрейтору со странным для немца, русским именем Иван. Феликс пояснил, что Иван – русский, а берберка Тамалу его невеста, за которой охотится страшный и коварный Идигер – главарь шайки разбойников-гуарегов.

– Отец, можно Тамалу временно поживёт в нашем доме? – смущённо попросил Феликс. – Ей угрожает опасность. Мы еле спасли её от Идигера в прибрежном городе Дерна на севере Киренаики... Она вполне годится на роль служанки, да и матушке будет с ней не скучно в твоё отсутствие...

– В моё отсутствие? – недоуменно глянул на сына профессор Кляйн. – Что ты имеешь в виду, Феликс? Я никуда не собираюсь отлучаться из дома.

– Это как раз и является основной целью моего визита, – загадочно проговорил Кляйн младший. – Могу я поговорить с тобой наедине, отец, пока матушка с Тамалу накроют на стол?.. Кстати, мы привезли вяленое мясо газелей, которых настреляли по дороге. Я пошло своих людей к машине, пусть занесут всё в дом.

– Хорошо, сын, – согласно кивнул профессор. – Как только вернёшься, проходи сразу в мой кабинет. Я тебя жду.

Капитан Кляйн быстро сделал необходимые распоряжения, ещё раз нежно поцеловал мать, постучал в дверь кабинета.

– Заходи, заходи, Феликс! Без церемоний, – раздался бодрый голос отца.

Профессор Кляйн сидел за длинным прямоугольным столом, заваленном книгами, журналами, географическими картами и рукописями. Дымил своей неизменной короткой трубкой, которую вывез ещё из России где-то полвека назад. Феликс, сколько себя помнил, всегда видел отца с этой трубкой. Он достал пачку немецких армейских сигарет и тоже с наслаждением закурил.

– Я тебя слушаю, отец, сын.

– Видишь ли, отец, командование поставило перед моим специальным разведывательно-диверсионным подразделением весьма ответственную задачу, – заговорил капитан вермахта Кляйн. – Нам необходимо проникнуть на вражескую территорию, в Египет, достичь Каира и уничтожить штаб главнокомандующего британской группировкой в Северной Африке генерала Окинлека.

– Это реально, Феликс? – окутываясь сизым табачным дымом, вопросительно взглянул на него профессор.

– Я солдат и не привык обсуждать приказы высшего руководства, – с пафосом объявил Феликс. – Дело не во мне, отец...

– А в ком?

– В тебе... – замылся, пряча смущённо глаза, Феликс. – Акция по уничтожению генерала Окинлека только часть общего плана. Другой группе разведчиков под руководством офицера «Аненербе» предстоит найти в долине великих пирамид в Гизе секретную информацию, оставленную настоящими строителями пирамид, людьми внеземной инопланетной цивилизации. В «Аненербе» имеются неопровержимые доказательства, что такая информация существует, – искать её нужно в пирамиде Хиопса и у Большого Сфинкса. Учебно-исследовательский отдел культуры Северной Африки под руководством унтерштурмфюрера СС, доктора наук Отто Рёслера давно занимается этой проблемой. Он лично курирует эту операцию. Скажу больше: сам фюрер заинтересован в скорейшем решении поставленной перед нами задачи.

– Но я не улавливаю прямой связи между убийством британского генерала и экспедицией в Гизу, которая находится под Каиром? – вопросительно взглянул на сына Кляйн старший. – Здравомысленно рассуждая, экспедицию к пирамидам нужно провести

как можно тише, не привлекая внимания англичан... А тут стрельба, диверсия, убийство Окинлека... Не понимаю...

– Ты только этого не понимаешь, отец? – сухо осведомился Феликс.

– Не только... Но ответ сначала хотя бы на это.

– Отец, не будь настолько наивен, чтобы не понимать таких простых вещей, – убедительно начал Феликс. – Никто тебе не даст спокойно копать в пирамиде на плато, которое просматривается со всех сторон на многие километры, вернее, английские мили. Только подняв шум и стрельбу в одном месте, можно отвлечь противника от другого. Как известно: в мутной воде легче ловить рыбу! Причём отвлекающих ударов будет два: помимо нападения на штаб Окинлека, севернее Каира, в районе Эль-Аламейна ночью будет сброшен ещё один десант, который с утра начнёт там боевые действия. Их поддержат танки и артиллерия на границе Египта. Мобильные германские патрули на мотоциклах и бронемашинах прорвутся в тыл расположения британских войск. Будет инсценировано начало наступления Африканского корпуса вглубь Египта. В такой нервной, взрывоопасной обстановке англичанам будет не до пирамид... Что тебе ещё не понятно, отец?

– Самое главное: мне не ясна моя собственная роль во всей этой неразберихе... Ты ведь заикнулся, сын, что мне якобы предстоит куда-то ехать?... Уж не в Гизу ли, к пирамидам?

– А ты бы согласился? – напрямую спросил Феликс. – От твоего решения, возможно, зависит судьба Германии.

– Весьма соблазнительное предложение... Ты ведь хорошо знаешь, как я люблю историю. Особенно, связанные с ней истории... – загадочно намекнул профессор.

– Что ты имеешь в виду, отец? О каких историях ты говоришь?

– Мне до сих пор не даёт покоя тайна гибели одного моего очень хорошего знакомого, – задумчиво заговорил Борис Иванович. – В прошлую войну... У нас её зовут Великой войной, в Советской России – империалистической. Так вот, перед самым началом боевых действий я опрометчиво приплыл в германскую Восточную Африку... Я тебе уже не раз рассказывал об этом. У меня был работник – русский, казак-некрасовец Иван Меркулов. Я нанял его в Турции в свою африканскую экспедицию. Он прослужил у меня какое-то время, потом его укусила в реке крокодил, и я оставил его в больнице города Танга. Думал, что он вылечится и догонит нас с твоим покойным тёзкой, студентом, поляком по национальности, Левандовским. Но больше я Ивана не видел. После войны, проживая какое-то время в Абиссинии, пытался что-либо разузнать. Побывал даже в Танганьике, в городе Танга, выяснил, что Иван какое-то время жил в доме местной арабки, служил на плантации какого-то турка. Соседи говорили, что Иван с Шафикой, той самой арабкой, у которой квартировал, интересовался знаменитыми пещерами Амбони,

вход в которые был недалеко от города. Они что-то там разыскивали. Потом, в один прекрасный день, Шафика пропала, а Иван заколотил крест-накрест досками ворота её дома и ушёл воевать с англичанами. Вскоре его убили на фронте, и больше никто ничего не знает. Вот я и думаю до сих пор, Феликс: куда девалась арабка Шафика, и что искал в старых пещерах Амбони Иван Меркулов?..

* * *

После ужина Чезаре, о чём-то пошептавшись с Гансом, отпросился у капитана Кляйна в город. Сходить в ближайший католический костёл на вечернюю мессу, – как уверял сицилиец. Феликс не возражал: не сидеть же его солдатам, как привязанным, в доме. Дело молодое, – пусть развеются. Сам он продолжил непростые переговоры с отцом, не добившись ещё его согласия на участие в операции. Мать Бронислава занималась по хозяйству, Тамалу ей помогала, а Иван бродил по двору, рассматривая постройки и сам дом с тыльной стороны, не переставая восхищаться архитектурой. Вероятно, он был художник в душе и его тянуло к прекрасному.

По дороге Чезаре остановил старого сгорбленного старика-итальянца, местного жителя, и поинтересовался, где порт.

– Пойдёте всё время вперёд, по этой улице, – принялся объяснять старик, красноречиво жестикулируя руками. – Никуда не сворачивайте, синьоры, только если сворачивает сама улица. Сами видите, какая она узкая и загаженная... Потому что подеста⁶ города разворовывает муниципальные деньги, поступающие в казну от налогов граждан... Да и налоги платят в основном одни итальянцы, с арабов же что возьмёшь, что получишь? Разве удар ножа в спину в тёмном глухом переулке.

– Нельзя ли об арабах потом, каро?⁷ – нетерпеливо перебил его Чезаре. – Скажите лучше, где тут у вас в порту можно найти вина и женщин? И таких, чтобы не очень задавались...

– Ты имеешь в виду проституток, ил мио бамбино,⁸ – с восхищением похлопал его по плечу измятого, давно не стиранного тропического кителя сгорбленный старик. – Узнаю, узнаю наших ребят... Не то, что чопорные, аккуратные и педантичные колбасники-боши. Ты – настоящий итальянец, рагаццо,⁹ и я тебе скажу... Эх, было, было время, когда и молодой Бенвенуто – это я Бенвенуто! – чего-то стоил. Смазливые, ветреные синьорины табунами бегали за Бенвенуто Монтанари.

⁶ *Подеста (podesta) – глава администрации (подестата), мэр (итал.).*

⁷ *Каро (caro) – уважаемый (итал.).*

⁸ *Ил мио бамбино (il mio bambino) – мой малыш (итал.).*

⁹ *Рагаццо (ragazzo) – парень (итал.).*

Ганс, покоробленный нелестным отзывом о немцах, безнадежно вздохнул, тронул Чезаре за рукав кителя. Негромко проронил по-немецки:

– Бамбино, пошли дальше, не будем терять времени. От этого болтливое, выжившего из ума от старости макаронника, чувствуешь, ничего не добьёшься. Он сейчас начнёт рассказывать нам всю свою жизнь, начиная со Всемирного потопа, и перечислять имена всех своих предков до Адама.

– Так вы что, сами и есть колбасники? – удивлённо взглянул на Ганса старик-итальянец. – А что же молчали? Я бы вам и слова не сказал. Вот ещё... Стану я разговаривать и тратить зря время с бошами! Проваливайте в свой фатерланд!

– Весьма любезно с его стороны, – скептически усмехнулся сицилиец, отправляясь дальше по улице.

– Был бы он помоложе, я бы пересчитал его зубы, – с угрозой прорычал Ганс. – Так и чешутся руки... Вот поганый старик. Всё настроение испортил. Теперь обязательно напьюсь шнапса в порту... Чезаре, – можешь чуть побыстрее. Чокнутый дед говорил, что нужно идти, никуда не сворачивая.

Навстречу им попадались закутаные в восточные хиджабы женщины, крикливые босоногие, а то и голопузые ребятишки и мужчины-арабы в головных платках, – куфиях, и рубахах с длинными рукавами, доходящих до лодыжек, по-местному, – галабейх, смахивающих на римские туники, без швов, застёжек и воротника. Встречались бедуины из пустыни верхом на двугорбых верблюдах – бактрианах, одетые в широкополые халаты – бурнусы, с капюшонами. Европейцев очень мало, в арабских кварталах они чувствовали себя неуютно. Итальянской колониальной милиции вообще не было. Впрочем, Чезаре, наученный горьким опытом в Дерне, не сильно жаждал встречи с блюстителями порядка.

Приятели дошли до развилки, где улица неожиданно раздваивалась, как язык египетской кобры. Старик говорил, что идти нужно, никуда не сворачивая, но где основная улица, а где второстепенная Чезаре с Гансом не знали и остановились в замешательстве.

– Чёрт бы побрал эти арабские трущобы, – с раздражением выругался немец. – Связался я с тобой на свою голову, Бамбино! Чувствую, – попадём как всегда в историю.

– Не бойся, компания, с Чезаре нигде не пропадёшь, – приободрил приятеля сицилиец, покрутил головой по сторонам, увидел идущую навстречу арабку, бросился со всех ног к ней, выкрикивая на ходу по-арабски:

– Синьора, миллион извинений! Не подскажете ли, какая улица ведёт в порт: правая или левая? Дьявол, они похожи, как близнецы, а нам советовали идти всё время прямо, никуда не сворачивая.

Женщина, громко с испугом вскрикнув, молодой газелью шарахнулась от них, как от прокажённых. Случившийся вблизи араб в тюрбане и длиннополой галабее, машинально схватился за рукоятку кривого кинжала. Видимо, подумал, что белый человек пристаёт к мусульманке.

– Не советую, бамбино! Ты не знаешь, с кем связываешься, – схватился в свою очередь Чезаре за рукоятку итальянского пистолета «Беретта».

Араб, хищно оскалив зубы, как волк, увидевший добычу, злобно выругался на своём языке. Не вынимая из-за пояса кинжала, отдёргнул руку, погрозил Чезаре жилистым кулаком.

– Иди, иди, пока не получил, – в ответ погрозил кулаком сицилиец, и дерзкий араб, как и женщина, исчез в ближайшем кривом переулке.

– Совсем обнаглели эти смуглокожие унтерменши, – сетовал, качая головой, Ганс. – Куда только местные власти смотрят? Почему разрешают туземцам ходить с оружием?

– Это тебе не Германия, приятель, – усмехнулся Чезаре. – Здесь гестапо нет. Здесь правят фашисты дуче!

Солдаты наугад свернули налево и, пройдя один квартал, увидели ряд одноэтажных домиков, возле которых стояли молодые женщины и девушки в европейских одеждах. Среди них были не только белые, но и арабки и даже негритянки. Одеты женщины вызывающе: на многих короткие юбки и кофточки с глубокими декольте. Губы ярко накрашены, глаза подведены чёрной тушью. Стройные ножки, плотно обтянуты капроновыми чулками, в ушах на груди и на запястьях – дешёвые украшения.

– Аванти, Ганс! Мы попали в рай, – счастливо засмеялся сицилиец, плотоядно подмигивая приятелю. – Сейчас ты позабудешь обо всём на свете – это улица красных фонарей!

– Улица красных фонарей? – удивлённо протянул Ганс и непонимающе взглянул на Чезаре. – В мусульманской стране? А как же их строгие моральные нормы?

– Это не только мусульманская страна, но и христианская, – хмыкнул сицилиец. – Не забывай, бамбино, что тут уже почти тридцать лет, – если мне не изменяет память, с 1912 года, – хозяйничают итальянцы. А в Италии земной рай ещё никто не отменял, даже всемогущий дуче.

Они прошли вдоль по улице, с интересом рассматривая женщин. Тут же ходили и другие мужчины, среди которых немало немецких и итальянских венных моряков. Встречались матросы из союзных Германии и Италии стран: румынские, болгарские. Были португальские, испанские, французские моряки и даже турки. Нынешний президент Турции, преемник Ататюрка Мустафа Исмет Инёню вёл дружественную политику в отношении

держав «Оси», и турецким военным и транспортным судам разрешалось заходить в ливийские порты.

Сицилийца Чезаре привлекла полная темпераментная негритянка лет сорока, крикливо зазывавшая мужчин в заведение. Как оказалось впоследствии – это была сама хозяйка. Приятели перемкнулись и, не сговариваясь, переступили порог гостеприимного притона. Сразу же за входной дверью был общий зал, уставленный небольшими, на две персоны, резными деревянными столиками. Справа у стены располагалась стойка буфета, за которой кудесил полнотелый, подстать негритянке на крыльце, круглолицый черноусый грек или армянин в красной турецкой феске, в безрукавке и синей рубашке с широкими рукавами. У других стен стояли мягкие диваны, где, развалившись в непринуждённых, сладостных позах, дожидались клиентов дамы лёгкого поведения.

Ганс, не долго думая, подсел к одной смазливой молоденькой европейке: стройной, как тростинка, высокой, длинноногой, словно африканская газель, на которых они недавно охотились в пустыне. Одета девушка в подобие лёгкой, очень короткой римской туники, почти не скрывавшей её прелести, а наоборот – подчёркивающей их... Ощутимо видно, что под полупрозрачной жёлтой тканью больше ничего нет. Ганс Ланге был так поражён молодой синьориной, что на миг лишился дара речи. Впрочем, когда заговорил по-немецки, соблазнительница только очаровательно улыбнулась юноше, никак не отреагировав на его слова, и ещё выше подтянула и без того коротенькую тунику. Было понятно, что немецкого языка она не знает, но Ланге не стал переходить на чешский, благоразумно полагая, что в этой колониальной ливийской глуши девушка из Чехии может оказаться только чудом. А больше никаких других европейских языков он не знал.

– Ты кто, парень? – заигрывая, интимно потрепала его по щеке девушка в тунике. Вопрос задала по-итальянски, но Ганс не ответил.

Вместо него в разговор вмешался Чезаре:

– Синьорина говорит по-итальянски? Вы из Италии? Из какой области? Лично я – из Сицилии, слышали о таком острове?

– Нет, синьор берсальер, я француженка. Родилась в Тунисе, – ответила девушка, переключив внимание на новый объект.

Ганс Ланге запротестовал:

– Э-э, Бамбино, не отбивай у меня девушку, приятель! Не то обязательно подерёмся, ты же меня знаешь. Неужели тебе мало других гетер? Извиняюсь, ты этого не поймёшь, – проституток?

– Ты прав, малыш, мне больше приглянулась чёрная пассия у входа в этот бардак. Прошу прощения, Ганс, ты этого тоже не поймёшь своим куцым немецким умом солдафона... Скажу попроще: у входа в этот дом терпимости.

– Вот и вали к своей чернокожей, а мою оставь в покое, – грубо пробурчал Ланге.

– Обязательно воспользуюсь твоим советом, дружище, вот только пропущу стаканчик для храбрости.

С этими словами Чезаре направился к стойке буфета, а Ганс вновь прилип к своей французенке, с которой быстро нашёл общий язык. Их сближению способствовал сутенёр-итальянец из местной триполитанской мафии, неожиданно появившийся в зале. Вскоре Ланге с девушкой в тунике, столковавшись, уже поднимались на второй этаж по закружённой деревянной лестнице.

Чезаре заказал для начала сто граммов граппы – местной итальянской виноградной водки, и несколько долек засахаренного лимона. Чтобы растянуть удовольствие, попросил у кельнера бумажную соломинку. Крепкий, почти сорокапятиградусный напиток мгновенно обжёг лёгкие так, что стало трудно дышать. Сицилиец закусил водку долькой лимона, и ему полегчало, вскоре алкоголь блаженным теплом разлился в крови по всему телу и сладко ударил в голову. Голова закружилась. Чезаре по-дружески подмигнул греку за стойкой (это всё-таки был грек, как определил он по акценту) и указал кивком в сторону входной двери:

– Скажи, приятель, а кто это стоит у вас на улице и зазывает прохожих? На обыкновенную девушку из заведения вроде бы не похожа, года не те... Однако, весьма соблазнительная. Такие телеса, я тебе скажу...

– Это синьора Афра, хозяйка нашего заведения, – ответил кельнер и лукаво расправил ладонью пышные усы. – Она уже давно не занимается с клиентами... Но иногда на неё находит блажь, как сейчас, и она выбирается на улицу показать себя...

– Кстати, там есть на что поглядеть, – подмигнул греку Чезаре и жадно припал губами к соломинке. – Кто она по национальности, приятель?

– Из негритянского народа хауса, что живут далеко на юге, там, где заканчиваются великие пески, во французских владениях. Её имя на языке хауса означает «белая».

– Смешно, – растянул губы в улыбке сицилиец. – Впервые вижу белую негритянку... – Но, вспомнив капитана Кляйна, тут же добавил: – Хотя, – ничего удивительного. Лично видел чернокожего арийца! Он из восточно-африканских масаев, а отец – чистокровный немец. Ещё в прошлую войну женился на туземке.

– Чего только не бывает в этом мире, – философски подвёл черту кельнер.

Допив граппу и проглотив лимоны, Чезаре почувствовал значительный прилив сил и достаточное возбуждение, чтобы тут же выйти на крыльцо заведения и завязать разговор с Афрой. Говорил он по-арабски:

– Тысячу извинений, госпожа, можно вас на минутку?

– В чём дело, сладкий? – широко заулыбалась, блестя двумя рядами идеально ровных, белых, чистых, как будто изваянных из фарфора зубов, негритянка Афра.

– Вы только приглашаете в свой уютный интимный домик озябшие души пустынных скитальцев или и сами согреваете их своими несравненными... боюсь продолжить, – замылся, притворно разыграв смущение, сицилиец. – У меня просто нет слов, синьора Афра... Это сказка! Такие формы... Я поражён и очарован... Прямо «Песня песней Соломона»... «Тысяча и одна ночь»... «Книга пророка Экклесиаста, или Проповедника»... «Божественная комедия» Данта... «Царица Савская»... – так говорил Заратустра, заметьте!

– Ты что, приятель – поэт? – усмехнулась Афра, колыхнув пышным, вздувшимся как подошедшее тесто в квашне, чёрным бюстом, буквально вываливающимся из слишком тесного лифа.

Сицилиец опустил глаза книзу, обшарив жадными, голодными глазами это буйное женское естество, и – даже забыл на время, как его зовут, не то что – поэт ли он или не поэт.

– Конечно, поэт! Синьора Афра, как скажете – так и будет! За вами – хоть на край Сахары! Да, да, я поэт Данте Алигьери, несчастный флорентийский изгнанник... А может быть, и Джованни Боккаччо... Да, да, скорее всего Боккаччо. А вы моя Муза, моя госпожа, моя повелительница, моя Клеопатра – царица Египетская!

– Здоров ты врать, приятель, – снова засмеялась негритянка, но по её довольной, блестящей от пота, чёрной физиономии было видно, что темпераментный сицилиец ей приглянулся.

Они разговоривали, не замечая ничего и никого вокруг. Между тем, в заведение то и дело входили или покидали – мужчины. Подошла группа подвыпивших немецких солдат, один из них, поднявшись по ступенькам наверх, грубо задел плечом Афру.

– Нельзя ли поаккуратней, уважаемый? Не в кабак приходишь! – сделала ему замечание по-итальянски женщина.

Немец ни слова не понял из сказанного; он привычно отшвырнул Афру в сторону, презрительно пролаял:

– С дороги, чёрная шлюха! Будут ещё тут всякие... указывать истинному арийцу! Твоё счастье, что мы не в Германии. Там бы давно плакали по тебе газовая камера и печь в крематории концлагеря.

От сильного толчка негритянка отлетела и, вскрикнув, больно ударилась спиной о гипсовую колонну. Чезаре гневно сверкнул глазами и крепко схватил наглого немца за рукав тропического мундира.

– Ну-ка ты, похабник, извинись сейчас же перед женщиной!

– Что? – глаза истинного арийца полезли из орбит. Четверо его товарищей, зашедших было в помещение публичного дома, тут же вернулись и угрожающе окружили Чезаре. Он понял, что дело дрянь, а в таких случаях настоящий сицилиец-пиччотти всегда бьёт первым. Не долго думая, Чезаре что есть

силы двинул нахального немца кулаком в челюсть, и, пока тот ласточкой летел с крыльца, туда же отправил ещё одного из его приятелей. Остальные немцы накинулись с кулаками на сицилийца. Нужно отдать им должное: это были опытные и смелые кулачные бойцы. Несмотря на сыпавшиеся на них удары, они ловко навесили Чезаре синяков, раскровянили *сopатку* и сбили с ног. Сицилийцу пришлось бы не сладко, если б не пришедшая вовремя на выручку негритянка Афра. Она бурей ворвалась в заведение и закричала, что на улице неизвестные бьют итальянского офицера. Женщина специально повысила Чезаре в чине, чтобы звучало солиднее, и сознательно не назвала национальность напавших, чтобы не всполошить присутствующих в заде немецких матросов.

На её призыв сейчас же откликнулись итальянцы: добрая половина посетителей сорвалась с мест и ринулась на улицу, где немецкие солдаты, впятером, лупили бедного Чезаре. Он уже не сопротивлялся и только ставил блоки немцам, чтобы не пропускать роковых ударов. Дабы обезопасить свой тыл, он прижался к шершавой стене здания. Закрываясь от сыпавшихся на него, как горох из дырявого мешка, крепких ударов, упрекал противную сторону, что нападать впятером на одного – не по-рыцарски. Но немцы продолжали своё дело и только посмеивались над его детской наивностью. Нападать впятером на одного – всегдашнее занятие доблестной пехоты вермахта. Иначе, как обеспечить успех намеченного наступления, если не будет перевеса над обороняющимся противником в живой силе и технике?

Выскочившие на крыльцо итальянские матросы быстро смяли «колбасников», стали лобовыми, таранными ударами вышибать им зубы, сворачивать на сторону носы и валить на землю. По неписанным правилам кулачного боя, коснувшегося лопатками земли, больше не били. Немцы, видя трехкратное превосходство в численности «макаронников», упираться не стали, а быстро разбежались в разные стороны, как тараканы при вспыхнувшем свете. На пыльной булыжной мостовой остался только один гренадер, которого отправили в глубокий, продолжительный нокаут. Чезаре продолжал жаться к стенке, не веря своим глазам, что спасён и враги его дружно ретировались...

Глава 11. В Италии

Тучный, пятидесятивосьмилетний Бенито Муссолини, премьер-министр Италии с 1922 года, лидер Национальной фашистской партии и, подобно Адольфу Гитлеру, – вождь (дуче) итальянского народа, строил планы восстановления своей коло-

ниальной империи в Африке, большая часть которой была к этому времени уже бездарно утрачена. Кстати, если бы не помощь Гитлера, пославшего в Африку корпус генерала Роммеля, была бы потеряна и последняя колония, Ливия. Английские войска подошли уже к Триполи, когда там начали высаживаться немецкие танковые дивизии. И вот, за какие-нибудь девять месяцев, Ливия почти полностью освобождена. Держится только крепость Тобрук в Киренаике, но и её дни сочтены. А что дальше? Для обсуждения этого вопроса и назначена назавтра встреча с генерал-фельдмаршалом Кессельрингом, главнокомандующим немецкими и итальянскими войсками в Средиземноморье, и прилетевшим из Ливии генералом Роммелем.

А пока дуче решил проведать свою любовницу, двадцатидевятилетнюю итальянскую аристократку Клару Петаччи, жившую на вилле «Камилучча» в центре Рима. Кстати, он же и презентовал роскошную виллу Кларе. Вечером они, конечно же, поедут с ней вместе за город, на дачу. Дуче не любил шумную, многолюдную и загазованную столицу. Предпочитал больше находиться на лоне природы, дышать свежим воздухом. На даче можно провести и завтрашнее совещание.

Сев в легковой бронированный автомобиль с пуленепробиваемыми стёклами, Муссолини велел личному водителю трогаться. Сухо назвал адрес. Дуче не имел привычки скрывать от подчинённых свои многочисленные любовные связи на стороне, хотя давно, с 1915 года, женат на Ракеле Муссолини, урождённой Гуиди, которая родила ему пятерых детей: двух девочек и трёх мальчиков. Старшей дочери, Эдде, уже тридцать один год, она на целых два года старше его нынешней любовницы, Клары Петаччи, старшему сыну, Витторио, исполнилось двадцать пять.

Вперёд вырвалось несколько мотоциклов без колясок эскорта из личной службы безопасности дуче (ОВРА). Замыкала кавалькаду ещё целая дюжина мотоциклистов. Подобная предосторожность была вовсе не лишней. На Муссолини систематически покушались различные террористические группировки, начиная с итальянских коммунистов и заканчивая контрразведками различных стран англо-американской коалиции. Дуче хорошо помнил каждое из них. Мог перечислить все подробности – подними его даже среди ночи, спросонья! Так, в ноябре 1925 года, в Риме, во время парада по случаю седьмой годовщины окончания Великой войны в него собирался стрелять из винтовки с оптическим прицелом некий социалист Тито Дзанибони. Фашистская милиция чернорубашечников вовремя раскрыла подлый заговор, и террорист был схвачен с оружием в руках в номере гостиницы «Dragoni», из окна которого собирался вести огонь. Дзанибони был приговорён к пожизненному заключению, и томился сейчас в концлагере на острове Понца. Наи-

более «урожайным» на покушения, как саркастически шутил дуче, был следующий, 1926 год. В апреле англичанка Виолета Гибсон стреляла в Муссолини из револьвера, пуля лишь слегка задела его лицо. Психиатрическая экспертиза признала террористку невменяемой. Желая сохранить хорошие отношения с Великобританией, Муссолини приказал выслать её на родину. Летом он также пережил неудавшуюся попытку покушения американского анархиста Михаила Ширру, которая закончилась поимкой террориста и его казнью. В сентябре этого же года, молодой каменотёс, антифашист из Марселя по имени Дживанни, бросил бомбу в автомобиль Муссолини, который возвращался со своей дачи в Рим. Бомба, ударившись об оконное пуленепробиваемое стекло, отскочила и взорвалась на земле. Осколками легко ранило несколько случайных прохожих. Террорист был задержан на месте преступления и по приговору суда – расстрелян. Отягчающим обстоятельством послужили раненые прохожие. В 1938 году словенские антифашисты из группы «TIGR» планировали подготовить убийство Муссолини в Капоретто, но и эта попытка была неудачна.

Наиболее запомнилось покушение в Болонье в октябре 1926-го, когда пятнадцатилетний сопляк Антео Дзамбони выстрелил из револьвера по его машине на центральной улице города. Прямо в лобовое стекло, напротив места, где сидел дуче. Конечно же, откуда глупому бамбино знать, что он имеет привычку иногда меняться местами с водителем, чтобы самому с ветерком промчаться по городу, под восторженные крики сограждан. В тот раз, как будто провидение подсказало ему поступить именно так: тем более – автомобиль не его, бронированный, с пуленепробиваемыми стёклами, а обыкновенный, из городского подестата. Лобовое стекло вылетело, рассыпавшись на мелкие осколки, водитель-чёрнорубашечник из городской добровольной милиции национальной безопасности, вскрикнув, с пулевой дыркой во лбу ткнулся в переднюю панель. Дуче, едва не сбив правым крылом мальчишку, успел крутнуть руль влево. Промчавшись по инерции несколько метров вперёд, резко затормозил, так, что сзади в бампер его машины чуть не врезался передок другого легкового автомобиля, где сидела его личная охрана. Оглянувшись назад, увидел, как разъярённая толпа, схватив, жестоко терзает юного террориста. Дамы, негодуя, что-то кричат, некрасиво оскалив рты, яростно бьют зонтиками, разрывают одежду. Молодые синьорины в кокетливых летних шляпках, визжа от звериного восторга, таскают беспомощного юнца за волосы. Прилично одетые синьоры в шляпах машут тростями, как мушкетёрскими шпагами, безжалостно опуская их на плечи обезумевшего от ужаса, затравленно мечущегося мальчишки. Здоровые, мускулистые мужчины, в одежде рабочих, с силой обрушивают литые «железные» кулаки

молотобойцев на голову несчастного, топчут ногами упавшее на мостовую, беззащитное тело.

Дуче высочил из машины, сердито крикнул подбежавшим охранникам:

– Ребята, немедленно остановите этот безобразный, средне-вековый линч! Преступника нужно судить, как того требует закон королевства. Живее, я вас прошу.

Но было уже поздно. Толпа, свершив своё чёрное дело, мгновенно сыпанула в разные стороны, оставив на проезжей части у залитого кровью тротуара истерзанный кусок мяса... Дуче до сих пор тошнит, при воспоминании об этом нечеловеческом ужасе. Именно тогда он воочию убедился и понял, что не так страшны хваленые полицейские застенки, пресловутые пыточные камеры в тюрьмах, концлагеря, фашиствующие чернорубашечники, знаменитые, наводящие на Европу ужас германские «СС» и гестапо, как обыкновенная, серая разъярённая городская толпа, с ведома и при активном участии которой совершаются в мире все кровавые, бесчеловечные убийства и преступления! Не хотелось бы дуче оказаться когда-нибудь во власти такой разъярённой, ничего не соображающей, потерявшей человеческий облик от вида крови, толпы...

«Меня, наверное, хранит Господь Бог!» – всегда приходило в голову Бенито, как только он вспоминал об этих трагических случаях из своей жизни. Отношения с Богом у дуче весьма сложные. В юности он был ярым социалистом, не верил ни в Бога, ни в чёрта, и придерживался атеистических, революционных взглядов. Убеждённым атеистом он оставался и тогда, когда взгляды его кардинально поменялись на противоположные, и он пришёл к фашизму. «Религия – один из видов психических заболеваний. Она всегда вызывала болезненную реакцию человечества», – любил повторять он в то время.

Но впоследствии, придя к власти, Муссолини отрёкся от атеистических заблуждений и объявил себя верующим человеком, истинным католиком. Теперь он утверждал, что фашизм сам по себе является глубоко религиозным явлением. На многотысячных митингах в Риме он провозглашал: «Фашизм уважает Бога, аскетов, святых, героев и веру, которая наполняет молитвой сердца простых людей из народа. В отличие от большевизма, фашизм не пытается изгнать Бога из человеческих душ»!..

Клара Петаччи была на вилле одна. Бенито прошёл в гостиную, галантно поцеловал молодой, прекрасной женщине руку.

– Ты скучала без меня, моя крошка?

– Скучала, любимый. Просто места себе не находила... Как подумаю, что ты спишь с этой... старухой...

– Прошу тебя, Клара, не говори плохо о Ракеле, – нахмурил брови Муссолини.

– Но почему, почему... ты с ней, а не со мной! – резко, с досадой выкрикнула Клара.

– Она – мать моих детей. И всё, точка. Больше о ней ни слова, – закрыл её готовый возразить рот жадным поцелуем престарелый дуче.

Женщина по привычке томно прикрыла глаза, ощутив в то же время неприятный, гнилостный запах изо рта любовника. Несмотря на то, что у дуче был личный, высококлассный, лучший в Риме стоматолог, он не мог избежать всепроникающего, предательского кариеса.

Всё время игравшая в радиоприёмнике «Magneti Marelli» миланской фабрики классическая музыка внезапно закончилась. Диктор столичного радио приступил к последним новостям:

«19 ноября западнее берегов Австралии произошёл бой между австралийским крейсером «Sydney» и германским вспомогательным крейсером «Kormoran», в результате которого оба корабля затонули.

25 ноября, в Сантьяго, скончался видный государственный деятель, реформатор, член Радикальной партии, президент республики Чили Педро Абелино Агирре Серда. Родился 6 февраля 1879 года в Покуро. На президентских выборах 1938 года он был выдвинут кандидатом от Народного фронта, и одержал победу. Обязанности главы государства временно принял вице-президент Чили Херонимо Мендес Арансибиа.

В этот же день, в Средиземном море недалеко от границы Египта и Ливии, близ Соллума, британский линкор «Бархэм» был торпедирован немецкой подводной лодкой U-331, командир лейтенант фон Тизенгаузен. При опрокидывании корабль взорвался от детонации боезапаса.

26 ноября командующий войсками движения «Свободная Франция» на Среднем Востоке, армейский генерал Жорж Альбер Катру подтвердил заявление главы правительства «Свободной Франции» в изгнании генерала Шарля де Голля о предоставлении государственной независимости бывшей колонии Ливану.

27 ноября германский вермахт занял город Истра под Москвой.

28 ноября Красная Армия отбила у германского вермахта город Ростов-на-Дону на юге СССР»...

– Тысяча чертей, что они передают! Какой вермахт? – оторвавшись от губ Клары, взорвался от негодования Муссолини. – Где-то там, в России, на юге Украины, – итальянский экспедиционный корпус. В русских непроходимых снегах гибнут мои доблестные берсальеры... А они...

Дуче, проворно подскочив к телефонному аппарату, решительно схватился за трубку.

– Куда ты собираешься звонить? – поинтересовалась Клара.

– В радиоцентр, конечно.

– Это английская станция на итальянском языке. Лондон.

Павел Малов

– Ты слушаешь вражеские голоса? – опешил Муссолини, с удивлением взглянув на любовницу.

– А что же мне слушать, дорогой, если твои дикторы всё про всех врут?

– Это необходимо, Клара. В эфире тоже идёт война. Информационная.

– Одну войну ты уже почти проиграл, – злорадно усмехнулась женщина. – Ту, что вёл в Африке за колонии. Скоро проиграешь и информационную... Тебе уже не верят, Бенито. Очнись! Если бы не Африканский корпус Роммеля, англичане давно бы уже вышвырнули наши войска из Ливии.

– Дорогая, не будем ругаться, – снова жадно прильнул к сладкой женщине любвеобильный дуче. Зашарил руками по спине и – ниже, где убажает намётанный мужской глаз нежная выпуклость. – Поехали лучше ко мне на дачу, там нас никто не найдёт и не помешает.

– Бенито, отстань, я жду гостей, – пыталась отбиться от назойливого любовника обычно безотказная, как пистолет-пулемёт «Беретта» в руках итальянского берсальера, Клара.

Вдруг в гостиной раздался громкий, трескучий телефонный звонок.

– Да, Клара Петаччи на проводе, – медовым голоском пропела в трубку молодая женщина. – Кого пригласить? Его превосходительство Бенито Муссолини? А кто его спрашивает?

Дуче, кривляясь, как африканская мартышка в зоопарке, мимикой одутловатого, полного лица и красноречивыми жестами рук давал понять, что его здесь нет, да и быть по большому счёту никак не может. Но Клара, таинственно улыбнувшись любовнику, снова повторила «да», сказала «передаю» и протянула Муссолини телефонную трубку. Тому ничего не оставалось делать, как чистосердечно признаться:

– Алло, Муссолини на проводе. С кем имею честь?

На другом конце провода повторили сказанное перед тем Кларе.

– Николаус фон Белов? – опешил дуче, услышав имя личного адъютанта Гитлера от ВВС. – Вы в Риме?

– Естественно, синьор Муссолини, – ответил майор. – Я в штабе генерал-фельдмаршала Люфтваффе Альберта Кессельринга, «Дяди Альберта», как любовно называют его наши солдаты... Нам необходимо встретиться...

– Всегда к вашим услугам, герр фон Белов, – любезно зачастил дуче, вдохновлённый появлением в Риме столь высокопоставленного гостя. – Можно без помех побеседовать у меня на даче, за городом. Вы в каком отеле остановились? Я распоряжусь сейчас же прислать за вами машину.

– Не стоит беспокоиться, синьор Муссолини. Я доеду на такси. Называйте адрес...

* * *

У Буру была в кармане целая пачка причудливо раскрашенных бумажных итальянских лир – командировочные, выданные в штабе корпуса перед отправкой в Италию. Масай сильно проголодался и решил прежде всего плотно закусить, а потом будет видно, чем заняться дальше. Капитан Дирк Зигель догнал его на улице, когда Буру, миновав услужливого, наряженного в шикарный форменный мундир с позолоченными галунами, швейцара у входа, спустился по ступенькам с крыльца. Швейцару масай, как и в первый раз, когда только приехали в отель, отдал по уставу честь, потому что принял за итальянского генерала. К слову сказать, одеты они были почти одинаково. Честь Буру отдал как раньше, во времена прошлой войны, когда служил у полковника Форбека, – приложив руку к шляпе. Он видел, как немецкие офицеры отдают честь сейчас: вскидывают вверх правую руку, выкрикивая «хайль Гитлер». Сам он так не делал. Буру был весьма консервативен и не принимал ничего нового, непонятного.

– Не составите ли мне компанию, обер-лейтенант? – спросил капитан Зигель. – Да и вам будет безопаснее. Вы ведь впервые в Италии? Тут, знаете ли, существуют некоторые расовые предрассудки... Особенно в домах терпимости... – замялся немец.

– Что ты имеешь в виду, бвана Дирк? – напрямую простодушно спросил масай, не привыкший в разговоре юлить вокруг да около.

– Я говорю о декрете, запрещающем итальянцам, так сказать смешиваться с эфиопами, принятый 19 апреля 1937 года, – уточнил капитан Зигель.

– Но я ничего не слышал об этом документе, бвана Дирк, – возразил Буру. – К тому же, я не собираюсь ни с кем смешиваться. И я вовсе не эфиоп, а масай.

– В документе говорится не столько о национальностях, сколько о расах: чёрной и белой.

– Мзее Форбек ничего о таких законах не говорил, – убеждённо возразил масай. – Сам он никого не боялся, даже великого кайзера Вильгельма и вашего страшного бога Иегову, который всегда всех за что-нибудь наказывает, посылает на землю потопы и отдаёт в руки безжалостных врагов своего собственного сына. Это плохой бог, и чёрные люди Африки, масаи, не верят ему. Он коварен, жаден, зол и несправедлив, как и все бледнокожие. Полковник Форбек лучше. Он не признавал законов подлых белых людей, любил чёрных африканцев и храбро сражался за них с другими белыми людьми – нашими извечными коварными и вероломными, как львы великой саванны, врагами – англичанами! Если бы сейчас мзее Форбек услышал об этом глупом законе, который запрещает белым мужчинам любить чернокожих женщин, он бы рассмеялся тебе в лицо, бвана Дирк! Ты не знаешь... Полковник Форбек страстно любил одну чёрную женщину, суахили из моего отряда,

Кумбу. Её расстреляли англичане после неудачной попытки пленить главнокомандующего их армии генерала Смуттса. . . И вообще, хватит пустословить, я просто умираю от голода. Кажется, сожрал бы сейчас целую корову из стада моего умершего отца. . . Бвана, покажи мне какую-нибудь дешёвую харчевню. Знаешь?

Немец, покрутив по сторонам головой, остановил взгляд на отеле, из которого они только что вышли.

– Кстати, бвана Буру, в гостинице, как и в любой другой, – имеется ресторан, где можно хорошо пообедать.

Услышав предложение капитана, Буру пренебрежительно фыркнул:

– Я знаю рестораны белых людей. Бывал. . . Но больше Буру не обманешь! Хитрые белые прохвосты продают там продукты за столько раскрашенных бумажных лир, сколько на рынке стоит упитанный годовалый телёнок. А в ресторане норвят за эти же деньги подсунуть несколько кусочков жилистого, недоваренного мяса, об которое обломаешь зубы.

– Ну, не сгущай краски, приятель. Блюда в итальянских ресторанах – вполне съедобные, – горячо возразил Зигель. – А не нравится мясо, – заказывай рибай стейк с микс салатом и красным луком, шницель по-милански или рулет из свиной шейки с горчичным соусом. Хотя, что до меня, то я предпочитаю обжаренные на гриле домашние колбаски с картофельным пюре или поджарку из говядины с белыми грибами и картофелем Дофин.

– Белые люди – большие чревоугодники, бвана капитан, – подытожил Буру. – Зачем столько много названий, когда есть просто мясо и хлеб.

– Ага, и вода в ручье, – скептически поддакнул немец. – Но если ты хочешь пообедать в какой-нибудь грязной, провонявшей прогорклым вином и граппой, дешёвой харчевне, то нужно идти на ближайший рынок. Только там можно отыскать подобные заведения.

Буру согласился, и офицеры направились по шумной, кишачей народом городской улице в сторону центра, расспрашивая у встречаемых, где рынок. Говорили они на немецком языке, и никто ничего не понимал. Наконец, один прилично одетый, пожилой римлянин в очках и шляпе, с острой профессорской бородкой, утвердительно кивнул головой и указал рукой куда-то вправо:

– Идите туда, синьоры офицеры, рынок на площади Кампо деи Фиори. Тут недалеко, её легко найти по статуе Джордано Бруно, который и был сожжён на этом самом месте. Это старейший рынок в Риме. Там можно купить всё, даже бессмертие! – пошутил итальянец.

– Спасибо, амика!¹⁰ – с улыбкой поблагодарил веселого прохожего капитан Зигель.

¹⁰ Амика (amica) – друг (итал.).

Они направились по указанному направлению и вскоре увидели впереди величественное изваяние знаменитого итальянского монаха-доминиканца, философа и поэта. Подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть. Джордано Бруно был изображён во весь рост, со скрещёнными руками, в которых держал книгу, на голове капюшон. Статуя установлена на высоком пьедестале, в верхней части которого, на каждой стороне изваяны окаймлённые гирляндами барельефы с историческими персонажами – жертвами католической инквизиции. Из них Дирк Зигель знал только национального героя чешского народа, проповедника, мыслителя, идеолога чешской Реформации XIV – XV веков Яна Гуса, сожжённого на костре в Констанце, испанского мыслителя, теолога, естествоиспытателя и врача середины XVI века Мигеля Сервета, сожжённого в Женеве, и итальянского философа и писателя, одного из первых представителей утопического социализма XVI – XVII веков Томазо Кампанеллу, проведшего в тюрьме двадцать семь лет. Что касается масая Буру, то он никого из них не знал. Кроме полковника Форбека он вообще больше не знал никого в Европе, и считал его самый великим человеком в мире, подстать кайзеру Вильгельму или верховному богу масаев Энгаи.

С фронтальной стороны пьедестала, под барельефом была прикреплена подписанная доска, на которой можно было прочитать по-итальянски: «A BRVNO», а сверху справа – дату римскими цифрами: «MDCCLXXXIX». С трёх других сторон пьедестала – барельефы с ключевыми моментами биографии Бруно: знаменитый диспут в Оксфорде, вынесение смертного приговора и сожжение на костре.

– Вот видишь, Буру, что нужно учёному для того, чтобы стать знаменитым? – кивнув на памятник, усмехнулся Зигель. – Очень немного... Всего лишь сгореть заживо на костре. И тогда лет эдак через триста благодарные сограждане воздвигнут тебе памятник на месте казни. Красота!

– Белые люди всегда грызутся между собой, как шакалы из-за остатков падали, которую не доел лев, – красноречиво произнёс Буру. – Пойдём же скорее, отыщем какую-нибудь закусочную, мне уже невмоготу, бвана Дирк.

В душной рыночной харчевне, которая располагалась в сыром подвале одного из постоянных дворов, капитан Зигель заказал свои любимые домашние колбаски с картофелем Дофин, салат из свежих овощей, кварту пива. Когда очередь дошла до Буру, он небрежно кинул несколько скомканных, замусоленных бумажных лир на грязную, залитую вином и пивом, липкую стойку, обратился к молодому, пронырливому кельнеру-итальянцу, словно к старому приятелю:

– Плесни мне, бвана, тоже пива, как и ему, но это ещё не всё. Самое главное: свежего, не поджаренного на костре мяса

молодого буйвола, молока африканской коровы и в отдельную пинту – крови грамм триста-четыреста. И поживее, Буру умирает от голода!

Кёльнер в недоумении, округлив сумасшедшие глаза, уставился на чернокожего немецкого офицера. Такого он ещё никогда не видел и не слышал! Он даже крепко зажмурился и вновь открыл глаза, думая, что видение исчезнет. Ему показалось, что у него галлюцинация или внезапный приступ дальтонизма, и перед ним не чёрный человек в выгоревшей до постельной белизны, тропической колониальной униформе офицера германского вермахта, а наоборот, – белый человек в чёрной, как сажа в дымоходе, форме гестапо или «СС»!

– Ну что моргаешь, приятель? Не понимаешь по-немецки? – с досадой обратился к нему Буру. – К сожалению, я больше никакого языка белых людей не знаю. Только языки африканцев: маа и суахили. Но это не для тебя, прости... Бвана Дирк, повтори этому смешному торговцу, чего я хочу. Может, его смущает мой акцент?

– Простите, синьоры, я немного понимаю по-немецки, – пролепетал молодой кёльнер. Но я не понимаю, о каком мясе, крови и молоке вы спрашиваете? У нас в меню ничего подобного нет, и никогда не бывает, особенно крови.

– Буру, в самом деле, дружище, – не пугай юношу, – с улыбкой обратился немец Зигель к своему спутнику. – Забудь о своих дикарских привычках, ты ведь не у себя в Восточной Африке, а в великом Риме. В вечном городе, как называют его до сих пор. Откуда здесь кровь и мясо буйволов? Закажи что-нибудь европейское, например, домашние колбаски и картофельное пюре с овощами... А то ведёшь себя, словно людоед из Папуа-Новой Гвинеи...

* * *

На следующий день после совещания у Кессельринга Роммель с начальником своего штаба генералом Гаузе, по личному приглашению Муссолини, поехал на его дачу.

– Мы только зря теряем драгоценное время, Альфред, – жаловался в машине Роммель, направляясь на встречу с диктатором. – Все эти пышные аудиенции и блистательные рауты у чопорных итальянцев бессмысленны, в то время как в Ливии, возможно, в эти дни решается судьба не только африканской кампании, но и всей войны. Но ведь от назойливых макаронников не отвертишься! Того и гляди потащат на встречу с королём Виктором Эммануилом Третьим или с Его Святейшеством папой римским, досточтимым Пием Двенадцатым.

– Вы на сто процентов правы, мой генерал, – согласно кивнул Гаузе. – Все вопросы по предстоящей операции в Киренаике

уже решены вчера в штабе генерал-фельдмаршала Кессельринга. Для чего нам ещё ехать на дачу Муссолини я не знаю. Возможно, просто, чтобы визитом засвидетельствовать своё почтение?.. Но, слышал, что там будет некто из Берлина?

– Да, Альфред, ты не ошибся. Нас ждёт встреча с адъютантом фюрера Николаусом фон Беловым, – подтвердил генерал Роммель. – Вероятно, будут какие-то указания... Во всяком случае, хорошо уже то, что в ставке верховного главнокомандующего вооружённых сил Третьего Рейха о нас не забывают.

На даче уже были Альберт Кессельринг, майор фон Белов в сером, с отложным воротником, мундире Люфтваффе, начальник генерального штаба итальянских вооружённых сил Уго Каваллеро со свитой лощёных итальянских офицеров, какие-то синьоры в штатском, дамы. Роммель сразу направился к адъютанту фюрера, которого в этот приезд ещё не видел.

– Хайль Гитлер! – первым вскинул тот руку в традиционном фашистском приветствии.

Генерал Роммель не любил это кривлянье, не подобающее, по его мнению, настоящему солдату. Но вынужденно ответил:

– Хайль.

– Давно в Риме? – осведомился майор, хоть прекрасно всё знал благодаря работе абвера (Управления разведки и контрразведки) адмирала Вильгельма Канариса.

– Нет, только позавчера прибыл, – ответил Роммель. – Вчера участвовал в совещании генерального штаба итальянских вооружённых сил под руководством генерал-фельдмаршала Кессельринга.

– Наслышан, наслышан, господин генерал... Как дела под Тобруком?

– Всё по-прежнему, герр майор, – сухо, без энтузиазма сказал Роммель. – Для окончательного разгрома врага и взятия крепости Африканскому корпусу не хватает резервов, не говоря уже о боеприпасах, горючем и продовольствии для войск. Коммуникации от Триполи до Тобрука весьма растянуты, автотранспорт не успевает подвозить вовремя всё необходимое. К тому же сильно мешают британские ВВС.

– Резервы будут, господин генерал, – уверенно пообещал майор фон Белов. – Я надеюсь, вчера вы разговаривали об этом с генерал-фельдмаршалом Кессельрингом?

– Конечно, герр фон Белов. Я сообщил главнокомандующему обо всех наших нуждах и недостатках подвоза. Попросил помочь самолётами из резервов второго воздушного флота, – сказал Роммель. – Он пообещал то же самое, что и вы сейчас... Но одних обещаний мало, майор.

– Конкретнее, генерал?

– Корабли итальянского королевского флота, которые доставляют военные грузы и войска из Сицилии в Триполи на ливийском побережье, подвергаются атакам английских подводных лодок и истребителей, базирующихся на Мальте, – с горечью заговорил Роммель. – Наша авиация, увы, не справляется со своей задачей по охране транспортных конвоев в воздухе, итальянские корабли сопровождения – тоже. В результате мы постоянно не досчитываемся тех или иных грузов и подкреплений, которые идут на дно Средиземного моря. С этим нужно, наконец, что-то делать, господин майор! Мы теряем во время транспортировки по морю больше солдат и танков, чем во время боёв на фронте.

– Что вы конкретно предлагаете, господин Роммель? – вопросительно взглянул на генерала адъютант Гитлера. – Другого пути доставки подкреплений в Ливию нет. Наши Люфтваффе и боевой итальянский флот делают всё возможное, чтобы не допустить гибели кораблей конвоя в море.

– Я разделяю точку зрения начальника генерального штаба итальянских вооружённых сил, графа Уго Каваллеро, командующего нашими объединёнными вооружёнными силами в Северной Африке, генерал-губернатора Ливии Этторе Бастико и других известных итальянских генералов, – заговорил, отвечая на вопрос фон Белова, Роммель. – Они считают, что для успешного подвоза резервов в Ливию германскому вермахту, прежде всего, необходимо провести десантную операцию по захвату острова Мальта! Кессельринг проинформирован об этом, но ничего не может сделать без решения начальника штаба ОКВ, генерала артиллерии Вильгельма Кейтеля.

– Скажу больше, генерал. Операция такого масштаба, как захват Мальты, в компетенции только самого фюрера, – многозначительно поднял кверху указательный палец фон Белов. – И я думаю: об этом говорить ещё рано. Вы, надеюсь, помните, чего нам стоила в мае месяце стратегическая десантная операция «Меркурий» по захвату у британцев острова Крит? Тогда, не смотря на доблесть наших воздушных десантников, мы понесли довольно серьёзные потери в живой силе и авиации. Но в то время у Кейтеля было достаточно свободных войск, война на Востоке только планировалась, и в ходе критской операции он мог задействовать резервы с балканского театра военных действий. Но в настоящий момент стратегическая обстановка кардинальным образом изменилась, на Восточном фронте, под Москвой, наши войска испытывают значительные трудности, положение усугубляет ужасная русская зима. Все резервы идут исключительно в Россию, и фюреру, сами понимаете, сейчас не до Мальты. Благодарите Бога, что он находит возможность подбрасывать кое-что вашему Африканскому корпусу.

– Понимаю, господин фон Белов, – угрюмо пробурчал Роммель, наконец-то уразумевший в этот момент, что из ставки ОКВ больше тех жалких крох, что она выделяет, – ждать нечего. И остаётся справляться своими силами. Как всегда хитрить, выкручиваться, затыкать дыры на фронте воинскими частями, снятыми с других участков, отчего ливийский восточный фронт приобретает вид, как говорят русские, – «тришкиного кафтана». Генерал интересовался русской классикой, читал Крылова и хорошо знал эту блестящую, как он считал, басню русского Лафонтена.

Неожиданно на площадке перед живописным трёхэтажным дворцом с древнеримскими декоративными колоннадами в виде портиков и галерей, где прохаживались, оживлённо беседуя, приглашённые немецкие и итальянские офицеры, синьоры в штатском и дамы, пронёсся, как ветер, шум голосов, раздался громкий взрыв рукоплесканий и восторженные крики «Эввива!»¹¹ и «Виттория!».¹² В толпе собравшихся появился, как всегда довольный жизнью, сияющий, несколько одутловатый Бенито Муссолини. Поздоровавшись со всеми за руку, он подошёл засвидетельствовать своё почтение лично генералу Роммелю. Тому это польстило, хоть Эрвин и не был столь тщеславен, как итальянцы.

– Прошу в мои скромные апартаменты, господин генерал, – широким жестом гостеприимного хозяина пригласил дуче в дом. – Вас всех тоже, синьоры, – обратился он к остальным.

– Я бы не сказал, что жилище ваше столь уж скромно, – покрутил головой Роммель, проходя вслед за дуче. – Вполне в духе цезарей, извиняюсь...

– Вы не ошиблись, господин Роммель, – затараторил, придерживая его за локоть, Муссолини, – король Виктор Эммануил – большой любитель античной, цезарианской роскоши, о чём красноречиво свидетельствует это сооружение. Но мне оно досталось во временное пользование, как обыкновенному государственному служащему. Я ведь всего-навсего премьер-министр Италии. Дача казённая, и я здесь ровно так же, как и вы – гость.

Дуче снова слукавил и умолчал, что помимо поста премьер-министра, он возглавляет ещё семь кабинетов, включая министерства обороны и внутренних дел. Фактически является бессменным диктатором, низведя роль короля Виктора Эммануила Третьего до чисто декоративной функции «властителя без власти».

Едва весь съехавшийся на дачу фашистский бомонд заполнил зал для приёмов, заиграла музыка из оперы «Севильский цирюльник» Джоаккино Россини: дуче специально пригласил оркестр из старейшего римского театра Арджентина. Дамы пустились танцевать, приглашая друг друга, веселясь; мужчины,

¹¹ *Эввива (evviva) – да здравствует (итал.).*

¹² *Виттория (vittoria) – победа (итал.).*

продрогнув на улице, поспешили к шведскому столу – согреться бокалом-другим бургундского, а то и рюмкой итальянской виноградной водки, граппы.

– Побеседуем, пока суть да дело, у меня в кабинете? – предложил Муссолини Роммелью. – Там уже всё готово в приёму дорогих гостей из колонии. – Дуче расплылся в слащавой улыбке.

Генерал понял, что предстоит традиционная итальянская пьянка, но деваться некуда, отказывать великому диктатору нельзя – будет смертельная обида, под угрозой окажутся поставки вооружения и солдат из Италии. Роммель, тяжело вздохнув, поманил пальцем своего начальника штаба генерала Гаузе и покорно поплёлся за Муссолини на второй этаж. Туда же направились Альберт Кессельринг, майор фон Белов и граф Уго Каваллеро.

Длинный широкий стол в кабинете был тесно заставлен блюдами с холодными итальянскими закусками, различными бутылками с красочными этикетками, в том числе и традиционными в Италии *фиаско* – бутылками, оплетёнными сеном, хрустальными бокалами. Тут же стояли пепельницы. Это означало, что за столом можно курить. Пили без обычных тостов за победу германского и итальянского оружия и без обязательного прославления вождей: фюрера и дуче. Обстановка была демократичная, свойская. Едва промочив горло и наспех закусив, сразу приступили к беседе. Муссолини объявил, что его вызывает в ставку Адольф Гитлер и в свою очередь пригласил с собой генерала Роммеля. Недовольно косясь на закурившего сигару графа Каваллеро и отмахиваясь от назойливо лезущего в глаза табачного дыма, пояснил:

– Господин Роммель, нам необходимо согласовать в ставке фюрера совместные действия наших войск в Киренаике. Вы слишком долго топчетесь под Тобруком, когда мои генералы рвутся в бой и считают, что армия вполне способна наступать дальше, в Египет. Не забывайте, что конечной целью Северо-Африканской кампании является не взятие какого-то Тобрука, от которого уже не осталось камня на камне, а захват Египта с его стратегически важной морской коммуникацией – Суэцким каналом. Перерезав её, мы лишим Черчилля связи с большинством южных колоний: Восточной и Южной Африкой, Индией, Австралией, Новой Зеландией. В результате, английские транспорты пойдут в Европу вокруг Африки, а то и через Тихий океан и Атлантику. Мало того, из Египта нашим войскам откроется прямой путь к нефтяным месторождениям Ирака и Ирана. Как вы знаете, в Ираке совсем недавно, в мае этого года, было подавлено антибританское восстание. Я думаю, что стоит появиться там передовым частям наших общих, коалиционных итало-германских войск, как арабы снова выступят на нашей стороне и сметут к чёртовой матери британцев со всей их хвалёной западной демократией! Оттуда рукой подать до Ливана и Сирии, совсем недавно принадлежавших французскому, союзному нам

правительству маршала Петена в Виши. В Сирии взрывоопасная обстановка, и местные, сочувствующие нам арабы непременно встанут против англичан, лишь только представится удобный случай.

– Вы нарисовали блестящую перспективу боевых действий наших войск на Ближнем Востоке, синьор Муссолини, – подыгрывая дуче, восторженно воскликнул генерал Роммель. – Подумать только, прямо наполеоновские планы! Дело за малым – осуществить всё это на практике, что не столь просто, как кажется на первый взгляд.

– Что вас смущает, генерал? – выпучив по-бычьи налитые кровью от возбуждения и алкоголя глаза, уставился на Роммеля Муссолини.

– Элементарно – отсутствие горючего в баках моих танков, – скептически усмехнулся генерал. – Его не хватит даже до Александрии и Каира, не то что до Багдада, Бейрута и Дамаска... А оставшиеся далеко позади, в Триполитании, ремонтные базы, склады продовольствия и боеприпасов? А дальние тыловые аэродромы, не успевающие перебазироваться на новое место? А дикая растянутость коммуникаций, не позволяющая вовремя подвозить к фронту всё необходимое для решительного броска в пустыню? А многочисленные мобильные диверсионные группы противника, рыщущие по нашим тылам день и ночь? Сильно мешающие снабжению... Нет, синьор Муссолини, Северная Африка – не Европа, она не годится для современной цивилизованной войны. Здесь нужно вести войну особую, партизанскую, мелкими группами специально обученных бойцов. Не бросать в наступление танки за сотни километров от тыловых баз снабжения, а опираясь на эти базы, сбрасывать мелкие авиационные десанты парашютистов, набранных из местных африканских народов. С их помощью, – поднимать мятежи в тылу вражеских войск, громить склады, уничтожать связь, органы колониальной администрации. В общем, действовать так же, как это делал в прошлую войну в германской Восточной Африке полковник фон Леттов-Форбек – национальный герой Германии! Почему бы нам не повторить его прошлые подвиги, там более, что сам бывший полковник, сейчас генерал-майор, жив, проживает в Фатерланде. Нашлись и некоторые его соратники по борьбе, в том числе из африканских туземцев... Об этом я и собираюсь говорить с фюрером, предложить ему мой план.

– Bravo, господин Роммель! Я полностью поддерживаю вашу затею, – внимательно выслушав речь генерала, горячо воскликнул дуче. – Вы подали очень здравую мысль: партизанская война среди африканских туземцев! Над этим надо серьезно подумать... Вы как находите, синьор Каваллеро? – повернулся он к начальнику генштаба. – У нас в Абиссинии, Эритрее и Южном Сомали, думаю, найдётся много желающих выступить

с оружием в руках против оккупантов англичан. Особенно, если им это оружие доставить самолётами и спровоцировать негров на мятеж. Например, пообещать какие-нибудь послабления колониального режима: местное самоуправление, уменьшение пошлин, собственную милицию, газету или журнал.

– Пообещать можно всё, что угодно, ваше превосходительство, – подал голос генерал армии Уго Каваллеро. – Лишь бы абиссинцы и сомалийцы клонули, ведь в каждой шутке есть доля правды, и взбунтовались против бриттов. И дьявол, как известно, был когда-то ангелом... Однако замечу вот ещё что: несмотря на падение последнего очага нашего сопротивления в Абиссинии, – я имею в виду недавнюю капитуляцию группировки итальянских колониальных войск генерала Гульермо Наси после поражения в битве при Гондаре, – в Восточной Африке остаётся ещё достаточно итальянских солдат и офицеров, не желающих складывать оружия и готовых продолжать борьбу с англичанами.

– Это верные сведения, генерал? – оживился дуче, услышав добрую весть.

– Так точно, ваше превосходительство, – шёлкнул шпорами на блестящих хромовых сапогах Каваллеро. – По данным нашей разведки, около семи тысяч итальянских берсальеров и туземных солдат-аскарий скрываются в горах и пустынных районах Эфиопии, Эритреи и Сомали. В случае необходимости они могут начать партизанскую войну против британской армии и эфиопов. При одном немаловажном условии, конечно: их выступление поддержит итало-германская армия под руководством доблестного генерала Роммея; продолжит наступление на восток и наголову разгромит группировку англичан и их союзников в Египте...

Глава 12. Песчаная буря

Небольшая вереница американских внедорожников «Виллис», на которых ехала диверсионная группа майора Пенякова, и немецкий трёхтонный грузовой «Форд» с имуществом остановились у высокого песчаного бархана, преградившего путь. Бархан был удлинённой формы, тянулся на несколько миль вправо и влево. У подножия росло несколько низкорослых чахлах деревьев почти без крон, с замысловато скрюченными, сухими ветками; по склонам, цепляясь рахитичными корнями за уступы и неровности, карабкались вверх редкие колючие кусты и пучки каких-то жёстких, иссохших на солнце трав. По гребню вытянулось соединение «Валентайнов» – английских пехотных танков. Машины стояли в нескольких десятках ярдов одна от другой; периодически то один, то другой танк вздра-

гивал, от громового раската выстрела, подаваясь чуть назад всем корпусом. Снаряд с душераздирающим свистом уносился куда-то вдаль, на равнину, где вскоре гремел взрыв, как будто что-то там со звоном лопалось. У ближайшего «Валентайна» стояло несколько офицеров с биноклями, в песочного цвета тропических хлопчатобумажных рубашках с закатанными рукавами, заправленных в шорты, в расстёгнутых чёрных танковых шлемах на головах. Увидев внизу колонну «Виллисов», один из них – рослый сухощавый, спортивного телосложения, британец с погонами лейтенанта-колонела на плечах – стал спускаться по осыпающемуся под ногами склону.

– Эй, парни, вы из какого подразделения? Кто старший? – крикнул он, ещё не добравшись до подножия песчаного холма.

– Личная армия Попского, – крикнул в ответ майор Пеняков. – Отправляемся на спецзадание в тыл противника. Нам бы проскочить на вашем участке... Ночью не получится, сэр?

Офицер спустился вниз и подошёл к джипу Пенякова. Вскинув ладонь к танковому шлему с пластиковыми пылезащитными очками, представился:

– Лейтенант-колонел Гарей Джером, командир первого батальона седьмой бронетанковой дивизии генерала Мессерви.

– Сэм Попский, – отдал в ответ честь Владимир. – Точнее, майор Пеняков, прошу прощения, – уточнил он. – Так как насчёт броска на ту сторону? Вы нам поможете, сэр Джером?

– До ночи нужно ещё дожить, майор, – ответил лейтенант. – У меня приказ генерала атаковать немцев, а пехотный десант что-то запаздывает. Не дадите ли своих парней мне на броню? С такими бравыми ребятами мои танкисты живо выбьют колбасников с их укреплённых позиций!

– Что ж, договорились, сэр, – согласился майор Пеняков. – Я помогу вам сейчас атаковать немцев, а вы мне ночью – перебраться на ту сторону. Откроете пальбу из своих коробочек где-нибудь севернее, отвлечёте внимание противника, а мы под шумок и проскочим.

– Идёт, Сэм Попский, – кивнул головой танкист.

Вскоре дюжина бойцов Истребительного отряда дальнего действия, включая самого Пенякова, уже сидела на броне шести танков, за башнями – по два человека на машину. Впереди ещё с десятка «Валентайнов», взревев двигателями, устремились вниз с пологого песчаного холма в атаку на немецкие позиции. Следом тронулись и танки с десантом. Остальные «Валентайны» и самоходные артиллерийские установки, прикрывая атакующих, открыли беспорядочную пальбу по вражеским машинам, маячившим внизу на равнине.

В ответ со стороны противника часто заговорили башенные 20-миллиметровые орудия танков «Pz Kpfw II» и 37-милли-

митровые – «PzKpfw III», но их снаряды не долетали до английских «Валентайнов», а противотанковые полевые пушки немцев «Pak 35/36» хоть и попадали по машинам противника, но не могли пробить их лобовую броню.

– Лёгкая прогулка по пустыне для разминки костей, – заносчиво усмехнулся майор Пеняков, и весело подмигнул сидевшему с ним рядом, на броне, Николаю, бывшему советскому военнопленному. – Не горюй, Горюнов, когда б ты ещё на английском танке с ветерком прокатился? Перед ужином аппетит как раз нагуляем. . .

«Валентайн», на котором они ехали, не стрелял, опасаясь задеть впереди идущие танки. Зато те, оставив далеко позади машины с десантом, открыли частый огонь по немецким «панцирям», метко поражая то один, то другой. Продолжали стрелять британские танки и самоходки с холма. Впереди, у самых вражеских позиций, смрадно горело уже около десятка немецких Т-2.

Англичане ликовали в предчувствии лёгкой победы и вдруг произошло непредвиденное. К немцам на подмогу подвезли страшные для английских танков 88-миллиметровые немецкие зенитные пушки «FlaK-37». Те, подпустив головные атакующие «Валентайны» поближе, с расстояния двух миль открыли ответный меткий огонь. Сразу же, как огромные костры, вспыхнули два или три подбитых британских танка. Двадцатифунтовые бронебойные снаряды с исключительной точностью прошивали лобовую броню «Валентайнов», взрываясь внутри корпуса. Перемалывали в мясо экипаж, подрывали боекомплект. У некоторых танков, от сдетонировавших снарядов, напрочь срывало башню, которая отлетала на несколько десятков ярдов от корпуса. В считанные минуты полыхнуло ещё около пяти английских машин. Немецкие зенитки щёлкали их, как орехи. Танки с десантом майора Пенякова сразу повернули назад и на полном ходу устремились к своим позициям. За ними – несколько уцелевших машин передовой группы. Им вдогонку продолжали лететь снаряды, и вот уже ткнулся орудийным стволом в песок один из «Валентайнов» с десантниками. Разведчиков взрывной волной отбросило далеко от подбитого танка, они упали в песок, но к счастью остались живы. Оба получили только лёгкие осколочные ранения, почти царапины.

Увидев это, майор Пеняков с силой застучал прикладом английского автомата по башенной броне, призывая механика-водителя остановиться. Танк встал, как вкопанный, десантники с подбитой машины вскарабкались на горячую от солнца и перегретого двигателя броню, и «Валентайн» снова рванул с места. Английская атака позорно провалилась, назад вернулась едва ли половина танков.

– Здорово вы нас подставили, сэр Джером, – посетовал Владимир Пеняков, отыскав после боя командира танкового батальона. – Что ж не сказали, что у немцев на вашем участке стоят «восемь-восемь»? Я бы ни за что не дал своих ребят, и сам никогда

не поехал. Атаковать в лоб позиции, на которых укреплены немецкие зенитные пушки «FlaK-37» – равносильно самоубийству!

– Я сам этого не знал, господин Попский, – смущённо оправдывался танкист. – Господь Вседержитель свидетель – не знал. Вчера ещё никаких зениток не было, разведка докладывала. И – на тебе! Больше десятка танков – как не бывало! Хорошо, что ваши парни все целы и невредимы. Просто повезло им, не иначе. Зато моим танкистам – аминь. Весь вечер теперь похоронки строчить в палатке – хорошенькое дело...

Ночью, как и было условлено, лейтенант-колонел Гарей Джером приказал своим танкистам и самоходчикам открыть по немцам дьявольскую канонаду, имитируя подготовку к атаке. В это время колонна «Виллисов» и грузовой «Форд» майора Пенякова немного южнее совершили дерзкий прорыв на германскую сторону. Бросок по пустыне был произведён блестяще, без единого выстрела с той и с другой стороны. Диверсанты, как призраки, промчались сквозь немецкие передовые порядки. Согласно данным разведки, здесь располагались лишь редкие посты и дозоры, – сплошной линии обороны не было. Немцы не ожидали удара на этом направлении и не держали тут крупных воинских сил.

К утру английские командос находились уже далеко за линией фронта. Они были бы ещё дальше, но движение замедлял грузовик, которому никак не угнаться за быстроходными американскими джипами. Но приходилось мириться с этим неудобством – «Форд» вёз треть всех необходимых в рейде по пустыне грузов.

Владимир хорошо знал Ливийскую пустыню. Ещё задолго до войны, в 1924 году, он перебрался из Англии в Египет, поселился в Александрии, где впоследствии и женился. Устроился работать на сахарную фабрику. Вскоре свёл знакомство с неким майором Багнолде, который собрал группу любителей африканской экзотики, совершавших длительные автомобильные турне по Сахаре. Пеняков проделал с ним несколько увлекательных путешествий по пустыне и буквально «заболел» Сахарой. Переоборудовав свой личный автомобиль, – убрав всё лишнее, усилив задние рессоры на подвеске и соорудив вместительный грузовой отсек, он приспособил машину для поездок по дикому африканскому бездорожью. Чтобы без труда ориентироваться в пустыне, засел за учебники по астрономии, изготовил самодельный солнечный компас. За несколько лет Пеняков в одиночку исколесил всю Ливийскую пустыню и знал её буквально, как свои пять пальцев. Всё это пригодилось ему сейчас, в том числе и солнечный компас, который он неизменно брал в каждый рейд.

Благодаря довоенному опыту, майор первый почувствовал во-круг что-то неладное. Воздух потяжелел, как будто начал плавиться, отчего стало трудно дышать. Неожиданно ощутило подул ветер, пригибая к земле островки чахлая растительности, на юго-запад,

в оазисы поспешили стаи птиц, солнце, как будто стало светить ярче. От него повеяло жаром, как от раскалённой доменной печи.

Пеняков взглянул на северо-восток, откуда, со стороны побережья, дул ветер. Там на горизонте уже закрутились песчаной юлой небольшие смерчи, небо нахмурило брови, как седой старик-дервиш, и почернело. В пустыню, словно огромные серые дирижабли, потянулись клочковатые тучи. Но это были не гроззовые тучи, а пылевые – надвигался смерч.

– Чёрт, этого нам ещё не хватало, – с досадой чертыхнулся Владимир, взглянув на часы на левой руке. – Джек, поворачивай на северо-запад и прибавь газу. Видишь, песчаная буря идёт. Постараемся выбраться из этой переделки, пока она нас не накрыла. Если не успеем проскочить у неё под носом, тогда, как говорят боши, – аллес капут!

– Это Хамсин, Сэм? – отчаянно давя на педаль акселератора, с испугом спросил водитель Парсон.

Машина летела по пустынному бездорожью, как на крыльях, то и дело подпрыгивая на больших кочках, или проваливаясь в мелкие впадины. Водитель и пассажиры высоко подпрыгивали, рискуя вообще вылететь из джипа. Остальные внедорожники, скомкав строй, неслись по обеим сторонам командирского «Виллиса». Грузовой «Форд» остался далеко позади, не поспевая за быстроходными автомобилями.

– Нет, Джек, это не Хамсин, до него ещё рановато, – отплываясь от попавшей в рот пыли, ответил командир. – Хамсин начинает изводить нервы где-то с апреля месяца. В исключительных случаях стартует в феврале и прекращается летом, в июне. А это обыкновенный суховей, сопровождаемый песчаной бурей. Палестинские евреи называют его Шарав.

Но проскочить надвигающуюся бурю им не удалось. Вскоре вокруг всё померкло, ветер задул сильнее, превратившись в штормовой, горы песка и пыли обрушились на джипы. Пеняков приказал остановиться, опасаясь потерять друг друга в крошечной песчаной круговерти, а самое главное, – чтобы их догнал отставший «Форд». И хоть все надели пылезащитные очки, а некоторые – даже противогазы, песок забивался в глаза, ноздри и уши, противно скрипел на зубах. Температура враз подскочила градусов до тридцати, хотя до этого держалась где-то на пятнадцати. Сильно хотелось пить, а главное, – укрыться где-нибудь от непогоды: ветра, колющего песка и пыли.

Джек с Николаем принялись натягивать палатку, но сумасшедший ветер вырывал полотнище из рук, отчаянно трепал, как знамя. Владимир, обмотав грязное, потное лицо арабским платком, куфией так, что видными были только глаза в пластиковых пылезащитных очках, похожий на русскую деревенскую бабу, с трудом шёл от джипа к джипу. Шальной, больно секущий тело

песком и мелкими камешками, ветер буквально валил с ног, не давал двигаться. Приходилось нагибаться чуть ли не до земли, чтобы преодолеть его напор и дикую первобытную силу. Ботинки, полные песка, – утопали в разлившемся вокруг зыбучем песчаном море выше щиколотки. Колёса джипов занесли почти до оси, хоть с момента начала бури не прошло и четверти часа. В трёх шагах невозможно было ничего различить, и Пеняков шёл, вытянув вперёд руки, как слепой. У встречных бойцов, которые пытались спрятаться от песка под тентами или плащ-палатками, спрашивал, не подошёл ли отставший грузовой «Форд». Никто его не видел и майор, пересиливая себя, брёл дальше, хотя единственным желанием было плюнуть на всё и забраться от песка и пыли под машину, напиться воды из фляги. Она сильно нагрелась и была почти горячей. Некоторые разведчики так и поступили – залезли под «Виллисы», приспособив плащ-палатки вместо боковых стенок. Другие, надев противогазы, обмотав куфиями головы, пытались натянуть возле джипов жёлтые брезентовые тенты. Несколько человек содрогались на песке в безудержной рвоте.

Майор подумал, что если подойдёт «Форд», – можно укрыться в его трёхместной кабине или в кузове под тентом. Хватило бы места на всех. Но грузовик, вероятно, тоже где-нибудь остановился, застряв в глубоком песке, и бойцы пережидают бурю. Он вернулся назад, к своему командирскому джипу. Буря не утихла, а наоборот усиливалась. От бьющего со всех сторон песка невозможно дышать всей грудью. Пеняков задыхался в куфие, горячий, липкий пот, перемешанный с мокрым песком, заливал лицо и струями тёк по спине, обильно выступал на груди и под мышками. Не выдержав, майор отцепил с пояса фляжку, отвинтил пробку и припал к горлышку, чувствуя, как с горячей, приторной влагой в горло течёт всё тот же песок, от которого нет спасения.

– Командир, иди скорее сюда, залазь под машину, – проговорил по-русски Николай, высунув из-под джипа закутанную в пёстрый арабский платок голову. – Мы тут с Джеком хорошо устроились. Как говорится: тепло, светло и мухи цеце не кусают.

– Муха цеце – полбеда, не кусали бы крокодилы, – пошутил майор. Немного подумав, проворно лёг на песок и забрался под «Виллис».

Здесь и правда было значительно тише. Буря бесновалась снаружи, а тут относительно спокойно. Николай с Джеком позатыкали плащ-палатками все щели, маленькими сапёрными лопатками выкопали в середине глубокую яму, используя вынутый песок в качестве бруствера по краям, расстелили на дне толстый брезентовый тент, сверху, в виде крыши, укрепили на деревянных колышках палатку, которую так и не удалось разбить возле машины. Получилось совсем хорошо и даже уютно. Ветер сюда не задувал и песок не беспокоил. Хотя

продолжал скрипеть на зубах, набиваться в ботинки, чулки, карманы штанов и курток.

Майор Пеняков сам не заметил, как вскоре уснул. Снился ему почему-то их базовый лагерь на окраине Каира, «Роммель» подползающий к нему по песку. Владимир удивился, что кобра, которую он ещё толком не приручил, – не в клетке. Кто её выпустил? Волонтёр-новобранец Сергей? Но змея может его укусить, неужели он не понимает? Пеняков не подумал, что «Роммель» может укусить, прежде всего, его самого, – Сергея нигде не видно, а он в платке совершенно один. Майор стал звать Сергея, чтобы тот водворил рептилию на место, в клетку, но она быстро приближалась, оставляя на рыхлом жёлтом песке извилистый след, и Пеняков проснулся от страха. То, что он неподалёку от себя увидел, показалось ему продолжением сна: «Роммель», приподняв небольшую, заворачивающе страшную голову, зловещим немигающим взглядом смотрел прямо ему в глаза. И тут, проснувшийся от его крика Николай Горюнов, мгновенно оценив опасность, угрожавшую командиру, схватил острую сапёрную лопатку и с силой рубанул змею, которая уже изготовилась для нападения, по скользкому, блестящему чешуёй туловищу. Лопата перерубила рептилию на две части. Фонтаном брызнула кровь, попав в лицо не успевшего отвернуться майора. Передняя, малая часть змеи, дёрнувшись несколько раз, затихла; задняя бешено, как живая, билась на брезенте, окрашивая его кровью, скручивалась в узел и снова быстро распрямлялась. Владимиру даже почудилось, что у неё на месте красного кровотокащего обрубка вырастает новая голова.

Николай, брезгливо скривившись, вскрикнул от ужаса и стал наносить по не желавшему умирать, живучему телу змеи всё новые и новые удары. Искромсал его в мелкие кусочки и только тогда успокоился. Проснувшийся водитель Джек отпрянул к заднему мосту, при виде страшной картины. Глаза его округлились от недоумения. Ему, видимо, тоже показалось, что это была кобра майора по кличке «Роммель».

– Как она сюда попала, Сэм? – дрожащим голосом лепетал он, машинально растирая по рукаву форменной куртки змеиную кровь.

– Кто? – безучастно, как замороженный смотря на искромсанного «Роммеля», переспросил Пеняков.

– Кобра твоя... Она ведь сидела в клетке, когда мы уезжали из лагеря.

– Сам не понимаю. Постой... Может, это не она? – Владимир внимательно всматривался в переднюю, не повреждённую часть убитой змеи.

Несомненно, это была не кобра: форма и размеры головы – другие, окрас шкуры – тоже. К тому же отсутствовал так называемый капюшон.

– Нет, Джек, это не «Роммель», – задумчиво протянул Пеняков. – Я знаю, что это за змея, видел раньше. Это африканская эфа из семейства гадюк, – одна из самых агрессивных змей в мире. Египетские феллахи говорили, что от её укуса человек умирает мгновенно. Причём кровь идёт не только из раны, но даже изо рта, носа и глаз. – Майор повернулся к Николаю и протянул руку: – Спасибо тебе, товарищ! Ты спас мне жизнь. Я этого никогда не забуду.

– Да что там, командир... Так уж и спас, – засмутился не привыкший к высоким словам русский солдат. Но на рукопожатие Пенякова горячо ответил. Ему польстило, что английский офицер, буржуй, по советским меркам, назвал его «товарищем».

– У нас в школе-семилетке учили: сам погибай, а товарища выручай! В пионеры, помню, принимали, про Павлика Морозова рассказывали...

– Это кто, Горюнов? – без интереса, просто, чтобы о чём-нибудь говорить, спросил Владимир.

– Да так, паренёк один... – замылся, не зная рассказывать или нет, Николай. – Дело прошлое, да и вам вовсе непонятное, англичанам.

– Я не англичанин, а скорее всего бельгиец, – уточнил Пеняков. – Родился в Брюсселе, хотя родители – русские. Выходцы из России. И не думай, что уехали после вашего большевицкого переворота. Нет, обосновались в Бельгии ещё в конце прошлого столетия. Так уж судьба их сложилась.

– Да я и не думаю ничего такого, – пожал плечами Николай. – Я ведь тебе, майор, не особый отдел и не НКВД, чтобы интересоваться прошлым твоих уважаемых родителей. Уехали, так уехали, была, значит, причина...

– Ты про пионеров что-то говорил, про какого-то Пауля Мороза? – напомнил Владимир.

– А-а, это... Да вишь какое дело: донёс Павлик Морозов в Чека на родного папашу за то, что тот контрреволюционером был и кулакам потворствовал. Отца посадили, а дружки его, кулаки, в отместку, значит, и укокошили юного пионера...

– Пионер, это – что? – снова не понял майор, никогда не бывавший не то что в Советском Союзе, но и в дореволюционной России.

– Организация такая молодёжная... Красные галстучки на грудях носят, и песни под барабан поют, – как мог, объяснил Николай.

– Я понял, Горюнов, – это первопроходцы-разведчики, – истолковал по-своему Владимир. – В Англии тоже такие организации есть, бойскаутами называются. Знаешь?

– Почём мне знать, господин майор, – пожал плечами Николай. – Я в англиях у буржуев-мироедов не бывал. Только – в Германии и в Италии...

Бригадный генерал Вилмер Робинсон, как хищный паук, умело плёл в столице Ливии Триполи разветвлённую сеть своей тайной агентуры. Она была разбита на тройки, члены которых больше никого не знали. Над сетью стоял резидент, координирующий её деятельность с помощью связного и радиста, так же не знавших друг друга. Связной распространял указания резидента среди руководителей ячеек, а радист поддерживал связь с Центром, то есть с ним, Робинсоном. Такая структура напрочь исключала возможность провала всей организации целиком, в крайнем случае, немцы могли арестовать только членов тройки и всё. Дальше цепочка обрывалась. Деятельность английской разведки облегчало ещё и то, что в Ливии не существовало никаких полицейских структур немцев, тем более зловещего гестапо. Это была итальянская колония, и полиция здесь исключительно итальянская.

Пока всё складывалось более-менее удачно, радист с кодовым позывным Бейбарс выходил на связь регулярно, в назначенные день и время. Передавал в Центр секретную информацию, которую удалось добыть агентам. Особенно заинтересовало генерала Робинсона сообщение о прибытии в Триполи с известному профессору истории русского происхождения, подданному Итальянского королевства Борису Кляйну его родного сына, Феликса – капитана вермахта. Самое интересное то, что сын профессора служит в учебном пехотном полку особого назначения «Бранденбург», где командует тропической диверсионной ротой. Это заставляло задуматься, сопоставить некоторые факты...

Генерал Робинсон приказал радисту-шифровальщику передать сообщение в Триполи резиденту, позывной которого был Гольфстрим, чтобы продолжал слежку за домом профессора и по возможности разузнал цель приезда капитана Кляйна. Одновременно Гольфстриму надлежало связаться с резидентом британской разведки в Риме – Прэго и выяснить, зачем генерал-фельдмаршал Кессельринг вызвал в свой штаб генерала Роммеля, и что за непонятный, чернокожий загадочный офицер вермахта его сопровождает в поездке?

Кстати, случайное совпадение это или нет – капитан Кляйн тоже имеет африканские корни: его мать – чистокровная масайка из Кении. В общем, – сплошные загадки! У Робинсона просто голова шла кругом. Одно было ясно как божий день: за всем этим что-то кроется. Роммель явно замышляет какую-то гадость!

Одновременно стали приходиться тревожные сообщения из бывшей итальянской Восточной Африки о каких-то партизанских боевых организациях, будто бы действующих на территории оккупированных британскими войсками колоний.

«Чёрт побери! Не хватало нам ещё в Абиссинии второго полковника Форбека, – вспомнил бригадный генерал Робинсон

известные события прошлой войны в Танганьике, свидетелем и непосредственным участником которых был лично. – А ведь среди итальянских офицеров найдутся фанатики, готовые повторить подвиги этого легендарного шваба, целых четыре года державшего в страхе и напряжении трёхсоттысячную группировку британских войск в германской Восточной Африке».

Робинсону захотелось разобраться в обстановке на месте, заодно побывать в Кении, где проходила его служба в прошлую мировую войну. Он в тот же день отправился в штаб генерала Джона Хэкетта, руководителя специальными операциями на ближневосточном и североафриканском театрах военных действий, и изложил ему свои соображения насчёт полёта в Аддис-Абебу.

– Отчего вдруг такой кардинальный поворот в приоритетах? – встретил его холодным вопросом генерал Хэкетт. По всему было видно, что он не только не понимает новый план действий Робинсона, но и не одобряет его. – Мы ведь только что решили в ставке главнокомандующего развернуть активную диверсионно-партизанскую войну в итальянской Триполитании, в рамках операции «Крестносец» начали осуществлять свою собственную, малую операцию «Лис пустыни». В немецко-итальянские тылы послана мобильная разведгруппа, так называемая «Личная армия Попского», намечено взбунтовать кланы воинственных туарегов в Феццане, и вдруг – какая-то Аддис-Абеба? Зачем вам срочно туда лететь, Робинсон? Вы опасаетесь восстания абиссинцев? Это исключено. Они ненавидят порабитителей-итальянцев и никогда не перейдут на их сторону. А с жалкими остатками итальянских банд, если они и скрываются в горах Абиссинии и Сомали, наши оккупационные войска справятся без труда. Ваше личное присутствие там не целесообразно. Я сам подумаю над этим вопросом. А вы, сэр Робинсон, займитесь лучше Триполитанией, проконтролируйте проведение операции «Лис пустыни»...

После недавней дикой потасовки, в заведении Афры было сравнительно тихо. Девушки занимались в зале с клиентами, которых в этот ранний утренний час было ещё совсем мало; кельнер, – черноусый тучный грек Димитрис Феодоракис, – восседал за стойкой буфета; сутенёр, местный итальянец Ливио Моретти, расхаживал по улице, завлекая прохожих; ну, а сама хозяйка разговаривала на первом этаже в своём кабинете с каким-то арабом. Видела она его уже не первый раз, но как зовут, до сих пор не знала. Он представлялся Коброй, и Афра больше об имени его не расспрашивала. Кобра, так Кобра. Начальству виднее, как называть своих людей.

– Помимо всего, ас-сайида Афра аль-мухтарам,¹³ вам надлежит продолжить разработку той непонятной армейской группы немцев, один из которых устроил недавно мордобой в

¹³ *Ас-сайида Афра аль-мухтарам – уважаемая госпожа Афра (арабск.).*

вашем... – араб намеренно сделал многозначительную паузу, – приличном доме.

– Это был не германец, а итальянец, ас-сайед¹⁴ Кобра, – уточнила негритянка. – К тому же, дрались кафиры не в самом помещении, а на улице, при всём правоверном народе. Вот смеху-то было! Умора. Грызлись как похотливые туарегские псы из-за текущей сучки...

– Не имеет большого значения, – улыбнулся загадочный араб, оценив поэтическое образное сравнение хозяйки специфического салона. – Информацией об этих людях заинтересовались в Центре. Я имею в виду кафира, – того самого, устроившего пьяный дебош, итальянца. Командир его подразделения, некто капитан вермахта Кляйн, прибыл в город к своему отцу, профессору истории Борису Кляйну. Вот его адрес, – протянул Афре сложенный вчетверо листок бумаги Кобра. – Прочтите, запомните и сожгите. И о нашей встрече – никому...

– Об этом не беспокойтесь, хадж, – заверила женщина, пряча бумажку в лиф, из которого сильно выпирали две пышные соблазнительные чёрные груди.

Араб величественно проводил взглядом её руку, в чёрных, бездонных его глазах блеснули похотливые искорки.

– Что я и мои люди должны делать? – спросила Афра, поймав глазами направление его взгляда.

– Следить за домом профессора Кляйна и попытаться выяснить причину приезда из действующей армии его сына, – ответил араб Кобра. – Резидент Гольфстрим не думает, что это простая побывка домой с фронта. Тут что-то не так... Попытайтесь вступить в непосредственный контакт со слугами, если они есть... Кстати, стало известно, что с кафирами приехала мусульманка. Это очень подозрительно! Так что, действуйте, сайидати.¹⁵

– Не сомневаюсь, – интимно улыбнулась Афра, повела перед его глазами дьявольски желанным бюстом.

Кобра, громко сглотнув голодную слюну, облизнулся. Негритянка встала с директорского кресла, выплыла из-за делового канцелярского стола и, плавно покачивая умопомрачительно красивыми, идеально округлыми бёдрами, направилась к мягкому, кожаному, вульгарно широкому, промятому в середине дивану. Минута, и платье с глубоким вырезом декольте, тесно облегавшее сказочно вылепленную, как у африканской статуэтки, фигуру, – пёстрой птицей летит на пол, к ногам вскочившего с места, как столб, заморожено смотрящего на неземное, как будто потустороннее таинство, араба. За платьем – белые кружевные подробности, ничего

¹⁴ *Ас-сайед – господин (арабск.).*

¹⁵ *Сайидати – моя госпожа (арабск.).*

обычно не скрывающие, но лишь подчёркивающие... Бельё было явно не местного, домотканого покроя, а привозное из метрополии, из лучших фирменных магазинов для дам Рима и Милана.

– Иди сюда, хабиби улад,¹⁶ – простонала Афра, поманив его миниатюрным чёрным пальчиком.

Кобра, как затороженный, не отрывая округлившись, безумных глаз от обнажённого, безукоризненно сложенного тела прекрасной чёрной женщины, послушно шагнул к краю разверзшейся бездны... Ещё секунда и она проглотила обоих подобно Бермудскому треугольнику...

Тамалу, оставшаяся жить и прислуживать в доме профессора Кляйна после отъезда Имана в свою часть, с раннего утра, ещё до восхода солнца, пошла на городской рынок. Нужно было запастись свежими продуктами, которые подходили к концу, и успеть ещё в мечеть на утренний намаз – фаджр. Берберка Тамалу была ревностной мусульманкой.

Бродя между рыночных рядов, подходя к широким прилавкам под навесами, густо заполненным всякой-всячиной, девушка вначале только приценивалась. Привыкшая жить скромно и экономно, она не разбрасывалась деньгами, даже хозяйскими. Выбирала товар подешевле, но – качественный и питательный. Всегда долго торговалась, прежде чем что-то купить, и если торговец не уступал, демонстративно отходила к другому. Наиболее удобным временем для выгодных покупок считала утреннее открытие базара, когда полусонным, разомлевшим за ночь торговцам или торговкам лень долго спорить и препираться с несговорчивыми покупателями, и они, махнув рукой, зная, что впереди ещё целый день и они своё всё равно возьмут, уступали. Также выгодно и – вечернее время, под самое закрытие, когда что-либо сплавить с рук уже почти не реально, и торговцы, почти не торгуясь, отдают залежавшийся товар можно сказать за бесценок – лишь бы избавиться. Особенно, если продукты уже начали портиться.

Не успела Тамалу купить первую связку спелых жёлтых бананов и положить её в большую, плетёную из лозняка корзину, как какой-то грязный, наряженный в живописные восточные лохмотья, юркий арабский мальчишка выхватил из её рук кошелек с деньгами и дал дёру. Берберка опешила, но пока вертела по сторонам головой, чья-то неумытая, в цыпках, маленькая рука потянула из корзины бананы. Тамалу тут уж не растерялась и цапнула воришку за тонкую кисть:

– Караул, правоверные, деньги украли! Держите мальчишку, вон туда побежал, – громко закричала она, так что повернулись все ближайшие продавцы и покупатели.

¹⁶ *Хабиби улад – мой милый мальчик (арабск.).*

Какая-то молодая белая девушка, невзрачно одетая, быстро откликнулась, подскочила к Тамалу, спросила:

– Вы его запомнили, синьорина? Какой он из себя?

– Да такой же, как и этот, – указывая на вырвавшегося грязного оборвыша, крикнула берберка. – Вон он, вон там, видите, у прилавка с финиками и кокосами! Там ещё двое с ним, наверно, дружки...

Белая девушка стрелой сорвалась с места и в тот же миг поймала зазевавшегося мальчугана. Завернув ему ловко руку за спину, отобрала кошелёк. Арабчонок взвыл дурным голосом, ловко крутанулся вокруг своей оси, едва не сбил девушку с ног и шмыгнул, как ловкая сахарская мышь, в базарную толпу.

Девушка, тяжело дыша, вернулась с кошельком в руке к Тамалу.

– Вот ваши деньги, аниса,¹⁷ – а вор, к сожалению, удрал. Да и бог с ним. Главное, что пропажа нашлась.

– Отпустите меня, я больше не буду! – плакал второй воришка, безуспешно пытаясь освободиться из цепких рук Тамалу.

Базарная толпа, постояв вокруг, крикливо посудачив, помахав руками, не стала устраивать самосуд над мальцом. Кто-то посоветовал вызвать итальянскую милицию чернорубашечников, кто-то из закутанных в хиджабы женщин, сжалившись, просил проявить милосердие и отпустить пойманного на все четыре стороны – Аллах ему судья.

– Действительно, что вам ещё? Деньги на месте, бананы тоже – пусть бежит себе, пострел. Это ему будет уроком.

– Хорошо, – согласно кивнула головой добрая Тамалу, присела на корточки перед воришкой, утёрла ему носовым платочком заплаканные глаза: – Улад, обещаю, что больше никогда не будешь брать чужого, тогда отпущу и даже не задам трёпки, а стоило бы!

– Сайида, обещаю, что больше никогда, ничего не возьму, прости меня! – горячо заверил маленький оборванец.

– Ладно, иди себе, – берберка отломила от тяжёлой связки один банан, всучила мальчику и махнула рукой. Воришка мигом исчез, как будто провалился сквозь землю.

– Тебе помочь? – незаметно переходя на «ты», спросила незнакомка.

Тамалу была благодарна девушке за то, что выручила её. Берберке было неудобно сразу расставаться с ней. Доброе дело требовало ответной благодарности, и она согласилась:

– Помогите, синьорина, а то боюсь, как бы ещё что-нибудь не случилось. А вы такая ловкая. Бегаете быстро...

– Давай на «ты», – напомнила девушка. Приняв на себя роль добровольной помощницы, подхватила корзину с покупкой. – Меня зовут Жаклин Бошам, а тебя?

¹⁷ Аниса – девушка (арабск.).

– Тамалу, – охотно ответила берберка. – Ты сама не местная?

– Нет, я француженка. Родом из Туниса. Там сейчас вишисты.

– Ты хотела сказать «фашисты»? – переспросила берберка Тамалу.

– Нет, именно *вишисты*, – сделала акцент на первых двух буквах Жаклин. – Ты, верно, не знаешь, милая Тамалу, – Франция сейчас распалась на две части. В первой хозяйничает Гитлер, а во второй – маршал Петен, который сидит на юге, в курортном городке Виши. Поэтому Южная Франция теперь зовётся вишистской. Маршал Петен сотрудничает с Германией и прибирает к своим рукам бывшие французские колонии. Вот и мою родину, Тунис, прибрал. И мне пришлось бежать совсем без денег и почти без вещей в Ливию.

– Неужели в Тунисе так плохо? – усомнилась Тамалу.

– Там совершенно нет никакой работы, жить не на что, а у меня больная мать на руках и голодная мелюзга, вроде этих базарных воришек, – мои малолетние братья и сёстры. Вот и пришлось мне ехать в Триполи, искать место. Может, устроюсь в прислуги к каким-нибудь богатым итальянским синьорам?

– А где твой отец, Жаклин? – сочувственно спросила берберка Тамалу.

– Он погиб на фронте во Франции в прошлом году. Его призвали во французскую армию, в тунисский колониальный полк.

– Как жаль... Я тебе очень сочувствую, Жаклин, – проговорила Тамалу с состраданием. – Я сама живу без отца... После того, как туареги несколько лет назад напали на наше селение в оазисе и убили почти всех стариков, включая и мою мать, я ничего о нём не знаю. Он был проводником купеческих караванов и как раз перед нападением отправился в далёкий путь в Египет, в город Каир... Меня разбойники-туареги увезли с собой в своё становище в глубинах Сахары, – их султан Идигер аг Муса сделал меня своей наложницей и рабыней. Хотя называл – женой, но это не так. Я не давала согласия на брак с ним, Идигер взял меня силой. К тому же убил мою мать, и я никогда не прошу ему этой подлости. Буду преследовать его по пустыне, как тень, пока не убью. В конце концов, Орёл умрёт от собственной Тени. Ты не знаешь, Жаклин: моё имя и означает «тень», а Идигер, в переводе с тамашек – языка туарегов, – «орёл».

– Интересно, – задумчиво протянула француженка. – Об этом мы ещё как-нибудь потолкуем, Тамалу... Ты случайно не знаешь, где можно найти место?

– Обещать ничего не берусь, на всё воля Аллаха, – заговорила берберка. – Но я поговорю со своей хозяйкой, поспрашиваю у соседей. Может быть, кому и нужна служанка.

– Если что, я могу и гувернанткой... Имеется опыт работы, – добавила повеселевшая Жаклин. – Ты сама-то кем

служишь? Небось, тоже домработницей у состоятельных итальянцев.

– Не совсем у итальянцев, но в общем, – да, – ответила Тамалу, остановившись, чтобы сделать очередную покупку, перед прилавком, на котором аккуратными миниатюрными пирамидами были красиво выложены различные овощи...

Глава 13. Восстание туарегов

В оазисе Юфитран, что раскинулся вокруг небольшого озера Умм-Убари в Фецане, в становище аменокаля Идигера третий день призывно гремел, замолкая только глубокой ночью, племенной барабан туарегов – тобол. Он призывал всех способных носить оружие кочевников на священную войну против неверных – военный джихад, или газават. Под ружьё вставал каждый мужчина, носивший покрывало-тагельмуст, то есть – воин. Откликнувшись на призыв тобола, он становился борцом за веру, муджахидом, и, сражаясь во имя Аллаха, готов был умереть на войне и превратиться в шахида.

Тобол стоял возле входа в богатый шатёр Идигера, в котором жил в его отсутствие заместитель, халиф племени, – благородный и уважаемый старейшинами Ур Ахамук эль-Хира. Полу-сферический барабан, сантиметров восьмидесяти в диаметре, был выдолблен из цельного куска дерева. Сверху натянута невыделанная шкура быка, – шерстью наверх, закрепленная кожаными ремнями. Две петли из кожаных ремней с обеих сторон служили для его переноски. Два дюжих воина лупили по нему покрытыми верблюжьей кожей здоровенными колотушками – имиткарами, сзывая людей на битву. Халиф велел бить по очереди: сначала первый барабанщик наносил один удар колотушкой, – это означало, что призываются пешие туареги, затем его товарищ ударял дважды – значит, на священную войну должны идти и мехаристы – воины на верблюдах.

На третий день, когда собралось всё мужское население племени, из шатра Идигера закутанные в чёрные покрывала вассалы торжественно вынесли личный штандарт аменокаля, сшитый из голубого и красного шёлка. Шёлк весьма ценился у кочевников и стоил очень дорого. Его по-прежнему привозили по древним караванным путям из далёкого экзотического Китая.

Помимо халифа, рядом с Идигером стояли его верные имхары Фирхун аг Иклу, Амасган и Мохаммед, пришедшие с ним из пустыни после уничтожения неверными каравана. За это вероломное нападение и решил страшно отомстить аменокаль. В оазисе собралось около трёх тысяч воинов: где-то тысяча

пеших и тысячи две на верблюдах. Это была внушительная армия, с которой можно было даже идти на Мурзук, что находился километрах в пятидесяти от их оазиса.

Султан Идигер... А он, помимо титула аменокаля туарегов, считал себя ещё и султаном, потому что его женой была Тамалу – женщина из рода имананских султанов, – потомков пророка! И хоть всякий полуграмотный кочевник знал, что род этот давно захирел, утратил былую славу, силу, а главное – власть над местными племенами, сильно смешался с арабами и берберами, но это ничего не значило. Ведь «вольные рыцари пустыни», сами будучи «голубых кровей», прежде всего, ценили благородное происхождение и уважали людей высокородных, даже если эти бывшие «аристократы» Аджера были давно побеждены и влачили жалкое, полунищенское существование.

Султан Идигер разбил своё войско на четыре части: три полка и свою личную гвардию. Всю пехоту отдал под управление амаха Амасгана, второй полк воинов-мехаристов на верблюдах, всего около восьмисот человек, возглавил Фирхун аг Иклу, третий – амахар Мохаммед, у него была тысяча воинов. Халиф Ур Ахамук эль-Хира командовал личной гвардией султана, в ней были отборные воины-имхары в традиционных синих тагельмустах, на выносливых скаковых одногорбых верблюдах. Вооружённые до зубов холодным и огнестрельным оружием, закалённые в многочисленных разбойных нападениях – реззу – на купеческие караваны и посёлки мирных арабских земледельцев-феллахов в оазисах, – эти воины представляли серьёзную силу.

В кастовом отношении состав войска султана Идигера был довольно пёстрый. Во втором полку мехаристов собрались в основном благородные имхары и несколько сот вассалов-имрадов. В подразделении амаха Мохаммеда были одни имрады и небольшое число состоятельных, имевших собственных верблюдов ремесленников-энаденов. В пехоте у Амасгана – сплошь ремесленники, кузнецы и сотни две бывших чёрных рабов-икланов. Помимо этого много икланов и харратинов¹⁸ было в нестроевой части, в обозе, состоявшем из вьючных верблюдов, везущих тяжёлые тюки с провизией и боеприпасами.

Почти все туареги, как знатные, так и их вассалы со слугами, имели кинжалы с рукояткой в виде креста, мечи такубы, цельнометаллические копья, дротики с деревянным древком и боевые щиты. Огнестрельное вооружение было разное: у слуг, ремесленников, кузнецов и большинства вассалов, – в основном старые итальянские винтовки «Веттерли-Витали» образца 1871 – 1887 годов, и масса винтовок других систем и калибров, – даже

¹⁸ Харратины – бывшие рабы, в большинстве негры из Тидикельта, пришедшие к туарегам добровольно (тамашек).

громоздкие английские «буры» и кремнёвые ружья середины прошлого века. У части имрадов и почти у всех аристократов-имхаров – новые винтовки «Fucile di Fanteria Mo» 1938 года выпуска. Помимо этого у наиболее знатных имхаров имелись pistols-пулемёты «Beretta MAB 1938», pistols «Beretta modello 1934». Кроме того войско располагало пилью итальянскими ручными пулемётами «Бреда» калибра 7,35 миллиметров образца 1930 года и тремя станковыми «Максимами», навьюченными на верблюдов. Тяжёлого вооружения и боевой техники у туарегов, естественно, не было. Да и стрелковое оружие, которое имелось в наличии, было большей частью переправлено контрабандным путём с юга, через границу, из французской колонии Нигер.

Выступили из оазиса под вечер, когда спало солнце и легче было идти. Перед дальней дорогой хорошенько напоили в озере Умм-Убари верблюдов и напились сами. Колонна растянулась по пустыне длинным, извивающимся вокруг барханов удавом. Когда аррьергард в полсотни всадников, замотанных в зелёные покрывала, на верблюдах, только покидал осиротевшее становище, авангард был уже в километре от оазиса. В голове длинного каравана, вслед за авангардной группой всадников-мехаристов, двигался на одnogорбом верблюде – дромадере султан Идигер, рядом ехал верный халиф Ур Ахамук эль-Хира, за ним двое барабанщиков везли священный тобол, периодически ударяя в него тяжёлыми колотушками. Тут же покачивался в верблюжьем седле мехарист с личным штандартом аменокаля. Идигер на ходу перебрасывался короткими фразами с халифом, обсуждая план военной кампании против колонизаторов итальянцев:

– Идём на город Мурзук. Захватим его – считай весь район пустыни Эдейен-Мурзук наш. В пески, по бездорожью, неверные ни за что не сунутся. Это говорю тебе я – аменокаль племенного союза кель-аджер – Идигер, один из потомков пророка, великий султан Феццана.

– А что дальше, повелитель? – с тревогой спросил халиф. – Триполитания – большая страна, в ней десятки крупных и маленьких городов и ещё больше селений... Неужели мы сможем их захватить и разграбить? Ведь у губернатора кафиров очень много солдат с винтовками и пулемётами, есть даже ездящие сами по себе железные колесницы, изрыгающие из пасти огонь и смерть, а по небу летают железные скорпионы, жалящие на расстоянии, и не только концом хвоста, но и острым клювом. Скорпионы могут сбрасывать на головы правоверных гранаты, и гудят, словно тысяча шайтанов в сакаре.¹⁹

– Ничего, Ур Ахамук, мы разорим ближайшие арабские селения и города кафиров, – бодро заверил своего халифа

¹⁹ Сакар – преисподняя (из-за интенсивности его жара) (арабск.).

султан Идигер. – Мы поубиваем в них всех неверных и всех солдат губернатора, сколько бы их там ни было. А если прилетят железные скорпионы – собьём их из наших пулемётов. Если приедут железные колесницы – выкопаем в пустыне глубокий ров, и они в нём застрянут... У нас огромная армия, больше которой нет ни у одного вождя во всём Феццане. И будет ещё больше, стоит нам только победить неверных в открытом бою и отбросить их войска далеко на север. Тогда все ближайшие племена туарегов встанут под мой личный штандарт, и я поведу их под грохот моего тобола к победе!

– Да поможет нам Аллах! – молитвенно сложив ладони у груди и воздев взор в чистое, иссиня голубое небо, проговорил халиф Ур Ахамук эль-Хира. – Нет божества, кроме Него, вечно живого, вечно сущего²⁰...

– Аллаху акбар! – в тон ему произнёс «такбир» – обязательную для всякого правоверного мусульманина молитвенную формулу – Идигер аг Муса.

Такбир тотчас же подхватили ближайшие туареги, затем – всадники на верблюдах из личной гвардии аменокаля, остальные мехаристы и наконец – все выступившие в поход туареги. Бесплодные и безводные гиблые пески Аджера, где в глубокую, седую старину нашла свой бесславный конец не одна великая армия иноземных завоевателей, содрогалась от многократного и многоголосого прославления величайшего Божества во вселенной...

В небольшой, расположенный вокруг оазиса, городок Мурзук, в котором едва насчитывалось тысяч десять жителей, послали разведку на верблюдах во главе с амахаром Мохаммедом. Туареги хорошо знали этот цветущий оазис, зажатый с севера скоплениями песков Эдейен-Убари, а с юга – Эдейен-Мурзук. Населён в основном берберами, которые издавна вели мирный, осёдлый образ жизни: выращивали финиковые пальмы, возделывали небольшие поля пшеницы и ячменя, разводили верблюдов и овец. Берберские ремесленники ткали прекрасные ковры, иногда по заказу туарегов, производили ткани, посуду, кузнечные изделия и другие, необходимые туарегам в кочевой жизни, вещи. Занимались добычей природной соды и соли. При этом – ни одного чентезимо²¹ не платили аменокалю объединённых Кель-Аджерских племён Идигеру. Осёдлые берберы считались законопослушными подданными Итальянского королевства, аккуратно вносили обязательные налоги в местную муниципальную казну – Мурзук был столицей

²⁰ «Аллах – нет божества, кроме Него, вечно живого, вечно сущего», – начало аята аль-Курси, самого известного аята из Корана. (Св. Коран, сура «аль-Бакара», аят 255, 2:255).

²¹ Чентезимо – итальянская разменная монета, составная часть лиры (итал.).

муниципалитета – и обязаны были служить в колониальной армии. Идигер давно точил зуб на этих, как он считал, «подлых шакалов», пресмыкавшихся перед белыми кафирами-колонизаторами, и вот удобный случай поквитаться настал.

Вернулись из оазиса разведчики на верблюдах. Мохаммед доложил обстановку:

– Идигер, в Мурзуке всё спокойно, как и всегда. Народ занят своими повседневными делами, солдат на въезде нет, только колониальная арабская полиция: блок-пост из трёх человек. Так же часовые стоят около полицейского управления, казармы, здания муниципалитета и городского банка. Один белый полицейский – у местного рынка. Пулемётов нигде не видно. Всё.

Напасть решили днём, хоть и опасно, зато всё видно как на ладони, не то, что ночью. В темноте можно легко перестрелять своих, приняв за неприятеля. Идигер с халифом Ур Ахамуком подготовили четыре штурмовые группы: три на верблюдах и одну пешую, самую многочисленную, которая должна наступать с юга, из-за гряды высоких дюн и барханов, где не пройдут верблюды. У пехотинцев были и все пять ручных пулемётов «Бреда». «Максимы» распределили по остальным направлениям, по одному на каждую атакующую группу. Пулемёты, как и на марше, везли навьюченными на верблюдов.

Чтобы не возбуждать лишнего подозрения у полицейских, снимать часовых на блок-посту у въезда в город поехала на верблюдах группа негров – бывших рабов. Небольшой караван в пятнадцать «кораблей пустыни» с погонщиком-туарегом во главе неторопливо приближался к оазису. Роль старшего погонщика взял на себя сам халиф Ур Ахамук. У него просто чесались руки скорее перерезать горло «предателям»-арабам, служившим в колониальной итальянской полиции.

Полицейские ничего не заподозрили, думая, что перед ними обычный купеческий караван, – держит путь в глубины песков Эдейен-Мурзука, в приграничные с французским Нигером районы Феццана, где проживают племена чернокожих туземцев тубу. Выйдя из-за мешков с песком, служивших брестером, рослый смуглолицый сержант в мешковатом тропическом кителе и шортах, в зелёном тюрбане на голове, потребовал у знатного туарега документы. Двум рядовым приказал досмотреть груз. Пока арабы-полицейские в таких же, как у сержанта тюрбанах, только песочно-жёлтого цвета, проверяли поклажу первого верблюда, которого негр-погонщик заставил лечь на песок, халиф Ур Ахамук протянул сержанту свои бумаги. Едва полицейский их взял, туарег выхватил из-под складок одежды острый, как бритва, кинжал, резко взмахнул им, – и сержант с перерезанным горлом, обливаясь кровью, с хрипом повалился на песок. Это послужило сигналом к действию, и негры-погонщики яростно набросились

на рядовых полицейских. Засверкали на солнце многочисленные лезвия кинжалов, и окровавленные, исколотые тела блюстителей порядка, словно бараны на бойне, упали под ноги верблюдов. Те испуганно шарахнулись от мёртвых, так что погонщики едва их удержали. Халиф Ур Ахамук, вскочив на своего верблюда, помаhal рукой, в которой был зажат окровавленный кинжал, прятаящимся за изгибом караванной тропы воинам своего отряда.

Вскоре всё пространство перед придорожным блок-постом было заполнено скачущими на верблюдах к окраине города туарегами. В первом ряду воинов был султан Идигер. Он подал гортанную команду и сотни всадников-мехаристов, словно жидкость в тесную горловину медного арабского кувшина, стали просачиваться в узкую центральную улицу Мурзука. Идигер, уже не заботясь о внезапности, палил во все стороны из итальянского пистолета «Беретта», подавая сигнал к выступлению остальным атакующим группам своей непобедимой армии. Теперь винтовочная и автоматная трескотня гремела по всему городу, к ней примешивались одиночные пистолетные выстрелы, крики разбегающихся с рыночной площади горожан. На юге, где наступала пехота, уверенно и чётко затарахтели ручные пулемёты, видимо, там разгорался кровопролитный бой. Именно в той части Марзука находилась казарма солдат местного гарнизона.

Головной отряд во главе с аменокалем и халифом продвигался всё дальше и дальше по главной улице города, к центру. Редкие прохожие в панике разбежались в разные стороны от свирепых, закутанных в покрывала – тагельмусты вооружённых туарегских всадников. По пути группы воинов, словно ручейки во время редких дождей, растекались по кривым городским улочкам. Серьёзного сопротивления никто не оказывал. Только возле муниципального полицейского управления вспыхнула нешуточная схватка. Бойцы арабской колониальной полиции, потеряв на улице несколько человек убитыми, забаррикадировались в здании. Ответным метким огнём стали снимать с верблюдов одного нападавшего за другим. Скоро около управления на небольшой прилегающей площади лежало уже до двух десятков убитых разбойников. Легкораненые отползали к своим, прячась за пальмы, стены домов и глиняные дувалы в переулках, тяжелораненые корчились на месте боя, умоляя товарищей о помощи, пока пули защитников полицейского управления не обрывали их жестокие муки.

Идигер приказал подгащить станковый пулемёт «Максим» и открыть по окнам здания шквальный огонь. Отдельные смельчаки подползали к окнам и ловко швыряли в помещение ручные гранаты. Десятки воинов, спешившись, лежали за укрытиями вокруг здания, осыпая его пулями из винтовок и автоматов, но упрямые арабы-полицейские не сдавались. Аменокаль пожалел, что в его войске нет артиллерии, и пожаловался халифу:

– Была бы у меня хоть одна пушка, – давно бы разнёс к шайтану этот коровник!

– Идигер, разреши, – я возьму часть людей, и зайду с тыла, – предложил отважный воин Ур Ахамук.

– Давай, халиф. Аллах тебе в помощь, – дал добро аменокаль.

Между тем, в городе начались грабежи. Воины двух других отрядов всадников, наступавших с запада и востока, не встречая серьёзного сопротивления, быстро прорвались к центру, захватили здание городской администрации и банк, поубивав всех солдат, полицейских, чиновников и служащих банка, принялись тащить из зданий всё ценное. Главное, – опустошать денежное хранилище банка. Другие пустились по частным домам. Вышибая ударами прикладов двери или подрывая, если не поддавались, ручными гранатами, – вламывались внутрь, хватали женщин и молодых девушек и тут же, на глазах у детей, насиловали. Всех, оказывавших сопротивление мужчин, убивали.

Лишь южная группировка, подобно северной, вела жаркий бой у здания солдатской казармы. Гарнизон Мазрука, как и колониальные полицейские, оказывал захватчикам отчаянное сопротивление. Прижатые к зданию, солдаты, среди которых были арабы и итальянцы, отстреливались до последнего патрона. Когда закончились патроны, они, примкнув штыки, бросились в яростную контратаку: засверкали лезвия туарегских мечей – такуб, блеснули на солнце штыки итальянских колониальных стрелков. Потрескавшаяся от безводья земля густо удобрилась кровью защитников и нападавших.

Амахар туарегов Амасган, командовавший пехотным полком, велел подтащить к линии соприкосновения все ручные пулемёты, распределил их по огневым точкам вокруг солдатской казармы. Один расположил даже на минарете мечети. Умелый туарег-пулемётчик метким огнём с минарета буквально выкашивал ряды обороняющихся у казармы итальянских пехотинцев, вынудил их укрыться за стенами здания. Поднявшиеся в решительную атаку туареги забросали казарму дымовыми гранатами, под прикрытием плотной дымовой завесы ворвались внутрь здания и перерезали оставшихся в живых защитников, которых было не больше взвода. Остальные итальянские солдаты были убиты на улицах...

* * *

В главную ставку фюрера «Вольфшанце» – «Волчье Логово», было вызвано два генерал-фельдмаршала: главнокомандующий сухопутных войск Рейха Вальтер фон Браухич и командующий группой армий «Юг» Карл фон Рундштедт. Оба были отстранены Гитлером от командования: первый за поражение под Москвой, второй – под Ростовом. Фюрер был просто вне себя от бешенства: впервые чётко отлаженная им

военная машина Рейха дала сбой. Это было первое поражение вермахта в войне, и Гитлеру нужно было на ком-то отыграться.

Не успел фон Браухич прибыть в «Волчье Логово» – Рундштедт запаздывал, потому что летел самолётом из Полтавы, где была штаб-квартира группы армий «Юг», – как в дверь кабинета постучали. В помещении, помимо Браухича и фюрера, были ещё начальник штаба ОКВ, генерал артиллерии Вильгельм Кейтель и советник фюрера по военным вопросам, генерал-лейтенант Йодль.

– Да-да, войдите! – крикнул по своему обыкновению Гитлер.

В кабинет заглянул главный адъютант фюрера полковник Шмундт:

– Мой фюрер. Только что на аэродроме приземлился военно-транспортный «Юнкерс» из Рима, на котором прилетели Бенито Муссолини и генерал-лейтенант Роммель, – доложил он. – Прикажете пригласить, как только подойдут?

– Конечно, Шмундт, что спрашиваешь? – взвился, вскочив с места, и без того взвинченный с утра по случаю неудач на Восточном фронте Гитлер. – Я всегда рад видеть моего дорогого друга, дуче Италии. Тем более, – он заранее уведомил о своём намерении прибыть в ставку.

Адъютант исчез за массивной дубовой дверью. Фельдмаршал фон Браухич оставался безропотно стоять у стены, как провинившийся школяр в кабинете строгого учителя – фюрер так и не предложил ему сесть, испытывая некое тайное злорадное удовлетворение от унижения столь высокопоставленного полководца, к тому же – аристократа, отпрыска старинного дворянского рода. Уже в четырнадцатом году, когда разразилась Первая мировая война, фон Браухич был уже в чине капитана кайзеровской армии, тогда как сам Адольф Гитлер не был ещё и ефрейтором. Это звание он получил позже.

Генералы Кейтель и Йодль сидели за столом напротив Браухича, как строгие учителя на школьном экзамене. Перебрасывались негромкими фразами. Они неизменно присутствовали на всех совещаниях в ставке фюрера, иногда сопровождали его в поездках, и злые языки называли их «придворными», или «паркетными» генералами. Прежде чем принять какое-либо решение, Гитлер всегда советовался с ними, особенно, если дело касалось отставки или снятия с должности видных руководителей вермахта, как в случае с фон Браухичем.

– Фельдмаршал, – обратился, наконец, Гитлер к Браухичу, решивший не устраивать представления с разнесом провинившегося военачальника при дуче, и закончить дело келейно, – вы должны меня понять, что за срыв плана «Барбаросса», отступление оперативно-стратегической группы армий «Центр» от Москвы, фактическое поражение наших войск, что даёт основание считать блицкриг против Советской России позор-

но проваленным, я не могу оставить вас на посту верховного командующего сухопутных сил вермахта.

– Я – солдат, мой фюрер, и всего лишь выполняю приказ, – упавшим голосом проронил фон Браухич, ожидавший подобного решения фюрера.

– Отныне должность руководителя ОКХ упраздняется, – продолжал Гитлер. – Её буду исполнять я сам, как верховный главнокомандующий вооружённых сил Рейха. Вы переводитесь в резерв. Я очень сожалею, господин фельдмаршал, но ничего не поделаешь. Вы должны меня понять...

– Я понимаю, мой фюрер. Разрешите идти, – звонко щёлкнул каблуками, как молоденький лейтенант, престарелый, шестидесятилетний фельдмаршал.

– Идите, Браухич. И не падайте духом – ваш опыт и знания ещё пригодятся Германии!

Польстив таким образом попавшему в опалу военачальнику, Гитлер стал думать, как примирить взаимную неприязнь Бенито Муссолини и гордого и высокомерного генерал-фельдмаршала Рундштедта, – прусского аристократа до мозга костей, – которые вот-вот столкнутся в его кабинете. Дело в том, что Карл фон Рундштедт на нюх не переносил дуче, презирал его за низкое, «плебейское» происхождение, считал полнейшей бездарностью как политика и государственного деятеля, а над его военными «подвигами» в африканских колониях в открытую потешался. Он в грош не ставил итальянскую армию, способную, по его мнению, только маршировать на парадах в Риме и распугивать в лесах и саваннах Абиссинии и Сомали полуголых туземцев, вооружённых допотопными копьями и луками. Дело дошло до грубого оскорбления дуче. Прослышав о том, что Гитлер хочет заключить с Муссолини военный союз, Рундштедт посоветовал фюреру не связываться с этой, как он выразился, «негритянской задницей», способной только потешать простолоудинов на рыночной площади. Это было в 1938 году и послужило причиной первой отставки тогда ещё генерал-полковника фон Рундштедта. Ведь в лице Муссолини он оскорбил и самого фюрера, который считал дуче своим верным другом и даже учителем.

Раздражение и неприязнь Гитлера к Рундштедту накапливались постепенно, от случая к случаю. Прусский аристократ из старинного дворянского рода в Саксонии, он совершенно не интересовался политикой, не был членом НСДАП, и считал, что армия должна заниматься своим непосредственным делом, то есть воевать, а не участвовать в грязных политических дрязгах. Фюреру не нравилась подобная позиция независимого генерала. Особенно, когда Рундштедт в 1934 году категорически воспротивился назначению на пост главнокомандующего вермахтом сторонника нацистов Вальтера фон Рейхенау и сумел-таки не

допустить этого. А через четыре года генерал Рундшедт выразил гневный протест против травли и преследования сторонниками Гитлера и Гимmlера генерала Вернера фон Фрича. Как и все старые кайзеровские офицеры, понюхавшие пороха в окопах Первой мировой, барон Фрич был консервативен, занимался только службой, не лез в политику, и был против агрессивных планов нацистов. В отместку гестапо сфабриковало против него уголовное дело и, ложно обвинив в гомосексуализме, что по законам Рейха считалось тяжким преступлением, вынудило подать в отставку. Генерал фон Рундшедт смело и бескомпромиссно встал на сторону оклеветанного соратника, доказывая его невиновность, которая вскоре и была подтверждена на следствии. Генерала Фрича оставили в покое, а Рундшедт после этого ещё сильнее невзлюбил Гитлера, в беседах за дружеским столом, в узком кругу знакомых, не стесняясь, пренебрежительно называл фюрера «ефрейтором» и «австрийским выскочкой». Всё это, хоть и сказанное в кругу «своих», естественно, тут же становилось известно широкой общественности и достигало ушей самого Адольфа Гитлера. Противостояние двух антиподов нарастало, как снежный ком. К тому же и Муссолини не остался в стороне от этих взаимных «баталий», прослышав о нелестной, оскорбительной характеристике, данной ему Рундшедтом...

– Господин Кейтель, – взглянул Гитлер на генерала, – хоть фельдмаршал Рундшедт и не выполнил моего приказа оставаться под Ростовом и не отводить войска к реке Миус на зимние квартиры, я решил не давать делу ход, а во всём хорошенько разобраться. Тем более, что фельдмаршал Рейхенау на стороне Рундшедта, и утверждает, что его решение правильное и единственно возможное в сложившейся не простой ситуации под Ростовом. Кстати, приняв командование, он подтвердил приказ Рундшедта к отступлению, и отвёл войска группы армий «Юг» за Миус. Вы как считаете?

– Мой фюрер, я думаю, что мнению двух опытных фельдмаршалов стоит доверять, – осторожно и обтекаемо высказался Вильгельм Кейтель. – Тактический отход, не всегда поражение, а, возможно, военная хитрость, либо выравнивание линии фронта. Иногда гораздо выгоднее отступить, чем рисковать потерей войск, либо их окружением противником.

Гитлер, на время задумался, переваривая сказанное генералом. Удовлетворённо встряхнув нависшим над левым глазом, длинным прямым чубом, перевёл взгляд на начальника штаба оперативного руководства ОКВ:

– Вы что скажете, Йодль?

– Армия – это организация, выстроенная на беспрекословном подчинении вышестоящему начальству, – захлёбываясь от переполнявших его эмоций, возмущённо объявил генерал.

– Невыполнение приказа, особенно в военное время – недопустимо! Тем более, – приказа верховного главнокомандующего. Я считаю, что фельдмаршалы Рунштедт и Рейхенау совершили преступление, за которое должны быть строго наказаны...

Военно-транспортный «Юнкерс» Ju-52/3m приземлился на небольшом аэродроме Wilamowo в ставке Гитлера. Бенито Муссолини с италянцами и генерал Роммель со своими офицерами вышли на лётное поле. Встретившие их офицеры СС из личной охраны фюрера, прежде всего, отвели всех в домик для гостей. Здесь прибывшие могли отдохнуть после утомительного перелёта, подкрепиться, выпить кофе или пива. Затем Муссолини и Роммеля пригласили в кабинет Гитлера. Туда нужно было идти асфальтированной дорожкой по густому лесу, который назывался Гёрлиц, между бетонных бункеров, где располагались различные службы.

Генерал Роммель не раз здесь бывал. Ставка находилась неподалёку от города Растенбурга в Восточной Пруссии, и представляла собой целый городок из большого количества бункеров и различных наземных построек. Занимала огромный участок леса площадью в двести пятьдесят гектаров, окружённый, как на фронте, несколькими рядами проволочных заграждений, минными полями, вышками с пулемётами и прожекторами, противовоздушными зенитными позициями. Несколько отборных полков СС несли службу по охране секретного государственного объекта Рейха. С Берлином главную ставку фюрера связывал прямой телефонный кабель. К ставке подходила железнодорожная ветка с конечной станцией.

Лощёные офицеры СС в чёрном проводили дуче и Роммеля к бункеру Гитлера, предьявив у входа охране свои пропуска, спустились вниз. Роммелю показалось, что он идёт вглубь египетской пирамиды, хоть никогда не бывал в ней. Но всё было до того мрачно и торжественно, таким суровым, непроницаемым космическим холодом тянуло от стен и потолочных перекрытий, что генерал невольно вздрогнул. Не удивился бы, казалось, если бы вдруг увидел на стенах загадочные древние рисунки и иероглифы.

В просторном кабинете фюрера, вокруг массивного длинного прямоугольного стола, собралась вся верхушка Третьего Рейха. Помимо самого Гитлера здесь были начальник партийной канцелярии НСДАП, обергруппенфюрер СА Мартин Борман; начальник РСХА, рейхсфюрер СС Гиммлер; рейхсминистр пропаганды, гауляйтер Берлина Йозеф Геббельс; рейхсминистр авиации, маршал Герман Геринг; генерал-фельдмаршал Рундштедт. Отдельно, у входа жались пресс-секретарь Рейха Дитрих, какой-то высоченный плечистый унтерштурмфюрер СС, репортёр с кинокамерой, фотограф.

Муссолини со всеми поздоровался за руку, даже с офицерами у входа и Дитрихом, с фюрером обнялся, слегка похлопав его

по обсыпанной старческой перхотью спине. Генерал Роммель тоже пожал всем руки, с Гитлером не посмел фамильярничать, а вскинул руку кверху в фашистском приветствии. Фюрер только небрежно поднял согнутую в локте правую руку, отбросив ладонь к плечу, сказал «хайль». Поинтересовался у дуче, как долетели. Не беспокоили британские истребители?

– Благодарю, Адольф, всё было прекрасно, – успокоил друга диктатора Муссолини. – Фельдмаршал Кессельринг позаботился о нашем воздушном прикрытии. Ни одного английского крылатого прохвоста не было даже на горизонте. Все, поджав хвосты, попрятались в свои норы на Мальте. Кстати, мои ребята мне все уши прожужжали: как один советуют захватить это осиное гнездо и тем самым выбить из-под ног Черчилля единственную опору в Средиземном море. Ты как, Адольф, – поможешь?

– Сейчас мне не до Мальты, Бенито, – отмахнулся Гитлер. – Ты слыхал, что произошло под Москвой? Полное фиаско, мой друг! Сейчас, если хочешь, пройдем с тобой в кинозал, посмотрим специальный киновыпуск министерства пропаганды.

– Я не любитель хроники, Адольф, – замылся дуче.

– Я не об этом говорю, Бенито, – осторожно поправил его Гитлер. – Вот Йозеф не даст соврать, – кивнул он на Геббельса. – Мы покажем тебе сущую правду, что там творится на самом деле, в зимней берлоге русского медведя, под Москвой.

Рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс, щуплый, невысокого роста человек, смахивающий на подростка, приглашающе распахнул дверь кабинета:

– Прошу, господа, кто желает – на несколько минут в кинозал. Спецвыпуск военной хроники с Восточного фронта. Совершенно секретная информация. Только для узкого круга...

– Ну и что там творится? – переспросил, недоумённо выпучив глаза на фюрера, Муссолини.

– Сущий ад! – сделал страшные глаза Гитлер.

– Пойдем, посмотрим, Адольф, – поторопил, взяв фюрера под руку, как толстая неуклюжая дама, дуче.

В кинозал, вслед за вождами, поспешили почти все присутствующие.

То, что увидел на экране на закрытом просмотре Роммель потрясло его до глубины души. Он и не предполагал, что дела под Москвой обстоят столь катастрофически. Огромные колонны брошенной, разбитой и поломанной техники и автомобилей, замёрзшие, окоченевшие трупы немецких солдат и офицеров в кюветах, стройные, нескончаемые ряды берёзовых крестов с надетыми на них стальными шлемами на прифронтовых солдатских кладбищах, сбитые, обугленные самолёты, вернее – всё, что от них осталось после падения и взрыва, – выглядели удручающе жутко. Страшно и горько было смотреть на огромные беспорядочные

колонны отступающих немецких войск, на эту жалкую, промёрзшую на пронизывающем ветру пехоту. Солдаты уже не походили на бравых весёлых победителей середины и конца лета: глазам зрителей предстали какие-то ходячие обмороженные мертвецы, как будто сошедшие с полотна испанского художника-сюрреалиста Сальвадора Дали. Одетые в какое-то неообразимое, грязное тряпье, в которое превратилась форма, в женских пуховых платках на головах, в дамских пальто и шубах, в крестьянских тулупах и ватниках, в валенках и огромных лаптях поверх сапог, – они жаждали только одного – вырваться из этого ледяного русского ада!

«И эта армия, по пресловутому, бредовому плану «Барбаросса», должна была к концу ноября выйти к берегу Волги и победоносно завершить войну против Советской России? – скептически подумал Роммель. – Теперь все планы Гитлера – коту под хвост! Вермахт, разгромленный и деморализованный на подступах к русской столице, стремительно откатывается на запад... А я ещё лелеял глупую надежду выпросить в ставке резервов для своего Африканского корпуса. Ясно как божий день, что никаких резервов не будет! У фюрера с этой минуты главная забота – Восточный фронт. И, следовательно, я со своими солдатами в Ливии обречён. Единственный выход – перейти по примеру полковника Форбека к чисто партизанским действиям: бросить танки и большинство орудий, вернее, подорвать их, чтобы не достались противнику, и уйти в пески. И воевать не на машинах, которые без горючего – просто груда бесполезного металлолома, а на верблюдах, как в девятнадцатом веке... О, мой бог, и почему я родился в этой несчастливой Германии? Почему бы мне не родиться, например, в США? Или хотя бы, в Соединённом Королевстве...».

Когда после просмотра снова вернулись в кабинет, Гитлер, в угоду своему другу дуче, сразу приступил к обсуждению обстановки в Ливии. Слово для доклада взял Роммель. Он красочно обрисовал не менее плачевное, чем под Москвой положение немецких войск под Тобруком, который до сих пор не взят из-за недостатка свежих сил, танков, артиллерии и боеприпасов. Намекнул, что, если бы у него было достаточно резервов, техники и припасов, – он бы не только взял Тобрук, но и продолжил наступление вглубь Египта, захватил Суэцкий канал.

– А возможно после этого перебросить часть ударных сил Африканского корпуса, к примеру, на другую сторону канала? – задал осторожный вопрос Гитлер.

– При достаточной поддержке с воздуха, всё возможно, мой фюрер, – не задумываясь, ответил Роммель.

– В таком случае, вашим танковым дивизиям, господин генерал, открылась бы прямая дорога на Багдад, к богатейшим нефтяным месторождениям Ирака, – с восторгом воскликнул

Гитлер, и глаза его алчно вспыхнули, как у волка, почуявшего близкую добычу.

При одном только упоминании о нефти фюрер сильно возбуждался, а если чёрное золото можно было легко присвоить – рейхсканцлера Германии охватывала неистовая эйфория. Страдавший от полного отсутствия собственных природных залежей нефти, словно нескладный прыщавый школяр от комплекса неполноценности, – Гитлер изыскивал горючее для своих танков и самолётов где только мог. Основные поставки шли из союзной Румынии, но природных запасов постоянно не хватало, и в Рейхе наладили производство синтетического топлива из каменного угля, опилок, сланцев. На двенадцати заводах получали примерно тысячу четырёхста тонн жидкого горючего в сутки.

Были планы, отвлекающим ударом группировки вермахта в России – в южном направлении на Кавказ – захватить грозненские и бакинские нефтяные месторождения. И вот теперь, в связи с будущим наступлением Африканского корпуса Роммеля, заговорили о ближневосточной нефти.

– Если будет приказ, мы выполним любую задачу, мой фюрер, – пообещал Роммель. – Главное, чтоб мои танки были обеспечены достаточным запасом горючего, а Люфтваффе активно поддержали нас с воздуха.

– Горючее будет, генерал, – заверил Гитлер. – Но при обязательном условии, что вы компенсируете все расходы захватом иракских месторождений... Ну, а воздушной поддержкой вас обеспечит рейхсмаршал Геринг... Партайгеноссе, ведь вы делаете это? – переключился фюрер на Геринга.

– Мой фюрер, в Италии, на военных аэродромах Сицилии, базируется второй воздушный флот генерал-фельдмаршала Кессельринга, – с жаром заговорил рейхсмаршал. – Авиация флота в полном распоряжении господина Роммеля. Я думаю, он найдёт общий язык с фельдмаршалом.

– Мы прекрасно ладим с Кессельрингом, – согласно кивнул головой Роммель. – Не то что – с итальянскими союзниками.

Реплику услышал Муссолини и вновь подошёл к Гитлеру.

– У меня к тебе ещё одна просьба, мой фюрер...

– Я ведь уже сказал, Бенито, у меня нет дополнительных сил, чтобы одновременно наступать на Египет и высадить десант на Мальте, – с досадой поморщился фюрер.

– Я не о Мальте, – успокоил дуче. – У нас в Абиссинии, Эритрее и Южном Сомали назревает партизанское движение. В горах, пустынях и джунглях осталось много итальянских и туземных солдат, которые не сложили оружия и желают продолжать вооружённую борьбу против английских колонизаторов. Нет ли у тебя толкового генерала, имеющего опыт партизанской войны, чтобы возглавить это движение?

– Нужно подумать, – сказал Гитлер.

– Да что тут долго думать, мой фюрер. Я как раз хотел поговорить об этом, – сразу же подал голос генерал Роммель. С пафосом продолжил: – Речь идёт о генерал-майоре фон Леттов-Форбеке, рыцаре Восточной Африки, национальном герое Германии... Почему бы не съездить к нему и не предложить сотрудничать? Кстати, со мной прилетел один из его бывших сослуживцев, туземец, обер-лейтенант Бурю.

– Вот и хорошо, поезжайте, господин генерал, к Форбеку, – оживился Гитлер. – Он – гордость Германии, его имя послужит нам знаменем в Ливии и в Восточной Африке, где его, думаю, ещё не забыли... Кстати, могу предложить вам в помощь очень толкового в подобных вещах унтерштурмфюрера, прирождённого разведчика и диверсанта. Его мне порекомендовал сам Канарис, – Гитлер поискал кого-то глазами в группе младших офицеров у входа. – Господин Скорцени, подойдите сюда.

Незнакомый Роммелю высоченный плечистый унтерштурмфюрер СС быстро приблизился к фюреру, замер в подобострастной позе, как верный цепной пёс в ожидании распоряжений хозяина.

– Скорцени, поедете вместе с господином Роммелем для выполнения очень ответственной миссии, генерал всё расскажет. Поступаете в полное его распоряжение. Будете служить в знаменитом Африканском корпусе, в итальянской Ливии.

Увидев, что речь идёт об офицере его ведомства, к Гитлеру осторожным лисьиим бесшумным шагом прокрался рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

– Извиняюсь, мой фюрер, за внезапное вторжение... Этот унтерштурмфюрер не с Восточного фронта? – кивнул всесильный эсесовец на Скорцени.

– Да, Генрих, он сражался на Восточном фронте, под Москвой, – ответил фюрер за унтерштурмфюрера. – Сейчас служит в Запасном полку в Берлине. Я направляю его в спецкомандировку в Ливию. Как специалиста по партизанско-диверсионной войне. Вместе с генерал-майором в отставке Форбеком, если, конечно, он изъявит желание снова вернуться в Африку.

– Интересно, – хмыкнул невысокий Гиммлер, снизу вверх – как лилипут Гулливера – подслеповато рассматривая через очки рослого представительного Скорцени. – Я, признаться, предполагал, что речь идёт о южном участке нашего Восточного фронта, в частности, о командире первой танковой дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» оберстгруппенфюрере СС Йозефе Дитрихе...

– А-а, вы об этом, Генрих... – встрепенулся Гитлер и болезненно поморщился, как будто ему наступили на мозоль. – Тогда

следует пригласить Рундштедта – его этот вопрос касается непосредственно... Генерал-фельдмаршал! Господин Рундштедт, – громкогласно позвал фюрер.

Высокий шестидесятишестилетний фельдмаршал с такой же, как у Гитлера, щёткой усов под носом поспешил на зов, как учёная, вышколенная хозяином собака. Сказывалась военная косточка – Рундштедт всю жизнь, начиная с двенадцатилетнего возраста, когда поступил в кадетское училище, посвятил армии.

– Господин генерал-фельдмаршал, – торжественно, официальным тоном, заговорил Гитлер, так, чтобы слышали присутствующие (все сразу притихли), – я разобрался в обстоятельствах отступления ваших войск из Ростова на рубеж реки Миус, которое вы предприняли вопреки моему приказу «Стоять насмерть!». Нынешний командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Рейхенау и командир танковой дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» оберстгруппенфюрер СС Дитрих в один голос утверждают, что ваше решение об отступлении на естественный рубеж обороны по реке Миус в семидесяти километрах от Ростова было единственно верным. И потому я публично приношу вам, господин Рундштедт, своё искреннее извинение. Простите, я погорячился, сняв вас с поста командующего. Но дело, к сожалению, сделано и обратного хода нет. Я подыщу вам новую, достойную вас должность, фельдмаршал. Германия не забудет ваших заслуг!

– Я принимаю ваши извинения, мой фюрер, – склонил в поклоне голову фон Рундштедт.

Все одобрительно зашумели. Совещание с небольшими перерывами, во время которых все поднимались в буфет, продолжилось до поздней ночи. Гитлер скрупулёзно выслушивал каждого из участников, особенно долго говорил с Мартином Борманом о каких-то партийных делах, о кадровых вопросах в НСДАП, средствах массовой информации. Фюрер подключил к беседе и шефа партийной прессы, пресс-секретаря Рейха Отто Дитриха. К концу все заметно устали, особенно Роммель, не привыкший к подобным кабинетным мероприятиям, на следующий день ему предстояла неблизкая поездка к генералу Форбеку, и хотелось только одного – хорошенько выспаться в гостинице...

Третья часть. Тайна храма

Глава 14. Рейд в Египет

После недавнего временного отступления от Тобрука немцы снова стремительно атаковали англичан по всему фронту. Полоса боевых действий включала в себя прибрежную часть Великой пустыни шириной всего в каких-нибудь восемьдесят километров – дальше простирались гиблые пески, в которых танки и другая тяжёлая военная техника увязала гусеницами, буксовала и не могла двигаться. Здесь было широкое поле деятельности для мелких пустынных разведгрупп на лёгких автомобилях и патрулей на мотоциклах. Ещё дальше, в центральной Сахаре, на сколько хватал глаз, раскинулись, казалось, бесконечные песчаные равнины, переходящие на юге в огромные сыпучие горы – барханы, дюны, поросшие чахлой растительностью каменистые холмы и наконец – в причудливые скальные отложения на выветренных, голых плато и небольших возвышенностях. Картина, расстилавшаяся вокруг, была столь величественна и грандиозна, и столь не походила ни на что виденное в Европе, что людьми просто овладевало некое благоговейное, почти космическое молитвенное настроение. Особенно по вечерам, когда пряталось на западе раскалённое солнце пустыни, с шипением погружаясь в воды Атлантики, и над безбрежным океаном песчаных нагромождений на чёрно-синем небе вспыхивали крупные, как спелые апельсины, африканские звёзды. И казалось – ты на дне этого великого океана, что, по сути, не так уж далеко от истины. Ведь когда-то, в глубокой седой древности, около шести миллионов лет назад, эти огромные почти безжизненные пространства действительно были дном океана под названием Тетис. Здесь, под четырёхкилометровой толщей воды, царило величественное безмолвие, плавали страшные доисторические чудища, пожирая друг-друга, и ничто не предвещало того, что когда-то в далёком фантастическом будущем на этих просторах разгорятся современные танковые сражения, и легендарный Африканский корпус генерала Роммеля будет рваться к Тобруку...

Вместе с немецкими войсками по шоссе к фронту двигался и Особый тропический диверсионный отряд капитана Кляйна. Впереди, в авангарде трещали моторами три мотоцикла «Сахара»

с колясками, на которых установлены пулемёты, за ними – американский, захваченный у англичан джип командира, следом два немецкий армейских легковых автомобиля «Kubelwagen Typ 82» и в конце – два английских лёгких грузовика, в одном из которых находились все необходимые в рейде припасы, в другом – личный состав. В головном «Виллисе» ехали сам Феликс Кляйн с отцом Борисом Ивановичем, они устроились на заднем сиденье, чтобы вдоволь наговориться. Впереди, рядом с водителем Гансом, – Иван Андреюшкин. Старший сержант Чезаре Эспозито в Бенгази поступил в распоряжение штурмбанфюрера СС Зикфрида фон Гарденберга, диверсионная группа которого, по оперативному плану под кодовым названием «Тень орла», должна была десантироваться с самолёта в пустыне неподалёку от долины пирамид в Гизе.

Чтобы ехать быстрее и не плестись в хвосте танковой колонны, Феликс приказал водителю джипа Гансу Ланге свернуть с шоссе в пустыню. По обеим сторонам трассы – укатанные грунтовые дороги, которые были относительно свободны. Вслед за машиной командира туда свернули два «Кюбельвагена», грузовики, а затем и вырвавшиеся вперёд мотоциклы. Но разведчики не проехали и трёх километров, как снова попали в пробку. Пришлось сворачивать ещё глубже в пески, утрамбованные шинами автомобилей, гусеницами лёгких немецких танков и итальянских танкеток. Но так поступали и другие машины, тяжёлые тягачи, бронетранспортёры и «панцири». Вся пустыня на ширину в километр справа и слева от основной автотрассы была густо запружена автотранспортом и боевой техникой. Все старались выбраться из пробки, плотно закупорившей проезд, и объехать топтавшийся на месте транспорт.

– Бесплезно, герр хауптман, – безнадёжно махнул рукой Ганс и нажал на тормоз, чуть не врезавшись в корму стоявшего впереди среднего немецкого танка «Panzer III».

Остановились и остальные машины и мотоциклы отряда. Феликс Кляйн направил один BMW R-75 «Sahara» вперёд, искать объезд. Тот, ловко лавируя между застывшими кругом танками, самоходками, бронемашинами, грузовиками и легко-вушками, скрылся из виду. Феликс, лениво перебрасываясь с отцом короткими фразами, наблюдал за действиями танкистов. Те, не глуша двигатель, покляли сверху на броню ровный металлический лист. Белобрысый молодой ефрейтор густо полил лист оливковым маслом, размазал его по поверхности, другой танкист стал бить кинжалом яйца и выплёскивать их на раскалённый металл. Импровизированная кухонная плита зашипела, яйца стали шкворчать, «отплёвываясь» мелкими масляными брызгами. Аппетитно запахло яичницей. Танкисты, взяв в руки чистую ветошь, сняли плиту с завтраком с брони, поставили на деревянный ящик из-под снарядов,

вытащили складные солдатские вилки, разломали на куски буханку белого хлеба.

– Вот молодцы танкисты, что придумали! – с восторгом заметил Феликс, обращаясь к отцу. – Ты как-то говорил, папа, что у русских есть выражение: «Голь на выдумки хитра». Это как раз подходит к выдумке этих немецких парней.

– Ничего особенного, Феликс, – пожал плечами Борис Иванович. – Летом в Сахаре, в раскалённом песке, можно печь яйца, а не то, что жарить яичницу на броне танка.

Иван Андреюшкин тоскливо молчал, сидя на переднем сиденье. Он думал об оставленной в Триполи, в доме профессора Кляйна, Тамалу, скучал, зная, что увидит её не скоро. А за это время много воды утечёт... Иван невольно улыбнулся, поймав себя на мысли: какая чушь эта русская поговорка здесь – в безводной ливийской пустыне, где дождь бывает один раз в год по великим праздникам!

Водитель Ганс облизывался, смотря, с каким аппетитом танкисты уплетают яичницу: ему и самому, глядя на них, страшно захотелось есть. Вспомнил: старший брат Фриц писал как-то с Восточного фронта, что, заняв очередную русскую деревню, они ходят по дворам, стучат в дома и требуют на исковерканном варварском языке: «Хазайка, – млеко, курка, яйки!...». Заходят по-хозяйски в курятник, набирают целую пилотку яиц, и топают дальше на восток, щёлкая сырые яйца о бляху поясного ремня и выпивая... «Интересно, откуда взяли танкисты куриные яйца в этой ливийской глуши? Или это яйца какой-нибудь африканской дикой птицы?»

Мимо джипа со стороны головы колонны прошли два немецких офицера в мокрой от пота, измятой, грязной тропической униформе: гренадер и танкист. Пехотинец был в пробковом тропическом шлеме, на котором были нацеплены прозрачные автомобильные очки, его товарищ – в чёрном танкистском шлемофоне, пылезащитные очки были у него на глазах.

– Господа, извиняюсь, что там такое? Почему задержка, – обратился к ним капитан Кляйн, прервав беседу с отцом.

– Проклятые англичане наступают, – ответил офицер танкист, презрительно сплюнув. – Бросили в бой на прорыв нашей линии свои танки и туземную пехоту. Наши панцири отходят от Тобрука, впереди, вон за теми буграми, сапёры спешно оборудуют артиллерийские позиции для зениток. А нам приказано контратаковать британцев. Будет сейчас потеха.

Вернулся ездивший на разведку мотоцикл «Сахара», сидевший в коляске унтер-фельдфебель Винкельхок подтвердил, что впереди войска разворачиваются для сражения. Вскоре там загремели пушки, послышались близкие разрывы снарядов. Люди в колонне зашевелились, водители стали заводить двигатели и разворачивать машины. Задние сигналили, предупреждая столкновение. Танки и бронетранспортёры выбиравались окольными

путями из этой каши, двигаясь по бездорожью за бугры. Кругом стоял грохот, рёв мощных моторов, лязг гусениц; ошалело бежали отставшие от своих подразделений немецкие и итальянские солдаты, раздавались команды на разных языках, слышалась брань.

– Попали мы в переделку, – укоризненно покачал головой Феликс. – Ганс, бери правее и постепенно выбирайся отсюда, не то нас сейчас танками передавят.

Командирский «Виллис», ловко лавируя между боевой техникой и грузовиками снабжения, стал пробиваться на волю. Снаряды впереди рвались всё чаще, туда, за песчаные высокие холмы уходили один за другим лёгкие и средние танки. Стало свободнее, дорога расчистилась, и небольшая колонна Особого тропического диверсионного отряда вышла на простор.

Капитан Кляйн решил посмотреть, что делается за песчаными дюнами, куда устремилась вся боевая техника. Крикнул сидевшему в коляске мотоцикла фельдфебелю:

– Апсэль, остаёшься вместо меня. Мы скоро вернёмся. Смотримся по-быстрому вон на ту горку, посмотрим, что делается в долине и назад.

«Виллис», взревев мотором, помчался по твёрдой, укатанной глинистой почве в сторону гремевших, не переставая, разрывов. Там, на песчаном плато за холмами, видимо разыгрался нешуточный бой.

– А это не опасно, Феликс? – наивно поинтересовался встревоженный профессор Кляйн. – Там ведь стреляют...

– На войне везде стреляют, отец, – хладнокровно бросил Феликс. – Нам, солдатам фюрера, к этому не привыкать. А что до опасности, то, как ты всегда говорил: двум смертям не бывать, а одной не миновать. Так выражаются русские на твоей далёкой родине, не правда ли?

– Ты всё помнишь, сын, – удовлетворённо вымолвил профессор. – Ты никогда не был в России, но я постарался восполнить этот пробел воспитанием и своими рассказами. Я в детстве читал тебе русские книги и рассказывал русские сказки...

– Но потом приходила мать, и рассказывала мне сказки своего загадочного народа, масаев, – улыбнулся Феликс, ударившись в ностальгические воспоминания. – И пела мне перед сном гортанные африканские песни, крестила православным знаменем и молилась какому-то богу Энгаи, чтобы он оберегал меня во сне и отгонял от моей колыбели злых африканских демонов. А когда водила на службу в коптский православный храм, молилась сыну божьему Христу и просила, чтобы он простил мне какие-то грехи, благословил и сделал ещё много-много чего хорошего. И мне тогда казалось, что добрый, как ёлочный Дед Мороз русских, Иисус Христос, – сын африканского бога Энгаи, который всё в этом мире знает, а главное – может. Даже даровать человеку бессмертие.

– Ну, у тебя, сын, настоящая каша в голове из различных религиозных воззрений, – усмехнулся Борис Иванович. – С такими убеждениями не видать тебе церковного причастия, как своих ушей. А ведь ты православный.

– Я не виноват, отец, что моя мать – бывшая язычница, – убедительно сказал Феликс. – Дети, увы, не выбирают родителей. Их даёт каждому человеку Бог. И Саваоф ли его зовут, Иегова, Яхве, Аллах, Будда или Энгаи – не столь важно. Для меня главное, что Бог – есть! Он один, а разным его делают сами люди, давая то или иное имя. Не думаю, что от этого Бог стал другим, не истинным. Ведь Бог не изменяется от того, что люди придумывают ему разные имена, и как его по-настоящему зовут, мы не знаем. Бог – не в имени и не отдельно от человека. Бог – в душе каждого, кто его нашёл. Вот истина-истин, а не та, которую вульгарно проповедуют люди, споря до хрипоты, и даже уничтожая друг друга физически только за то, что Бог, в которого верят оппоненты, – по сути, даже не сам Бог, а только его имя, – по их мнению, не истинное, не правильное, пришедшее от дьявола, шайтана или от любого другого страшного демона.

– Довольно странная философия, – пожал плечами профессор. – И путанная до невозможности. . . Сумбур у тебя в голове, сынок.

– Как знать, – многозначительно бросил Феликс.

Чтобы обогнуть огромный песчаный бархан им пришлось проделать большой крюк. Выбравшись на ровное место, увидели впереди, на сколько хватал глаз, завораживающую картину разворачивающегося танкового сражения. Местность продолжала наклонно сходиться в низину, и поле боя походило на римский амфитеатр: находясь на самом верху, у подножия песчаного гиганта, они могли рассмотреть всё, что делается внизу. Там, далеко впереди, наступали немецкие танки, их было много, и занимали они всю равнину. Им навстречу двигались, то и дело останавливаясь и стреляя из пушек, тихходные английские броневые монстры. Их было гораздо больше: казалось, полчища саранчи накатывались на немцев, пожирая всё на своём пути. Разрывы то и дело рвались среди немецких панцирей, некоторые снаряды попадали в танки и они ярко вспыхивали, как спичечные коробки, когда в них зажгутся вдруг все спички. Затем бесформенная, искорёженная прямым попаданием разрывного снаряда, гряда металла начинала смрадно дымить, и дым этот, словно конец чалмы мусульманина, ветром относил далеко назад, к подножию песчаного холма, где застыли, готовые вступить в смертельную схватку, немецкие 88-миллиметровые зенитные пушки «FlaK-37».

«Виллис» остановился на возвышенности, но Феликс, чтобы лучше всё рассмотреть, залез с ногами на капот. Иван Андреюшкин вскарабкался на несколько метров вверх по песчано-глинистому склону холма, устроился на нешироком уступе, как в кинотеатре.

Картина была захватывающая. Немецкие танки, не выдержав натиска англичан, потеряв до десятка машин, стали стремительно откатываться назад. Противник приободрился и повёл наступление дальше, преследуя разбитого, бегущего в панике врага.

Феликс ожесточённо скрипнул зубами и до боли сжал кулаки, глядя на это избитие немецких панцирей. Издали казалось, что британцы щёлкают металлические коробочки, как орехи. Огнедышащая армада английских танков всё ближе и ближе подходила к холму. Скрытые складками местности, природными укрытиями и маскировочными сетями, немецкие зенитки до времени молчали. К тому же им мешали прицельно бить по английским машинам отступающие на полном ходу панцири. И вот, когда до замаскированных зенитных батарей оставалось совсем немного, немецкие танки стали резко поворачивать вправо и влево. Разделившись на два стальных рукава, они быстро перетекли на оба фланга артиллерийских позиций, и в бой вступили немецкие «Флаки». На расстоянии около трёх километров зенитки метко поражали тихоходные английские танки, превратившиеся в движущиеся мишени. Скорость огня пушек была уникальная: они успевали за минуту сделать до двадцати выстрелов, из которых большая часть попадала в цель. Всё поле впереди покрылось горящими факелами английских боевых машин. Это было ужасающее зрелище. Как будто огненный смерч из самой преисподней обрушился на англичан. Через несколько минут в первой линии не осталось ни одного целого британского танка, и «Флаки» перенесли свой убийственный, сумасшедший огонь вглубь вражеской армады.

Маневренные, скоростные танки Роммеля снова рванулись в атаку, меткими разящими выстрелами из башенных орудий в бок или в корму добывая разворачивавшиеся английские «Валентайны», «Матильды», «Крусейдеры» и американские «Стюарты». Это было уже не танковое сражение, а побоище, так сказать, избивание «младенцев». На востоке, на вражеской территории, всё небо завлокло чёрными дымовыми тучами, ненасытные языки красного пламени облизывали чёрную, с пузырящейся, лопающейся краской, раскалённую броню. Горящие танкисты в ужасе выскакивали из башен и живыми факелами катались по песку.

Немецкие зенитки уже не стреляли, опасаясь попасть в свои танки, атакующие противника. Зато пушки панцирей продолжали безжалостно истреблять уцелевшие английские машины. Немецкие пулемётчики, очередями выкашивали мечущихся среди дыма и огня неприятельских танкистов, прекращали нечеловеческие муки живых человеческих факелов. Поражение британцев было полным. Сотни горящих, исковерканных снарядами машин усеяли пространство песчаной равнины. Оставшиеся танки уползали зализывать раны в свои берлоги.

– Здорово надрали задницу англичанам! – с восторгом выкрикнул водитель Ганс Ланге. – Я знаю, это всё хитрости нашего Роммеля – Лиса пустыни. Как всегда, здорово провёл английских бродяг, симитировал поражение и в очередной раз заманил островитян в ловушку... Нашего Лиса трудно провести вокруг пальца, а он проведёт любого. – Повернувшись назад, к профессору Кляйну, доверительно заговорил: – Помню, когда мы только высаживались в начале года, в середине февраля, в Триполи, генерал решил сразу же наступать: проклятые британцы заняли уже всю Киренаику и стояли у самого Бенгази. Решить-то он решил, но с чем атаковать противника? Танков очень мало – высадился только первый эшелон пятой лёгкой африканской дивизии и третьего танкового полка. Из пехоты, только мы и немногие саперные части. И знаете, господин Кляйн, что придумал наш Лис пустыни? Решил обвести британцев вокруг пальца, пустить пыль в глаза! Сразу же по случаю прибытия, устроил на главной улице Триполи парад своих войск. Зная, что в городе обязательно работает английская разведка, целый день гонял по кругу одни и те же танки. Ночью велел обшить фанерой грузовики, приспособил вместо пушек обыкновенные брёвна и днём направил в пустыню, во второй эшелон наступающих танковых частей. Приказал побольше пылить. В результате перед островитянами предстала огромная танковая армия, наступающая на Эль-Агейлу на восточной границе пустыни Сирт. Во как ловко!

– Остроумно, – одобрительно покрутил головой профессор Кляйн, восхищённый выдумкой командующего Африканским корпусом генерала Роммеля. – Выдумка подстать полковнику Форбеку, с кем я имел честь познакомиться летом 1914 года, в бытность мою в германской Восточной Африке, как раз накануне Первой мировой войны...

Переночевав недалеко от места сражения, на плато, диверсионная группа капитана Кляйна направилась на юго-восток, в направлении египетского оазиса Сива, чтобы пересечь границу. Там уже не летали разведывательные британские самолёты и не забирались так далеко пустынные патрули, и проникнуть на вражескую территорию не составляло большого труда. Затем отряд должен был повернуть на север, проехать вдоль непроходимой Каттарской впадины и где-то в центре, где имелся более-менее пологий спуск, – пересечь её.

Чем дальше они забирались на юг, тем местность вокруг становилась всё пустыннее и непригляднее, казалось, что здесь ещё не ступала нога цивилизованного человека. Редкая чахлая растительность песчано-каменистого ливийского плато могла служить пищей только хозяевам этих диких мест, неприхотливым верблюдам. Только их желудки способны переварить сухолюбивые колючие растения, солянки, полынь, ветви редких

кустарников, об которые, как об колючую проволоку, можно порвать самую прочную одежду.

Борис Кляйн, с интересом рассматривая окружающую местность, замечал среди нагромождения мелких камней или рядом, на песке, знакомое растение с коротким стеблем и ветвями, согнутыми, словно человеческие пальцы, с зажатými в них семенами. Это была иерихонская роза. Во время дождя, которые в этих гиблых местах бывают раз в несколько лет, ветви этого растения разжимаются, семена падают на землю и очень быстро прорастают, используя каждую каплю влаги. Встречались приземистые, стелющиеся по песку или камням, растения с мелкими листьями или колочками. Камни покрывала толстая корка лишайников. Кое-где высились древовидные молочаи. Иногда на пути попадались одиночные деревца акаций, с замысловато изогнутыми, похожими на океанские кораллы, ветвями.

Звери здесь тоже были не пуганные: то и дело в песках мелькали мелкие ящерицы, змеи, ежи, пауки, скорпионы, и даже черепахи. Где-то в километре от дороги, по которой они передвигались, расхаживала небольшая группа страусов, что-то выискивая в глинистом песке и между камнями. Вероятно, на кого-то охотились. В небе пролетали голуби, кружились пустынные вороны, которые гнездятся на одиноких деревьях или вершинах барханов. Вороны искали падаль или отбросы, оставленные проходящими караванами. Даже царственные орлы были не прочь полакомиться остатками трапезы хищных животных: здесь, в мёртвых песках, большого выбора не было.

Хороший знаток африканской фауны, Борис Иванович приметил высоко в небе пару белых стервятников из подсемейства грифовых, исключительных падальщиков, которые совсем не боятся человека. Во время своих бесчисленных экспедиций по чёрному континенту, он часто видел их, сидящих на крышах туземных хижин и даже на деревьях посреди селения. А вот показался зорко патрулирующий свою территорию, как немецкий «Мессершмитт», ястреб-тетеревятник. Профессор Кляйн приложил ладонь к уху, надеясь расслышать короткие звуки, похожие на «кии-ууу», которые обычно издаёт птица, но кроме назойливого гудения автомобильного двигателя ничего не услышал.

– Гляди, отец, антилопы! – восторженно вскрикнул Феликс, хватая его за рукав куртки и указывая куда-то вдаль, на юго-запад.

Там действительно, еле видное с такого большого расстояния, передвигалось по пустыне огромное стадо антилоп.

– Феликс, нельзя ли подъехать поближе, – схватился за фотоаппарат Борис Иванович. – Хотелось бы сфотографировать этих грациозных животных.

– Отец, нельзя, – отрицательно качнул головой Феликс. – Не забывай, – мы ведь не в экспедиции, а на войне. Фотографируй

отсюда. Думаю, нам попадутся ещё другие стада, и ты сможешь запечатлеть их поближе.

По пути они видели стадо одногорбых верблюдов, спугнули лисицу фёнека, выпрыгнувшую из-под самых колёс. Никто не успел как следует её рассмотреть, – так быстро она исчезла среди неровностей почвы. Профессор Кляйн уверял, что этот миниатюрный африканский зверёк сильно смахивает мордочкой, а главное большими длинными ушами, на летучую мышь без крыльев. Помимо лисицы, встретилось несколько зайцев, дикий пустынный кот, гиена, – прытко пустившиеся наутёк при звуке автомобильного двигателя.

Когда подоспело время очередного привала, стали выбирать удобную тихую, защищённую от ветра и песка, площадку для походного бивуака. Впереди виднелась неровная гряда скал, – словно полусгнившие зубы дракона торчали из песка, как из дёсен. Капитан Кляйн приказал двигаться в сторону гряды. Приблизившись, смогли лучше разглядеть скальные выступы – они и впрямь сильно напоминали челюсть с зубами. В некоторых местах гряды виднелись просветы, в один из которых и направился головной командирский «Виллис».

– Прямо в пасть к дьяволу едем, герр хауптман, – невесело пошутил Ганс.

Жёлтое песчаное безмолвие, словно океан, расстилавшееся вокруг на сотни и тысячи миль, не располагало к смешкам и шуткам, настраивало на торжественный, величественный лад.

– Давай смелее, парень. Не трусь, – приободрил водителя Феликс. – Дьявол, если и существует – не кусается, как дикий зверь, – но нет страшнее зверя, чем человек. Особенно, если в руках у него оружие!

Миновав неровный ряд зубцов, попали всё в ту же пустыню, но – внутреннюю, раскинувшуюся на несколько десятков километров в окружности. Остановились у края гряды, – здесь, в тени скал, было не так жарко. Солдаты стали спрыгивать на песок, растягивать у бортов брезентовые тенты. Феликс с Борисом Ивановичем прошли немного вперёд, привлечённые каким-то движением в пустыне. Там, примерно на расстоянии полутора километров, виднелись небольшие, серые бугорки, вперемешку с более массивными валунами и холмиками чуть поменьше. Примерно в середине из песка торчало несколько тонких, похожих на древесные, стволов, но слишком прямых для чахлых сахарских деревьев, причём – без единой ветки. От холма к холму суетливо перебежали какие-то зверьки, смахивающие на гиен и шакалов. Над странным местом кружились стервятники, распугивая пустынных воронов.

– Отец, там возле этих бугорков, – явно какая-то падаль, – живо указал рукой заинтересованный Феликс. – Посмотри сколько всяких любителей поживиться тем, что не доели крупные хищники. Пойдём, поглядим...

– И охота тебе, Феликс, любоваться обглоданными мослами какой-нибудь горной газели-мохр, которую загрыз на охоте гепард, – пожал плечами Борис Иванович.

– Ничего, посмотрим. Всё равно делать нечего, – сказал капитан Кляйн, отхлёбывая из фляжки воду. Оглянувшись к подчинённым, оставшимся возле машины. – Иван, возьми на всякий случай автомат, пойдём с нами.

– Сколько раз учил тебя, сын, что в России, русские люди говорят: «на всякий пожарный», – поправил Борис Иванович. – Или – «говорили»? – вопросительно взглянул он на бряцавшего оружием Ивана. – Вы, как я понял, недавно из России, молодой человек. Не то, что я... Последний раз был на родине весной 1914 года. Как сейчас помню...

– Теперь у нас «Россия» не говорят, товарищ профессор, – напомнил Андреюшкин.

– Что же так? Другое государство создали? Или, может, завоевал кто? – скептически спросил Борис Кляйн.

– Вот именно, другое государство, – поддакнул Иван, следуя вслед за Феликсом. – Называется Советский Союз.

– Ну и как же граждане этой вашей *новой* России зовутся? – подковырнул профессор, специально делая особый акцент на слове «новой». – «Союзники», как зовут немцы итальянцев? Или «советские»?

– Угадали, профессор, – кивнул Андреюшкин. – Так и прозываются – «советские люди». А вам, вижу, не по нутру?

– А как вы думаете, юноша, если вся моя сознательная жизнь прошла в Российской империи?

– У нас на Дону и слова такого никто уже не знает, – усмехнулся Иван, весело взглянув на Бориса Ивановича. – Старики гутарят: было, дескать, дело при царе Горохе...

По мере приближения людей к бугоркам, бродившие среди них гиены и шакалы, поджав хвосты, прытко пускались врассыпную. При этом гиены, по обыкновению, выпускали свой дикий, истерический, похожий на человеческий, хохот. В небо с многоголосым противным карканьем вспархивали стаи пустынных воронов, с клёкотом взмывали стервятники, ястребы-тетеревятники и орлы.

– Посмотри, отец, что это? – вдруг вскрикнул в изумлении Феликс, поравнявшись с первым бугорком.

Борис Иванович и Андреюшкин с немецким «шмайсером» наперевес быстро подбежали к нему. То, что они увидели – повергло обоих в шок! Перед ними, полузанесённый чистым песком, лежал древнеримский воин в покрытых зеленоватым налётом, почерневших от времени медных доспехах. Лицо его, руки и ноги тоже были чёрные, высохшие. Сквозь трещины разложившейся, попорченной хищниками плоти проглядывали жёлтые кости. Лицо ещё сохранило свои очертания, хоть и сильно напоминало

оскаленный череп на чёрных фуражках эсесовцев. По сути, это была мумия, а не скелет, которая пролежала многие сотни лет в горячем песке, иссохшаяся, но хорошо сохранившаяся.

– Видимо, воин когда-то давно был полностью погребён под толщей песка, поэтому и долежал до наших дней, – предположил Борис Иванович, с интересом осматривая покрытое застарелой ржавчиной, осыпающееся от малейшего прикосновения вооружение, почти разложившийся, изъеденный временем и насекомыми, большой прямоугольный щит, валявшийся рядом.

– Какие большие щиты были у наших предков, – удивлённо протянул Феликс. – Как они только таскали на себе этот кусок железа?

– Скорее всего, это предки твоего итальянца, который полетит в Египет с другой группой, Чезаре, – уточнил Борис Иванович. – Судя по доспехам и оружию – этот бедняга был когда-то римлянином... А щит... кстати, он называется «туреос», – действительно служил для того, чтобы защищать всё тело древнего воина. Ты ведь, надеюсь, знаешь, Феликс, что человек в седой древности был значительно ниже ростом, чем современный хомо сапиенс среднего роста... Так вот, римский туреос был шириной где-то семьдесят пять сантиметров, высотой около полутора метров. Таков был средний рост тогдашнего человека. Щит делался из цельного куска дерева и обшивался тяжёлой промасленной кожей или покрывался металлом. Всё это, как видишь, совершенно сгнило и превратилось в труху. В отличие от самой мумии воина.

Они стали бродить по этому неожиданному кладбищу посреди древних сахарских песков, разглядывая мумии воинов и ребристые, похожие на выпуклые борта парусников, остовы лошадей, полусгнившие останки боевых колесниц. Торчавшие из песка в центре стволы деревьев оказались воткнутыми копиями. Они, видимо, служили когда-то каркасом для тента или палатки. То и дело путешественники натыкались на шлемы римских легионеров, короткие, заржавленные мечи, щиты, дротики, луки и колчаны со стрелами. Иногда встречались шлемы более богатые, посеребренные, с поперечно расположенными гребнями. Борис Иванович сказал, что принадлежали они центурионам, младшим командирам в римской армии.

– Это имперско-галльский тип шлема, – пояснял профессор своим спутникам. – На гребне должен был быть ещё плюмаж, изготовленный из конского волоса или из перьев. Он, естественно, не сохранился.

– А что могло случиться с римским войском? – поинтересовался, окидывая взглядом огромное пространство древнего погребения, Феликс. – Ведь тут действительно лежит целая армия. Думаю, не менее пятнадцати – двадцати тысяч, а то и больше, если учесть, что похоронили шакалы, гиены и всякие пернатые падальщики. Причём, нет ни одного убитого

холодным оружием. Это говорит о том, что перед нами не поле битвы...

– Ты прав, сын, – поддержал его Борис Иванович. – Скорее всего, римлян застигла в походе страшная песчаная буря, так называемый ныне Хамсин – от арабского «пятьдесят». Ветер южных румбов, который дует целых пятьдесят суток в году с апреля по июнь месяц. Сопровождается пыльными бурями и повышением температуры до сорока градусов по Цельсию. Занесённые песком, солдаты просто задохнулись под его толщей, а всё остальное проделало солнце, страшная жара и безводье. Тела в горячем песке высохли и превратились в мумии, вроде египетских. Правда, технология у древних египтян была несколько другая... Пролежав в песке почти две тысячи лет, они, наконец, предстали пред нами. И я считаю большой удачей то, что мы заехали в это укромное место.

– Отец, но они лежат не в песке, а на поверхности? – вскрикнул в удивлении Феликс. – Как это могло случиться? Ведь не сами же они вылезли из песка, как зомби в фантастических романах.

– Возможно, причиной тому всё тот же Хамсин, – уверенно сказал Борис Иванович. – Ветром периодически выдувало зыбучие пески, которые перемещались в сторону скальной гряды и дальше. В конце концов, после наиболее яростной бури истончившийся песчаный покров смело совсем и обнажилось твёрдое дно плато, естественно, со всем, что лежало на его поверхности. И тут вовремя оказались мы... Как говорится, – в нужное время, в нужном месте. Теперь я хорошенько всё сфотографирую, соберу образцы доспехов и вооружения легионеров и центурионов. Возможно, прихвачу с собой одну из мумий. Нужно только будет хорошенько её упаковать, чтобы она окончательно не разложилась на воздухе. Подумаю, как это лучше сделать...

* * *

Небольшая, человек в тридцать, диверсионная группа штурмбанфюрера СС Зикфрида фон Гарденберга под покровом ночной темноты быстро погрузилась на полевом аэродроме, расположенном прямо в пустыне, в парашютно-десантный «Юнкерс» Люфт-ваффе. Среди десантников, одетых в английскую тропическую униформу, были унтерштурмфюрер СС Отто Скорцени, немецкий лейтенант, два унтер-офицера инструктора, обер-лейтенант Буру со старшим сержантом итальянской армии Чезаре Эспозито, подчинённые Буру – масай Симба и араб из Танганьики Ибрахим ибн Латиф. Остальные, – в основном ливийские и египетские арабы и христиане-копты, служившие добровольно в вермахте, несколько абиссинцев и сомалийцев из итальянской Восточной Африки, представители других народов.

Дверь «Юнкерса» гулко, как крышка гроба, захлопнулась. Дьявольски громко, выворачивая наизнанку душу, взвыли, как

тысяча чертей, моторы. Самолёт быстро, набирая скорость, побежал по выровненной сапёрами грунтовой взлётной дорожке и легко, как будто ничего не весил, взмыл в воздух.

Буру в который уже раз летел в брюхе прожорливого бога Мунгу, но теперь масай был спокоен: Мунгу не ест всесильных белых людей. Он беспрекословно подчиняется каждому мановению их руки, а значит и с ним, Буру, ничего плохого не случится, потому что он находится под их покровительством. Правда, белые люди, которых Буру хорошо знал, не летели сейчас вместе с ним: генерал Роммель остался в Ливии, а полковник Форбек – в Германии. Как ни уговаривал его Роммель, тот наотрез отказался принять участие в секретной операции в Египте. Буру присутствовал при их встрече, тоже пытался соблазнить полковника прежними славными победами, вспоминал блестящие партизанские рейды по тылам британских войск, жаркие сражения в саванне, но мзее Форбек остался глух к его воспоминаниям. Он понуро молчал, как старый, выгнанный из прайда, дряхлый, беспомощный лев. И Буру понял, что прежнего полковника Форбека больше нет: перед ним сидит совсем другой человек, и ничего уже не вернёшь из прошлого. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку...

Пожилой, седеющий масай сидел на жёсткой лавке, тянувшейся вдоль борта самолёта, и никак не мог устроиться, – мешал огромный дурацкий мешок за спиной. Английский автомат висел впереди, сдавливая грудь, ремень натирал шею. Ну, оружие на войне было необходимо всегда, это Буру понимал без всякого объяснения. Но вот зачем таскать за спиной лишний груз, когда для этого в любой армии существуют носильщики, масай не знал. Успокаивало только то, что такие же мешки были у всех воинов, летевших вместе с ним в чреве бога Мунгу. Наверное, так для чего-то нужно непонятным белым людям.

Рядом с обер-лейтенантом Буру с обеих сторон пристроились масай, обершютце пехоты Симба и араб, рядовой Ибрахим ибн Латиф. Оба они впервые летели на самолёте. Симба, как некогда Буру перед полётом в Италию, вначале сильно испугался, что его толкают прямо в пасть крылатого бога Мунгу, и не хотел заходить в распахнутую дверь салона. Тогда два немца инструктора, по знаку лейтенанта, без всяких сантиментов втолкнули упрямого дикаря в самолёт, так, что тот чуть не упал, больно стукнувшись головой в кожаном лётном шлеме об иллюминатор. Араб Ибрахим, набравшись мужества, зашёл сам, но всю дорогу молился, тихо шепча суры из Корана и поминутно повторяя «Аллаху акбар». На шее у него висел короткоствольный английский автомат Стэн с горизонтальным расположением магазина и складным металлическим прикладом. С отсоединённым рожком и сложенным прикладом, эти автоматы были очень удобны при десантировании, да и в обороне, – в окопе или в другом укрытии.

Удачное расположение магазина позволяло солдату как можно плотнее прижаться к земле. Такие же пистолеты-пулемёты были у остальных десантников. У офицеров, плюс к этому, – ещё и пистолет в жёлтой кожаной кобуре.

Летели довольно долго, – масай Буру даже начал клевать носом под монотонное жужжание авиационных двигателей и молитвенное бормотание Ибрахима. Неожиданно в салоне, под самым потолком над дверью в пилотскую кабину, ярко вспыхнула и часто замигала большая красная лампочка, послышались неприятные звуки зуммера, напоминавшие назойливый писк летающих насекомых – два коротких звонка сирены. Десантники в салоне зашевелились, поспешно вскочили с мест. Буру проснулся и вопросительно посмотрел на Симбу, тот недоуменно пожал плечами, не зная, что происходит. Ему всё здесь было в диковинку. Оторванный от родного крааля в бывшей германской Восточной Африке, он так и не привык к образу жизни непонятных белых людей, от души возненавидел их шумные, пыльные и суетные города и сильно тосковал по саванне.

Из кабины пилотов вышел штурмбанфюрер СС Зикфрид фон Гарденберг, проследовал вдоль салона и распахнул овальную дверь. За ней открылась чёрная зияющая пропасть, как ущелье в горах. Сильно, словно на вершине, подул ветер. За дверью ярко блеснули близкие отсюда ночные звёзды.

Немец повернулся к десанникам, резко скомандовал по-немецки:

– Встать! По одному к выходу!

Десантники во главе с унтер-офицером инструктором цепочкой потянулись к двери. К парашюту каждого сзади был прикреплен капроновый фал, заканчивавшийся металлическим крюком с замком, который скользил по проволоке вверх.

В салоне продолжала ярко мигать лампочка, отбрасывая кроваво-красные блики на суровые лица десантников. Снова противно взвыл зуммер, прозвучала сирена, теперь уже длинная – «старт»! Штурмбанфюрер высунул голову наружу, разглядывая что-то внизу, удовлетворённо кивнул, повернул голову к десанникам, крикнул:

– Первый пошёл! Быстрее, быстрее!

Немецкий унтер-офицер торопливо бросился к двери и смело шагнул в пустоту. Его сразу же подхватило ветром и отнесло немного назад. Хлопнул раскрывшийся парашют, десантника дёрнуло вверх, и он, словно поплавок на реке, закачался под огромным белым куполом.

– Пошёл! Пошёл! Пошёл! – торопливо подталкивал подчинённых фон Гарденберг. Нужно было спешить, чтобы парашютистов не разбросало по всей пустыне. Десантники один за другим смело ныряли в открытую дверь и исчезали в ночном вязком кисельном мраке. Пока всё шло гладко: у некоторых

диверсантов это был не первый прыжок, они обучались этому нехитрому делу в разведшколе на базе.

Наконец подошла очередь новичков из подразделения Буру. Араб Ибрахим ибн Латиф с ужасом взглянул себе под ноги, в чёрную зловещую пустоту, тут же, с мольбой в глазах, обратил взор вверх, как бы умоляя Аллаха о спасении. Штурмбанфюрер Гарденберг не дал ему ничего сказать, резко толкнул в спину, и Ибрахим с диким воплём кувыркнулся вниз. Увидев эту жуткую сцену, обер-лейтенант Буру повернул было назад, но столкнулся со стоявшим позади Симбой. Гарденберг с бранью схватил его за рукав куртки, подтащил к раскрытой двери и попытался вытолкнуть, как до этого сделал с арабом. Но Буру зарычал как раненый охотниками лев, хоть и не носил имени Симба, яростно сверкнул сумасшедшими глазами и намертво вцепился в края металлической обшивки. Оторвать его можно было только с руками. Эсесовец в свою очередь взревел – ещё громче и яростнее, чем Буру, выхватил из кобуры парабеллум и стал с ожесточением бить рукояткой по ракам масая. Тот заорал от боли и ослабил хватку. На помощь Гарденбергу поспешили унтерштурмфюрер СС Скорцени, другой немецкий офицер и унтер, вчетвером они с величайшим трудом оторвали Буру от перегородки и пинками вытолкнули из салона.

Старший рядовой пехоты, масай Симба, видя, как жестоко и бесчеловечно злые и подлые белые «гиены» поступили с его любимым командиром, решил не сопротивляться. Но и самому шагнуть в бездну не хватило духу. Ему помогли это сделать все те же штурмбанфюрер с помощниками.

Глубоко внизу, чуть правее курса самолёта, в непроглядной могильной тьме, светились колеблющиеся сигнальные огни. Это были костры, расположенные в виде фашистской свастики. Но обер-лейтенанту Буру было не до любования германским имперским символом. Вытолкнутый насильно белыми людьми из брюха крылатого бога Мунгу, он попрощался с жизнью и стойко, как настоящий масайский воин – моран, летел, ожидая неминуемой смерти. Уверенности его не поколебал и неожиданный хлопок раскрывшегося парашюта. И лишь через несколько минут, когда прекратилось свободное падение в бездну, и Буру ощутил, что уверенно держится в воздухе, – начал понемногу приходить в себя и успокаиваться. Видимо, бледнолицые изверги что-то предусмотрели, и в этой, раскрывшейся вверху висячей хижине, – его спасение. Он ещё раз посмотрел вниз, и увидел множество таких же круглых белых полотнищ, плавно опускающихся на землю. Он стал мысленно просить всемогущего бога своего народа, Энгаи, чтобы он спас его от неминуемой гибели и не дал разбиться об землю в лепёшку. Буру видел однажды в саванне, во время прошлой большой войны, когда он партизанил с полковником Форбеком, подобное омерзительное и страшное зрелище: огромный

слон, вожак стада, раздавил одного аскари из его отряда. Воина расплющило так, что пришлось буквально скатывать тело в рулон, словно циновку, чтобы захоронить у подножия холма, под акацией.

Масай вздрогнул при этом воспоминании и скорчил брезгливую гримасу, представив себя не месте несчастного. Но всё обошлось. Буру ощутил сильный толчок при приземлении, не удержавшись на ногах, кувыркнулся через голову, запутался в стропах парашюта. Его понесло ветром за куполом, пока он не опал. Вокруг, насколько хватало взгляда, опускались его товарищи-парашютисты. Их так же отволокло ветром по песку немного в сторону. Более опытные, совершившие не один десяток, а то и не одну сотню прыжков, тут же, отстегнув лямки, начинали сворачивать полотнище, затем выкапывали сапёрными лопатками глубокие ямы в песке, хоронили в них парашюты.

Буру, отыскав среди аскари своего подчинённого, масая Симбу, велел закопать и свой парашют. Он как-никак был офицером вермахта. Среди десантников бегал штурмбанфюрер СС фон Гарденберг и подгонял отстающих: скрыть следы приземления нужно было быстро, пока не рассвело и не появились британские воздушные разведчики. Отто Скорцени и остальные немцы рьяно ему помогали: тушили песком костры, которые зажгли агенты германской резидентуры в Каире, разыскивали приземлившихся вдалеке диверсантов...

Глава 15. «Тобрукские крысы»

Прибыв из ставки Гитлера в Ливию, генерал Роммель приступил к последнему, решительному штурму Тобрука. Войска Африканского корпуса плотно обложили крепость со всех сторон, батареи тяжёлых дальнобойных орудий день и ночь крошили и без того разбитые вдребезги укрепления, жилые дома, порт. Постоянно налетала немецкая авиация, сбрасывая на защитников тонны бомб. Они щедро сыпались из под брюха «Хейнкелей» Не 111 и «Юнкерсов» Ju 88, словно перезревшие кокосовые орехи с высокой пальмы. Но героический гарнизон города, который немцы прозвали «Тобрукскими крысами», продолжал упорно сражаться, отражая все атаки. Это была поистине «Брестская крепость» Ливии. Немцы нигде в Северной Африке не встречали ещё такого отчаянного сопротивления. Да, пожалуй, и в Европе тоже. Не считая, конечно, загадочную Россию.

Итальянские союзники, командиры двадцатого моторизованного и двадцать первого армейского корпусов генерал армии Гастон Гамбара и корпусной генерал Энеа Наварини, советовали не предпринимать решительных действий под Тобруком.

Продолжая блокировать крепость, – всеми силами возобновить наступление в Египте. Мотивировали это тем, что, оставшись глубоко во вражеском тылу, защитники рано или поздно сами сложат оружие и сдадутся на милость победителей. Дело только за судьей малостью – разгромить египетскую группировку британцев, а это было весьма непросто!

Роммель понимал всю абсурдность подобного плана действий: нельзя наступать, когда в тылу у тебя остаётся крупное подразделение противника, которое может в любую минуту ударить в спину. Генерал не просто просил, но даже требовал у командующего, фельдмаршала Кессельринга, подкреплений для решительного удара по Тобруку. Он знал, что резервы в ставке есть, но их собираются использовать для десантной операции на острове Мальта. Роммель чуть ли не каждый день слал шифрограммы Кессельрингу, уверяя, что захват Тобрука откроет Африканскому корпусу дорогу в Египет, к богатым нефтяным месторождениям. Наконец нефть перевесила здравый смысл, и Роммель получил необходимые войска.

Пока они сгружались с итальянских транспортных пароходов в столице колонии Триполи, генерал отбыл под Тобрук в расположение двадцатого моторизованного корпуса генерала Гамбара. Роммель решил атаками слабых итальянских танков прощупать английскую оборонительную линию, выявить слабые места, подготовиться к наступлению, которое положит конец затянувшейся осаде.

Удар по Тобруку должен был совпасть с нападением на ставку генерала Окинлека в Каире. В Египет были посланы три диверсионные группы для выполнения этого нелёгкого задания. Если операция «Тень орла» пройдёт успешно, обезглавленная группировка британских войск в Северной Африке не удержится ни в окружённом Тобруке, ни на египетско-ливийской границе. В этом генерал Роммель был уверен на сто процентов, вспоминая опыт прошлых военных кампаний. Если египетской кобре отрубить голову – туловище не сможет ничего сделать!..

Покачиваясь на жёстком сиденье в утробе тесной будки «Мамонта», трофейного английского тяжёлого грузовика, – своего штаба на колёсах, – Роммель вспоминал о недавней поездке в ставку Гитлера, где на совещании смело изложил свои соображения о перспективах дальнейших боевых действий в Киренаике. Без этого доклада на столь высоком имперском уровне ни главнокомандующий немецкими и итальянскими войсками в Средиземноморье генерал-фельдмаршал Кессельринг, ни генерал-губернатор Ливии Этторе Бастико ничего бы не решились, и дело не сдвинулось с мёртвой точки. Фюрер поверил Роммелю, одобрил его намерение брать штурмом Тобрук. Заинтересовала

Гитлера и возможность партизанской войны в тылу противника, в британских и бывших итальянских и германских колониях.

Правда, Гиммер, услышав фамилию Форбека, заметно скрипел. Под конец совещания, дружески взяв Роммеля под руку и отведя в сторону, чтобы не слышал фюрер, он сказал: «Я не советую вам, господин генерал, ехать к Форбеку. Зря только потратите время. Тем более, что живёт он не близко, – на самой границе с Францией и Люксембургом». – «Господин рейхсфюрер, имя генерал-майора Пауля фон Леттов-Форбека можно использовать как знамя борьбы в колониях Соединённого Королевства, – ответил генерал Роммель, повторив выражение Гитлера. – Ему даже не обязательно самому руководить повстанцами, как он это делал в прошлую войну в Восточной Африке. Там осталось много ветеранов из числа туземных аскари, которым, кстати, как вы знаете Третий Рейх выплачивал пенсии за участие в Первой мировой войне. Правда, с началом этой войны выплаты, естественно, прекратились... Они помнят своего командира, Форбека, и, я думаю, охотно откликнутся на его призыв. Пусть даже он прозвучит из Ливии. Достаточно заручиться поддержкой самого Форбека, растиражировать его призыв на бумаге и размножить среди местного населения в британских колониях. К тому же, можно послать туда мелкие диверсионные группы, состоящие из арабов и чёрных туземцев. Такое же партизанское движение можно поднять и в бывших итальянских колониях: в Абиссинии, Эритрее и Южном Сомали. У меня имеются сведения, что партизаны там уже есть, – из числа оставшихся итальянских и местных, туземных войск. Имеются храбрые, опытные итальянские офицеры и даже генералы». – «Что ж, попробуйте, генерал, съездить к господину Форбеку, – нехотя согласился Гиммлер. – Только он сейчас в отставке, и, как я слышал, в глубокой депрессии. Вряд ли он откликнется на вашу инициативу. Мы уже не раз предлагали ему сотрудничать с нами, но генерал-майор окончательно разочаровался в политике, критически относится к национал-социализму и не желает возвращаться в армию».

Форбек действительно был не в духе. Правда принял Роммеля радушно, а масая Буру даже крепко обнял и прослезился, вспомнив былые сражения и походы. Выглядел генерал не важно, он сильно постарел, не следил за своим костюмом, видно, – давно махнул на себя рукой. Жил затворником в Саарлуисе, небольшом промышленном городке в земле Саар. Ни с кем не общался, не интересовался современной жизнью. Часто перечитывал книгу своих мемуаров о партизанской борьбе в германской Восточной Африке. Гостям показалось, что время в его жилище остановилось на отметке: январь 1919 года, – когда, после окончания Великой войны, Форбек вернулся в Германию.

На предложение Роммеля и Буру снова возглавить партизанскую борьбу в Танганьике седой семидесятилетний генерал ответил решительным отказом. «В прошлую войну я сражался в саваннах Восточной Африки, – с горечью заговорил Форбек. – Вот, Буру не даст соврать, господин Роммель, – сражались мы как надо. Так, что от британцев, бельгийцев и португальцев только пух летел во все стороны! За всю войну, за четыре года кровопролитных боёв, мы не получили из метрополии ни одного патрона, ни одной винтовки и ни одного солдата. Всё добывали сами, в боях, на складах противника. Воинов аскари вербовали среди местных туземцев, обучали их в специальных лагерях, ставили под ружьё целые роты и даже батальоны. Африканцы были столь преданы нам, что, попав в плен к англичанам, не соглашались вступить в их колониальную армию, а предпочитали томиться в лагерях. Скажу больше, туземные аскари любили нас, немцев. Спросите у Буру, он не даст мне соврать. . . Вы спросите: на что мы надеялись? Если вы читали мою книгу, – там всё написано. Я и мои товарищи, офицеры и рядовые германской армии, были преданы великому кайзеру Вильгельму. Нам хотелось хоть немного помочь империи, оттянуть на себя часть сил Антанты, обрушившихся на метрополию. И мы сделали это, чёрт возьми! С пятнадцатью тысячами в самом начале борьбы, мы сражались с противостоявшей нам трёхсоттысячной группировкой противника. За всю войну мы не потерпели ни одного поражения, сохранили боеспособный отряд в полторы тысячи человек до ноября 1918 года. Мало того, – мы в это время совершали довольно успешный партизанский рейд по тылам британцев в Родезии. Мы выполнили свой воинский долг до конца и, непобеждённые, сложили в Африке оружие только тогда, когда узнали, что оружие сложила вся германская армия на европейском континенте. Но мы не думали, что Родина, за которую мы бились четыре года, предаст нас! Да, да, генерал, Германия предала нас, но не только нас, но и своего кайзера. Мы не знали, что в ноябре произошла революция, что кайзер Вильгельм отрёкся от престола и вынужден бежать в Голландию, что германская армия больше не желает сражаться на фронте, а матросы в Киле подняли восстание. Всё рухнуло в одночасье! Мне стыдно было возвращаться в Фатерланд, и я пожалел, что не остался в Восточной Африке со своими верными аскари. Во всяком случае, я мог бы ещё провоевать около года, если бы меня до этого не настигла английская пуля. Боеприпасов, продовольствия и солдат у нас бы хватило ещё на год войны. А затем – героическая смерть в бою и – всё кончено. Как погибли в африканской саванне многие храбрые и достойные германские офицеры. . . Нет, господин Роммель, нет, милый Буру, я больше не буду воевать за Германию, потому что не верю Гитлеру. Откуда он взялся, этот австрийский выскочка? Сидел себе в своей Вене и малевал картины. . . Нет, это не моя война! Прошу прощения. . .»

Нельзя сказать, чтобы Роммеля шокировало признание Форбека... Положа руку на сердце, – что-то подобное испытывал и он сам, часто посещая ставку Гитлера «Волчье Логово». Но он никогда ещё ни одному человеку не открывал своих тайных мыслей и мучительных сомнений. Форбек же не побоялся этого сделать, хоть и в узком кругу...

В двадцатый итальянский корпус входили две танковые дивизии: «Ариете» и «Литторио», а также моторизованная пехотная дивизия «Триесте». Они с начала осени этого года находились под Тобруком, неоднократно предпринимали отчаянные атаки британских позиций и понесли чувствительные потери. Роммель пренебрежительно относился к боеспособности войск итальянских союзников, держал их во втором эшелоне или на второстепенных позициях. На главные направления бросал всегда германские танковые дивизии, которых у него, увы, было всего две: двадцать первая и пятнадцатая. Но генерала армии Гастона Гамбару уважал за личную храбрость и умение воевать в пустыне, был уверен, что родись тот немцем – был бы в вермахте на хорошем счету и – не среди последних.

Грузовик «Мамонт» Роммеля, где помимо него ехали сопровождавшие офицеры, достиг расположения подразделений Гамбары, затормозил перед штабом танковой группировки. Командующего Африканским корпусом приветствовал сам генерал Гамбара в окружении вышколенных, «паркетных» итальянских штабных офицеров. Их было так много, что у Роммеля зарябило в глазах от их щеголеватых мундиров с аксельбантами и пышных плюмажей из перьев глухаря или фазана на форменных шляпах-вайрах. Офицеры были в широченных, словно расплоскнутые над Африкой крылья ястреба-тетеревятника, галифе и в лакированных сапогах, до такой степени надраенных, что в них можно было смотреться, как в зеркало. Роммель подумал, что в Италии, вероятно, так встречают только Бенито Муссолини или самого папу римского Пия Двенадцатого.

Из этой лощённой офицерской оравы можно было легко составить хороший стрелковый взвод, а то и два, и отправить в окопы под Тобрук. Тем более, что итальянцы постоянно жаловались на нехватку личного состава на позициях. В отличие от «королевской» свиты генерала итальянской армии Гастона Гамбары, с генерал-лейтенантом Эрвином Роммелем приехало только два офицера: недавно выписавшийся из полевого госпиталя адъютант Ральф Клейнер и офицер по особым поручениям Дирк Зигель, во время отсутствия лейтенанта Клейнера временно исполнявший его обязанности.

– Прошу, господин генерал, ко мне, – вежливо пригласил Гамбара приезжих в свою палатку, которую неустанно, как цепные псы, стерегли вооружённые до зубов берсальеры. Вслед за ним и Роммелем вошло несколько итальянских офицеров.

– Синьор Гамбара, – торжественно начал Роммель, – я приказываю вам провести на вашем участке фронта разведку боем. Мне необходимо прощупать оборону британцев, чтобы знать все их слабые места перед решающим ударом по Тобруку.

– Вы хотите, чтобы это сделали именно мы, итальянцы? – уточнил генерал Гамбара.

– Не только, синьор. Немецкие танковые подразделения тоже пойдут в атаку одновременно с вами, – пояснил Роммель. – Просто там не требуется моего личного присутствия.

– Вы хотите принять участие в боевой операции? – недоумённо взглянул на командующего Гамбара. – Вы рискуете, генерал...

– Ничего, я солдат, а риск для настоящего немецкого солдата – благородное дело! – отшутился Роммель, поправив тропического цвета фуражку с высокой тульей, на околыше которой были запylённые британские противогазные очки. – Вы мне выделите танковый взвод для атаки британских позиций, и ещё один взвод – для прикрытия. Позади установите пару батарей противотанковых орудий и самоходки.

– Какие танки желаете в первый эшелон наступления? – спросил итальянец.

– Отправьте, конечно же, те, что послабее, эти ваши, так называемые средние танки МП/39, которые, по сути, являются лёгкими. Но в данном деле других и не надо – эти вполне сойдут в качестве движущихся мишеней для английских пушек, – усмехнулся генерал Роммель. – Можете добавить «самоходных гробов», как называют ваши же солдаты слабосильные танкетки «Карро Велоче».

– Извольте шутить, герр генерал, – обиделся генерал Гамбара.

– Нисколько, мой друг. Просто повторяю остроумный солдатский окопный фольклор. Кстати, мои славные гренадеры, в отличие от ваших берсальеров, уважительно именуют эти «уникальные» танкетки «коробками для сардин». Поистине, «Карро Велоче» CV33 – гениальное детище итальянской инженерно-конструкторской мысли. Не помню, сколько вы их потеряли во время недавней Восточно-Африканской кампании?..

– Все, что были в строю, – подыгрывая командующему, в свою очередь самодовольно усмехнулся генерал Гамбара. – Сам не раз видел, – они горят, как стога сухого сена... Что поделаешь, Италия – бедная страна, не то, что Германия, на которую работает вся Европа!

– Во втором эшелоне расположите танки посильнее, – продолжал давать распоряжения Роммель. – Взвод «Carro Armato» M13/40 или «Fiat-Ansaldo». Я буду находиться вместе с ними.

– В таком случае, господин Роммель, вам нужно отправиться в дивизию «Ариете» бригадного генерала Франческо Антонио Арена. – У него в 132-ом танковом полку имеются новые машины, недавно прибывшие с заводов Италии. Это как раз то, что вам нужно...

Знакомство с генералом Франческо Арена началось с обильного итальянского застолья в его штабной палатке. На позиции выехали только под вечер, когда жаркое африканское солнце клонилось к закату. Франческо Арена, несмотря на щедрые возлияния за дружеским столом, где он увлечённо отдавал дань богу вина своих далёких предков, древних римлян, – Бахусу, умело расставил на передовых позициях противотанковые пушки Cannone da 47/32 Mod. 35, которые итальянские солдаты уважительно называли «Elefantino» («Слон»), добавил к ним самоходных установок. В распоряжение Роммеля выделил 10-й танковый взвод Fiat M13/40 лейтенанта Луиджи Арбиб Паскуччи.

Когда предназначенные для атаки британцев взвод средних танков МП/39 и несколько десятков танкеток «Карро Велоче» CV33 выдвинулись на исходные рубежи, Роммель подъехал на своём автомобиле «Мамонт» к взводу лейтенанта Паскуччи. Резво, как молодой гитлерюгендовец, соскочив на песок, генерал подошёл к головному танку, забарабанил рукояткой пистолета по пыльной камуфлированной броне. Люк башни с металлическим грохотом откинулся, и выглянула голова молодого человека в чёрной кожаной «каске», на которой были прозрачные пылезащитные очки. Затем он вылез из танка наполовину. На вид лейтенанту Луиджи Паскуччи было не больше тридцати пяти. Одет он был в чёрную кожаную куртку поверх синего танкистского комбинезона.

Генерал поздоровался с итальянским офицером, весьма довольный тем, что при общении друг с другом они не вскидывают то и дело руку кверху и не горланят по всякому поводу «Хайль Гитлер!».

– Честь имею, синьор генерал, – приложив руку к шлемофону, ответил Паскуччи. Чувствовал он себя весьма неловко в таком двусмысленном положении, – намного выше самого главнокомандующего германским Африканским корпусом, отчего ему приходилось смотреть на Роммеля сверху вниз, как на подчинённого.

– Давай-ка, лейтенант, выдвигайся со своим ударным взводом правее артиллерийских батарей, – проговорил Роммель, махнув рукой в сторону пустыни, где был фланг британских укреплений. – Укроешься за теми барханами, а как только ваши наступающие танки повернут назад и начнут драпать, как трусливые африканские зайцы, ударь преследователям в тыл.

– Вы уверены, господин генерал, что наши «самоходные гробы» сумеют удрать, пока их всех не перешёлкают английские пушки? – усомнился лейтенант Паскуччи. – И с чего вы взяли, что британские танки начнут их преследовать?

– Сынок, насколько я знаю ваших «доблестных» вояк, – язвительно усмехнулся Роммель, – «коробочки» повернут назад при первых же артиллерийских выстрелах неприятеля. А то, что англичане попытаются на их плечах ворваться в наши рас-

положения, нет никакого сомнения. Им ведь нужно пополнять запасы продовольствия и боеприпасов, которые приходят в Тобрук только по морю и весьма нерегулярно. Так что, военный грабёж трофеев, как в глубокой древности, ещё во времена ваших прауродителей, римлян, всегда характеризовал алчных англосаксонских разбойников.

– Вы как в воду смотрите, сеньор Роммель, – восхищённо воскликнул офицер-танкист. – Сам знаю, англичане – не дураки по части баб, выпивки и чужих карманов.

– Вот и отправляйся куда сказано, – подвёл черту разговору Роммель.

Тем временем, взревев дизельными, в отличие от немецких танков, моторами, пошёл в атаку передовой взвод итальянских броневых машин. Приостанавливаясь, они то и дело падали из пушек по английским позициям; быстроходные танкетки, обогнав передние танки, засыпали окопы противника частыми пулемётными очередями. Иного вооружение они, в отличие от танков, просто не имели.

Как и предполагал Роммель, танкетки при первых же залпах британских противотанковых батарей, быстро развернулись на сто восемьдесят градусов и, оставив на поле боя три или четыре бушующих огнём смоляных факела, резво рванули назад. За ними, не дожидаясь особого приглашения, последовали и танки. Вопреки предположениям Роммеля, английские бронемашины не стали преследовать бегущего в панике неприятеля. Видимо, выжидали, что будет дальше.

Роммель, сидя в кузове своего «Мамонта», велел капитану Зигелю связаться по радию с командирским танком отступающего взвода, передать приказ повторить атаку. Отхлынувшие под защиту своих батарей итальянские МП/39 немного постояли, поджидая отстающих, покоптили сереющее ливийское небо выхлопными газами, собрались с духом и снова рванули в атаку. Танкетки, наученные горьким опытом, теперь уже не высывались, а старались спрятаться за броню идущих впереди танков. Зарывшиеся глубоко в песок «Тобрукские крысы», как презрительно называли защитников неприступной крепости немцы и итальянцы, снова открыли яростный артиллерийский огонь бронейными и разрывными снарядами, но уже из другого места.

Роммель, из кузова автомашины внимательно следивший в цейсовский бинокль за расположением огневых точек британцев, не мог ничего понять. За какие-то четверть часа противник успел переместить свои противотанковые батареи на новые позиции. Как они могли так быстро управиться? Не по воздуху же они летали с позиции на позицию. Генерал тяжело задумался: вероятно, не он один слышит в Ливии хитрым лисом пустыни, – есть подобные хитрецы и по другую линию фронта. Видимо,

англичане бьют с разных позиций, и пока он фиксирует одну, – враг перебрасывает батарею в другую точку, а огонь продолжает следующая батарея. Так они могут крутиться по плацдарму весь день, и ему ни за что не удастся засечь все огневые точки, потому что англичане постоянно их меняют. Дневная воздушная разведка тоже ничего не даст, потому что батареи тщательно замаскированы. Остаётся только одно: жертвув итальянскими «самоходными гробами», подставляя их под удар, тут же отвечать артиллерийским огнём на стрельбу британских пушек, пока они ещё не снялись и не покинули старых огневых точек. Только так можно нанести им хоть какой-то урон. Но генерал Франческо Арена конечно же на это не пойдёт, и как только его подразделения понесут ощутимые потери, пожалуется на него, Роммеля, командиру двадцатого корпуса генералу Гамбара, тот – дальше по итальянской инстанции – командующему вооружёнными силами союзников в Северной Африке генералу Этторе Бастико, последний – в Рим, начальнику генерального штаба итальянских вооружённых сил, графу Уго Каваллеро... Скрипучая карусель бюрократической чиновничьей волокиты союзников завертится. Кляуза дойдёт до фельдмаршала Кессельринга и Муссолини, от них полетит в Германию, в ставку фюрера «Волчье Логово», Роммеля опять отзовут из Африки на ковёрные разбирательства...

«Жуть! Тоска! И беспросветный мрак! Устал... Как же я от всего этого устал», – в отчаянии схватился руками за голову генерал, следя печальными потухшими глазами за тем, как вспыхивают впереди, на ровном песчаном плато, всё новые и новые итальянские танки и не успевшие вовремя удрать танкетки.

Атака вражеских позиций окончилась ничем, и командир 132-й танковой дивизии «Ариете» генерал Арена, не спрашивая у Роммеля, отдал приказ прекратить бессмысленное наступление.

Вскоре пустыню окутали фиолетовые сумерки, и лишь на недавнем поле боя всё было видно как днём от пылающих сигнальными кострами итальянских броневых машин и танкеток...

* * *

Остановившись в одном удалённом от протоптанных веками караванных троп, затерянном в песках бескрайней Сахары оазисе, где у подножия невысокой гряды тёмных глинистых сланцев синел, радуя глаз уставшего путника, водоём, люди майора Пенякова узнали о восстании туарегов. Эту весть принесли в оазис кочевавшие поблизости со своими верблюжьими стадами берберы.

Бойцы в это время, остановив запылённые, грязные «Виллисы» и немецкий трёхтонный грузовой «Форд» на берегу, бросились со всех ног к воде. Она была тёплая, не вкусная, отдавала болотной гнилью и прелью, но умиравшим от жажды людям было всё

равно. Разувшись, они забредали в водоём по колена, наполняли фляги мутной илистой жидкостью, с жадностью пили, проливая драгоценную влагу на пропотевшие форменные рубашки. Николай Горюнов, опорожнив флягу, нагнулся было за добавкой и вдруг, отшатнулся и, разбрызгивая воду, с воплем помчался к берегу.

– Крокодил! Крокодил! Там в ставке – крокодил. Чуть меня за ногу не цапнул, – кричал он, выпучив глаза от страха и указывая рукой с зажатой в ней флягой в сторону водоёма.

Выскочили из воды и остальные разведчики Пенякова, похватав из машин оружие, залазгали затворами. Из воды недалеко от берега действительно, словно длинное и неровное, коричневое замшелое бревно, выглядывал большой крокодил. Как он здесь оказался, было непостижимо: водоём маленький, подпитывается из подземных источников, вокруг на многие десятки тысяч миль – ни одной реки. Почти центр Сахары! Не на крыльях же он прилетел из Нила?

Но Николаю задаваться подобными риторическими вопросами было недосуг: он схватил лежавший на заднем сиденье джипа немецкий «шмайсер», побежал обратно к берегу, где уже толпилась группа азартно галдящих бойцов отряда. Загремели винтовочные и автоматные выстрелы, враз вспенив и без того мутную воду, раненый крокодил раскрыл пасть в беззвучном крике, скрылся на глубине, оставив на поверхности расплывчатые пятна крови.

– Ушёл, гад! – объявил с сожалением Джек Парсон. – Слишком рано начали стрелять, спугнули зубастого.

– Живьём нужно было хватать, – за хвост, – пошутил американец, волонтёр из новеньких.

Ливийские арабы о чём-то горячо заспорили на своём языке, замахали руками. Видимо, разбирались, кто именно попал в рептилию. Николай Горюнов тоже выпустил очередь в крокодила, но уже вслед, когда тот погружался в воду. Он ещё не отошёл от первоначального ужаса, который испытал, впервые в жизни увидев экзотического африканского хищника. Честно говоря, меньше всего он ожидал увидеть его здесь, в сердце иссушённой зноем Сахары.

На звук выстрелов сбежалась местная детвора – в оазисе, возле водоёма, раскинулось большое селение берберов. Мальчишки и девчонки с интересом рассматривали оружие непонятных бородатых пришельцев, ковыряясь в носу, восторженно цокали языками. Девчонки показывали солдатам языки. Подошёл закутанный в широкополый белый бурнус с капюшоном, в традиционной арабской куфии на голове, старый морщинистый, с лицом землистого цвета, бербер. Осуждающе покачал головой.

– Зачем стреляли крокодила? Чем помешал? Животные безобидные, нас не трогали, мы – их. Мирно жили. Эх...

– Их здесь, в воде, много? – переспросил араб-волонтёр из отряда Пенякова.

– Очень много, – кивнул мудрый старик. – Давно живут. Человека не боятся, на берег выходят, кушать из рук берут. Этот тоже вышел, думал: люди на водопой пришли, покормят. Зачем с дура стрелял, не знаю... Зверь даже верблюда не обидит, не злой. Только лягушек и рыбу ест, да – что человек даст.

Англичане и итальянцы, обступив араба-волонтера и бербера, заинтересованно смотрели на товарища, ждали, когда переведёт слова старика. Араб взволнованно заговорил, и бойцы разочарованно развели руками: кто ж знал, что у них тут в оазисе свой зоопарк...

Вернулся ходивший куда-то майор Пеняков, приказал побыстрому подкрепиться сухим пайком, ещё раз вдоволь напиться воды на дорогу и рассаживаться по машинам. Кивнув в сторону водоёма, сказал своим:

– В Сахаре встречаются такие оазисы с крокодилами, я ещё до войны об этом слышал. Самому, правда, бывать не приходилось, но знающие люди рассказывали. Есть даже совсем маленькие крокодилы, не больше ярда длиной, которые живут в песках. Их так и прозвали местные жители: «песчаные» крокодилы. В сезоны дождей, когда образуются временные пруды и болотца, они обитают в них, а в период засухи, когда вода высыхает, – впадают в летнюю спячку. Забираются в расщелины между скалами или в песчаные норы. Они в это время почти ничего не едят и мало двигаются, на прогулку выбираются лишь изредка, да и то по ночам.

– Ты, Сэм, вероятно о варанах рассказываешь, – встрял в разговор вездесущий Парсон. – Я их видел как-то в синематографе. Но там были и побольше ярда особи. Прямо, чудовища этакие, аж дрожь берёт.

– Джек, ты как всегда всё перепутал, – отмахнулся Владимир. – Вечно у тебя в голове каша. Русские сказали бы на это: в огороде бузина, а в Киеве дядька... Верно, Николай? – повернулся командир к Горюнову.

– Точно так, товарищ майор, вы хорошо знаете наши поговорки, – усмехнулся Николай, и выжидательно уставился на Пенякова: не станет ли возражать против такого, явно советского обращения.

Владимир смолчал, сделал вид, что не придаёт этому никакого значения, зато возмутился Джек Парсон:

– Ты это оставь, русский. Тут тебе не Советская Россия и никаких товарищей нет!

– А кто же тут, если не товарищи по оружию? – быстро нашёлся Горюнов. – Вместе под немецкими пулями ходим, потому и товарищи. А господа, как любят повторять у нас, – те в Париже да Лондоне.

– В английской королевской армии, да будет тебе известно, по уставу, военнослужащие обращаются друг к другу как раз таки со словом «господин», – отрезал британец. – И впредь попрошу придерживаться устава.

Николай вопросительно взглянул на Пенякова.

– Он прав, Николай, – вынужден был поддержать своего водителя Владимир. – Устав есть устав. У нас в отряде, конечно, панибратство и демократия, но всему есть границы. Обращения, принятого в Красной Армии Сталина, многие у нас не приемлют. Будем уважать их мнение: они ведь его вправе иметь? Как и мы – своё...

Получив точные сведения о крупном восстании одной из конфедераций аджерских таурегов под руководством Идигера аг Мусы, о взятых ими городах и оазисах, майор Пеняков передал всё это по радию в Центр. Оттуда пришёл приказ возвращаться на базу, уничтожая по пути мелкие блокпосты, пустынные патрули, склады и автомобильные колонны снабжения неприятеля. Владимир изменил маршрут и с восточного направления резко повернул на север. Немецких или итальянских патрулей по пути не попадалось, фронт был далеко на северо-востоке, и здесь, в песках, делать им было нечего. Вражеские самолёты тоже не летали, экономя горючее. Вылеты немецкой авиации совершались строго целенаправленно, только в места боевых действий. Поэтому, автомобили отряда майора Пенякова ехали с комфортом, ничего и никого не опасаясь, чувствовали себя на вражеской территории, как на своей.

До каких-либо признаков цивилизации было ещё миль двадцать, не меньше. Кругом простиралась беспросветная сахарская глушь. Колонна остановилась на очередной привал и люди, выйдя из машин, буквально повалились в изнеможении на горячий песок. У Пенякова болели от яркого солнца глаза, от усталости кружилась и побаливала голова, шумело в ушах и сильно хотелось пить. Но невкусная, нагретая за день вода во фляге не утоляла жажду, а лишь обостряла её. Майор Пеняков накрыл голову арабским платком – куфией, чтобы ничего не видеть и не слышать, и задремал. Как всегда приснилась, вода, и не водопроводная, как в его квартире в Александрии, а с шумом падающая со скалы. И он жадно пил эту живительную, холодную и чистую, как слеза, прозрачную влагу горного источника. Пил и не мог напиться. Разбудила его какая-то заунывная, похожая на печальный звук органа, мелодия. Владимир встряхнулся, поднял голову, протёр подслеповатые глаза.

Звук не прекращался. Вокруг, кроме двух часовых, спали его товарищи, но никто ничего не слышал. Вернее, музыку органа слышали и часовые, но, привыкнув, не придавали этому никакого значения. Майор понял, что ему не чудится, и со слухом у него всё в порядке: просто это как всегда поют мёртвые пески Сахары. Пеняков взглянул вдаль, и снова протёр глаза, – показалось, что он ещё спит: совсем близко от места их бивака, примерно ярдах ста, тяжело шла по асфальтированной дороге колонна громоздких немецких грузовиков, перевозивших двухсотлитровые бочки с бензином. Явственно слышалось, как гремят цепи заземления,

болтавшиеся позади каждой машины. Сквозь лобовые стёкла можно было даже рассмотреть лица водителей.

Майор тут же вскочил и подал команду к бою. Солдаты отряда проснулись, схватились за оружие, вернее, они и не выпускали его из рук, обнимая во сне автомат, как тело любимой девушки. Пеняков поднял вверх руку, призывая к тишине. Указал на приближавшуюся автоколонну:

– Приготовить ружейные гранатомёты и крупнокалиберные пулемёты. По моему сигналу – залп по головному бензовозу. Заряжай.

Разведчики, лёжа в надёжных укрытиях, с недоумением смотрели то вперёд, в сторону воображаемых немецких машин, то на своего командира и ровным счётом ничего не понимали. Перепил он виски, что ли? Что плетёт? Какие бензовозы, какая дорога? Впереди – ровное, как кухонный стол, песчано-глинистое плато и не то что машин, – ни одного живого существа не видно: даже змеи и мелкие грызуны попрятались от невыносимого полуденного зноя; даже орлы, ястребы и пустынные вороны не летали, боясь обжечься сухим, раскалённым как в топке концлагерного крематория, воздухом.

Никто ничего не видел, и Пеняков понял, что это мираж. Скомандовал отбой и, совершенно обессилив, вновь, как мучной куль, повалился на песок...

Пробег по безжизненным просторам Ливийской пустыни продолжался уже несколько дней. Кроме пугливых газелей, бродивших в отдалении и моментально срывавшихся с места при виде мчавшихся на бешеной скорости «Виллисов», и грациозно шагавших на горизонте верблюжьих караванов, никого вокруг не было. Солнце пекло немилосердно, и даже приспособленные ко всему американские машины не выдерживали, – то и дело закипал радиатор то у одного джипа, то у другого. Приходилось останавливаться, доливать воду, ждать пока двигатель остынет.

Однажды нос к носу столкнулись с итальянским пустынным патрулём на трёх мотоциклах без колясок Benelli 250 M37. Берсальеры не ожидали встречи с противником в своём тылу, и в первую минуту опешили. Но воины Пенякова были на чеку, – всегда готовы к бою. Сразу же заработали тяжёлые крупнокалиберные пулемёты на «Виллисах», буквально изрешетив итальянцев. Те успели сделать лишь несколько винтовочных выстрелов, не причинив, впрочем, никакого вреда английским разведчикам. Последняя пулемётная очередь, как пила, метко резанула по бензовоку, и один из мотоциклов взорвался, взрывной волной разбросало в разные стороны останки мёртвых итальянских солдат. Возле автомобиля командира отряда упал пробковый колониальный шлем с растрёпанным фазаньим султаном. Владимир вышел из «Виллиса», задумчиво потрогал носком ботинка обгоревший шлем, повернулся к своим:

– Должно быть где-то рядом итальянский блок-пост или склад. До фронта ещё далеко, крупных воинских частей здесь быть не может.

– Логично, – лаконично произнёс водитель Джек Парсон.

Дождавшийся вечно отстававший от основной группы грузовой трёхтонный «Форд» с припасами и имуществом отряда, майор Пеняков велел ливийскому арабу и сержанту англичанину завести исправный итальянский Venelli и произвести глубокую разведку местности западнее их стоянки. Для подстраховки следом послал один из джипов. Не успели они отъехать, как подбежал запыхавшийся американец Майкл Филлипс, недавно нанятый Владимиром в Каире. Указывая рукой куда-то на северо-запад, радостно крикнул:

– Командир! Видел: целая колонна немецких бензовозов идёт. Аж руки зачесались.

– Как ты мог видеть, если никто ничего не заметил? – усомнился майор, вспомнив свой недавний промах, когда принял пустынный мираж за реальность. – Дождёмся возвращения разведки, тогда и выяснится, что к чему и где на самом деле противник.

– А это что, разве не противник? – ткнул пальцем в сторону побитых итальянцев американец. – Это же их авангард был: местность прочёсывал... Я отошёл по своим делам подальше в пустыню, потом на дюну взобрался и увидел их в бинокль. Едут! Грузовиков полсотни. Даже лица водителей разглядел – немцы, в жёлтых тропических кепи.

– Майкл, ты, вероятно, перегрелся малость на солнце и лицезрел мираж, – усмехнулся майор Пеняков. – Ничего, это бывает. В пустыне и не то иной раз увидишь. Ты ведь впервые в Сахаре?.. Так вот, некоторые заядлые путешественники – ещё до войны рассказывали – видели знаменитое сражение армии Наполеона с турками и мамелюками у пирамид. Это когда Бонапарт покорял Египет. Всё было реально – как вживую. Даже можно было различить пуговицы на синих мундирах наполеоновских гвардейцев и плюмажи на шляпах офицеров, вроде этих, на пробковых шлемах итальянцев.

– Я тоже любил в детстве сказки, Сэм, но уже вышел из этого возраста, – съязвил Филлипс. – Не будем тратить времени, если не хотим пропустить колонну. Скорее отправляемся ей наперерез. Это богатая добыча, командир!

По тону голоса американца Владимир понял, что тот не шутит и отдал приказ к выступлению. Все оставшиеся джипы дружно взревели двигателями и один за другим тронулись с места, вытянувшись длинной цепочкой. Кавалькаду завершал немецкий грузовой «Форд». Ехали в северо-восточном направлении, наперерез вражеской транспортной колонне, вёзшей горючее на один из тыловых складов. Когда добрались до места, майор Пеняков направил один «Виллис» в глубокий обход немцев, в

хвост вытянувшейся по извилистой полевой дороге длинной автомобильной змеи. После начала атаки диверсанты должны были уничтожить поворачивавшие назад немецкие бензовозы.

Пеняков велел быстро сгрузить из кузова «Форда» несколько ручных пулемётов и тщательно замаскировать на гряде крупного, поросшего низким кустарником, бархана. Рассыпавшись вдоль склона, по обеим сторонам огневых точек расположились командос с автоматами. Четыре «Виллиса» были готовы поддерживать их огнём, выскочив из-за гряды.

Вереница запылённых до крыш кабин, прокалённых на солнце немецких тяжёлых грузовиков приближалась; казалось – от дороги потянуло преисподней: столь нестерпимым был промасленно-бензиновый жар, исходивший от натруженных за день машин. В кузовах, плотно прижатые друг к другу, стояли двухсотлитровые бочки с бензином. Позади каждого автомобиля тарахтела, подскакивая на неровностях дороги, металлическая цепь заземления, – всё, как привиделось майору Пенякову в мираже. Даже удивительно стало, и появилась шальная мысль: уж не эту ли колонну видел он в пустынном полубреду, изнывая от жажды и головной боли? Дальше – мысли обрывались, словно в горную пропасть. Нужно было руководить боем, а попросту – уничтожением из засады людей и драгоценного в пустыне горючего. Кое-что конечно можно будет прихватить с собой, на обратную дорогу в Египет. Но основную часть – уничтожить! Это закон войны и не он, Пеняков, его придумал.

– Приготовиться! – крикнул он, сверля слезящимися под пылезащитными очками глазами за головной машиной, в кабине которой, рядом с водителем, сидел немецкий офицер сопровождения в тропической форменной фуражке цвета хаки с высокой, лихо вздёрнутой сверху тульей, в тёмных очках от солнца.

Разведчики взвели затворы пулемётов и автоматов, водители «Виллисов», хищно замерших у подножия бархана, поставили ногу на педаль газа, взяли рукой за рукоятку коробки передач.

– Огонь! – негромко выкрикнул майор Пеняков и первым выстрелил из пистолета в голову немецкого офицера. Выстрел был как всегда точен, – пуля, пробив лобовое стекло кабины, попала прямо в лоб немцу, под кромку кожаного козырька.

В ту же минуту загрохотали пулемёты на вершине песчаного холма, ударили в поддержку автоматы разведчиков. Всё слилось в сплошной гул. Огненные струи смертоносного свинца в момент, как будто пощёчинами, исхлестали первый и последующие бензовозы. Зазвенели разбитые лобовые стёкла, захлопали взрывы бочек с топливом. И вот уже вся голова колонны окуталась смрадным дымом, угольной копотью и ярко-красными языками пламени, облизовавшими борта и кабины машин. Чудом выжившие в этом огненном аду водители и солдаты охраны, с дикими

воплями, живыми факелами прыгивали на песок, падали и катились по нему, пытаясь сбить пламя. А пулемёты всё строчили и строчили, поражая застрявшие в колонне машины.

Выскочили из засады «Виллисы» и, расстреливая на ходу метавшихся у грузовиков немцев, помчались вдоль застывшей колонны. Бочки с бензином лопались, словно куриные яйца, одна за другой: вмиг пламя охватывало весь кузов, грохотал невероятной мощности взрыв, и в небо гигантской красочной птицей взмывал огненный факел. Чёрный дым, подгоняемый ветром, относило в конец колонны, где тоже трещали выстрелы и рвались бочки с бензином, разбрызгивая по сторонам яичный желток пламени.

Никто из охраны не оказывал сопротивления, – всё вокруг горело, взрывалось, непонятно откуда тархтели злобные пулемёты. Немецкие солдаты и водители, в панике бросая грузовики и бесполезное оружие, разбежались кто куда. Большинство, отбежав в сторону от пылающих бензовозов, поднимало руки. Им казалось, что напал целый неприятельский полк и сопротивление бесполезно. Пеняков приказал своим бойцам отконвоировать пленных на безопасное расстояние. За всё время боя никто из его людей не был даже ранен. Зато немцы потеряли несколько десятков солдат и дюжину офицеров. Немногие смогли скрыться в пустыне. Диверсанты их не преследовали, нужно было как можно быстрее отогнать в сторону пару оставшихся целыми автомашин и пополнить свои скудеющие запасы трофейным горючим. Пленных, которых набралось около шестидесяти человек, плотно набили в один из уцелевших немецких грузовиков и вскоре двинулись на восток, подальше от места диверсии...

Глава 16. Паучья сеть английской МИ 6

Супруга профессора Кляйна, масайка Боипелло, или как её назвал абиссинский батюшка во время православного крещения, – Бронислава, была довольна новой служанкой, которую порекомендовала берберка Тамалу. Вдвоём они вполне справлялись со всеми делами по дому, и самой хозяйке почти нечем было заняться. Она днями лежала во дворе под пальмами, в удобной качалке, и в который раз перечитывала письма от младшего брата Крози из Кении, где он жил со своим племенем в районе города Меру, на северо-восточном склоне горы Кения. Крози Абрафо Эбале недавно исполнилось сорок шесть лет, он был вождём племени их отца, великого Абрафо Эбале, ушедшего на небо к богу Энгаи тропой предков. Крози восстановил в Кении почти уничтоженное немцами племя, с молодыми воинами моранами угнал много скота у масаев и других народов из Танганьики, бывшей своей

родины, и стал очень состоятельным человеком. Он продавал коров и овец в городе на рынке белым английским поселенцам и клал фунты стерлингов в банки. Пока не было войны, часто присылал большие суммы старшей сестре в Ливию, оплачивал обучение Феликса в Американском университете в Каире.

С началом войны связь с ним по понятным причинам прервалась, и Бронислава очень скучала. Теперь ушёл из родного дома и муж Борис. Что ж, мужчины – воины, они всегда должны уходить на войну. Даже такие старые и учёные, как её супруг. Хотя лучше было бы ему уйти в английскую армию, а не в немецкую: немцы убили её отца и мать, но ничего не поделаешь. Откуда было знать им с Борисом, что Ливия, в которую они переехали из Египта, станет ареной боевых действий. Ведь она была колонией Итальянского королевства, а Италия в прошлую войну была союзницей Англии.

Француженка Жаклин, в отличие от Тамалу, которая как и все нормальные женщины, независимо – будь то европейка или туземка, – интересовалась исключительно хозяйством, кухней и регулярными походами на городской рынок за продуктами, – страстно любила войну, не хуже мужчин разбиралась в политике, и горой стояла за генерала Шарля де Голля, возглавившего правительство движения «Свободная Франция» в изгнании. Это было не только весьма странно, но и опасно, и Бронислава сразу же осторожно предостерегла девушку, чтобы та попрिдержала язык: среди соседей могли оказаться осведомители итальянской полиции.

– Чушь это всё, госпожа Кляйн, – беспечно отмахивалась француженка. – Я вполне благонадёжная девушка, родом из французской колонии Тунис, губернатор которой подчиняется маршалу Петёну... Так что насчёт моей политической репутациинисколько не сомневайтесь, – она чиста как кристалл. Никакое гестапо не подкопается. К тому же, в Ливии гестапо нет.

– Не говори это слово, Жаклин, – испуганно зажала ей рот чёрной ладонью пожилая масайка. – Люди в Триполи рассказывают об этой организации страшные вещи.

– Что могут знать о германской тайной полиции люди, никогда не бывавшие в Дойчланде, – возразила Бошам. – Разве что, стоило бы поверить словам солдат вермахта. Они уж точно знают, я думаю. Но я никогда ещё с ними не разговаривала. Ведь в Тунисе их нет, да и в Триполи – очень мало. Основная масса немцев тут была только проездом, когда они сгружались с итальянских пароходов и сразу же отправлялись на фронт... Во всяком случае, так я слышала от знакомых французов в Тунисе.

– Мой сын Феликс служит в германском вермахте, – просто-душно сообщила Бронислава. – Но у них тоже в полку нет никакого гестапо. Ливия – территория Итальянского королевства и не подчиняется вождю немецкого народа Адольфу Гитлеру.

А вермахт введён на территорию колонии временно, пока не выгонят из Ливии англичан.

– Вам это сказал сам Феликс, ваш сын? – переспросила хитрая Жаклин Бошам.

– Нет, об этом судачат по вечерам на улицах Триполи и на городских рынках, – сказала масайка. – Итальянцы, французы и греки боятся, как бы немцы не остались здесь навсегда. Арабы, берберы и негры наоборот, рады приходу немцев, и хотят, чтобы они включили Ливию в свои владения... Наивные туземцы не понимают, что немцы не считают их за людей, потому что они не арийцы. И случись то, чего они так желают – им будет совсем не сладко под немцами.

– Ваш сын приехал в Триполи, чтобы провести вас и мужа? – поинтересовалась француженка и, с хитринкой в глазах, добавила: – Какой прекрасный юноша. И, верно, ещё не женат?

– Он действительно – прекрасный, добрый и отзывчивый, – расплылась в счастливой улыбке польщённая комплиментом, на которые так падки все любящие своих несравненных чад матери, Бронислава. – Но Феликс приехал, не только для того, чтобы повидать нас с Борисом. Хотя и для этого тоже... Но он, прежде всего – офицер, и для него главное – военная служба. Феликс попросил отца, видного учёного, профессора исторических наук, сопровождать его в одной важной поездке. Германское командование нуждается в консультации профессора Кляйна в некоторых вопросах, касающихся важных государственных дел. Я, к сожалению, мало что в них смыслю. Но Феликс говорил, что Борис будет работать по своей основной специальности – в качестве историка. Там ещё привлекаются какие-то люди из института «Аненербе». Ты, вероятно, знаешь, что это такое, – простодушно объясняла женщина.

Глаза Бошам при этом ярко вспыхнули, и, чтобы притушить их блеск и не выдать своей крайней заинтересованности разговором, служанка скромно опустила голову книзу...

В тот же день все полученные сведения были переданы содержательнице дома терпимости Афре – сорокалетней полнотелой африканке. Несмотря на своё имя, в переводе с языка народа хауса, к которому она принадлежала, означавшее «белая», Афра была черна, как безлунная африканская ночь. Единственное, что у неё было светлое – это голова, да и то в переносном смысле. Иначе она не владела бы столь прибыльным заведением, да и не была старшей ячейки в сети английской секретной разведывательной службы МИ-6 в городе Триполи.

Информация, полученная от Жаклин, крайне заинтересовала Афру. Не веря в свою удачу, она переспросила француженку:

– Ты точно слышала это слово, моя девочка? Мадам Боипелло сказала именно «Аненербе»? Или, может быть, – «Абвер»?

– Я не ослышалась, мадам Афра. Старуха масайка сказала «Аненербе», – повторила Жаклин Бошам. – Ещё она предположила, что секретное подразделение немцев, к которому прикомандирован месье Кляйн, тайно направляется в Египет, где будет искать в Великой пирамиде припрятанные сокровища Хеопса и мумию самого фараона. Её ведь так до сих пор и не нашли, вы знаете?

– Это всё очень интересно, милая Жаклин, – восторженно воскликнула хозяйка заведения. – Продолжай работать у Боипелло и доноси всё, что она будет говорить... У берберки Тамалу тоже разузнай, кто она и откуда. Как познакомилась со своим Иманом? Что из себя представляет подразделение, в котором он служит? К какой разведывательной или армейской структуре относится?

– Не поняла, госпожа Афра... – замялась француженка. – Что именно я должна узнать у Тамалу?

– Выпытай у этой дурочки, в каких войсках служит её жених Иман, – пустилась объяснять хозяйка заведения. – Войска у немцев разные: вермахт, контрразведка Канариса, Абвер, ваффен СС, опять же – «Наследие предков», о котором мы только что говорили, то есть «Аненербе»... В общем, действуй по обстоятельствам. И смотри, не проколись на чём-нибудь! Всё должно выглядеть естественно и ненавязчиво. Женщины ничего не должны заподозрить. Кто их знает, может, они тоже – немецкие агенты...

На встречу со связным Коброй Афра пошла под вечер, когда заведение наполнилось жадной до интимных развлечений, похотливой немецкой и итальянской солдатнёй. Оставила вместо себя сутенёра, итальянца Ливио Моретти, предупредила, чтобы следил за порядком и не увлекался в её отсутствие девочками.

– Ты своё наверстаешь ночью, бамбино... Вижу, вижу на кого глаз положил, – шаловливо погрозила коротким коричневым пальчиком Афра и заулыбалась так широко, что обнажились во рту почти все её зубы – белые и стройные, плотно прижатые один к другому, словно зёрна в початке американского маиса. – На новенькую негритяночку из народа тубу. Она родом с юга, по её словам – чистокровная теда. Хотя, вижу, тебе этого всё равно не понять. Для белых, все туземки – на одно лицо. Что поделаешь, мы, африканки, тоже не различаем национальностей европейских мужчин. Разве что только германцев, – у них тело намного белее, чем у вас, итальянцев. Почти как у сахарских туарегов. А у итальянцев – не обижайся, бамбино, – кожа почти такая же смуглая, как у арабов.

– А на что обижаться, синьора Афра, – удивлённо пожал плечами красавец сутенёр, член местной триполитанской мафии Ливио Моретти. – Мы к арийцам себя не причисляем, как наши союзники немцы... Арабы, туареги либо чернокожие красавицы из племени тубу – нам всё равно. Мы, итальянцы, не расисты.

– Вот и хорошо, синьор Моретти, – подвела итог разговору заботливая хозяйка. – Выполняй свои штатные обязанности, чтобы клиенты и девочки были друг другом довольны, а ночью на десерт тебя ждёт сладкое «угощение». Не скучай, мой милый! – негритянка, выпитив подушечки своих чувственных сочных губ, чмокнула юношу в губы, – при этом они полностью оказались в горячем, влажном рту хозяйки. Потёрлась об его грудь пышным бюстом, давая понять, что не забыла ещё своё прежнее ремесло, с которого начинала в молодости карьеру на поприще интимных услуг. Ушла, покачивая красиво изогнутыми бёдрами, похожая на старинный греческий инструмент, созвучный с её именем – арфу.

Негритянка имела связь только со связным Коброй, но связь эта была отнюдь не только агентурная... Резидента с кодовым позывным Гольфстрим она никогда не видела, лишь слышала его звучное имя. Свою разведывательную деятельность женщина воспринимала как занимательную игру в шпионов и сыщиков. Это её волновало почти так же, как интимные чувственные наслаждения. Адреналин в такие моменты внутри у неё бурлил, чувством опасности вызывало острый приступ удовольствия, сравнимый разве что с оргазмом.

Афра плавно плыла по улице и ощущала себя разведчицей во вражеском лагере. Интимно, вызываясь улыбалась итальянским полицейским патрулям, а в каждом встречном штатском европейце видела переодетого сыщика. В сумочке у неё лежал небольшой дамский пистолет, который она была готова пустить в ход в случае провала. Но надеялась, что всё будет хорошо, и её не разоблачат. Ведь в Триполи знали об её тайной деятельности всего три человека: сутенёр Ливио Моретти, французская проститутка Жаклин Бошам и связной Кобра, на встречу с которым она сейчас шла. Миновав центральную в столице площадь Италии, построенную итальянцами на месте хлебного рынка Сук аль-Хубс, Афра углубилась в живописную северо-западную часть Триполи.

Встречались они обычно на конспиративной квартире в медине – старом арабском городе, расположенном на скалистом мысу и обнесённом с двух сторон стенами. Древняя часть города сохранила облик, характерный для многих городов арабского Востока и Магриба: кривые узкие улочки, низкие, в один – два этажа, дома с внутренними двориками и плоскими крышами. В старой части расположен красочный арабский базар – сук, многочисленные мечети, купола и минареты которых видны с моря, с подплывающих к порту кораблей.

Афра почти всю жизнь прожила в Триполи и знала все его достопримечательности, особенно знаменитые мечети. Среди них наиболее выделялись построенная в десятом веке мечеть Нага, многокупольная Караманли восемнадцатого века и срав-

нительно новая, сооружённая в прошлом веке Гурджи с самым высоким минаретом.

Связной Кобра был арабом, вернее, как их теперь называли здесь в Ливии – «мусульманским итальянцем», и ему надлежало жить в этой части Триполи. Во время последней встречи с Коброй, имевшей место в «приличном» заведении Афры, ради безопасности они договорились об условных сигналах. Если всё в порядке и явка не провалена, на противоположной стороне улицы напротив дома Кобры должен лежать, прося милостыню, бродячий нищий дервиш, а в заведении негритянки, в витрине – полуобнажённая девица, либо – манекен. Впрочем, манекен был в витрине всегда, что значительно облегчало дело конспирации.

Дервиш возлежал в условленном месте, и Афра успокоилась. Она подошла к старику и, покопавшись в сумочке, со звоном опустила в его жестянку итальянскую серебряную лиру. Нищий с удивлением и страхом взглянул на видную чернокожую синьору, торопливо закивал головой в грязном, рваном тюрбане, благодаря за милостыню.

– Хозяин дома, хадж? – поинтересовалась Афра, кивая на дом Кобры.

– После полуденного намаза, сайида, был дома, – сдержанно ответил лежавший на тротуаре старик.

В это время по улице стройной колонной маршировали ливийские фашистки. Среди них были в основном арабки, одетые в белые блузы с короткими рукавами, с завязанным на шее галстуком в виде банта. У крайней в первом ряду в руке был итальянский государственный зелёно-бело-красный флаг с фасциями¹ посередине белой полосы. Многочисленные зеваки, среди которых были арабы, евреи, греки и местные итальянцы-колонисты, массаами переселившиеся в начале тридцатых в Ливию, сгрудились по обеим сторонам улицы, взирая на необычное шествие. Дело в том, что с приходом к власти в Италии Бенито Муссолини, правительство не только уравнило в правах своих итальянских и африканских подданных, но и разрешило мусульманам вступать в фашистскую партию. В том числе и арабским женщинам, которые к тому же были ещё и военнообязанными.

Афра стала переходить улицу прямо перед движущейся навстречу колонной. Одна из фашисток, шедшая сбоку строя, видимо, руководитель, отчего-то взбесилась. Подбежала к женщине и с силой толкнула её в обратную сторону.

– Прочь с дороги, чёрная кошка! Нашла где шляться. Не видишь, кто идёт? Глаза повылазили?

¹ Фасции (фашио) в эпоху римской республики атрибут власти магистрата. Представляли собой перевязанные красным шнуром или кожаным ремнём вязовые или берёзовые пруты в форме цилиндра.

Афра в свою очередь разозлилась, бурно разыграла её горячая негритянская кровь. Она в ответ толкнула ливийку, да так сильно, что та не удержалась на ногах и звонко шлёпнулась на дорогу упитанной задницей. Длинная чёрная юбка при этом нелепо задралась кверху, и стали видны её кружевные белые панталоны. Народ по обеим сторонам улицы засмеялся, показывая пальцами на упавшую.

Рядовые фашистки, сломав строй, дружно набросились на негритянку, замелькали кулаки и перекошенные злобой девичьи физиономии. Афру сбили с ног, стали трепать за волосы, рвать платье. Особенно старалась начальница, отводя на упавшей душу: звонко хлестала негритянку ладонями по щекам, норовила острыми ногтями выцарапать глаза. Афра плакала, кричала от боли и звала полицию, но та будто в воду канула – на улице ни одного полицейского. А местные итальянские чернорубашечники из милиции только одобрительно посмеивались в стороне, ничего не предпринимая: им дела не было до какой-то негритянки.

Как это не странно, но Афре неожиданно пришло на помощь несколько молодых евреев. Они бесцеремонно растолкали толпу разошедшихся молодых фашисток, отвесили пару оплеух самым неугомонным, вытащили негритянку из свалки. Рыдая, она старалась прикрыть большую обнажённую грудь обрывками располосованного платья, но это плохо удавалось. Коричневые полные груди, как два налитых соком, спелых тропических плода, вываливались из лохмотьев, и женщине пришлось придерживать их руками...

Связной Кобра, увидев её через время в таком виде, раскрыл от удивления рот.

– Что случилось, сайида Афра? На тебя напала на улице стая бродячих собак?

– Да, напала. Целая стая, – закивала растрёпанной головой заплаканная африканка. – И зовётся эта стая взбесившихся гурий – арабские фашистки.

– На тебя напали местные женщины чернорубашечники?

– Да, только что – возле твоего дома, уважаемый ас-сайид Кобра. Только они были не в чёрных рубашках, а в идеально-белых... Дай мне во что-нибудь переодеться, я в долгу не останусь. Не иди же мне обратно почти через весь город голой...

* * *

Одновременно с сообщением из Триполи от резидента Гольфстрим, руководитель британских войск особого назначения Вилмер Робинсон получил новые известия из северной Абиссинии о разгоравшемся там партизанском движении в горах и пустынях. По свидетельству командования английских оккупационных войск, силы итальянских партизан

возрастали с каждым днём. Разрозненные остатки разбитых итальянских колониальных подразделений постепенно объединялись, к ним начинали присоединяться отряды местных жителей из числа туземцев, недовольных новыми порядками в колониях. Появились умелые, храбрые командиры, возглавившие организованное сопротивление.

Всё это вселяло тревогу и наводило бригадного генерала Робинсона на грустные размышления. Если полыхнёт Абиссиния, а затем бывшая итальянская Эритрея и Южное Сомали, – там и до британской Кении рукой подать, юг которой населён воинственными масаями. Они не признают никаких границ и никакой государственной власти над собой, кроме своих племенных вождей и старейшин. В случае их восстания, можно потерять не только Кению, но и Танганьнику.

Проанализировав ситуацию, Робинсон набросал свои соображения на бумаге и отправился в штаб-квартиру руководителя спецоперациями на ближневосточном и североафриканском театрах военных действий, генерала Джона Хэкетта.

– Вилмер, вижу, – вам не дают покоя мысли об итальянских партизанских отрядах в Восточной Африке – так называемых «бонд», – сказал генерал Хэкетт, постукивая карандашом по отполированному столу у себя в кабинете. – Неужели вы думаете, что это так серьёзно, и наши тамошние воинские гарнизоны с ними не справятся?

– Господин генерал, я хорошо помню, что натворил в германской Восточной Африке в прошлую войну полковник Форбек, сколько причинил неприятностей английским оккупационным войскам, – горячо возразил генерал Робинсон. – За четыре года жестокой партизанской войны его небольшой отряд не потерпел ни одного поражения, он свободно проникал на территорию английских, бельгийских и португальских колоний, устраивал там дерзкие диверсии, громил воинские гарнизоны и базы снабжения, срывал мобилизацию туземцев в армию метрополии, не давал спокойно жить европейским колонистам. Я не хочу, чтобы нечто подобное повторилось сейчас.

– И что же вы предлагаете? – сухо осведомился Хэкетт.

– Разрешите завтра же вылететь в Аддис-Абебу и на месте разобраться в сложившейся непростой ситуации. Я думаю, это серьёзно, – сказал Вилмер.

– Даже серьёзнее германского Африканского корпуса генерала Роммеля и итальянских вспомогательных сил, которые стоят уже под Эль-Аламейном? – переспросил генерал. – Это всего в пятидесяти милях от Александрии... И это помимо того, что в Египте среди местного арабского населения очень сильны прогерманские настроения, а в Каире и его окрестностях, по сведениям нашей агентуры, действуют многочисленные группы немецких и итальянских

диверсантов. Они, несомненно, ударят нам в спину, если Роммель возьмёт Эль-Аламейн и двинет свои танковые дивизии на Каир.

– И всё-таки я хочу побывать в Абиссинии, – настаивал Вильям. – Нужно пресечь самую возможность соединения восточноафриканских партизан со своими египетскими единомышленниками, чтобы они не смогли обогнать Роммеля захват Александрии и Каира. . .

Учебно-тренировочный самолёт британских королевских ВВС «Оксфорд» I приземлился на военном аэродроме Аддис-Абебы в 16-00 по местному, восточноафриканскому времени. Бригадный генерал Вилмер Робинсон вышел из самолёта, прищурившись от яркого, бывшего прямо в глаза, солнца. Надел чёрные очки, сразу став интригующе загадочным, похожим на сотрудника тайной полиции. Отметил, что когда вылетал из Каира, – было уже около восемнадцати – парадоксы различия часовых поясов!

К нему подбежал руководитель разведывательной службы Абиссинии, полковник Берри Макдафф, козырнув, пригласил в машину, которая стояла здесь же, на взлётном поле. По дороге в город Вилмер, не откладывая, сразу же приступил к расспросам о партизанском движении в Абиссинии и бывших итальянских колониях.

– К большому моему сожалению, сэр Робинсон, подобные факты, увы, имеют место, – вздохнув, вынужден был признаться полковник. – Некоторые итальянские бандиты не сложили оружия, ушли в горы и продолжают нападать на наших солдат и терроризировать местное, туземное население.

– Это столь серьёзно? – сухо осведомился Вилмер.

– Я думаю, что да, – кивнул головой Макдафф. – На севере Абиссинии и особенно в Эритрее партизаны настолько усилились, что даже стали нападать на наши воинские колонны и крупные гарнизоны в населённых пунктах. У бандитов есть даже пушки. Мы вынуждены отправлять на север грузы в сопровождении бронетехники.

– И сколько их? Или у вас нет таких данных?

– По нашим сведениям – несколько тысяч человек.

– Несколько тысяч? Вы с ума сошли, полковник, ведь это же целая армия! – не сдержавшись, вскричал в негодовании генерал Робинсон. – У вас есть конкретные сведения: где, какие отряды действуют? Кто возглавляет, состав, вооружение и так далее. . .

– Есть, сэр, – утвердительно кивнул Макдафф. – Всё это я сейчас же предоставлю в ваше распоряжение, как только прибудем на место.

– Неужели ничего не помните? Хотя бы в общих чертах?

– Согласно наших оперативных разработок, в колониях существуют две основных партизанских итальянских организации: «Фронт Сопротивления» и «Сыны Италии», – неуверенно заговорил, постепенно выуживая из памяти обрывки информации, полковник Макдафф. – Первую возглавляет некий полковник

Лючетти. Его люди действуют в основном в крупных городах, устраивают диверсии, расклеивают листовки, собирают информацию о передвижении наших войск и передают в Ливию. Второй руководит какой-то чернорубашечник. Это – партизаны, которые нападают на наши гарнизоны и блок-посты на дорогах, осылают боеприпасы военнопленных макаронников.

– Всё? – переспросил Робинсон.

– Это в общих чертах, сэр, – неуверенно замялся Макдафф. – А если конкретно, то в данный момент нам наибольшее беспокойство причиняют два бандформирования на севере: отряд майора Гобби, действующий в районе города Дэссе на севере Абиссинии, и банда туземцев из племени амхаров итальянского лейтенанта Амедео Гийе в южной Эритрее. Особенно успешно и дерзко действует майор Гобби: не пропускает ни одной воинской колонны, идущей из Аддис-Абебы на север, к портам Красного моря. Постоянно нападает, устраивает засады и ловушки в горной местности, обстреливает. Тем самым серьёзно затрудняет переброску наших войск из Южной и Восточной Африки в Египет, где сейчас, под Эль-Аламейном решается судьба всей Африканской кампании.

– И вы, полковник Макдафф, никак не можете справиться с этими негодяями? – строго взглянул на собеседника генерал Робинсон.

– Мы делаем всё возможное, сэр, но, к сожалению, бандитов пока не удаётся разгромить, – в растерянности развёл руками полковник. – Там очень удобный для партизанской войны район: высокие и непроходимые, заросшие густыми лесами горы. К тому же – сочувствующее партизанам местное амхарское население... Но, думаю, – с бандитами в ближайшие дни будет покончено! Командование посылает на египетский фронт под Эль-Аламейном, в помощь генералу Окинлеку, танковую колонну. Подразделению приказано попутно уничтожить в провинции Дэссе пресловутую банду майора Гобби.

– Очень хорошо, полковник, – оживился генерал Робинсон.

– Когда отправляется бронетехника?

– Завтра с утра, сэр.

– Я сам выведу с колонной на север. Сегодня организуйте мне встречу с её командиром...

* * *

Итальянские партизаны знаменитого майора Гобби готовились к очередной диверсии в небольшом городе Дэссе на севере Абиссинии, возле которого базировался отряд, или по-итальянски – *bande*.² Расположенный на северо-восточной око-

² *Bande* (бонд) – партизанский отряд в итальянской Восточной Африке (итал.).

нечности Абиссинского нагорья, город и прилегающая к нему местность представляли просто идеальный район для ведения партизанских действий. Окружённый со всех сторон высокими лесистыми холмами, кое-где переходящими в отвесные скалы, Дэссе напоминал огромный древнеримский амфитеатр. Достаточно было взобраться на одну из этих скал или вершину холма, и лежавший в естественной котловине город предстал как на ладони. Ни одно передвижение британских войск нельзя было скрыть от глаз внимательного наблюдателя. К тому же через Дэссе проходила шоссейная дорога, связывающая Аддис-Абебу со столицей бывшей итальянской колонии Эритрея Асмарой – «маленьким Римом», как называли город итальянцы.

Солдаты-европейцы из разных подразделений разгромленного британцами в конце ноября 1941 года почти 260-тысячного итальянского колониального корпуса, весело чистили оружие и подгоняли потрёпанную амуницию. Вооружены они были неплохо для партизан, не хуже, чем регулярная армия. У всех итальянские винтовки «Carpano» M1891, ручные гранаты, кинжалы; у офицеров и сержантов – автоматы «Beretta» и пистолеты. В отряде было два десятка пулемётов «Fiat» и «Schwarzlose»; для подрывного дела использовали толовые шашки, динамит, противотанковые мины. Имелась даже небольшая 65-миллиметровая пушка, которую перевозили по ровному месту на верблюдах, а в горах перетаскивали на руках. Но использовали её в основном против британской бронетехники, которой в этом глухом районе у неприятеля было очень мало.

Помимо белых солдат было немало туземных аскари из числа местных абиссинских амхара, отважных эритрейских афаров, тиграи и нескольких сомалийцев из подразделения дубатов, или «белых тюрбанов». Одеты туземцы в кители цвета светлого хаки, такого же цвета галифе или шорты; дубаты, служившие в сомалийских иррегулярных войсках, носили традиционное «футу» – ткань, опоясывающая тело. На головах солдат – тюрбаны различного цвета, у эритрейцев – красные фески с цветными кисточками. У каждого на поясе – ремень с четырьмя под сумками австро-венгерского образца, которые попали в Италию в 1918 году в числе других трофеев. Вооружены африканские партизаны старыми австрийскими винтовками «Манлихер» M1995.

Всем им, как итальянцам, так и туземцам, посчастливилось остаться в живых во время боевых действий, громыхавших здесь год назад. Они не подняли руки, чтобы сдаться на милость победителей, и предпочли постыдному плену свободу. Смелчаки примкнули к оставшимся верными долгу и присяге итальянским офицерам, вроде майора Гобби, и продолжили борьбу с англичанами, которых ненавидели всей душой.

Местное население до войны недолюбливало итальянских колонизаторов, но после их поражения стало сочувствовать побеждённым. Новые порядки, принесённые британцами амхарам – коренному населению города Дэссе и прилегающей провинции – им совсем не нравились. Амхары не привыкли быть гражданами второго сорта, рабами у белых сагибов, а другой роли англичане для них не предусматривали. К тому же продолжалась война и абиссинцев стали призывать в британскую королевскую армию. Италия же, в отличие от англичан и французов, никогда не посылала африканских солдат воевать в Европу, обрекая их на жестокие бои в чуждых климатических и культурных условиях. В результате, многие местные амхара уклонялись от насильственной мобилизации и предпочитали отправке на далёкую чужбину – горы и леса родной земли. Брали в руки припрятанные старинные кремнёвые ружья и вступали в «банду» майора Гобби.

Майор был отчаянный парень, в округе о нём ходили легенды. Он переодевался в форму английского офицера, проникал с несколькими партизанами в Дэссе, захватывал кассу какой-нибудь крупной английской фирмы или денежный ящик воинской части, а после, в Судане или Эритрее, закупал на эти деньги продовольствие для своего многочисленного отряда. Прослышав о славных подвигах Гобби, скрывавшиеся в горах одиночки из бывших солдат итальянских колониальных войск спешили присоединиться к нему. Многих партизаны освобождали из английских лагерей для военнопленных. Таким образом, у майора набралось уже более трёхсот человек, – довольно внушительная сила, с которой можно было совершать крупные диверсии.

В это время разведка донесла майору, что через Дэссе на север должна на днях проследовать танковая колонна противника. Гобби, спешно собрав штаб отряда, в том числе и несколько «скимбаши» – унтер-офицеров из числа туземцев, решил напасть и уничтожить британцев. Без сомнения, эти манёвры англичан были связаны с продолжавшимся далеко на севере, в Ливии, наступлением корпуса генерала Роммеля. Британцы подтягивали со всех сторон силы, чтобы не допустить немцев в Египет, откуда они могли бы угрожать стратегически важному Суэцкому каналу. Следовательно, там, в Ливии, под небольшим портовым городом Тобруком решалась судьба всей Африканской кампании, и майор Гобби хотел в меру своих сил помочь Роммелю.

Засаду планировали устроить ночью, в самом Дэссе: здесь, в тесноте между домами легче было уничтожить бронетехнику гранатами. Единственную пушку расположили на холме у выезда – на случай, если не все танки удастся подорвать на улице во время следования через город.

– Сколько у вас снарядов на орудие, Амбросини? – спросил майор Гобби среднего возраста лейтенанта-артиллериста.

– Выстрелов на двадцать пять есть, синьор, – не по уставу, просто ответил офицер и поправил на голове выцветшую от солнца бустину – итальянскую пилотку.

– Во время боя цельтесь хорошо, лейтенант, – давал последние указания командир отряда. – Не позволяйте британским танкам прорваться через вашу позицию. Запомните: если вы не остановите эту бронированную армаду, то больше никому – за вами никого нет. Следовательно: один выстрел – один танк! Иначе они, укатав в горную породу вашу пушку, двинутся дальше в Эритрею. Там, в порту, их погрузят на транспортный корабль и отправят в Египет, а потом в Ливию – бить наши доблестные войска, сражающиеся в составе германского Африканского корпуса фельдмаршала Роммеля под Тобруком.

– Мы остановим их, синьор Гобби, либо все ляжем в этом бою! – горячо заверил лейтенант Амбросини. – Будет ли у моего орудия пехотное прикрытие?

– Будет, но небольшое, лейтенант. Сам понимаешь – людей в обрз, – по-дружески похлопал его по плечу майор Гобби. – Я могу выделить тебе всего пять человек, не больше. Уж не обессудь...

– И то дело, командир... Мы справимся, не переживай.

– Я на тебя надеюсь, Амбросини. Не подведи, – командир партизанского отряда резко крутнулся на каблуках и зашагал дальше по небольшому лагерю, то и дело окликавая командиров мелких подразделений и давая задания. Перебрасывался шуточками со знакомыми берсальерами и туземными аскари, подбадривал приунывших...

Глава 17. Диверсанты в Египте

Миновав приграничный с Ливией египетский оазис Сива, отряд Феликса Кляйна углубился во вражескую территорию и вскоре достиг знаменитой, непроходимой впадины Каттара, что в переводе с арабского значит «капающий». Двигаясь в северо-восточном направлении, нужно было пересечь впадину в центральной части. Затем повернуть на юго-восток и достичь Западной Ливийской пустыни, где в условленном месте они должны были встретиться с группой штурмбаннфюрера СС фон Гарденберга, сброшенной с парашютами. Из предосторожности движение начинали поздним вечером, чтобы не быть обнаруженными британской воздушной разведкой. Ехали при ближнем свете фар, распугивая ночных птиц и вышедших на промысел хищников. Борис Иванович сетовал, что в сумерках нельзя ничего сфотографировать.

– Ничего не поделаешь, отец, мы не в туристической поездке, а на войне, – говорил Феликс. – Главное – выполнить ответственное задание германского командования, а не запечатлеть для научных целей встречную флору и фауну.

– Всё это, конечно, так, Феликс, – вынужден был, со вздохом глубокого сожаления, согласиться профессор Кляйн, оглядывая прекрасные виды гористой местности, расстилавшейся впереди на многие километры, – изрезанной глубокими ущельями и разломами. – Но ты не забывай, что я дал согласие принять участие в экспедиции именно как учёный, а не солдат. Поздно мне брать в руки оружие и сидеть в окопах. Моё дело – интересная научная работа, которую мне посулило ваше руководство при заключении договора в Бенгази. Я разговаривал с этим... ты знаешь его... ваш непосредственный начальник, офицер эсесовец из «Анерберге»...

– Зикфрид фон Гарденберг, – подсказал Феликс.

– Вот-вот, он самый. Фон Гарденберг, – закивал головой профессор. – Он обещал мне, что я не буду принимать участия в боевых действиях, для безопасности мне будет предоставлена охрана, а обратно из долины пирамид нас вывезут на самолёте. Всё это было означено в договоре, и я его собственноручно подписал.

Феликс усмехнулся, подивившись детской непосредственности и старческой наивности отца, не понимавшего всей серьёзности и опасности предприятия, в котором принял участие. В то же время подумал, что полностью отвечает за его безопасность и сделает всё от него зависящее, чтобы с отцом ничего не случилось. О чём и поклялся тожественно матери перед расставанием в Триполи.

Мотоциклы авангарда и машины, урча моторами, продолжали путь вдоль невысокой скалистой гряды, обрывававшейся глубокой, почти стометровой пропастью далеко справа. В сгустившихся сумерках нельзя было ничего рассмотреть по сторонам дороги – только спины едущих впереди мотоциклистов. Трофейный «Виллис» командира группы по обыкновению двигался впереди небольшой колонны, сразу за тремя мотоциклами с колясками марки «Сахара». Водитель Ганс сосредоточенно смотрел на дорогу, вернее на грунтовую песчаную поверхность Ливийской пустыни, простиравшейся до самой Каттарской впадины. Никакой дороги здесь, естественно, не было, – только занесённые песком и пылью караванные тропы. Местность была сравнительно ровная, кое-где – бугристая, с плюмажами высохшей колночей растительности, которую могли переварить разве что «железные» желудки «кораблей пустыни» – неприхотливых сахарских верблюдов.

Сидевший рядом с Гансом Иван Андреюшкин, то и дело позёвывая, молчал. Ему лень было принимать участие в беседе. Чтобы не заснуть, он часто курил немецкие сигареты «Mokri Superb» фирмы «Lande» дрезденской табачной фабрики, которыми запасся на

базе полка особого назначения «Бранденбург» в Бенгази. Ему тоже, как и Феликсу, смешно было слушать наивные рассуждения профессора Кляйна о каких-то договорах и научных экспедициях... Какие экспедиции во время войны? Профессор, вероятно, думает, что договор, который он подписал с «Аненербе», обезопасит его от пулемётных очередей воздушных стервятников: британских «Харрикейнов» или американских «Аэрокобр»? Или уберезёт от шальных пуль английских пустынных патрулей, рыскавших из конца в конец Ливийской пустыни в поисках беззащитной жертвы, словно полосатые африканские гиены. Ничуть не бывало. Плевать им на всякие бумажные писульки: при встрече всыпят горячим свинцом так, что мало не покажется.

Стало совсем темно. В пустыне сравнительно тихо, если не считать стрёкота мотоциклов, гула автомобильных двигателей, да отдалённого скулящего воя шакала, похожего на высокий истерический вопль сумасшедшего. В унисон первому сразу же, как по команде подал голос другой «африканский волк», как называли шакалов местные жители. Затем ещё один и ещё, – и вот уже целый хор вышедших на ночную охоту крикливых животных из семейства псовых раздался в округе, распугивая мелких грызунов и птиц.

– Что за хищник в песках кричит, пан профессор? – поинтересовался Иван, прислушиваясь к странным ночным звукам. – Сдаётся, что вроде бы и волк, и в то же время, какой-то не такой голос.

– Шакал это, – ответил Борис Иванович. – Обитает по всей Северной и Восточной Африке. Охотится исключительно ночью, но не брезгует и падалью. Внешне сильно смахивает на маленького волка, но гораздо трусливее. И заметь, – никогда не нападает на человека... Кстати, Феликс, – повернулся профессор к сыну, – знаешь ли ты, что шакалы обычно селятся вблизи человеческого жилья, совершенно не боятся человека и даже заходят в деревни туземцев и на окраины городов. Так что, имей в виду...

– Ты хочешь сказать, что где-то поблизости находится оазис? – посмотрел на отца Феликс.

– Скорее всего, – кивнул головой профессор. – Так же неподалёку от людского жилья, а, следовательно, – возле воды селятся полосатые африканские гиены. Правда, они не столь голосисты, как шакалы, звуки подают редко. Обитают как раз в подобной гористой местности, по которой мы проезжаем. Питаются исключительно отбросами, падалью и даже обглоданными другими хищниками костными останками животных. Челюсти у гиен столь мощные, а клыки такие острые, что они легко могут разгрызть любую кость.

– Хорошенькое дело, – присвистнул Андреюшкин, вытаскивая последнюю сигарету из жёлтой мятой пачки и прикуривая от австрийской зажигалки ИМСО, прозванной солдатами за безотказность «Вдовушкой». – А если такая зараза, к примеру,

накинется на тебя тёмной ночью в пустыне, на стоянке. Ведь загрызёт, если вовремя не всадишь в неё пулю из «шмайсера».

– Гиены, подобно шакалам, весьма трусливы и так же как они никогда не нападают на человека, – ответил Борис Кляйн. – Так что, можешь спать спокойно, Иван: полосатая гиена тебя не тронет. Скорее, укусит египетская кобра. Эти твари из семейства аспидов весьма агрессивны, и нападают первыми. Кстати, данная местность, – идеальное место для их обитания.

Капитан Кляйн, вслушиваясь в пояснения отца, удовлетворённо хмыкнул:

– Едем прямо как на экскурсии, с комфортом. А ты, папа, у нас вроде гида-экскурсовода... Нет, я серьёзно – очень интересно рассказываешь.

– Разве в Американском университете в Каире вы этого не проходили? Или ты пропускал лекции по Зоологии в колледже?

– Ты же знаешь, отец, – у меня были несколько другие интересы. Это ты у нас, так сказать, – всеяден.

– Что поделаешь, сынок, я учёный, – задумчиво протянул Борис Иванович. – И если берусь разрабатывать какую-то тему, изучаю глубоко и основательно. Интересуюсь не только историческими сведениями, но и этнографией, флорой и фауной, экономикой... С некоторых пор... можно сказать с того самого времени, как познакомился с твоей матерью в саваннах Танганьики, я буквально «заболел» Африкой. Вот уже двадцать шесть лет я живу здесь, изучая её людей, природу, животный и растительный мир. Я уже забыл о скучном цивилизованном мире европейцев и ни за что отсюда не уеду. Меня не заманишь в Европу никакими богатствами мира, никакими кладами, о которых мечтают глупые, невежественные люди.

– Почему же, отец? – удивлённо взглянул на него Феликс. – Я бы, к примеру, тоже не отказался от клада, если вдруг посчастливится найти в какой-нибудь из египетских пирамид. Думаю, ведь не все же сокровища фараонов растащили за века грабители. Может быть, и на нашу долю что-нибудь да осталось? Не случайно пирамидами заинтересовалось вездесущее германское «Аненербе».

– В долине Нила много пирамид, – заговорил профессор Кляйн. – Одни из них, как например комплекс в Гизе, изучены основательно и никаких тайн в них уже не осталось, другие ещё представляют интерес для науки, подобно некоторым неисследованным уголкам планеты, – таят те или иные загадки. И не только пирамиды, а, к примеру, древние храмы...

– Ну и какие именно? – живо заинтересовался Феликс.

Борис Иванович, немного подумав, уверенно заговорил:

– Не знаю, правда это или нет, но ещё до войны попала мне в одной итальянской бульварной газете статья о

якобы обнаруженных ещё в 1848 году в храме египетского фараона девятнадцатой династии Сети I в древнем городе Абидосе таинственных иероглифах. Самое поразительное, что рисунки эти похожи на современные самолёты, танки и подводные лодки! Но в середине девятнадцатого века в мире ещё не было ничего подобного, и загадочному изображению не придали никакого значения. Кстати, газетная статья тоже никого в Триполи не заинтересовала: серьёзные люди, в частности учёные-египтологи и историки, восприняли её как обыкновенную газетную утку, запущенную с целью поднятия тиража жалкой «жёлтой» газетёнки. Падкие до сенсаций городские обыватели посудачили некоторое время в винных итальянских погребках и вскоре благополучно забыли. Но я оставил себе вырезку, на которой, кстати, было изображение древних иероглифов с танками и самолётами. Она до сих пор хранится в моём архиве. Я даже какое-то время подумывал о поездке в местечко Эль-Араба-эль-Мадфун, на месте которого располагался древний Абидос, чтобы посетить храм и своими глазами увидеть изображения. Но потом как-то отвлёкся на другие дела, забыл... Началась война...

– Где этот Эль-Араба-эль-Мадфун? – сразу загорелся Феликс.

– В девяноста восьми километрах на север от города Дендера.

– Интересно! Нужно срочно сообщить эту информацию штурмбаннфюреру СС фон Гарденбергу, – объявил капитан Кляйн. – Заодно уточнить место нашей с ним встречи.

Проехав ещё некоторое расстояние вдоль гряды скал, услышали впереди отчётливый лай собак: там явно было арабское или берберское селение, а значит – оазис и воделенная вода. Но на карте, которую время от времени разглядывал, подсвечивая себе фонариком, Феликс, никакого оазиса обозначено не было.

– Остановимся на ночёвку здесь, – объявил командир. – Ганс, тормози и помитай фарами мотоциклистам... Ночью соваться в селение опасно. Завтра утром пошлём разведку, разознаем, что к чему, а пока свяжемся по радиции с группой Гарденберга.

Колонна остановилась. Заглохли двигатели, и враз наступила тревожная, звенящая в ушах тишина. Только собаки временами взлаивали на кого-то невидимого, вероятно, – какого-то хищника, слишком близко подкравшегося к селению. В ответ раздавалось недовольное ворчание и грубый сиплый вой. Борис Иванович, спрыгнув с джипа на песок, прислушался, потянул носом воздух, поморщился. Феликс с тревогой спросил:

– Что случилось, отец? Ты так скривился, как будто только что выпил ложку противного рыбьего жира, которым пичкал меня в детстве.

– Рыбий жир по сравнению с этой вонью – просто райский напиток, – сострил профессор. – А случилось то, что мы оста-

новились по соседству с логовом семьи полосатых гиен, и возможно – не одной, а целой колонии. Оттого и такая вонь. Гиены обычно селятся в подобных горных ландшафтах. Они весьма не опрятны, в их норах и возле входа полно полуразложившихся останков животных, кости, собственные нечистоты и прочая гниющая дрянь. К тому же от них самих страшно разит: хоть зажимай пальцами нос.

– Вроде как от базарных дервишей, собирающихся возле мечетей, – с улыбкой, понимающе поддакнул Феликс.

– Вот-вот.

Командир прошёл вдоль небольшой автоколонны, отыскал радиста.

– Торелло, живо выходи в эфир. Свяжешься с разведотрядом штурмбаннфюрера СС фон Гарденберга, передашь зашифрованное сообщение...

* * *

Гарденберг, получив радиogramму хауптмана Кляйна, тут же по завершении сеанса велел срочно связаться с командиром Учебного пехотного полка особого назначения «Бранденбург» полковником Макензеном, который курировал операцию Абвера и «Аненербе» «Тень орла», – доложил о только что полученных секретных сведениях. В ответной шифрограмме Макензен велел оставить на месте высадки передовой пост для встречи группы капитана Кляйна, а самому Гарденбергу с остальными людьми спешно выступить в направлении Абидоса, попытаться проникнуть в храм Сети I и сфотографировать загадочные письма. Тщательно обследовать все помещения храма – нет ли ещё чего-нибудь интересного, составить подробный план внутреннего расположения комнат.

Штурмбаннфюрер оставил дожидаться двигавшийся через Каттарскую впадину отряд Кляйна унтерштурмфюрера СС Отто Скорцени и трёх десантников из числа египтян: двух арабов и христианина-копта.

– Герр унтерштурмфюрер, – обратился напоследок к австрийцу Зикфрид фон Гарденберг, – как только соединитесь с диверсионной группой хауптмана Кляйна, поступаете в полное его распоряжение. Скажете ему, чтобы связался с Центром и взял пароли и адреса конспиративных квартир наших агентов в Каире. Но основная ваша задача: оберегать его отца, научного работника Бориса Кляйна. Сопровождать профессора везде, защищать от британцев до последнего дыхания, и дать полную возможность заниматься исследованием Великой пирамиды на плато Гизы. Это приказ высшего руководства «Аненербе» подписанный лично фюрером.

– Я выполню его, чего бы мне это не стоило, герр штурмбаннфюрер, – щёлкнул каблукми сапог Скорцени и заученно вскинул вверх правую руку: – Хайль Гитлер!

– Хайль! – поморщившись, ответил на фашистское приветствие Гарденберг. Подумал, что здесь, в египетских песках, за многие сотни километров даже от столицы итальянской Ливии, Триполи, не говоря уже о Берлине, традиционные нацистские жесты и возгласы не совсем уместны. Учитывава ещё и то, что одеты они оба не в эсэсовскую униформу, а в лёгкое тропическое «хэбэ» вооружённых сил Соединённого Королевства.

Наспех перекусив сухим пайком и напившись воды, группа фон Гарденберга построилась в колонну по два и двинулась на восток, в сторону Нила. Там было несколько оживлённых шоссейных магистралей, и штурмбаннфюрер рассчитывал захватить британский грузовик, чтобы быстро доехать на нём до поселения Эль-Араба-эль-Мадфун на юге. А пока десантникам предстояло проделать длинный и утомительный марш-бросок по Западной, или как её ещё здесь называют – Ливийской пустыне. Народ в отряде был крепкий, выносливый, и Гарденберг оставался за них спокоен. Сам лично отбирал каждого бойца перед отправкой из Бенгази на восток, в Египет. В его группе были в основном ливийские и египетские арабы, несколько коптов, несколько масаев, абиссинцев и сомалийцев, представители других народов Кении и Танганьики. И немного европейцев: немецкий лейтенант, два унтер-офицера инструктора и итальянец, старший сержант Чезаре Эспозито.

Оказавшись в чуждой ему, туземной среде, оторванный от соотечественников и сослуживцев по диверсионному отряду, Бамбино заметно приуныл, затосковал. Поговорить здесь ему было решительно не с кем, и он большее время помалкивал, равнодушно *тащил* суровую служебную лямку. Чезаре не покидала надежда, что он, в конце концов, встретится со своими в Египте и присоединится к ним. Если, конечно, не подстрелит английская пуля, и он благополучно вернётся из рейда в древний египетский Абидос.

Вдали неожиданно вынырнул из-за гряды невысоких, пологих барханов караван навьюченных тяжёлой поклажей верблюдов, и снова пропал, как будто провалился под землю. Гарденберг заметно оживился и подал команду прибавить шаг. На ходу подозвал масая Буру:

– Обер-лейтенант, возьмите пару человек, включая местного египетского араба, и догоните караван. Расспросите у бедуинов, далеко ли до ближайшего жилья и где можно раздобыть автотранспорт. Будут сопротивляться – стреляйте без всякой жалости! Всё равно это британские подданные, а, следовательно, – наши враги.

– Есть, мзее большой начальник, – приложил правую руку к обветшалой широкополой немецкой офицерской шляпе Буру.

Повернувшись лицом к строю, поманил пальцем масая Симбу, араба из Восточной Африки Ибрахима ибн Латифа с пулемётом MG-34 в руках и ещё одного араба, местного египтянина. Взяв наи-

зготовку оружие, они быстрым шагом, почти бегом направились наперерез идущему в южном направлении каравану. Расстояние между ними быстро сокращалось. Бедуины, заметив подозрительных людей, остановились. Погонщики спешили, выстроили верблюдов в большой круг, криками и ударами палок заставили их лечь на песок. Все путники забрались внутрь импровизированной крепости, мужчины выставили винтовки и старинные ружья с длинными стволами, заклацали затворами, с жужжанием выгасдили из ножен кривые арабские сабли, доставшиеся от предков.

Буру с солдатами легли в песок, выставив перед собой автоматы и пулемёт. Ober-лейтенант несильно ткнул чёрным увесистым кулаком в бок египтянина, указал взглядом в сторону занявшего круговую оборону каравана. Тот понял, отложив английский автомат Стэн, сложил ладони рупором, во всю мощь сильных молодых лёгких прокричал:

– Эй, правоверные, не стреляйте! Мы из британского пустынного патруля – свои! Нужно сделать досмотр вашего каравана. Ловим немецких диверсантов.

– Аллаху акбар! – ответили с той стороны. – Мы не будем стрелять. Идите сюда. Проверяйте.

– Аллаху акбар! – дуэтом выкрикнули египтянин и Ибрахим ибн Латиф обязательный для каждого мусульманина такбир – возвеличивание Аллаха. Встали во весь рост и, подхватив оружие, пошли в сторону каравана. Следом за ними, на некотором расстоянии, прикрывая их, – Буру и молодой масай Симба.

Ober-лейтенант то и дело с опаской оглядывался назад, смотрел, поспевают ли с остальными десантниками мзее Гарденберг. Они неизменно приближались, и это несколько успокаивало Буру, вселяло уверенность в благополучном исходе дела. Ведь им вчетвером ни за что не справиться с ошетилившимся десятками ружей и винтовок караваном.

Когда Буру с тремя аскари подошли совсем близко, погонщики египтяне подняли на ноги одного верблюда, чтобы пропустить их внутрь круга. Но осторожный и хитрый, как пустынный лис фёнек, масай Буру не стал заходить в «капкан», который мог в любую минуту захлопнуться. Велел десантнику египтянину сказать, чтобы старший из арабов, караван-баши, сам вышел к ним навстречу, а остальные разрядили и сложили к ногам ружья.

– Если не сделаете, подойдёт мзее большой начальник и велит всех расстрелять, – угрожающе прошипел Буру.

Египтянин перевёл.

Арабы погонщики замешкались. Не зная, что делать, вопросительно уставились на своего начальника. Караван-баши – упитанный низенький усатый турок в красной феске – в свою очередь с недоумением взглянул на проводника, что-то быстро спросил по-турецки. Проводник, не выпуская из рук английской

винтовки времён Первой мировой войны «Ли-Энфилд» образца 1895 года, пожал плечами.

– Мы не сдадим оружия! – набравшись храбрости, крикнул, наконец, турок караван-баши.

– Ты пожалеешь об этом, пустоголовый, – выслушав перевод египтянина, с угрозой прошипел Буру.

Неопределённость затягивалась, и арабы погонщики начали нервничать. Кое-кто снова взял наизготовку оружие. Приготовились к стрельбе и десантники: масай Симба нагнулся, а араб Ибрахим положил ему на спину тяжёлый ствол немецкого пулемёта. Буру вскинул короткоствольный английский пистолет-пулемёт Стэн с горизонтально расположенным магазином. Сверлил злым, немигающим взглядом то толстобрюхого, потного, как будто его только что окатили водой, турка караван-баши, то проводника каравана, – невзрачного с виду, тощего, словно высохшая чинара, закутанного в просторный белый, открытый спереди халат «аба», египетского бедуина.

Подобшли остальные немецкие десантники во главе со штурмбаннфюрером СС фон Гарденбергом.

– Вот, мзее офицер, эти грязные бедуины не хотят сдаваться, – пожаловался командиру по-немецки, с сильным африканским акцентом, обер-лейтенант Буру. Выучившись языку ещё в Первую мировую войну, во время службы в германской колониальной армии у полковника Форбека, масай так и не усвоил до сих пор правильно произношения. И его немецкий язык сильно напоминал суахили.

Штурмбаннфюрер поморщился. Он никак не мог привыкнуть к этому варварскому контингенту, брезговал африканскими «дикарями» и презрительно относился к их тщетным потугам разговаривать на правильном немецком языке. Будь его воля, он давно бы всех их перестрелял или спровадил в Рейх, в концлагерь, но приходилось считаться с необходимостью. Без помощи местных секретное задание руководства «Аненербе» вряд ли выполнишь успешно.

Гарденберг приказал египтянину переводчику предупредить арабов каравана, что, если они через три минуты не выйдут из-за укрытия и не сложат оружия, – по ним будет открыт огонь на поражение и караван забросают гранатами. Сначала будут уничтожены верблюды, после – они сами. Первая минута пошла!

По знаку эсесовца немецкие унтер-офицеры вызвали из строя двух ливийских арабов с ручными MG-34 на плечах. Сами легли за пулемёты первыми номерами, приготовились открыть огонь. Десантники рассыпались с автоматами наизготовку вдоль каравана, залегли за песчаные насыпи и бугорки, положили на естественные брустверы ручные гранаты.

– Вторая минута пошла! – продолжал зловеще отсчитывать время штурмбаннфюрер и поднял кверху правую руку в чёрной лайковой перчатке.

Бедуины за живой стеной из лежащих двугорбых верблюдов-бактрианов засуетились, громко гортанно заспорили между собой, стали по одному и группами выходить из укрытия. Не успел Гарденберг выкрикнуть три, как все арабы каравана, включая проводника и караван-баши, побросали в песок винтовки, ружья, кинжалы и кривые сабли и подняли вверх руки.

– Гут! – удвоительно промолвил эсэсовец. Приблизился вплотную к пленным, велел выстроиться в шеренгу. Пройдя вдоль неё из конца в конец, тыкал пальцем в грудь некоторым бедуинам: – Ты, ты, ты и ты... Три шага вперёд.

Переводчик попугаем повторил за офицером приказ на арабском языке. Выбранные люди, в том числе и начальник каравана, турок в красной феске, покорно вышли из строя. Остальных фон Гарденберг велел отвести за песчаный бархан.

– Что прикажете делать с туземцами, герр штурмбаннфюрер? – переспросил молоденький немецкий лейтенант.

– Заставьте рыть яму в песке, – отмахнулся, как от назойливой мухи, эсэсовец.

– А что потом?

– На макушке бархана поставьте два расчёта с пулемётами. Когда яма будет достаточно глубокая, выше человеческого роста, чтобы ночью не растащили тела гиены и шакалы, – всех расстрелять! Выполняйте, лейтенант.

Немецкий офицер опешил.

– Но ведь это военнопленные, герр штурмбаннфюрер...

– Вы ошибаетесь, лейтенант, – ледяным тоном отчеканил эсэсовец, сверля подчинённого ненавидящим взглядом. – По всем правовым международным конвенциям, насколько мне помнится, принятым ещё в конце девятнадцатого столетия, мирное население, хоть и вооружённое допотопными кремнёвыми ружьями и ятаганами, не является военнотружущими вражеской армии. Для того, чтобы считаться солдатом и иметь статус военнопленного, нужно быть одетым в соответствующую униформу со знаками различия и с офицером во главе. К тому же, солдату нужно действовать в составе подразделения и выполнять боевую задачу своего командования. Насколько я вижу, – ничего подобного в данном случае нет. Перед нами гражданский сброд, самовольно взявший в руки оружие и готовый применить его против солдат вермахта. По всем законам войны – это просто бандиты или партизаны, что не меняет дела. А таких, во все века, во время любой военной кампании, в любом воюющем государстве просто уничтожали на месте! Выполняйте, лейтенант, либо становитесь вместе с ними рыть себе в песках могилу.

Яма была вырыта быстро. Бедуины, не подозревая, для какой цели они копают, работали не покладая рук. Думали, что после окончания, их отпустят на все четыре стороны. Они всё ещё не

понимали, с кем имеют дело, наивно полагая, что перед ними солдаты колониальной армии Его Величества... Когда всё было готово, молодой лейтенант выстроил несчастных на краю ямы, поспешно отбежал в сторону и громко выкрикнул по-немецки:

– Feuer!³

С грохотом застрочило два ручных пулемёта, и шеренга погонщиков и бедуинов, как скошенная трава, вмиг опрокинулась в яму. К краю песчаной могилы подошёл оберлейтенант Буру и, вытащив из кобуры старый потёртый револьвер, с которым сражался ещё в Первую мировую войну, хладнокровно расстрелял пытавшихся выбраться из груды наваленных сверху тел раненных.

Диверсанты туземцы восприняли эту жуткую картину равнодушно, – им было не привыкать ручьями лить чужую кровь. В Греции, в разведшколе Абвера только этому и обучали. И только итальянец Чезаре Эспозито внутренне содрогнулся от ужаса и омерзения: такая война ему была вовсе не по душе! Нет, он в палачи не записывался и согласия своего на убийство ни в чём не повинных мирных арабов не давал. Такого зверства не бывало даже в «Коза Ностре» – знаменитой сицилийской мафии. Это Чезаре знал точно, потому что и сам до войны был *пиччотти*, как назывались рядовые боевики мафии.

Штурмбаннфюрер фон Гарденберг через переводчика быстро допросил оставшихся в живых арабов и турка, выяснил, как добраться до ближайшей оживлённой автомагистрали, ведущей из Каира в Эль-Харра. Затем лично отвёл турка караван-баши к ещё не зарытой яме, выстрелил ему в голову из парабеллума. Оставшимся в живых погонщикам велел забрасывать песком братскую могилу.

Когда справились с этим делом, подняли на ноги верблюдов и, прихватив с собой арабов-погонщиков, продолжили путь. Безоружные египтяне вели за поводок верблюдов, на которых восседали немецкие офицеры, унтеры и рядовые десантники. До цели похода было ещё не близко, и Гарденберг решил проделать часть пути, воспользовавшись захваченным живым «транспортом». Благо, ему совсем не требовалось бензина, – только вода, да и та была в горбах, запасённая неприхотливыми животными заранее.

До шоссе шли по сыпучим безжизненным пескам двое суток. Машину решили захватить ночью, когда движение по дороге не столь частое и можно не опасаться британских патрулей. Перед тем, в укромном месте, за высокими, поросшими кустарником дюнами, перекололи не нужных уже египетских погонщиков, верблюдов пожалели и отпустили в пустыню. Взяли с собой только воду и продовольствие, которые нашли в чужом караване.

На дорогу, останавливать грузовик, вышли три человека:

³ Feuer – огонь (нем.).

сам фон Гарденберг, наряженный в форму английского майора – он специально подобрал на базе в Бенгази вражеские погоны, соответствующие своему званию, – обер-лейтенант Буру и араб Ибрахим ибн Латиф. Мимо них, осветив дальним светом фар, промчалось несколько легковушек, протарахтел бронетранспортёр, проскрипела деревянными колёсами тихоходная египетская арба, которую тащил маленький выносливый ослик, проехала, с натугой пыхтя двигателями, колонна тяжелогружёных трёхтонных «Бедфордов». Всё это было не то. Диверсанты поджидали одиночную автомашину. Как назло в попутном направлении таких не попадалось.

– Можно курить, мзее большой начальник СС? – витиевато спросил масай Буру, изнывавший без табака.

– Нельзя, обер-лейтенант. Терпите! – сердито отрезал Гарденберг. – Огнём вы демаскируете наше расположение и привлечёте внимание британцев.

– Так нет ведь никого вокруг, – возразил масай.

– Это вам так кажется.

– Но мы ведь ни от кого не прячемся? Нас и так видно.

– Разговорчики, Буру! Здесь только я решаю, когда курить, а когда нет. Зарубите себе на носу. Ясно?

– Так точно, мзее большой начальник, – недовольно буркнул масай и сунул за щёку горстку жевательного табака. С наслаждением ощутил привычный терпкий вкус во рту, расплылся в довольной улыбке.

– И вообще, обер-лейтенант, прекратите называть своего командира, то есть меня этим дурацким названием! – взорвался, не сдержав накопившегося раздражения против глупого негритоса, штурмбаннфюрер СС Гарденберг. – Какой я вам мзее? Что это ещё за дикарское обращение?

– Извиняюсь, господин германский офицер, но я всегда называл так полковника Форбека, и ему это нравилось, – добродушно улыбнулся непонятливости Гарденберга масай Буру.

– А мне не нравится, понятно вам! – чуть не крикнул эсесовец и метнул на туземца испепеляющий гневный взгляд. – К тому же я вам не полковник Форбек.

– Я это вижу, мзее большой начальник, – угрюмо согласился Буру.

Гарденбергу надоело пререкаться с бестолковым туземцем и он сердито отвернулся. Араб Ибрахим вдруг посмотрел в обратную сторону и радостно сказал по-арабски, обращаясь к Буру:

– Едет грузовая машина, мзее обер-лейтенант. Одна. Это то, что нам нужно.

– К чертям свинячим, Ибрахим! Она нам не по пути, – витиевато выругавшись на суахили, с сожалением ответил Буру.

– Что он говорит? – взглянул на масая эсесовец.

– Грузовая машина, мзее офицер. Но я советую этому дурню следить за дорогой лучше: английский грузовик едет в обратном направлении, – ответил Буру.

– Donner wetter!⁴ – выругался в свою очередь по-немецки эсесовец. – Какая разница, обер-лейтенант, мы не собираемся ехать с ним до Каира. Вы можете сообразать, в конце концов? Остановим машину, убьём водителя и развернёмся в обратную сторону. В чём проблема? Поднимайте же скорее руку, не то она проскочит мимо, и придётся торчать здесь всю ночь.

Буру, выйдя на середину встречной полосы, помахал рукой, в которой был зажат пистолет-пулемёт, и указал на обочину дороги. Он видел во время полёта в Рим, как подобным жестом останавливал на улице машины нарядный итальянский полицейский. Только в руке у того был не английский автомат Стэн, а небольшая чёрно-белая палочка. И полицейский ловко манипулировал ею, словно жонглёр на арене цирка. И при этом приплясывал на месте, как чёрный, обвешанный амулетами, масайский колдун ночью в саванне, у ярко пылающего костра, во время магического обряда вызывания духа предков.

Английский трёхтонный крытый военный грузовик «Матадор» снизил скорость, притормаживая, сполз на пыльную грунтовую обочину, проехав по инерции ещё несколько метров, остановился. Из кабины, приоткрыв дверь, выглянул бородастый водитель-индус в тюрбане и в армейской шерстяной кофте, надетой поверх лёгкого тропического кителя. С другой стороны грузовика показался тощий английский офицер в колониальном пробковом шлеме, с моноклем в правом глазу. Вероятно, отпрыск какого-нибудь знатного дворянского рода.

– В чём дело, господа? Мы что-нибудь нарушили? – заговорил британец. Видимо, он принял диверсантов за обыкновенный дорожный патруль, что в условиях военного времени было на египетских автотрассах в порядке вещей.

– Ничего особенного, сэр, простая формальность. Предъявите, пожалуйста, свои документы, – козырнув, проговорил по-английски штурмбаннфюрер фон Гарденберг. К слову сказать, языком он владел отлично, и произношение у него было лондонское.

Англичанин с моноклем, ничего не заподозрив, охотно полез в боковой карман форменного кителя за удостоверением. Индус протянул свою солдатскую книжку, не выходя из кабины. Эсесовский офицер мигнул масаю Буру и тот, незаметно вынув нож, осторожно и неслышно, словно гепард, зашёл за кузов грузовика и направился к кабине. Ибрахим, чтобы отвлечь водителя-индуса, взял у него книжку, сделал вид, что читает, хоть совершенно не

⁴ Donner wetter – чёрт побери (нем.).

понимал по-английски. Гарденберг, подсвечивая себе фонариком, рассматривал документы британского офицера.

Неожиданно в кабине раздался приглушённый стон индуса, скрип кожаного сиденья, шум борьбы. Офицер с моноклем с тревогой оглянулся, и этого было достаточно, чтобы немец, выхватив из ножен длинный эсесовский кинжал, быстро вонзил его под левую лопатку англичанина. Тот, вскрикнув от боли, мгновенно обмяк, поражённый в самое сердце. Стал медленно оседать на дорогу. Эсесовец подхватил под мышки податливое безжизненное тело, поволок его за машину к кювету. Туда же Буру сбросил зарезанного индуса. Фон Гарденберг, управившись с офицером, негромко свистнул три раза: из темноты с противоположной стороны дороги к «Матадору» нестройной толпой подбежали остальные немецкие диверсанты, откинув край брезентового тента у заднего борта, поспешно расселись в кузове. Один из немецких унтер-офицеров уселся за руль вместо водителя, штурмбаннфюрер с масаем Буру устроились рядом. Грузовик взревел мощным дизельным двигателем в девяносто пять лошадиных сил, тронулся с места, но, проехав немного, стал разворачиваться в обратную сторону. Вскоре – уже мчался по шоссе в южном направлении, рассекая тьму дальним светом фар, словно двумя прямыми жёлтыми средневековыми рыцарскими мечами...

Глава 18. Концерт в Африканском корпусе

Перед очередным решительным штурмом Тобрука всеми силами Африканского корпуса и итальянских вспомогательных корпусов, генерал-лейтенант Роммель до утра не смыкал глаз, всё уточняя и уточняя с офицерами штаба и союзниками-итальянцами различные детали предстоящей операции. Ему наконец-то удалось сконцентрировать под городом свыше ста двадцати немецких лёгких и средних танков и семьдесят пять итальянских. Всё взвешено и проверено до мелочей, однако на душе командующего по-прежнему скребли кошки: проклятый Тобрук, как заноза, не давал покоя, сковывал действия немецко-итальянских войск, мешал развернуться и начать полномасштабное наступление в глубь Египта...

В просторной штабной палатке Роммеля с опущенными боковыми стенками для конспирации, хотя по обыкновению их всегда поднимали, многолюдно. Все окружали стол, на котором расстелена большая, полномасштабная карта Тобрука. В центре, с деревянной указкой в руке, стоял сам Роммель. Над картой склонились заместитель командующего, генерал Георг фон Штумме, начальник штаба Альфред Гаузе, командир 15-й танковой дивизии

генерал-майор Густав фон Ферст, 21-й – генерал-лейтенант Иоганн фон Равенштейн, 90-й лёгкой африканской дивизии, – генерал-лейтенант Ричард Вит, а также командиры 20-го и 21-го итальянских корпусов генерал армии Гастон Гамбара и корпусной генерал Энеа Наварини. Чуть поодаль, ближе к выходу, подобострастно застыли адъютанты, сопровождавшие офицеры, работники штаба.

– Итак, повторим завтрашнюю позицию, – устало объявил Роммель. – Завтра, в девять тридцать утра, ваша, генерал Гамбара, сто тридцать вторая танковая дивизия «Ариете» и сто первая моторизованная пехотная дивизия «Триесте» должны перейти в наступление, имитируя большой фронтальный штурм Эль-Газали. С флангов их поддержат танки сто тридцать третьей дивизии «Литторио». От вас требуются не реальные боевые действия, а единственно – много шума, много пыли, стрельбы, сигнальных ракет, передвижений мелких подразделений по пустыне. В общем, устройте островитянам хорошее театрализованное представление, синьор Гамбара, вы, итальянцы, это умеете, – улыбнулся командующий.

– Будет сделано, господин генерал, – обнадежил Гастон Гамбара, от которого ошутимо пахивало коньяком.

Итальянский генерал стоял слишком близко к командующему. Роммель, почувствовав запах алкоголя, слегка поморщился, сердито сдвинул брови, но промолчал. Обратился к своему заместителю, генералу фон Штумме:

– Вы, Георг, сконцентрируйте в районе наступления наших итальянских союзников все имеющиеся в африканском корпусе грузовики. Как только начнёт темнеть, выведите их в тыл наступающей группировке так, чтобы видели передовые части англичан в Эль-Газали. Пусть водители поезжают туда-сюда попрыгают, имитируя огромное скопление бронетехники. Для пущей убедительности закрепите в кузове каждого грузовика длинный шест, или бревно, чтобы издалека или с воздуха казалось, что это пушка. В опустившихся сумерках и в густых клубах пыли противник ничего не сможет разглядеть, решит, что это танки или бронемшины. А нам это на руку. Пусть думают, что в наступающих танковых дивизиях не семьдесят пять танков, а как минимум – все двести!

– Британцы могут направить на атаковую группировку свои бомбардировщики, и мы потеряем весь автотранспорт, – предостерег трезво мысливший генерал Штумме.

– А наши истребители для чего? – привёл контраргумент Роммель. – Фельдмаршал Кессельринг обещал мне воздушное прикрытие. Мало того: перед танковой атакой Тобрука на крепость будет произведён массированный воздушный налёт. В нём примут участие восемьдесят с лишним бомбардировщиков, два десятка пикировщиков и примерно полсотни истребителей-бомбардировщиков под прикрытием ста пятидесяти

истребителей «Мессершмитт»... К тому же позади атакующих итальянских частей будут располагаться наши зенитные батареи. Ничего, отобьёмся от английских воздушных разбойников... Вы как считаете, генерал Гаузе? – взглянул Роммель на примостившегося по левую его руку начальника штаба корпуса.

– Если воздушное пространство будет контролировать эскадрильи «Мессершмиттов» – дело верное, мы победим, – поддакнул Альфред Гаузе.

– Хорошо, – кивнул лобастой головой с глубокими залысынами Роммель. – Теперь вы, господа генералы, – обратился он к командирам немецких танковых дивизий Густаву фон Ферсту и Иоганну фон Равенштейну. Вашим танкам предстоит проделать длительный, почти стокилометровый марш-бросок на юг, чтобы обойти непроходимые минные поля британцев и в районе населённого пункта Бир-Хакейма, вот здесь, – командующий ткнул указкой в точку на карте, – выйти в открытую пустыню. В этой местности нет сплошной обороны противника: только отдельные блок-посты, опорные пункты, форты и доты. Англичане нас отсюда не ждут. Это очень даже неплохо. Первой поворачивает на север и атакует местечко Эль-Адема ваша двадцать первая танковая дивизия, генерал фон Равенштейн. На танки можно посадить часть вашей пехоты, господин Вит. Пятнадцатая танковая дивизия генерала фон Ферста идёт во втором эшелоне. После захвата Эль-Адема она отклоняется на северо-запад и вступает в схватку с первым британским Шервудским полком и третьим Колдстримским. Имейте в виду, Густав, данный полк – гвардейский и справиться с ним будет не просто.

– Ничего, герр генерал-лейтенант, управимся, – обнадёжил командир 15-й танковой дивизии генерал фон Ферст...

Глубокой ночью, когда командиры боевых подразделений, наконец, разошлись, а в штабной палатке остались только свои, Роммель приказал денщику Йохану заварить кофе.

– У нас есть ещё о чём поговорить, господа, ведь так? – взглянул он вопросительно на заместителя Георга фон Штумме и начальника штаба корпуса Альфреда Гаузе. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ну, а крепкий кофе – отличное средство против сна. Нужно только не увлекаться и знать меру. Как, впрочем, во всём.

Пока денщик в соседней, кухонной палатке колдовал над напитком для генералов, дежурный офицер штаба капитан Дирк Зигель принёс какие-то бумаги. В нерешительности застыл у входа, что-то тихо говоря адъютанту командующего лейтенанту Ральфу Клейнеру.

– О чём вы там шепчетесь, Дирк? Что такое, говори, – обратился к нему Роммель.

– Подборка прессы, герр генерал, – мгновенно вытянувшись в струнку, доложил капитан Зигель. – Как вы просили, по странам... с начала июня. Самая важная информация, отмеченная красным

карандашом, переведена. Если понадобятся переводчики, – я вызову из спецотдела полка особого назначения «Бранденбург».

– Хорошо, Дирк, давайте сюда, я посмотрю, – протянул руку командующий. – От штурмбаннфюрера фон Гарденберга есть известия?

– Кроме последнего, с сообщением о загадочных иероглифах в храме фараона Сети I в Эль-Араба-эль-Мадфуне, больше – никаких.

– Держите меня в курсе, Дирк. Сразу же сообщайте, когда появится новая информация. Это очень важно.

Денщик Йохан принёс дымящийся кофейник, и в палатке мгновенно запахло ароматным, возбуждающе-приятным восточным напитком. Роммель повернулся к адъютанту:

– Что скучаете, Ральф? Несите быстрее стаканы и пепельницу, и сами подсаживайтесь к столу. Угощайтесь. Да между делом поможете Йохану разобрать эту чёртову кипу. Кстати, окажете неоценимую услугу и мне, ознакомив с некоторыми материалами из американских и британских газет. Язык вы знаете.

Командующий взял верхнюю газету из довольно внушительной стопки прессы и занялся чтением. Это была «Дойче альгемайне цайтунг», издававшаяся в Берлине.

– Господа, слышали новость? – оживился Роммель, едва пробежав взглядом первую полосу. – Первого июня Мексика объявила нам войну, а заодно – Италии и Японии.

– Передавали по радио, – кивнул генерал Гаузе, – но я не придал этому никакого значения. Право же, это просто смешно: чем эти скотоводы собираются с нами воевать? Своими мачете, которыми рубят на плантациях сахарный тростник?

– Не понимаете, Альфред? Это всё политика Северо-Американских Штатов, – хмыкнул всезнающий генерал фон Штумме. – Президент Мексики Мануэль Авила Камачо просто напросто выторговывает у соседа какие-либо экономические и торговые уступки, к примеру, льготы по так называемым «безвозвратным субсидиям» в рамках программы ленд-лиза.

Генерал Роммель оторвался на минуту от газеты, вслушиваясь в заинтересовавшие его слова фон Штумме. Задумчиво вставил:

– Мне кажется, Георг, что вся эта война затеяна англо-американскими крупными промышленниками и банкирами исключительно ради получения новых рынков сбыта своих товаров, захвата и передела колоний, а значит – приобретения дармового сырья и дешёвой рабочей силы, и уничтожения конкурентов. То есть нас, германцев.

– В принципе, так оно и есть, мой генерал, – согласился фон Штумме. – Но вы ещё забыли одну немаловажную уточняющую деталь: наши противники не просто крупные промышленники и банкиры, а сверхкрупные! И не просто англо-американские, а – еврейские.

– Ну вот, Штумме, и вы начинаете крутить всё ту же геббельсовскую шарманку, – брезгливо поморщился Роммель. – При чём тут евреи? При чём тут мировой сионистский заговор против Германии? Всё гораздо проще: есть проигравшая Первую мировую войну Германия, и есть англо-французская коалиция, к которой примкнули США... Не тащите сюда всю эту расистскую эсесовско-гестаповскую грязь из Рейха! Мы ведь находимся в итальянской Ливии, где в колониальной армии служат и арабы с берберами и туарегами, и негры из Эритреи и Сомали, и семиты абиссинцы, и, вероятно, те же евреи. Да и у нас в учебном полку особого назначения «Бранденбург» почти сплошь – арабы и негры. Что нам теперь, в концлагерь их отправлять? Здесь, в Африке, лагерей смерти, слава Всевышнему, нет и, думаю, никогда не будет! И гестапо с СС тоже нам здесь не нужны. Запомните, господа: у нас тут совершенно другие порядки, чем на других фронтах. Мы, как наши коллеги в Советской России, не ведём войну на уничтожение, не сражаемся с мирным населением, не расстреливаем евреев. Боже упаси! Что я палач, что ли? Я солдат и предпочитаю честно выполнять свой солдатский долг. Я воюю только с неприятельской армией, и мне дела нет до того, негры в ней служат, евреи или индусы. Пусть в этом дерьме копаются люди из чёрного ведомства господина Гимmlера, – у меня своя голова на плечах и свои задачи: победить или умереть. С честью, по-рыцарски, на поле боя! А не в тюремном дворе, в петле, после прочтения смертного приговора – за тяжкие военные преступления.

– Генерал, вы слишком увлеклись красноречием, – предостерегающе тронул его за руку фон Штумме. – Читайте лучше новости в «Дойче альгемайне цайтунг» и не лезьте в политику, в которой мало что понимаете. Как, впрочем, и я...

– Да-да, вы правы, Георг, – спохватился, поняв, что наболтал много лишнего, Эрвин Роммель. Снова углубился в газету: – Вот, Штумме, как раз подтверждение ваших слов, – радостно встряхнул он растрёпанную газетную «портянку». – Между США и Китаем заключено соглашение о передаче Китаю вооружения.

– Этого и следовало ожидать, – прокомментировал, вступивший в разговор начальник штаба генерал Гаузе. – Вездесущий Рузвельт сунул свой длинный нос и в Восточную Азию. Отчего же не погреть руки в такой удобный для бизнеса момент, как война! Оружие и боеприпасы сейчас – самый ходовой товар. Причём, спрос – постоянный, пока гремят пушки по всем континентам.

При последней фразе генерала Гаузе адъютант Роммеля лейтенант Ральф Клейнер, всё время помалкивавший, вдруг вступился и подал голос:

– Кстати, господа генералы, в пик устоявшемуся мнению, что когда гремят пушки – музы молчат, в Африканский корпус при-

ехала группа эстрадных артистов из Берлина. Очень интересная программа, говорят. Сегодня выступают в сто тридцать второй итальянской танковой дивизии «Ариете» бригадного генерала Франческо Антонио Арена. Рекомендую съездить посмотреть.

– Спасибо, Ральф, что напомнил, – поблагодарил, не отрываясь от изучения мировых новостей, генерал Роммель. – Вот допьем кофе и поедем все вместе к итальянцам... Однако, в Рейхе не благополучно, вы знаете: первого и второго июня английская авиация осуществила массированный налёт на Эссен. Дальше неинтересно... Ага, вот: с четвёртого по шестое июня происходило сражение у атолла Мидуэй между флотами Японии и США... Шестого июня США объявили войну Болгарии, Венгрии и Румынии... Ну это чистая формальность: где Америка и где – Балканы?!

– Не скажите, Эрвин, – возразил фон Штумме. – Рузвельт слов на ветер не бросает, и если объявил кому-то войну, то вполне может послать морскую пехоту или хотя бы свои авианосцы, чтобы бомбить болгарские и румынские города.

– Однако, ему пока не до Болгарии с Венгрией и Румынией, – усмехнулся командующий, развернувший в это время другую газету: – Японская «Асахи симбун» сообщает, что седьмого – восьмого июня состоялась высадка японских войск на острова Кыска и Атту в Алеутском архипелаге... Девятого июня капитулировала крупная группировка американско-филиппинских войск, чем и завершилась операция американских войск на Филиппинах.

– Интересно... – удовлетворённо покрутил головой генерал Гаузе. – Прищемили «жёлтые макаки» хвост вездесущему Дядюшке Сэму!

– Выбирайте выражения, Альфред, – укоризненно взглянул на него генерал Роммель. – Японцы – наши союзники и, к слову, не плохие воины. Не то, что трусливые итальянцы, которые гораздо больше смахивают на макак. Не зря фельдмаршал Рундшедт назвал Бенито Муссолини «негритянской задницей»...

– Весьма остроумно! – усмехнулся генерал фон Штумме.

Роммель выбрал из кучи старейшую, издающуюся с 1665 года, английскую правительственную газету «3э Ландан Гэзет», прочёл листок с переводом передовой информации.

– Взгляните, господа... вернее послушайте, что пишут островитяне. Весьма скверные известия: двенадцатого июня авиация США с аэродромов Ближнего Востока нанесла удар по нефтяным промыслам в Плоешти, Румыния... Вот, кстати, и подтверждение ваших слов, Георг, насчёт бомбардировок Румынии. Правда, американцы воспользовались не авианосцами, а наземными британскими аэродромами. У англичан много колоний по всему свету, где можно разместить бомбардировочную авиацию... Так, что там дальше... Во! Четырнадцатого июня Филиппины объявили войну Германии и Италии. Господа, это

катастрофа... У меня уже нет сил смеяться. Анекдот, почище объявления нам войны Мексикой. Воевать дикари, скорее всего, будут с луками и стрелами, как американские индейцы.

– Бросайте это бумажное дело, мой генерал, – подал голос фон Штумме, – поедemте лучше смотреть выступление приезжих берлинских знаменитостей. Согласитесь, не каждый день мы имеем такую возможность попасть на их гастрольный концерт.

– Правда ваша, Штумме, поехали, – отбросив скомканную газету, решительно встал со стула генерал Роммель. – Капитан Зигель, скажите Маркусу, чтобы заводил «Stoewer». Сегодня с комфортом прокатимся на моей новой легковой машине. Мне её недавно прислали из Сицилии – в подарок, лично от самого генерал-фельдмаршала Кессельринга...

В расположении сто тридцать второй итальянской танковой дивизии было необычно тихо, только в центре палаточного лагеря, у штаба, где стояла наспех сколоченная мачта с развевающимся на ней на самом верху зелёно-бело-красным итальянским флагом, плавно разливалась мелодия духового оркестра. Нежным грудным голосом на итальянском языке пела артистка. Роммель невольно заслушался, пока подъезжали.

В центре плаца, у большой штабной палатки генерала Арена стоял грузовик с опущенными бортами. Позади к нему было приставлено три доски, по которым артисты и артистки поднимались на импровизированную сцену. Вокруг всё было запружено весело гомонившей итальянской пехотой: рябило в глазах от бежевых пробковых колониальных шлемов, оливкового цвета пилоток – бустин, жёлтых тропических рубашек и бронзовых от загара голых торсов. Солдаты расположились прямо на песке: кто сидел, по-турецки поджав под себя ноги, кто лежал на животе, подставив руку под подбородок. Для господ офицеров поставили во втором и третьем рядах принесённые из столовой длинные деревянные лавки, высший командный состав чинно восседал на стульях в первом ряду.

Машина Роммеля остановилась у крайних солдатских палаток. К командующему сразу же метнулся расторопный итальянский офицер, пригласил генерала и сопровождавших его лиц в первый ряд, где для них быстро организовали места. Роммелю услужливо подали кресло, поставив его рядом с креслом бригадного генерала Франческо Арена.

Артисты и артистки калейдоскопом сменяли друг друга. Номера, которые громко объявлял на немецком языке пожилой, весёлый конферансье в чёрном фраке и цилиндре, дублировал по-итальянски переводчик в военной форме с погонями старшего фельдфебеля. Выступающие, благодаря умелой режиссуре, чередовались: на смену певцам быстро взлетали

по мосткам танцоры, после них ловко запрыгивали акробаты, чинно поднимались чтецы-декламаторы, их сменяли клоуны с разрисованными физиономиями, затем – пародисты.

Появился какой-то молодой красивый румынский певец с тонкой чёрной ниточкой острых усиков под носом, умело аккомпанируя себе на семиструнной гитаре, исполнил несколько песен из репертуара Петра Лещенко на русском языке. При этом виртуоз мастерски копировал голос знаменитого на всю Европу эстрадного певца. Роммель уже слышал в грамзаписи романсы, танго и фокстроты латвийского композитора Оскара Строка, которые исполнял на немецком языке Пётр Лещенко. Они ему нравились, Роммель хотел когда-нибудь попасть на концерт самого Лещенко, но как-то не получалось. И сейчас, прикрыв от удовольствия глаза, генерал представил, что перед ним – сам известный певец. Впервые он услышал на русском языке популярную песню Петра Лещенко «Чёрные глаза», которую запомнил, и виниловую пластинку с которой, но – на немецком, ставил довольно часто:

Ах, эти чёрные глаза меня пленили,

Их позабыть никак нельзя, они горят передо мной.

Ах, эти чёрные глаза меня любили.

Куда же скрылись вы теперь, кто близок вам другой?

Каждого артиста благодарная итальянская публика встречала громом горячих оваций и одобрительными выкриками. Особенно эмоционально изголодавшиеся по женскому полу солдаты встречали молоденьких певиц и танцовщиц.

После румына перед зрителями неожиданно предстала известная киноактриса, танцовщица варьете и певица, венгерка Марики Рёкк. Итальянцы просто взвыли от непередаваемой радости и восторга, рукоплеская так, что стоял оглушительный треск, как будто от бури ломались ветки в лесу и даже целые деревья. Никто не ожидал увидеть знаменитость здесь, в забытой богами и цивилизацией гиблой африканской глуши. Роммель тоже не отрывал восторженно загоревшихся глаз от обворожительного, прекрасного лица Марики, которую запомнил ещё по первому фильму с её участием – английской музыкальной комедии «Почему Сейлорс покидает дом?», где восходящая венгерская кинозвезда сыграла эпизодическую роль. В дальнейшем Эрвин не пропускал ни одного фильма с её участием, а Марика снялась на второстепенных ролях ещё в нескольких фильмах в Англии и Венгрии. В 1933 году получила, наконец, первую большую роль в англо-венгерской комедии-оперетте «Поезд привидений» режиссёра Лайоша Лазара. Затем, приняв предложение немецкой киностудии «Уфа», Марика Рёкк подписала контракт и переехала в Берлин. Дебютировала она в художественном фильме «Лёгкая кавалерия». Это была экранизация одноимённой оперетты австрийского композитора и дирижёра девятнадцатого века Франца фон Зуппе на сюжет из жизни артистов цирка. С этой

картины и началась головокружительная карьера венгерской певицы в германском кино. Впоследствии генерал старался посещать все выступления Марики Рёкк, с большим интересом посмотрел её вторую актёрскую работу в Германии, фильм «Средь шумного бала». Венгерская актриса буквально пленила Роммеля, покорила своей красотой и талантом пылкое сердце Лиса пустыни, и он, в присутствии своей супруги, даже боялся думать о ней, опасаясь чем-нибудь выдать свою тайную страсть.

Марика выступала самозабвенно и азартно, буквально покорила зрителей темпераментными акробатическими танцами, шпагатами, чечёткой и великолепным венгерским чардашем. Видимо, не зря берлинские газетчики всегда отмечали в своих репортажах внешнюю привлекательность, а также «грациозность и пластичность» Марики Рёкк. Её долго не отпускали со сцены и просили спеть что-нибудь на бис. И тогда зазвучало превосходное сопрано певицы, которым восторгались музыкальные критики.

Роммель заворожено следил за каждым её движением, мимикой лица, улыбкой, лёгким дуновением ветерка, приподнявшимся край юбки. Он позабыл обо всём на свете: о войне, завтрашнем штурме Тобрука, невыносимой жажде, постоянно мучившей его в пустыне, натёртых неудобными тесными сапогами ногам. Генерал не снял сапоги, как проделали почти все офицеры корпуса, переобувшись в лёгкие ботинки военного образца, к которым полагались тропические шорты цвета хаки. Он продолжал упрямо носить хромовые сапоги и широкие генеральские галифе, как в Европе, потому что тщательно следил за своим внешним видом, и, как германский солдат, – хотел выглядеть мужественно и красиво. Шорты же, по его мнению, не вписывались в образ мужественного арийского воина-рыцаря, а больше подходили женщине. Такой, к примеру, как Марика Рёкк!

В конце программы, специально для итальянской, непритязательной в эстетических вкусах солдатни, распалившейся женскими сольными и групповыми танцевальными номерами, на импровизированную сцену поднялся целый табун визгливых голоногих девок из популярного берлинского театра-варьете «Винтергартен». Началось что-то невообразимое, и Роммель невольно поморщился от всей этой музыкальной забивающей уши, какофонии, сладострастно-похотливых выкриков и животного рёва итальянцев, которыми они встретили долгожданное представление.

Эрвин Роммель встал с места и хотел удалиться, но генерал Франческо Арена тронул его за руку, многозначительно подмигнул и интимно шепнул на ухо:

– Если желаете, господин генерал, певичку... ну ту, на которую вы всё время пялились, чуть не сожрав глазами... мадьярочку Марику, – вам пригласят... У нас есть специальные палатки для свиданий... Хотите?

– Это удобно? – растерянно, стесняясь своих чувств, взглянул на итальянца Роммель.

– Ещё бы, генерал! – восторженно воскликнул темпераментный, как все итальянцы, Франческо Арена. – Вы не знаете, что тут будет твориться ночью... Танцорок варьете и певичек расхватают по своим палаткам господ офицеры, а берсалерам достанется чёрная негритянская прислуга, прачки, сёстры милосердия и просто – итальянские и арабские проститутки из городка... Что поделаешь, солдат на войне оторван от семьи, но женщины ему необходимы, и наше командование в этом вопросе идёт навстречу желаниям военнослужащих.

– Но предупреждаю, синьор Арена, – чтобы об этом никто не знал! Ни одна живая душа. У меня в Германии жена и тринадцатилетний сын Манфред, – строго глянул на услужливого итальянца Роммель.

– О, да, я понимаю, господин Роммель. Всё будет в строжайшем секрете, – горячо заверил хитрый итальянский сводник. – У меня у самого в Италии осталась любящая семья, а у мадьярской артистки Марики, если не ошибаюсь, в Берлине – муж, известный кинорежиссёр, которого она, вероятно, любит...

В палатке было темно – хоть глаз выколи.

– Не зажигайте свечу, – предупредил из беспросветной черноты тихий голос певицы.

Эрвин нащупал кровать, рука коснулась чего-то податливо мягкого, гладкого и чуточку влажного. Мгновенно в голову ударила возбуждающе-сладостная волна, сердце застучало с бешеной скоростью, как паровой молот. Захотелось повторить только что испытанное ощущение. Он понял, что на женщине ничего нет, даже кружевных белых перчаток, в которых она выступала. Он задрожал от предчувствия того, что здесь скоро должно случиться. «Это невероятно и невозможно... Какой-то сон или дурман», – пронесилось в закружившейся, как вселенная, голове, пока он, стоя перед незримой кроватью, расстёгивал амуницию и небрежно сбрасывал на пол пыльную, пропахшую дымом и порохом, пропотелую до глубоких соляных разводов униформу.

Без одежды ему вдруг стало легко и свободно, на короткий миг, опускаясь на холодноватую, немного отдающую влагой, свежую простыню, он ощутил состояние полёта. Вернее – падения в бездну... И всё-таки это было безумно сладостное падение, на несколько мгновений оторвавшее его от грубой реальности. И Роммель больше ни о чём не думал, не в состоянии был думать... Да это и не нужно было сейчас. Когда, воистину, вся жизнь сконцентрировалась в едином мгновении, – блаженстве ухода от жизни. По сути, это была та же смерть, но вовсе не страшная, а сладкая и желанная, как счастье!..

Весь юг ливийского Феццана – исторически сложившейся в Сахаре области с множеством оазисов площадью около 550 тысяч квадратных километров, населённой кочевыми племенами туарегов, – буквально горел под ногами итальянцев. Помимо восставших туарегов конфедерации Кель-Аджер султана Идигера аг Мусы, по их примеру взяли за оружие ещё некоторые мелкие племена. Одни, подобно Идигеру, сражались под зелёными знамёнами Ислама против всех неверных вообще, не разбираясь итальянские поработители это, немцы ли из Африканского корпуса Роммеля, англичане из Египта или Восточного Судана, французские коллаборационисты из Туниса, подчиняющиеся правительству Петтена в Виши, либо патриоты из «Свободной Франции» генерала Шарля де Голля, обосновавшиеся близ южной границы Ливии, в Чаде. Они по старинке призывали всех правоверных к священной войне против гяуров – газавату. Другие присоединялись к одной из враждующих сторон, которая снабжала их оружием и боеприпасами. Третьи соблюдали нейтралитет, подобно осторожной Турции, и коварному Афганистану, выжидая: чья возьмёт? Сахара забурлила, как в девятнадцатом веке, когда европейские колонизаторы, набросившись, словно стая изголодавшихся гиен, рвали на части Африку, отталкивая друг друга, и стараясь урвать кусок пожирней...

Майор Пеняков неожиданно узнал о появлении на севере Чада, входившего в состав французской Экваториальной Африки, не подконтрольных профашистскому правительству маршала Петтена вооружённых формирований, именуемых в официальных сообщениях «Сахарской колонной». Сами себя они называли вызывающе экзотически – «Войско пустыни». Командовал этим пёстрым воинством некий майор Филипп де Отклок, в июне 1940 года бежавший из оккупированной Франции в Лондон к генералу де Голлю. Тот и поручил майору Отклоку, взявшему звучный псевдоним Леклерк, отправиться в Африку, чтобы устанавливать власть движения «Свободная Франция» в колониях, находящихся под контролем режима Виши. Бесстрашный майор рьяно взялся за дело и за короткий срок, практически без потерь, умудрился свергнуть власть маршала Петтена во французском Конго, Камеруне и Габоне.

Всю эту информацию сообщили Пенякову из Центра по рации. Ему было приказано изменить маршрут следования и, вместо возвращения в Египет, двигаться на юг, в сторону границы с Чадом для соединения с «Сахарской колонной» Леклерка.

– Вот смеху-то, Сэм, – узнав о новом задании, не смог сдержаться, чтобы не сострить водитель Джек Парсон. – «Личная армия майора Попского» получила приказ идти на соединение с «Войском пустыни» майора Леклерка... Когда бы вы ещё видели, чтобы целыми армиями командовали простые майоры?!

– Да, Джек, если учесть, что в моей «армии» на данный момент всего два десятка бойцов, – усмехнулся, поддерживая шутку англичанина, Владимир.

– А сколько же солдат у французского майора Леклерка? – поинтересовался Парсон. – Бьюсь об заклад на двойной виски с содовой, что не на много больше нашего!

– Ошибаешься, Джек, – поправил его Пеняков. – Силы у Леклерка в Чаде довольно значительные: один полк сенегальских стрелков полного состава чего стоит. Да плюс к тому полтысячи французов, которых прислали губернаторы различных колоний, признавших власть генерала Шарля де Голля. А также все силы, поступившие от местных султанов кочевых туарегов, туземных королей, вождей различных негритянских племён. В общей сложности набирается около шести тысяч человек. Довольно внушительная сила по меркам Сахары. У итальянцев в Феццане куда меньше колониальных солдат.

– Да, Сэм, прямо наполеоновская армия вторжения, – продолжал острить неутомонный Парсон.

– Мели Емеля... – усмехнулся Николай Горюнов, подковырнув британца. – Выпивку-то проиграл господину майору и зубы заговариваешь. Вот доберёмся до ближайшего арабского оазиса – живо раскошеливайся.

– Я не с тобой спорил, русский, – недовольно огрызнулся Джек, ведя машину одной левой рукой, а правой красноречиво жестикулируя. Здесь, в пустыне, в глухом сахарском бездорожье, можно ехать, вообще не держась за руль. Ровное, как поверхность обеденного стола, плато Тингерт вполне позволяло проделывать на ходу всякие автомобильные выкрутасы.

«Виллисы» отряда майора Пенякова ехали беспорядочной стаей, не придерживаясь единого строя. Кто как хотел. Единственное требование командира – не сильно гнать по пескам, чтобы не отстал трёхтонный немецкий «Форд».

– Кстати, дорогой мой Джек, ты зря зубоскалишь по поводу наполеоновской армии вторжения, – после некоторого перерыва, продолжил разговор Владимир. – Ты, вероятно, по своему природному невежеству думаешь, что знаменитый французский император во все страны вторгался с полумиллионной армией, как это было в России? Заблуждаешься, дружище. В свой египетский поход Бонапарт отплыл, имея всего двадцать четыре тысячи человек пехоты и четыре тысячи кавалеристов. Причём из Франции он взял всего три сотни лошадей – остальных планировал добыть в Египте. Таким образом, вместе со вспомогательными частями сапёров, минёров, военнотружущих парковых рот и рабочих у него было чуть более тридцати двух тысяч человек личного состава. Скажу тебе откровенно, – не густо по меркам того времени. Если учесть, что во время известной битвы у Пирамид турецкий

султан выставил против французов пятидесятитысячное войско янычар и египетских мамелюков.

– И откуда ты только всё это знаешь, Сэм? – искренне удивился Джек Парсон. – Прямо, ходячая энциклопедия, а не майор.

– Не забывай, Джек, что я, в отличие от некоторых, учился в своё время в Кембридже, окончил на отлично колледж, – похвастался Пеняков. – А что касается Египта, могу сообщить ещё одну деталь: майор Отлок взял себе псевдонимом имя известного наполеоновского дивизионного генерала Шарля Леклерка, который, кстати, был женат на родной сестре Наполеона, Полине Бонапарт.

– Ну и чем же знаменит этот Леклерк? – позёвывая, без интереса спросил водитель.

– После провала египетской авантюры Наполеона, генерал Леклерк подавлял восстание негров-рабов во французской колонии Сан-Доминго в Карибском море, – пустился вспоминать курс кембриджского колледжа по мировой истории Владимир. – Во время переговоров Леклерк арестовал их руководителя Гуссен-Лувертюра и отправил во Францию, где тот и умер. Но вскоре от жёлтой лихорадки скончался и сам Леклерк. А Сан-Доминго французы так и не усмирили. Повстанцы добились победы, и первого января 1804 года провозгласили независимую негритянскую Республику Гаити. Впервые в мировой истории, я вам скажу...

– Ну да, дурной пример заразителен, – презрительно фыркнул Джек Парсон, кивнув почему-то в сторону Николая. – Потом против своего императора взбунтовались русские, вынудив его в 1917 году отречься от престола. В восемнадцатом свергли своего кайзера Вильгельма боши, за ними тут как тут – австрийцы. И пошло-поехало! Сейчас, считай что только у нас остался на троне король, да – в недоделанной Италии. А так, повсюду в мире – демократия, как в США.

– У нас одно прозвание, что царя нету, – пожал плечами Николай Горюнов. – А Сталин чем тебе, сэр Парсон, не царь-самодержец? Всё сам единолично решает. Без его соизволения – ни ногой. Даже в сортир, – прошу прощения, господа хорошие, – не сходишь без спросу. Все должны строем ходить, с красными галстуками, с барабаном и под песню...

Как бы там ни было, – майор Пеняков должен был выполнять приказ бригадного генерала Вилмера Робинсона, командовавшего войсками особого назначения в Северной и Восточной Африке. К тому же, до границы ливийского Феццана с французским Чадом было куда ближе, чем до Египта.

– Это нам очень даже кстати, – говорил он подчинённым в связи с получением нового задания. – Соединимся на юге с французами Леклерка, сдадим ему под расписку немецких пленных. Не тащится же с ними через всю Ливийскую пустыню в Египет.

При упоминании о Египте водитель Джек Парсон тяжело вздохнул.

– Ты что вздыхаешь, дружище Джек? – похлопал его по плечу, подбадривая, Владимир. – Любимую подружку в Каире вспомнил? Соскучился, небось, по шалунье?

– Ага, как раз угадал, Сэм, – закивал головой, замотанной в арабский платок куфию, или по-английски – шемаг, британец. – Припомнил я подружку, да не ту, о которой ты говоришь...

– Какую же?

– Роммеля.

Услышав фамилию прославленного немецкого генерала, Николай Горюнов с досады сплюнул в песок: плевок тут же отнесло встречным ветром далеко назад.

– Эту фашистскую собаку бешеную не к ночи вспоминать. Потом до утра снится будет.

– Да я не о том Роммеле говорю, русский, – заулыбался Джек и заговорщически подмигнул майору. – Я о нашем общем дружке, а может, – подружке, что у Сэма в палатке живёт. О кобре. Как там она без нас, бедолага? Скучает, небось. Твой приятель, второй русский, её, наверное, впроголодь держит.

– С чего ты взял, мистер Джек, – удивился Николай.

– Да русские все сплошь воры и разбойники. Так и норовят что-нибудь стащить, что плохо лежит, – хохотнул за рулём Парсон.

– Джек, прекрати сейчас же болтать всякую несурезицу! – тут же сделал ему строгое замечание Пеняков. – Говори, да не заговаривайся: не забывай, что я тоже – русский.

– О, мой бог! Куда я попал, – притворно перекрестился по католически, всей ладонью, водитель. – Того и гляди, придёт за мной ночью НКВД, поднимет с мягкой песчаной постели и отведёт в одних подштанниках на Лубянку... Так у вас, кажется, называется главная штаб-квартира Чека, где сидит страшный и злой на англичан Дзержинский...

Глава 19. Ночные перестрелки

Француженка Жаклин Бошам, получив очередное задание от Афры, стала думать, как лучше его выполнить. А дело было непростое: ей надлежало незаметно проникнуть в рабочий кабинет профессора Кляйна и найти в его бумагах небольшую газетную вырезку со статьёй о находке загадочных рисунков в храме фараона Сети I в Египте, в древнем городе Абидосе. Задача осложнялась тем, что кабинет всегда заперт на ключ, который хранился у Брониславы. Выдавала она его только раз в

неделю служанке Тамалу, чтобы та протёрла пыль в помещении и смахнула веником паутину с потолка и стен.

Кабинет располагался на втором этаже, и проникнуть в окно было невозможно, к тому же оно изнутри запиралось на шпингалеты. Сделать слепок ключа тоже нельзя – Тамалу во время уборки вешала его себе на шею на верёвочке вроде амулета. Оставался единственный выход, и девушка обратилась за помощью к Ливио Моретти, итальянцу сутенёру из заведения Афры. По слухам, он водил дружбу с триполитанской мафией, а там, верно, знали толк в воровском деле и могли изготовить любую отмычку для самого замысловатого замка. Тем более, что замок в кабинете профессора Кляйна весьма простой, внутренний, какие навалом продавались на ближайшем арабском вещевом рынке.

Жаклин принарядилась по такому случаю в лучшее платье, в котором любила показываться на публике в бытность свою проституткой, когда подрабатывала в заведении Афры. Ведь Ливио, естественно, требует благодарности за услугу и придётся его отблагодарить...

– Зачем тебе нужна отмычка, Жаклин? – удивлённо взглянул на неё сутенёр, когда девушка пришла в его комнату в заведении Афры. При этом глаза его загорелись похотливым блеском, как у мартовского кота, ночами подвывающего на крышах, призывая загулявших развратных кошек. – Неужели ты хочешь освоить ремесло домушницы? Учти, это очень трудное и опасное дело. Посоветую тебе лучше поработать пока карманницей – очищать по ночам плотно набитые бумажными лирами портмоне подвыпивших богатых итальянских клиентов.

– Ты не то говоришь, Ливио, – с досадой мотнула головой француженка. – Отмычка мне нужна вовсе не для того, чтобы обобрать чужую квартиру или гостиничный номер. Я должна проникнуть в кабинет известного профессора Кляйна и выкрасть очень секретные материалы, заинтересовавшие высшее британское руководство в Каире. Это очень ответственное задание, и ты мне должен помочь.

– Но это – твоё задание, крошка, и я никому ничего не должен, – с вызовом и прозрачным намёком проговорил хитрый итальянец. – Тебе оно поручено, сама и выполняй. При чём тут я? Как говорят американцы – это твои проблемы!

– Ливио, мы ведь вполне можем договориться, ты не находишь? – откровенно взглянула ему в глаза девушка и слегка коснулась кончиком влажного красного язычка верхней губы. Язычок тут же шмыгнул вниз и мягко описал дугу на нижней губе.

Сутенёр заметно вздрогнул, медленно поднявшись со стула, пошёл к входной двери, закрыл её на замок.

– Я правильно тебя понял, Жаклин? – повернулся к француженке.

– Более чем, – с вызовом шепнула она, встала с места и подошла к кровати.

Итальянец задёрнул светлую бархатную портьеру на окне. Когда вновь взглянул на Жаклин, она была обнажена почти полностью. Лишь белые капроновые чулки с чёрными кружевными резинками на ляжках контрастировали со смуглой кожей её гладкого, загорелого тела. На ногах кокетливые красные туфельки на высоком каблуке.

– Жаклин, ты прелесть!.. – только и смог вымолвить в восторге Ливио, быстро сбрасывая светлый европейский костюм и жадно падая в её объятия...

Заполучив отмычку, француженка попросила Моретти научить его пользоваться. Он натаскивал её неделю, предоставив замок своей собственной комнаты. За это время Жаклин, совмещая приятное с полезным, вечерами обслуживала клиентов. Сутенёр Ливио тоже не оставлял женщину в покое, так что под конец всё это её здорово притомило.

Бронислава Кляйн совершенно не интересовалась, где пропадают по ночам её новая служанка: достаточно было, что та выполняет свои обязанности днём. От мужа и сына, которые отправились в начале лета в Египет, известий по-прежнему никаких. Африканский корпус фельдмаршала Роммеля топтался под Эль-Аламейном, не в силах им овладеть и двинуться дальше на Александрию, до которой каких-нибудь семьдесят километров по прямой. Всё зыбко и неопределённо. В воздухе пахло бедой. На востоке явно назревали какие-то страшные, судьбоносные для всей Северной Африки события.

Берберка Тамалу грустила, с тоской вспоминая уехавшего вместе с Кляйнами в далёкий Египет Имана. Она очень скучала по нему, сознавая, что любит. Молилась за русского парня Аллаха и просила сохранить ему жизнь. Девушка продолжала ходить по утрам, перед первым намазом ас-субх, на городской рынок и запасаться на несколько дней продуктами. Увлекаясь, до изнеможения торговалась с крикливыми и неуступчивыми арабскими торговками, сберегая хозяйкины деньги. Лишнего старалась не тратить. По своей природной порядочности, не позволяла себе подобной расточительности, хоть Бронислава ничего этого не видела и не могла проконтролировать. Но по глубокому убеждению Тамалу, – всё видел вездесущий Аллах, и этого было достаточно, чтобы не совершать греховных поступков.

Бродя по рынку с неизменной большой продуктовой корзиной в руке, берберка не замечала, что за ней чуть ли не по пятам следует фигура человека, до глаз закутанного в тёмные, доходящие до самых пят, просторные одежды кочевника. Он заметно выделялся в пёстрой арабо-итальянской рыночной толпе. Но сновавший туда-сюда народ не обращал внимания на этого

одинокого скитальца по бескрайней, выжженной солнцем до тла, Сахаре. Последнее время, в связи с войной, всё перемешалось, и южные кочевники всё чаще стали появляться в городах Триполитании. К тому же, по слухам, боевые действия шли и на юге Ливии, в сахарском Феццане. Там восстала одна из конфедераций местных туарегов, а с территории северного Чада, генерал-губернатор которого Феликс Адольф Эбуэ – чернокожий африканец – признал правительство движения «Свободная Франция» генерала де Голля, в ливийскую Киренаику вторглось так называемое «Войско пустыни» майора Леклерка. Несмотря на то, что численность его подразделений была сравнительно невелика: всего около шести тысяч солдат, из которых только пятьсот европейцев, – Леклерк значительно потеснил колониальные итальянские войска и занял оазис Куфра.

Перед Жаклин Бошам стояла нелёгкая задача: ночью, незаметно, не потревожив спящую Тамалу – жили они на первом этаже в одной комнате – подняться на второй этаж, где находилась спальня хозяйки, синьоры Кляйн, и проникнуть в кабинет профессора. Кабинет располагался в стороне от остальных комнат, связанных общим коридором, у лестницы. Долго ничего не получалось: то Тамалу слишком поздно ложилась спать, всю ночь ворочалась и то и дело вставала с кровати – выходила по надобности, то хозяйка не спала, бродя по комнатам, как привидение. Однажды, когда всё было вроде тихо, и француженка готовилась идти наверх, в кабинет Бориса Кляйна, помешал налёт британской авиации. Бомбили, правда, только морской порт, но переполох в особняке поднялся отчаянный. Хозяйка со служанками спустилась в холодный бетонный подвал под домом и просидела там до утра, трясаясь от страха и холода – впопыхах никто не догадался взять с собой тёплые вещи, и женщинам пришлось коротать ночь в одном нижнем белье.

Наконец, удобный случай представился: Тамалу крепко спала, уставшая за день, наверху, в спальне хозяйки тоже было всё тихо. Воздушная сирена в порту молчала, и Жаклин решила действовать. Вскочив с кровати, не одетая, она на цыпочках, стараясь не скрипнуть дверью, выскользнула из комнаты, стрелой поднялась на второй этаж. Прислушалась, различая даже учащённое биение собственного сердца: в доме не слышно было никаких звуков, стояла гробовая тишина. Девушка вставила в скважину замка отмычку, как учил сутенёр-любовник Ливио Моретти, слегка пошерудив, повернула два раза против часовой стрелки. Замок негромко щёлкнул и дверь кабинета открылась. Француженка вошла в помещение, плотно затворив за собой дверь. Включила прихваченный с собой фонарик, стала рыться прежде всего в столе, забитом всякими бумагами. Но это были какие-то рукописи, схемы, таблицы, – газетных вырезок не попадалось. Жаклин бросила бесполезное дело: разобраться в

этом хаосе было ей не под силу. Логически прикинув, она решила, что вырезки из газет учёный муж должен хранить в отдельных папках. Тут же взгляд её упал на высокий шкаф со стеклянными дверцами, у стены, забитый снизу доверху разной толщины и цвета папками. Она стремительно метнулась к нему, распахнула дверцы, вытаскивала наугад одну папку, развязала тесёмки. Там были всё те же листы бумаги, плотно исписанные, вероятно, рукой профессора. Девушка без интереса быстро заглянула в один – другой: какая-то научная историческая работа. К тому же написано по-немецки, а его Жаклин знала плохо. Нет, это не то...

Она извлекла ещё несколько толстых потёртых папок – всё одно и то же. Газетных вырезок не было. Француженка с унылым выражением лица окинула взглядом вместительный шкаф: нет, наскоком здесь ничего не найдёшь, необходима долгая, внимательная и кропотливая работа. И начинать нужно с самого верха, вытаскивая по порядку каждую папку, иначе собьёшься, и ничего не получится. Ещё уяснила себе, что дел тут, возможно, не на одну ночь.

Поняв это, тяжело вздохнула, взяла с верхней полки первую папку и принялась не спеша изучать её содержимое. Переворотив горы бумаги, снова распахивая их по местам и не найдя того, что ей было нужно, Жаклин страшно устала. Сколько времени она провела в кабинете профессора не помнила – но очень долго. Под утро задремала, тяжёло уронив голову на папку, и проснулась от скрипа оконной рамы. Вскинув голову и открыв глаза, ничего не поняла: перед ней стояло несколько непонятных, страшных существ, плотно закутанных в тёмные, длиннополые арабские одежды, только на головах у пришельцев были не традиционные арабские куфии, а платки, скрывающие лица. Сверху платки были намотаны в виде чалмы, в узкой прорези оставались видны только злые, горящие дьявольским огнём глаза незнакомцев. Их было трое, у каждого в руке – средних размеров прямой, обоюдоострый кинжал. Позади, в проёме окна виднелась фигура четвёртого грабителя.

Жаклин испугалась и вскрикнула, но передний незнакомец успел зажать ей рот грязной, воняющей верблюжьей мочой и потом, шершавой ладонью. Этот неприятный, бьющий в нос запах – последнее, что почувствовала в своей жизни француженка. В тот же миг сердце ей пронзил острый, как бритва, клинок кинжала, девушка с силой дёрнулась в крепких руках убийцы и сразу обмякла. Незнакомый осторожно опустил бездыханное тело на пол у своих ног, обутых в остроносые сандалии, повернулся к окну.

– Шейх Мохаммед, иди сюда, – позвал он четвёртого грабителя. – Убил женщину, но это не жена аменокаля Идигера, за которой мы следили на рынке. Это какая-то другая, скорее всего – белая служанка. Она хотела кричать, и я ударил её кинжалом. Что мне ещё оставалось делать?

Амахар Мохаммед, один из приближённых Идигера, неслышно спрыгнул с подоконника в комнату, подошёл к говорившему. Тот осветил фонариком лицо мёртвой француженки Жаклин Бошам.

– Это действительно не Тамалу, я её хорошо знаю, – произнёс главарь туарегов, разглядывая убитую девушку. Повернулся к двум другим воинам. – Посмотрите в коридоре, всё ли тихо?

Те, бесшумно ступая в своей мягкой кожаной обуви, прошли к двери, один выглянул из кабинета. В ту же минуту там грохнул винтовочный выстрел, и туарег с громким криком повалился на пол. Другой воин отскочил от двери как ошпаренный, не зная, что делать, уставился со страхом на Мохаммеда. Главарь выхватил из складок одежды французский пистолет «Мав модель D» и несколько раз выстрелил через приоткрытую дверь в коридор. В ответ снова раз за разом грохнуло несколько винтовочных выстрелов. Туареги беспорядочной толпой бросились к распахнутому окну. Амахар Мохаммед первым спустился по верёвке вниз, за ним – разбойник, зарезавший Жаклин. Третий туарег не успел уцепиться за конец верёвки, как в помещение ворвались Бронислава Кляйн с винтовкой в руках и берберка Тамалу с браунингом Ивана Андреюшкина. Открыв дружный огонь, они уложили незваного ночного гостя. Подбежав к окну, принялись осыпать пулями двух других туарегов. Сверху был отличный обзор, и не успевшие ударить разбойники представляли собой отличную мишень. Упал, не добежав несколько шагов до металлической ограды, третий туарег. Амахар Мохаммед, отстреливаясь из пистолета, ловко перемахнул через ограду и растворился в темноте.

Вскоре в особняк супругов Кляйн нагрянула итальянская полиция, дом наполнился светом и людьми. Появились понятия из соседней арабов, и комиссар принялся составлять протокол и опрашивать свидетелей...

* * *

Британская танковая колонна, вместе с которой ехал бригадный генерал Вилмер Робинсон, приближалась к небольшому городку Дэссе на севере Абиссинии. Генерал находился в открытом бронетранспортёре «Универсал Карриер Mk. II», идущем сразу за головным танком марки «Валентайн Mk. III». Вся дорогу Робинсон вёл нескончаемые беседы с командиром подразделения, лейтенант-колонелом (подполковником) Конором Марлоу. Танкист был запасливым: в плоской металлической фляге у него был виски. Офицеры по очереди отхлёбывали из горлышка, поднимая себе настроение, и говорили почти без умолку. Романтическая звёздная ночь под открытым небом к этому располагала. Экипаж был занят своими делами, и никто новых приятелей не отвлекал.

Павел Малов

– Вы давно в Африке, Конор? – спрашивал танкиста Вилмер.

– Честно говоря, не очень, – признался тот, отхлебнув виски из фляги и сразу закуривая сигарету. – С декабря 1940 года, когда наша моторизованная бригада была переброшена в Абиссинию из Индии.

– Действительно, не очень, – задумчиво повторил генерал Робинсон, принимая из рук подполковника флягу и делая несколько больших глотков. – А я здесь с 1914 года, с самого начала Великой войны. Был так же, как вы сейчас – подполковником. Служил в Восточной Африке, нынче это Кения.

– Почти тридцать лет, – с уважением заметил танкист, дымя сигаретой.

– Да, без двух лет – три десятка... И знаете, Конор, за всё это время всего несколько раз был в Англии. Ездил как в гости, потому что мой дом – здесь.

– Семья, дети?... – подсказал танкист.

– Ошибаетесь, дружище, – отрицательно качнул головой Вилмер. – Ни семьи, ни детей, ни дома... Ничего, кроме Африки, которая заменила всё. Я сроднился с этой землёй, и она стала мне второй родиной.

– Чудно, – усмехнулся, докуривая сигарету, Марлоу. Затухил о броню окурков, щелчком пальца ловко выбросил его за борт, в ночь.

– Вам, молодым, этого не понять, – принялся горячо и убедительно философствовать Вилмер. – Вы из другого поколения, можно сказать, – из другого теста. Вы более прагматичные, расчётливые, здравомыслящие. А мы, старики – романтики. Мы более сентиментальные, старомодные, привязанные к условностям. Мы уважаем противника и видим в его лице не мишень, не обыкновенный кусок мяса, а прежде всего личность, такого же человека, как сами. Нами ещё не позабыты такие, не модные сейчас понятия, как офицерская честь, человеческая совесть, религиозное сострадание, всепрощение, божья любовь... Мы романтики по натуре, Конор. Мы и на войне стараемся не утратить человеческий облик, соблюдать Божьи наставления и заповеди, хотя, признаюсь, это очень трудно. Для некоторых – почти невозможно.

– Вы англичанин, сэр Робинсон? – поинтересовался, снова прикладываясь к металлической фляге, подполковник.

– К сожалению нет. И могу вас глубоко разочаровать, – я и не католик, как вы, вероятно, предположили.

– Так кто же вы? – удивлённо протянул Марлоу. – Вы меня заинтриговали, сэр Робинсон. К какой же конфессии вы принадлежите? Неужели, что-нибудь экзотическое?..

– Не беспокойтесь, Конор, я не колдун традиционной африканской религии вуду, – скептически усмехнулся бригадный генерал. – Я – мормон, член североамериканской Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.

– Вот как... – оторопело взглянул на него танкист-подполковник. – И как же угораздило вас вляпаться в это, извиняюсь за выражение, – дерьмо?

– Конор, не повторяйте глупостей, которые про нас, мормонов, пишут всякие продажные бульварные газетёнки, не то я обижусь и вынужден буду вызвать вас на дуэль, – сердито сдвинул брови генерал Робинсон. – К тому же, вы оскорбляете мои религиозные чувства. Немедленно извинитесь!

– Прошу прощения, сэр, я не знал, что вы так близко примете к сердцу мою пьяную болтовню, – сконфуженно пробормотал танкист.

– Впредь выбирайте выражения, подполковник, – строго проговорил Вилмер. Он поднялся с откидной лавки с деревянным верхом, разминая затёкшие от долгого сидения ноги, огляделся по сторонам.

Бронетанковая колонна медленно заползала в узкую горловину между высокими лесистыми холмами. Впереди виднелись редкие электрические огни какого-то поселения.

– Это случайно не Дэссе, Конор? – любопытствовал Робинсон.

– Он самый, генерал, – отозвался Марлоу. – Если хотите, можно здесь остановиться и провести остаток ночи. Дальше дорога не безопасная, – горы.

– О какой опасности вы говорите, подполковник, – скривился, как будто съел дольку лимона, Вилмер. – Неужели вы думаете, что кучка итальянских бандитов с допотопными винтовками, и вооружённые копьями и луками со стрелами бездельники из местных туземных племён отважатся напасть на танковую колонну его величества?

Танки уже грохотали по булыжной мостовой главной улицы города. Решив не останавливаться, бригадный генерал Робинсон с подполковником Марлоу продолжали пить виски и разговаривать. Их громкие, на повышенных тонах, голоса не мог заглушить даже рёв мощных танковых двигателей. Когда головной «Валентайн», оставив далеко позади городской центр, подходил к окраинным домам Дэссе, из-за глиняных дувалов, пальм, фиговых деревьев и кустов «мэскэля» в него полетели гранаты. Одна попала в гусеницу, перебив несколько звеньев, и танк остановился на узкой улочке. Машину по инерции занесло вбок, и она перегородила движение всей колонне.

Тут же загрохотало по всему городу. Разрывы гранат хлопали так часто, что сливались в сплошной мощный гул, как будто рвались подожжённые склады боеприпасов. Позади бронетранспортёра, в котором находились бригадный генерал Робинсон и подполковник Марлоу, поднималось высокое пламя от множества горящих танков. Смрадные тучи чёрного вонючего дыма

поползли по всему городу. Со всех сторон раздавались винтовочные, автоматные и пулемётные выстрелы. Кто стрелял и в кого, было не понятно. В ночной темноте вообще невозможно было ничего разобрать.

– Конор, обходи головной «Валентайн» и вырывайся ко всем чертям из города, не то нам крышка! – дико закричал Вилмер подполковнику Марлоу, и тот отдал нужную команду водителю бронемашин.

«Универсал Карриер» взревел двигателем, механик-водитель взял далеко вправо, чуть ли не впрытик протиснулся между домом и подбитым танком. Чиркнул левым бортом по броне обречённого «Валентайна», а правым разворотил угол здания. В них тоже летели из темноты гранаты, но бронетранспортёр успевал проскакивать опасные участки, зигзагами идя по дороге. Генерал Робинсон с подполковником Марлоу и двое английских солдат из охраны, схватив автоматы Стэн, то и дело поднимались на ноги, посылали из-за брони длинные очереди в темноту.

Бронетранспортёр стремительно летел в неизвестность, освещая фарами извилистую дорогу. Последние городские дома, в основном одноэтажные мазанки бедноты, за глиняными дувалами которых кудахтали потревоженные взрывами и выстрелами куры и блеяли козы, остались позади. Ни одна граната не попала в машину, лишь продолжали цокать по броне последние, пущенные вдогонку скрытым врагом пули. Подполковник Марлоу, сняв пробковый шлем и вытерев обильно струившийся по лицу пот, с облегчением вздохнул.

– Кажется прорвались, сэр?

– Я тоже так думаю, Конор, – кивнул головой Вилмер. – Доставайте же, что ли, ваш виски. Отметим второе рождение. Мы ведь были на волосок от смерти.

– Пожалуй, вы правы, сэр Робинсон. Самое время выпить, – засмеялся счастливый от того, что остался жив, подполковник Марлоу. Вытащил из кармана брюк заветную плоскую фляжку, в которой ещё булькало.

– Внимание, господа, впереди пушка! – вскрикнул вдруг механик-водитель, но не успел больше ничего сказать. Грохнул близкий оглушительный выстрел, – на бронетранспортёр как будто обрушилась тяжёлая скала. Он весь передёрнулся, вильнул в сторону, на обочину дороги, проехав по инерции несколько ярдов, стал. Весь окутался густым чёрным дымом, так что у генерала Робинсона перехватило дыхание. От разрыва снаряда погибли почти все члены экипажа. Один солдат из охраны был ранен и громко кричал на полу бронемашин. Там же лежал с фляжкой в мёртвой руке подполковник Марлоу. Виски вытекал из горлышка и струёй лился на лицо генерала Робинсона. Он с трудов выбрался из-под кучи навалившихся на него тел убитых

и раненых солдат. Броня «Универсал Карриера» была раскалена, в машинном отделении что-то с шипением горело и лопалось, чёрный въедливый, воняющий резиной, дым лез в глаза. Вилмер закашлял, приподнялся на ноги, выглянул из-за борта. В эту минуту раздалась пулемётная очередь с холма, насквозь прошившая голову генерала. Последнее, что видел Робинсон в своей жизни – яркую фосфорическую вспышку перед глазами. Вскоре всё померкло. Наступила непроглядная вечная ночь...

* * *

Этой же ночью заведение Афры в Триполи окружила итальянская полиция. Агентура секретной британской разведки МИ-6 была провалена, начались аресты...

Молодой итальянец, сутенёр Ливио Моретти, только что уединился в своей комнате с новенькой девушкой, негритянкой из народа тубу Абангой, которая ему очень нравилась, как в дверь с силой забарабанили.

– Какого дьявола? – оторвавшись от сладкого, маленького рта Абанги, недовольно воскликнул Ливио. Он не любил, когда его отрывали от любимого занятия.

Негритянка, сделав испуганные глаза, прислушалась. Она подумала, что нарушает какие-то неписанные правила дома, и сейчас её жестоко накажут.

– Поднимайся быстрее, Ливио. Полиция! – послышался за дверью хриплый, встревоженный голос хозяйки заведения Афры.

Моретти пулей вскочил с кровати, наспех натянул на голое тело белые модные брюки, не надевая рубашки, открыл дверь. Абанга так и осталась лежать обнажённая в кровати, туго натянув простыню до самого подбородка.

Полнотелая Афра с маленьким дамским пистолетом в руке бурей ворвалась в комнату.

– Я не знаю, что делать, Ливио? Внизу с ними через дверь разговаривает Димитрис. Они грозятся выломать дверь. Это конец, да? Нам теперь нужно застрелиться.

– Будем уходить через чёрный ход, выхватив из-под подушки итальянский пистолет Беретта 92, выпалил скороговоркой Моретти.

Негритянка Абанга вскочила было с кровати, голая метнулась к своей одежде, но итальянец её строго остановил:

– Ложись назад, Абанга, не бойся, тебя они не тронут. В крайнем случае – изнасилуют, ну так тебе ведь не привыкать...

Вдвоём с Афрой они торопливо выскочили из комнаты и спустились на первый этаж, где уже слышался треск ломаемой двери и громкие крики с улицы. Где-то раздался винтовочный выстрел, визгливо залаяла собака, но после второго выстрела, заскулив, смолкла. Начинаясь штурм здания.

– Быстрей, Афра! Они, может быть, ещё не окружили весь квартал, – крикнул на ходу Ливио. – А сквозь оцепление дома мы в темноте прорвёмся. Главное, не останавливайся и беги зигзагами, как заяц, чтобы труднее было в тебя попасть. И почаще стреляй в ответ, чтобы фараоны попрытались в укрытия.

У самой двери чёрного хода столкнулись с белой проституткой, итальянкой по национальности Габриэлой.

– Синьора Афра, синьор Моретти, – это нападение местной мафии? – в страхе спросила она, сжимая на груди распахивавшийся халат. – Я тоже сообразила, что лучше отсюда убраться, пока мафиози не ворвались в заведение и не перестреляли всех нас из пистолетов.

– Нет, Габриэлла, это не мафия, а полиция, – крикнула ей на ходу тяжело дышавшая Афра. – Тебе это ничем не грозит, уверяю. Успокойся и возвращайся в свою комнату. А мы на время покинем заведение... Жалованье за последний месяц получишь у синьора Феодоракиса.

С этими словами хозяйка щёлкнула замком двери, резко рванула её на себя, пропустила вперёд Ливио и нырнула в темноту следом. На улице раздались злобные крики, брань. Загремели пистолетные выстрелы. Габриэлла, перекрестившись, заперла дверь чёрного хода на замок и поспешила наверх, в свою комнату.

Ливио с Афрой, отстреливаясь от полицейских, со всех ног неслись по улице. Вспышки ответных выстрелов мелькали со всех сторон, и молодой итальянец без устали посылал вокруг себя пулю за пулей. Бежал он, как и учил Афру, не по прямой, а зигзагами, то и дело припадая к земле, старался держаться неосвящённой фонарями стороны улицы, за пальмами и кустарниками, или прижимался к стенам домов и заборам. Он был лёгок на подъём, сухощав и почти не чувствовал усталости. Афра еле за ним поспевала, ей было тяжело бежать, преодолевая неожиданно возникающие препятствия, дополнительные усилия требовались на то, чтобы уклоняться от пуль полицейских, менять направление движения. Её задело уже несколько пуль, но всё это были лёгкие ранки. Однако панический страх и отчаяние постепенно наполняли душу женщины.

– Афра, быстрей, не задерживайся, стреляй на ходу, – обернувшись, наставительно кричал итальянец. Он видел, что его спутнице уже нелегко. Силы покидали африканку, и Ливио сознавал, что с ней ему не убежать от преследователей. Перед ним был выбор: либо погибать на улице вместе с Афрой, либо, бросив её на произвол судьбы, спастись в одиночку.

Очередная пуля ударила, как змея, в ногу женщины. Негритянка протяжно вскрикнула и упала на мостовую.

– Ливио, всё! Со мной покончено, – чуть не плача, прокричала она и махнула рукой, сжимавшей маленький пистолет, в северном направлении. – Малыш, беги в сторону порта, там

фараоны тебя не найдут, а я их пока задержу. Чао, бамбино! Не забывай свою Афру.

Первого же, вынырнувшего в темноте из-за группы пальм, полицейского в шляпе с плюмажем из фазаньих перьев негритянка уложила метким выстрелом. Моретти следом сразил второго «фараона».

– Прощай, Афра! Я никогда тебя не забуду, – крикнул итальянец, опрокидывая пулей к ногам пальм ещё одного полицейского – офицера в пробковом колониальном шлеме. Бросился, пригибаясь, в небольшую апельсиновую рощицу, где можно было укрыться среди низких деревьев, густо усыпанных увесистыми оранжевыми плодами, похожими на ёлочные рождественские игрушки...

Глава 20. Тайны фараонов

Феликс Кляйн в жизни бы никогда не поверил, если бы ему вдруг сказали, или нагадала бы брехливая ливийская цыганка-домари,⁵ что он наяву увидит знаменитого разведчика Отто Скорцени! И не где-нибудь в Рейхе, а здесь, в гиблой египетской глуши, за сотни километров от какого-либо жилья. С унтерштурмфюрером были три десантника, одетых в тропическую форму цвета хаки британских королевских вооружённых сил: два араба мусульманина и христианин-копт.

– С прибытием, господа, – простецки поздоровался австриец, сразу же давая понять, что какие-либо немецкие фашистские приветствия, принятые в Третьем Рейхе, здесь не уместны. Поздоровался за руку со всеми, кто сидел в головной командирской машине, даже с водителем и обер-ефрейтором Андреюшкиным. Сразу же приступил к делу, обрисовав картину их действий на сегодняшний день.

– Нам необходимо скрытно выдвигаться в сторону долины пирамид в Гизе неподалёку от Каира. Не доходя до цели, в пустыне разделимся: основная группа во главе с хауптманом Кляйном на автотранспорте продолжит путь на север, достигнет оазиса Бахария, где старейшина небольшой бедуинской деревни Хияз – наш человек. Поселение находится на отшибе, километрах в пятидесяти от административного центра оазиса, – Бавити. Под видом британского песчаного патруля группа останется в арабской деревне для выполнения ответственного задания в Каире. Вы знаете какого, герр Кляйн, – выразительно взглянул на Фе-

⁵ Цыгане-домари (цыгане-дом) – одна из восточных ветвей цыган, проживающая в Египте, странах Магриба. Говорят на «хелеби» – одном из диалектов языка «домари».

ликса Отто Скорцени. – Мы с господином профессором и тремя слугами, под видом британской научной экспедиции из Кении, поселимся на западной окраине Каира, у одного местного жителя, араба. Он тоже секретный агент Абвера. В доме есть рация и всё необходимое для комфортного проживания... Я надеюсь, Борис Иванович, документы у вас и ваших людей в полном порядке?

– Конечно, господин унтерштурмфюрер, – утвердительно ответил профессор. – Впрочем, как и у вас. Мы ведь получали их вместе в Бенгази, в вашем штабе...

Секретного агента, о котором говорил Скорцени, звали Абдалмалик ибн Макрам. Он радушно встретил приезжих, провёл в дом, указал их комнаты: профессор Кляйн с унтерштурмфюрером поселились на втором этаже, в просторной угловой комнате, окно которой выходило во двор, Иван Андреюшкин, игравший роль слуги, и два египетских араба заняли помещение поменьше, на первом этаже, у входа. Помимо всего, они обеспечивали охрану дома.

На улице никто из соседей не обратил внимания на поселившихся у Абдалмалика белых людей в английской военной тропической униформе: с недавних пор, с приближением немцев и итальянцев к границам Египта, весь Каир был забит военными. Помимо англичан в рубашках цвета хаки, в шортах и шерстяных гетрах на ногах, – на улицах города можно было встретить индусов в зелёных форменных тюрбанах, южноафриканцев в пробковых колониальных шлемах с узкими полями и широкой лентой цвета хаки вокруг тульи, туземцев из королевских западноафриканских пограничных войск в шляпах, левое поле которых приколото к тулье, австралийцев в традиционных широкополых австралийских шляпах «диггер», новозеландцев в остроконечных шляпах с цветными лентами вокруг тульи...

Через несколько дней по прибытии, которые ушли у профессора Кляйна на обустройство рабочего кабинета и на редкие вылазки в город, весь Каир взбудоражило ошеломляющее известие: пал Тобрук! Унтерштурмфюрер Скорцени сразу же заверил профессора:

– Наконец-то! Мой Бог... Свершилось! Господин Кляйн, держу пари, что через пару недель мы увидим под городом танки генерала Роммеля.

– Вполне возможно, господин Скорцени, вполне возможно, – задумчиво проговорил профессор. – Но это, как я понимаю, вовсе не значит, что мы должны всё это время сидеть, сложа руки, и дожидаться прихода Роммеля. Мы прибыли сюда с определённым заданием, и мой долг, как учёного, начинать работу. Сегодня же, после захода солнца, мы двинемся на плато Гиза и, если нам ничто не помешает, попытаемся проникнуть внутрь Великой пирамиды фараона Хуфу, или как его называли греки – Хеопса.

– Очень хорошо, профессор, – согласно кивнул довольный Скорцени. – Служба – прежде всего. Это закон! Только, думаю, идти следует не сразу после захода солнца, а позже, где-то к полуночи. Тем самым мы обезопасим себя от случайных свидетелей. Ведь английская солдатня вечерами валом валит во всевозможные увеселительные заведения: ночные клубы, рестораны, турецкие кофейни, где красивые молодые арабки демонстрируют зажигательный танец живота, – и в прочие злачные места.

– Неужели кто-то из них рискнёт пойти ночью, будучи к тому же подшофе, на плато Гиза? – удивлённо поднял брови и усмехнулся Борис Иванович. – Кому захочется тащить из отеля или отдельного кабинета блестящую красотку в жуткую могильную темноту мрачной усыпальницы фараона, рискуя упасть с крутого подъёма в узкой галерее и сломать себе ногу или шею?

– Это так опасно, господин Кляйн? – забеспокоился Скорцени. – Вы уже бывали в Великой пирамиде?

– Да, бывал, и не раз. И не в ней одной, – ответил Борис Иванович. – В 1930 году, будучи профессором Американского университета Каира, – совершил научную экспедицию в Саккару, – это в тридцати километрах южнее Каира, где находится древнейший некрополь столицы Древнего Царства – Мемфиса, резиденции правителей первых династий. Изучал тамошние святыни, был внутри всех одиннадцати царских пирамид. Больше всего меня поразили погребения фараонов Тети, Пепи I и Пепи II, а также центральное сооружение – ступенчатая пирамида Джосера, фараона 3-й династии.

– Это всё понятно, вы профессионал в своём деле, как я – в своём, – невежливо перебил его австриец, – Но вы не ответили на первую часть моего вопроса...

– Опасно ли находиться внутри Великой пирамиды в Гизе, так я вас понял, герр Скорцени?... – переспросил профессор. – Извините, что не называю вас по офицерскому званию... Я человек сугубо штатский... К тому же, ваш чин труднопроизносим. Прошу прощения, в прежней кайзеровской армии я что-то не припоминаю подобного...

– Не важно, господин Кляйн. Во времена кайзера Вильгельма в Германии много чего не было, что есть там сейчас, – нетерпеливо сказал Скорцени. – Продолжайте, пожалуйста, о пирамиде.

– Не знаю, какую опасность вы имели в виду, Отто, – торжественно начал профессор, – но, признаюсь, когда я впервые оказался у входа в это грандиозное, самое высокое в мире, после Эйфелевой башни в Париже, каменное сооружение – я испытал некий мистический трепет. Холодок пробежал у меня по коже, мне стало поистине жутко, хоть вокруг сверкал яркий солнечный свет. Но как только я взглядывал внутрь мрачного, отдающего

сырым затхлым холодком, коридора, уходящего по прямой линии вперёд и где-то там, в глубине теряющегося, – меня вновь охватывало волнение, и накатывала прежняя жуть. Тут я невольно вспомнил о знаменитом проклятии фараона...

– Проклятия фараонов? Что вы имеете в виду, профессор? – встрепенулся Скорцени.

– Я говорю о некоторых довольно загадочных и необъяснимых происшествиях, связанных с археологическими находками в Египте, в частности с – раскопками древних захоронений фараонов, – сказал Борис Иванович, и стал набивать золотистым, душистым ароматизированным турецким табаком свою неизменную короткую трубочку, сохранившуюся ещё со времён прошлой мировой войны. – И первым из череды этих странных случайностей была гибель 14 апреля 1912 года знаменитого «Титаника» – вы, Отто, надеюсь, знаете об этом великом, самом большом в мире корабле, который затонул от столкновения с айсбергом в северной Атлантике... Так вот, дело в том, что на борту «Титаника» находилась мумия прорицательницы Аменофис IV, весьма популярной во времена египетского фараона Аменхотепа IV. Примечательна история вскрытия её захоронения: забальзамированные останки вещуньи были извлечены из усыпальницы в небольшом храме. Под головой её лежала миниатюрная фигурка Осириса с надписью: «Встань из праха, и взор твой сокрушит всех, кто встанет на твоём пути». После находки, мумию из Египта отправили в Англию, а затем британский историк лорд Кентервиль решил вывезти её из Лондона в Нью-Йорк. Но, к сожалению, не довёз...

– Интересно, – подал голос сразу притихший, присмиривший Скорцени. – Что же было дальше?

– С мумией Аменофис – ничего. Она так и лежит до сих пор на дне Атлантического океана, – усмехнулся Борис Иванович. – А вот случай связанный с другой мумией – весьма примечателен. И произошёл он через десять лет после гибели «Титаника». 6 ноября 1922 года английским археологом и египтологом Говардом Картером и собирателем древностей Джорджем Карнарвоном, в ходе продолжавшейся почти шесть лет поисковой экспедиции в Долине царей, расположенной на западном берегу Нила, напротив древнеегипетского города Фивы – современного Луксора – была обнаружена гробница фараона Тутанхамона... Самое поразительное, что сразу после вскрытия гробницы стали неожиданно умирать участники экспедиции. К 1929 году умерло тринадцать человек, непосредственно спускавшихся в гробницу, и ещё девять их близких родственников. О том, что здесь имеет место какое-то магическое действие, связанное с древним проклятием, говорит надпись, найденная на стене гробницы Тутанхамона: «Смерть быстрыми шагами достигнет того, кто нарушит покой мёртвого правителя!»

– Это довольно интересно, дорогой мой профессор Кляйн, – снова, почему-то восторженно, повторил Отто Скорцени. – Нет ли каких-нибудь похожих надписей и на стенах Великой пирамиды в Гизе?

– Не знаю. Визуально на стенах в проходах, галереях и погребальных залах царя и царицы я ничего подобного не видел. Но в пирамиде, возможно, имеются скрытые помещения, – проговорил, неторопливо попыхивая трубкой, профессор. – До сих пор не найдена мумия самого фараона Хуфу. Гробница его пуста и даже крышка куда-то подевалась... Подумать только: кто мог утащить на себе такую многокилограммовую тяжесть, и для каких целей?

– Вы меня заинтриговали, господин Кляйн, – признался австриец. – Не смотря на возможное проклятие фараона, я просто горю желанием очутиться внутри этого уникального архитектурного сооружения и увидеть всё собственными глазами.

– Вы правы, Отто, – согласился Борис Иванович. – Как говорится: лучше один раз лицезреть одно из семи чудес света, чем сто раз о нём услышать.

– А ещё лучше – пощупать собственными руками, – ухмыльнулся Скорцени...

* * *

Феликс Кляйн со своей диверсионной группой прибыл в оазис Бахария глубокой ночью. Деревня Хияз располагалась на самом краю оазиса, состояла из нескольких мазаных глинобитных хижин в окружении высоких акаций, тамарисков, олеандр, финиковых пальм, фруктовых деревьев, различных кустарников и другой экзотической африканской растительности. Мазанки полого спускались к водному источнику, тревожно черневшему при ярком свете луны. Брехали собаки за высокими глиняными дувалами, блеяли овцы. Где-то далеко, в песках неистово и жутко выводили свою песню вышедшие на ночную охоту шакалы. Хохотали, словно сумасшедшие, гиены. Было холодно и солдаты надели шинели.

Старейшина бедуинов встретил их с керосиновым фонарём, пригласил капитана Кляйна в дом. Феликс в свою очередь позвал с собой унтер-фельдфебеля Апсэля Винкельхока и радиста, итальянца Торелло. Слуга старейшины сел в головной «Виллис» рядом с Гансом и поехал показывать, куда поставить на стоянку машины и мотоциклы.

Радист быстро связался со штабом полка особого назначения «Бранденбург», сообщил, что группа прибыла на место и приступила к выполнению задания. Из штаба, от командира полка полковника Макензена, пришла ответная шифрограмма.

Записав шифр на бумаге, Торелло после сеанса связи быстро перевёл полученное сообщение, доложил Феликсу:

– Синьор капитан, из Бенгази информируют, что Африканским корпусом взят Тобрук. Командующий генерал-лейтенант Роммель произведён фюрером в чин генерал-фельдмаршала.

– Это здорово, Торелло! – воскликнул в неподдельном восторге Феликс. – Теперь Роммель наверняка бросит все силы корпуса, высвободившиеся из-под Тобрука, на восток и продолжит наступление вглубь Египта. Наша миссия в Каире будет как нельзя кстати. Нужно завтра же приниматься за дело и внедрить в город несколько диверсионных групп.

Пришёл водитель Ганс Ланге и доложил, что автотранспорт отправлен на стоянку, выставлены часовые на всю ночь, солдаты легли спать в машинах или прямо на песке, расстелив плащ-палатки.

– Кто начальник караула? – сухо поинтересовался Феликс.

– Карлос Грава.

– Разводящий?

– Француз Бонифаций.

Капитан Кляйн вопросительно взглянул на унтер-фельдфебеля Апсэля Винкельхока.

– Что ж, караул подходящий, я в этих парнях уверен, – как бы отвечая на немой вопрос командира группы, сказал Апсэль. – К тому же, если учесть, что больше европейцев у нас в отряде нет, тем более – арийцев, – многозначительно подчеркнул убеждённый нацист, член НСДАП с 1934 года, Винкельхок. – Ну а ливийцы, копты, негритосы и прочие дикари пусть тянут ляжку, зорко охраняют наш покой. Они – люди второго сорта, унтерменши!

– Вы говорите, господин Винкельхок, да не заговаривайтесь, – встрепенувшись, мгновенно отреагировал на его слова Феликс. – Что это ещё за расистские бредни? Не забывайте, что я тоже не чистокровный немец: отец мой из России, а мать – африканка из племени масаев, живущих в бывшей германской колонии Танганьике.

– Извиняюсь, герр хауптман, не подумал, – вмиг стушевался Апсэль, не зная, куда девать блудливо забегавшие глаза. – Лично к вашей персоне мои слова не относятся. Вы – совсем другое дело. Вы – до мозга костей наш человек. Ариец – по духу... Хайль Гитлер! – неожиданно выкрикнул он диким голосом, так что вздрогнули все присутствующие в помещении, и вскинул руку к потолку в нацистском приветствии.

Все по привычке, заученно вытянули правую руку и попугаями повторили традиционное славословие фюреру, в том числе и Феликс. На этом небольшой инцидент был исчерпан, и диверсанты заговорили о главном...

На следующий день с утра капитана Кляйна растряс встревоженный старейшина деревни Мутасим, полное имя

которого было длинно и витиевато – Мутасим бин Наджиб аль-Шакир.

– Ас-сайид, просыпайся скорей! Пришёл полицейский инспектор Гавдат, проверяет документы у твоих людей на площади возле машин, и требует главного начальника воинского отряда. То есть – тебя.

– Чего он хочет, – с трудом продрав глаза, недовольно поморщился Феликс.

– Известно чего – бакшиш, – уверенно ответил Мутасим.

– То есть, взятку? – уточнил Феликс.

– Нет, что ты говоришь, ас-сайид, – в испуге замахал руками старейшина бедуинов. – Какой взятка? Взятка – большой грех. Бакшиш – да-а... Хорошо!.. Иди на площадь, поговори с полицейским Гавдатом. Он скажет...

С Гавдатом Феликс договорился быстро. Полицейский инспектор придрался к тому, что у капитана Кляйна и его людей не было специального пропуска на автотранспорт от главы административного центра оазиса. Всё дело решили две пятидесятифунтовые банкноты Банка Англии, которые капитан Кляйн вытащил из нагрудного кармана мятой форменной рубашки цвета пустыни, и незаметно сунул в шершавую влажную ладонь Гавдата. Тот горячо, по-восточному, поблагодарил, вплетая в красочные узоры речи причудливую вязь движений рук, головы и мимики довольного, лоснящегося от пота, смуглого лица, и тут же исчез, словно джин, выпущенный из сосуда.

Вместо него снова появился старейшина местных бедуинов Мутасим бин Наджиб, выжидательно уставился на Феликса.

– Всё в порядке, ас-сайид Мутасим, – успокоил его капитан Кляйн. – Здесь, в песках, купюры английского короля Георга VI могут легко разрешить любую, самую неразрешимую проблему. Знай только, вынимай бумажки и суй в потную лапу местных, алчных до бакшиша египетских чиновников.

– Но в Египте правит король Фарук I? – не поняв, удивлённо протянул Мутасим бин Наджиб.

– Конечно, конечно, уважаемый Мутасим, – согласно закивал головой Феликс. – Мало того, король Фарук I управляет не только Египтом, но ещё и Суданом, мне это хорошо известно. Но почему-то египтяне вместо национальной валюты, которая с началом войны сильно обесценилась, предпочитают английские фунты стерлингов. Вот и ваш полицейский инспектор, господин Гавдат тоже из их числа. Весьма показательный факт, не правда ли?

– Да, да, в смутное военное время, когда неизвестно, что будет завтра, люди предпочитают твёрдые деньги, обеспеченные золотом, а не простые раскрашенные бумажки, – с прискорбием согласился старейшина деревни. – Правда и в том, что английские фунты по курсу намного дороже ваших, германских марок, а тем более итальянских лир. Те вообще

не имеют никакой цены, бедуины, которые водят караваны в Ливию и Алжир, привозят лиры чуть ли не мешками... Ваши марки будут покрепче и устойчивее. Да ведь оно видно и на поле боя. Итальянцы давно бы уже потеряли всю Ливию, если бы не Африканский корпус генерала Роммеля.

– С некоторых пор уже – генерал-фельдмаршала, – поправил Феликс.

– Вот и я о том же говорю, ас-сайид Кляйн, – сказал старейшина Мутасим бин Наджиб. – Немцы намного сильнее итальянцев, и, возможно, сильнее англичан и южноафриканцев. Одно плохо – вас очень мало в Ливии. Англичан, южноафриканцев и прочих белых людей, ваших врагов, – больше. И поэтому вы проиграете эту войну, если вам не поможет Аллах.

– Вот как? Вы, значит, уважаемый Мутасим, не верите в победу Третьего Рейха над англо-американской коалицией? – удивлённо вскинул глаза на араба Феликс Кляйн. – Почему же вы нам помогаете?

– В Египте многие почтенные люди симпатизируют Германии, – ответил старейшина. – Дружественные настроения к вашей стране и фюреру Адольфу Гитлеру очень сильны в правительстве премьер-министра Хуссейна Серри-паши, да и простой народ, феллахи и бедуины моей родины, видят в немцах освободителей от вторгшихся в страну почти со всего мира чужеземных полчищ, которые согнали сюда проклятые англичане. К тому же, мы до сих пор не разорвали дипломатические отношения с Италией. А начальник генерального штаба нашей армии генерал Азиз аль-Масри в своё время отказался предоставить британскому командованию египетскую истребительную авиацию и войска для участия в операциях против итальянцев в оазисе Сива. Наш король Фарук I не хочет вступать в войну против Германии на стороне Англии: он не послал на фронт ни одного египетского аскера, ни одного верблюда. Это не наша война, и поэтому я вам помогаю, ас-сайид Кляйн. И не я один...

* * *

Глубокая ночь. На небе – огромный, загадочный диск луны, как будто глаз из потустороннего мира. Диверсанты фон Гарденберга, освещая дорогу электрическими фонариками, подходят к храму фараона Сети I в древнем Абидосе, до которого добрались на английской грузовой автомашине. Впрочем, это давно уже не Абидос, а захудалый провинциальный египетский городишко Эль-Араба-эль-Мадфун. Храм мёртв, но у людей ощущение, что за ними кто-то всё время следит. Тишина кругом жуткая, ни ветерка, ни собачьего лая.

– Вы что-нибудь слышите? – полуобернувшись, с тревогой спрашивает у подчинённых штурмбаннфюрер СС Зикфрид фон Гарденберг, но не получает ответа.

Он идёт первым. Пологая, почти горизонтальная каменная лестница ведёт к храму. Офицер, подсвечивая себе фонариком, внимательно разглядывает сильно стёртые подошвами миллионов людей, проходивших здесь, плиты ступеней. Казалось, они исходят из себя некую человеческую энергию, впитанную за тысячи лет. Эманации эти ощущаются почти физически. Но тревога исходит не только от ступней, но и от огромного прямоугольного сооружения древних египтян с длинным рядом квадратных колонн вдоль фасада. Они застыли на невысоком каменном фундаменте, как будто памятники на пьедесталах. Прямо напротив лестницы – широкий и очень высокий вход в храм. Оттуда то и дело вырываются какие-то непонятные страшные звуки: то ли сквозняки посвистывают в пустых чёрных проёмах, то ли шмыгают туда-сюда ночные грызуны: сони, слепыши, гребнепалые крысы, даманы, ящерицы сцинк.

– Это духи подземелья, мзее большой начальник! – шёпотом произнёс масай обер-лейтенант Буру. – Их много и они здесь... Я это чувствую своей кожей.

Длинная вереница людей проходит мимо царственных центральных колонн внутрь храма. На каждой стороне четырёхугольного каменного столба – изображения людей, животных, египетских царей, богов. Стук подкованных ботинок и сапог солдат гулко разносится по проходу, отдаётся от стен и высокого сводчатого потолка. Диверсанты – в тесно уставленном круглыми колоннами небольшом зале. Ветром тянет ещё сильнее, – откуда-то справа, из жуткой могильной черноты дует сильный сквозняк. Вопреки законам физики, лучи фонарей начинают вдруг сильно колебаться, как будто это зыбкое пламя свечей. Деформированные пучки света хорошо видны визуально. Кое-кто из арабов вскрикивает, не выдержав тяжёлого нервного напряжения... Возможно, это дрожат не сами лучи, а руки солдат, сжимающих фонарики. Внезапно все фонари гаснут, как будто кто-то одним нажатием пальца выключил электричество. Помещение погружается в вязкую, прилипающую к телу космическую темноту.

Штурмбаннфюрер фон Гарденберг – в глубоком смятении, голос его дрожит и рвётся, как бумага:

– Что это? Почему погас свет? Ты что-нибудь понимаешь, Чезаре? – поворачивается он к итальянцу, на ощупь дотрагивается до его плеча.

– Ни черта не понимаю, господин офицер, – дрожащим голосом отвечает Бамбино, торопливо чиркает зажигалкой.

Кто-то из немцев делает то же самое, стоявший рядом араб подставляет под маленький, золотисто-синеватый трепещущий огонёк пучок пакли; в гулком каменном мешке с колоннами становится светлее. По стенам неуверенно, как злые африканские духи, пляшут расплывчатые тени, из мрачных углов тянет

заплесневелой гробовой сыростью. Пустые мрачные коридоры – как пасть дьявола, раскрытая, чтобы заглотнуть жертву. Жуть и тишина невообразимые. Хоть бы летучая мышь пролетела или пробежала крыса. Никого. Лишь мрак и гнетущая неизвестность, – там, за двумя рядами облупленных, серых от времени колонн, на поверхности которых застыли приметы давно ушедшей в небытие эпохи. . . И колеблющиеся язычки пламени от нескольких зажигалок, вновь и вновь поджигающих паклю и промасленную ветошь, которой солдаты протирали на привалах оружие.

– Это не к добру! Нет, не к добру, – зловеще, как попавшая в западню змея, шипит масай Буру и звонко клацает затвором английского автомата. – Мзее большой начальник, нам надо быстрее уходить из этого запретного места. Иначе великий бог Энгаи ещё больше разозлится и накажет нас за непослушание. Я знаю, он это может. Энгаи даже может превратить человека в мерзкую лягушку-быка!

Молодой масай Симба крестится, еле слышно, одними губами шепчет католическую молитву. Араб Ибрахим ибн Латиф поминает Иблиса, он уверен, что это проделки его слуг: злых духов – шайтанов. Итальянец Чезаре Эспозито пробует шутить, но слова кляпом застревают у него в глотке. Мороз продурает кожу на спине. Бамбино ничего не понимает, то и дело встряхивает погасший фонарь, вытаскивает батарейку, несильно стучит ею о стену, засовывает на прежнее место. Щёлкает кнопкой включения. Свет неожиданно загорается. Тут же вспыхивают огни фонариков остальных диверсантов.

– Проклятье! Видно, с нами действительно играет в кошки-мышки сам Вельзевул! – взрывается бранью эсесовец фон Гарденберг. – Или, может, это ты, итальянец, колдуешь, как старая карга? Почему у тебя у первого зажётся фонарик?

– Я не знаю, синьор офицер, – пожимает плечами удивлённый не меньше штурмбаннфюрера Чезаре. – Я только проверил батарейку, постучал ею по стене, и свет загорелся. . . Думаю, – тут без нечистой силы не обошлось. Зря мы пошли в это проклятое место. Попомните мои слова – добром наша прогулка не кончится. Буру прав, нужно поскорее отчаливать назад. Нас уже предупредили. . .

– Кто нас предупредил, итальянец? Что ты болтаешь? – недовольно проворчал фон Гарденберг. – Мы должны выполнить приказ высшего руководства – исследовать загадочные рисунки, оставленные древними египтянами или пришельцами из других космических миров. Сфотографировать их. Тщательно изучить остальные залы и галереи: нет ли и там чего-нибудь подобного. На всё это у нас – только одна ночь, от силы – две. Потом британцы, верно, заинтересуются нами и пришлют сюда своих солдат. И нам придётся срочно убираться в пустыню. У

нас нет времени на пустую болтовню, итальянец! Лучше поскорее приступим к делу.

Эсесовец приказал людям рассыпаться по проходам и тщательно всё осмотреть, освещая фонариками стены, потолок, потолочные балки, колонны. Непонятные таинственные иероглифы должны быть где-то слева от центрального прохода храма, на стене. Фон Гарденберг как мог, примитивно объяснил туземцам масаям, абиссинцам, сомалийцам и арабам, что изображено на граните.

– Ищите рисунки, напоминающие итальянскую или немецкую военную технику: танки, бронемшины, самолёты, которые ваши глупые негритянские колдуны вуду называют крылатыми богами Мунгу, подводные лодки... Это такие корабли, похожие на больших, лобастых океанских рыб: акул или китов.

Не прошло и несколько минут, как из соседней галереи раздался радостный крик араба Ибрахим ибн Латифа:

– Есть, сайид Гарденберг. Скорее все сюда, нашёл!

Штурмбаннфюрер, Чезаре Эспозито, масай Буру и немцы унтер-офицеры вместе с лейтенантом поспешили на крик. У стены, согнувшись, стоял абиссинец по имени Фикаду, на спине у него расположился Ибрахим. Вырывая лучом фонарика из вязкой тьмы рисунок, выгравированный высоко на стене, он радостно взвизгивал и махал свободной рукой, призывая немецкое начальство. На стене были изображены два полуобнажённых египтянина, преклонивших перед кем-то колени. Каждый – с вытянутой левой рукой и длинным пучком то ли стрел, то ли цветов – в правой. Это были не простые крестьяне или воины, а скорее всего знатные особы, судя по специфическим причёскам, – густым волосам либо парикам, которые геометрически обрамляли лицо, – бусам в виде широкого воротника и заплетённой в косичку длинной бородке.

– Ну и что ты нашёл, Ибрахим? – мгновенно раздражаясь от беспостыдности подчинённого, ледяным тоном, зловеще спросил фон Гарденберг.

– Вот, сайид, – рядом с этим человеком справа – два турецких кальяна. Очень похоже, я знаю, – торопливо, с неподдельным восторгом заговорил араб.

Штурмбаннфюрер внимательно взгляделся в изображение справа, перевёл взгляд на левый рисунок, с досадой сплюнул. Нет, это было не то. Нигде в барельефе и намёка не было на современную боевую технику. На всякий случай велел одному из инструкторов, унтер-офицеру Гюнтеру Бенцу, сфотографировать оба рисунка. Гюнтер закрепил фотоаппарат «Leica II» на штативе, взял в левую руку кремниевую «машинку» для вспышки магния, тщательно прицелился, ловя кадр. На минуту взорвавшийся магниевый порошок ослепил присутствующих. Одновременно со вспышкой щёлкнул затвор фотоаппарата, запечатлевая на-

стенную роспись древнего египетского живописца. Гарденберг приказал людям продолжить поиски нужного барельефа.

Обер-лейтенант Буру не понимал, зачем им нужны какие-то рисунки? Разве они помогут победить англичан и убедить полковника Форбека приехать в Африку и снова взяться за оружие? Нет, совсем не помогут. И потому – всё это пустая трата времени. Вместо того, чтобы бесцельно бродить по пустым и страшным коридорам и комнатам в этой большой каменной хижине, где давно никто не живёт, кроме духов мёртвых, им лучше бы пойти дальше на юг в Судан, а потом в Абиссинию, где он воевал в рядах итальянской колониальной армии против императора Селассие I. Из Абиссинии можно пройти в Кению и дальше на родину в незабываемую Танганьiku. И снова раздуть там пожар непримиримой партизанской войны. Уже без Форбека. Теперь он сам, Буру, продолжит незавершённое дело полковника. И победит проклятых англичан! Или умрёт...

Солдаты и офицеры диверсионной группы штурмбаннфюрера СС Зикфрида фон Гарденберга разбрелись по всему храму, тщательно прочёсывая коридоры, галереи, залы и другие помещения, но нигде не могли найти нужный рисунок. Он как будто канул в воду, или испарился от невыносимой дневной жары.

– Проклятье, неужели профессор Кляйн что-то напутал? – метал грома и молнии фон Гарденберг, лично, квадрат за квадратом, обследуя каждую стену и каждую колонну. Ему казалось, что он разговаривает с лейтенантом Рихтером или одним из унтер-офицеров, но оторвав взгляд от колонны у входа и оглядевшись вокруг, – понял, что остался совсем один. Остальные диверсанты постепенно переместились вглубь пустого, тёмного храма. Голоса их были еле слышны, а вскоре и совсем пропали. Наступила мёртвая ночная тишина, и Зикфриду стало по-настоящему жутко. Он испугался собственного голоса и мгновенно смолк, сжавшись в ошетилившийся нервами, как ёж иголками, – комок и, казалось, весь превратился в сплошной слух. Ему чудилось, что изо всех мрачных углов, куда не доставал спасительный луч фонарика, к нему тянутся чьи-то зловещие костлявые руки. Особенно усиливались страхи, когда он поворачивался в какую-нибудь сторону – спина при этом оказывалась открытой для нападения, незащищённой. Он чувствовал опасность кожей спины, и английский пробковый колониальный шлем на его голове как будто приподнимался от вставших дыбом волос. Фон Гарденбергу казалось, что позади выползает из темноты ужасное четвероногое потустороннее существо, готовое наброситься на него и растерзать. Эсесовец тут же оборачивался и с облегчённым вздохом успокаивался, видя, что никого нет. Но сразу же воображение начинало рисовать новую зловещую картину: заматанную в погребальное

полотнище, ожившую мумию фараона Сети I, чей покой они нарушили, бесцеремонно вторгшись ночью в его святилище, или ещё какую-нибудь чертовщину.

Штурмбаннфюрер стал непроизвольно пятиться к выходу из храма, но что-то его вдруг насторожило. В самый последний момент он резко обернулся и дико закричал, увидев в широком и высоченном тёмном проёме чьи-то горящие как два угля, большие злобные глаза. Они, казалось, хотели испепелить его. И немецкий офицер, не переставая кричать, выхватил браунинг и несколько раз выстрелил в неизвестное существо. Не выпуская из рук оружия, стрелой помчался вглубь храма, к людям. В этот жуткий миг он напрочь забыл, что он ариец, то есть сверхчеловек, покоритель мира; что принадлежит к «ваффен-СС» – военизированным формированиям НСДАП, и служит в «Аненербе»; что люди, к которым он бежит, сломя голову, хватаясь как утопающий за соломинку, – вовсе таковыми не являются. Все эти негры, абиссинцы и арабы – недочеловеки, унтерменши, по которым плачут газовые камеры немецкого лагеря смерти!

Но что ему до того, если речь идёт об его собственной жизни? Что ему до всех этих жутких бредней рейхсфюрера СС Гимmlера и министра пропаганды доктора Геббельса, если его сейчас задушит костлявыми руками восставший из небытия царственный покойник и единственные существа, кто может ему помочь и защитить от зловещего зомби – эти самые унтерменши, люди второго сорта.

Навстречу ему уже бежали его подчинённые. Впереди, с итальянским автоматом наизготовку, с округлившимися от непонимания и мистического страха глазами, – Чезаре Эспозито.

– Кто стрелял? Что случилось, синьор офицер? – спросил он, тяжело дыша от быстрого бега. Звук его голоса эхом отозвался в мёртвом притихшем здании.

Диверсанты встревоженным роем ос окружили своего командира, угрожающе выставив в разные стороны стволы автоматов и пистолетов, готовые в любую минуту дать решительный отпор невидимому врагу. Всепоглощающий ужас перед неведомым и необъяснимым застыл в вылезавших из орбит глазах африканцев и арабов. Не меньше туземцев, по природе склонных к всякой потусторонней чертовщине, запаниковали и немцы. То и дело крестясь, они затравленно оглядывались по сторонам и не чаяли, когда выберутся из этого дьявольского места.

– Чезаре, я видел там, в проёме главного входа чьи-то глаза, – весь бледный, с трясущимися от страха руками, заикаясь, пролепетал фон Гарденберг, и Бамбино не узнал голоса штурмбаннфюрера, – настолько эсесовец был подавлен и деморализован. Сомнений не было: какие-то неведомые, неземные силы противодействуют им в их предприятии и явно хотят, чтобы они

убирались из храма на все четыре стороны. Итальянец, подумав, так прямо и высказал это командиру диверсионной группы:

– Синьор Гарденберг, видимо, дух фараона не желает раскрыть нам тайны храма. Он подал уже достаточно явных знаков, чтобы мы поняли это. Я, во всяком случае, уяснил, что никаких загадочных надписей и рисунков мы на стенах храма не найдём. Нужно уходить отсюда и чем скорее, тем лучше. Для всех нас...

– Я точно такого же мнения, герр штурмбаннфюрер, – поддержал Чезаре лейтенант Рихтер. – Итальянец прав: нас кто-то умело водит за нос. Мы обследовали почти каждый квадратный метр настенной храмовой росписи, и не нашли ничего похожего на современную бронетанковую технику, самолёты Люфтваффе и подводные лодки Кригсмарине... Я не знаю, духи фараонов ли восстали против нас, все силы Аида или невидимые внеземные пришельцы из далёких высокоразвитых миров, но нам их не победить в открытом бою. Они неуязвимы, и наши автоматы и пистолеты против них бессильны. Их нельзя убить и зарыть в песок Сахары, как бедуинов и англичан. Они сильнее нас и с этим нужно считаться.

– Вы все как будто походили с ума! Послушайте, что вы плетёте? – затравленно взглядываясь в лица солдат и офицеров подразделения, страшным, прерывистым голосом проговорил фон Гарденберг. – Какие духи, какие внеземные существа? Да по вас всех психбольница скучает, не иначе. Или вы нанюхались кокаина, и вам всё это пригрезилось в наркотическом дурмане? Выбросьте глупости из головы, не достойные доблестных солдат вермахта. Нам нужно выполнить приказ высшего руководства Рейха, и мы его выполним, чёрт возьми, кто бы ни стал у нас на пути! Не забывайте, что на нашу миссию в Египте возлагает большие надежды сам фюрер!

При его последних словах здание храма вдруг сильно содрогнулось, как будто рядом, на улице, взорвался артиллерийский снаряд или упала тяжёлая авиационная бомба, хотя ничего не взрывалось и не падало. Между тем, все почувствовали ощутимый толчок, как во время землетрясения, и некоторые солдаты, пошатнувшись, прильнули для устойчивости к стенам или выщербленным от времени колоннам. С потолка в самом конце зала с грохотом обрушился внушительный кусок гранитной балки. Хорошо, что в том месте никто не стоял, а то бы ему не поздоровилось.

Солдаты снова пришли в ужас, туземцы и арабы с громкими криками нестройным бесформенным стадом бросились к выходу из здания, думая, что началось землетрясение и сейчас на них обрушится кровля. Немцы тоже растерянно попятились вслед за ними к зияющему чёрным провалом спасительному проёму. Никто ровным счётом не понимал, что происходит, и это было самое страшное. Неизвестность всегда пугает намного больше, чем видимая, реальная опасность.

Однако штурмбаннфюрер фон Гарденберг не поддался всеобщей панике, решительно выстрелил из браунинга в потолок, чтобы остановить бегущих и привести в чувство малодушных. Велел итальянцу Чезаре следовать за ним, и снова двинулся вглубь храма...

Глава 21. «Войско пустыни»

В районе оазиса Куфра стали чаще попадаться итальянские колониальные патрули. Люди Владимира Пенякова легко справлялись с этими малочисленными, в большинстве – деморализованными поражением вражескими подразделениями. В серьёзные бои с крупными воинскими силами итальянцев, отступавшими по пустыне на север Ливии, предпочитали не ввязываться. Основной задачей майора Пенякова было поскорее соединиться с «Сахарской колонной» Леклерка. Для того, чтобы французы по ошибке не приняли их за немцев или итальянцев, Владимир приказал своим командос нацепить знаки различия британской королевской армии и, насколько это возможно, сменить форму одежды.

Отряд двигался осторожно, впереди неизменно шёл «Виллис» с разведчиками, которые то и дело останавливались, взбирались на дюны или барханы и внимательно осматривали местность. Она была печальна и пустынна, словно поверхность Марса. На многие мили к югу простиралась плоская, лишь кое-где всхолмлённая, песчаная равнина. Местами попадались глинисто-каменистые участки, встречались невысокие беспорядочные скальные нагромождения. В растительном покрове, где он был, преобладали серо-зелёные, серые и жёлтые тона, что придавало ему особенно грустный, дикий, безжизненный вид. На камнях порой виднелись колючие или стелющиеся растения с мелкими, как у японского чайного куста, листьями.

Возглавлявший патруль американец Майкл Филлипс всматривался вдаль в бинокль. В один из дней он первый заметил впереди какие-то фортификационные сооружения. Оказалось – это позиции итальянской армии, обращённые тылом к разведчикам. Они ждали нападения французов с юга, со стороны захваченного ими оазиса Куфра.

– Вот, наконец, и линия фронта, парни, взгляните, – проговорил Майкл, лёжа на горячем песке, и передал бинокль англичанину Тренту. Тот, полюбовавшись спинами сидевших в песчаных окопах итальянских берсальеров, сунул бинокль ливийскому арабу Гульзару. Ливиец отрицательно качнул головой, отвёл его руку с биноклем, подтянул за ремень английскую винтовку Smle Mk.III с оптическим прицелом. Он был снайпером. Вскинув винтовку, принялся рассматривать

итальянские позиции в оптический прицел. При этом что-то шептал на своём языке и восторженно цокал языком.

– Гульзар, смотри не выстрели в макаронников, с тебя станется, – предостерег Майкл. – Сообщим сначала господину майору, что впереди противник. Пусть сам решает, что делать – он начальник.

– Я вполне с вами согласен, сэр, – поддакнул англичанин Трент. – Зачем нам ворошить осиное гнездо и тем самым подвергать себя смертельной опасности? Лучше разведаем передний край итальянцев, найдём удобное место для перехода на ту сторону, и ночью благополучно проскочим... Не думаю, что окопы тянутся бесконечно, где-то же они заканчиваются...

Американец не успел ответить: как раз в этот момент в небе над их головами раздался отчётливый гул авиационных двигателей. Майкл быстро перевернулся на спину и стал рассматривать горизонт в бинокль. Араб Гульзар проделал то же самое, но смотрел в оптический прицел своей Smle, отчего со стороны казалось, что он целится в самолёт и вот-вот начнёт палить.

– Гульзар, я же предупреждал, парень, не играй у меня на нервах, – напомнил американец. – Нажмёшь случайно на курок и – поминай как звали. Самолёт не собьёшь, а наше местонахождение противнику выдашь. Что тогда?

– Извиняюсь, синьор Филлипс. Я раньше думал, что мы едем в Ливию бить итальянцев и немцев, – отозвался, не опуская винтовку, араб.

Рёв двигателей в вышине усилился, и даже невооружённым глазом можно было разглядеть самолёт, который держал курс на юг. По виду это был бомбардировщик, на распростёртых хищно крыльях воздушного стервятника отчётливо белели фашистские кресты.

– Это «Хейнкель-111», парни, – определил знающий Майкл Филлипс. Скептически усмехнулся. – Летит бомбить занятый «Войском пустыни» Леклерка оазис Куфру. Сейчас задаст лягушатника жару – мало не покажется. Это им не за слабыми итальяшками по пустыне гоняться...

Вернувшись к основным силам отряда, американец доложил обстановку майору Пенякову.

– Объехать итальянские позиции нельзя? – поинтересовался Владимир.

– Я думал об этом, Сэм, – сказал Майкл. – Нужно разведать правый и левый фланги макаронников. Возможно, где-то окопы не сплошные и можно будет проскочить.

Владимир согласился и послал две разведгруппы на фланги неприятельских позиций, чтобы отыскать проходы. Остальным командос велел готовиться к ночному броску через линию фронта. Немецких военнопленных, которых было около шести десятков, заставили рыть окопы. Делали это на случай воздуш-

ной разведки противника, чтобы создать видимость, будто оказываются итальянские войска, готовя второй эшелон обороны. Немцы с удовольствием принялись за работу, – всё лучше, чем трястись скученно в тесном кузове, обливаясь потом от невыносимой жары и думая постоянно о лишнем глотке воды. Вода в Сахаре ценилась дороже золота, и её приходилось экономить, чтобы растянуть подольше, – до следующего источника.

Вернувшись к своему командирскому «Виллису», майор Пеняков увидел возившихся с домкратом у заднего левого колеса водителя Джека Парсона и Николая Горюнова. Оба были раздеты до пояса, мокры от пота, как будто только что приняли душ, вымазаны сухой грязью и мазутом.

– Что случилось, ребята? Что-то серьёзное? – забеспокоился Владимир, присаживаясь на корточки рядом с солдатами. Заглянул под машину.

– Всё о-кей, Сэм, – вытирая замасленной рукой пот на лбу, беззаботно отмахнулся Джек. – Сушие пустыки, не думай... Просто на всякий случай ставим запаску, чтобы ночью во время прорыва через итальянские позиции задок не подгадил. Сдаётся мне, – камера слегка спускает, не успеваю подкачивать. Как прибудем на место, к французам, нужно будет разбортировать колесо да проверить камеру. Если что – заклеить.

Владимир Пеняков выпрямился, взглянул из-под ладони на юг, в сторону итальянских позиций. Задумчиво проговорил, ни к кому не обращаясь:

– Не пойму, куда девался немецкий бомбардировщик? Я думал, он полетел бомбить «Сахарскую колонну» майора Леклерка в оазисе Куфра, но по времени – уже должен возвратиться назад, а его всё нет. Сбили его французы, что ли?..

– А у них разве есть зенитки, Сэм? – откручивая баллонным ключом гайки на колесе, спросил Джек Парсон.

– Зениток, возможно, нет – только пулемёты... – сказал, отрицательно качнув головой, Владимир. Немного помолчав, добавил: – Хотя вряд ли из обыкновенного ручного пулемёта собьёшь бомбардировщик. Да и из станкового – тоже. Слишком высоко.

– Может, вернулся назад другим путём? – предположил Николай Горюнов, откатывая в сторону снятое колесо. Подтащил к задней ступице запаску.

– Мало вероятно, – отрицательно качнул головой в арабском платке-куфии Пеняков. – Зачем ему зря крюк давать над пустыней, лишнее горючее жечь. Немцы – народ экономный, бензина у них у самих – в обрез. Не то, что у нас – из нефтяных месторождений Месопотамии.

– А откуда немцы берут нефть? – поинтересовался Парсон. – В самой Германии, насколько я знаю, её никогда не было. До войны можно было купить, а сейчас?

– То же самое, Джек, – усмехнулся Владимир Пеняков. – Покупают через третьи страны... Война войной, а бизнес, как говорят американцы, – бизнесом.

– Неужели британские нефтяники продают Гитлеру месопотамскую нефть? Что за чушь, Сэм? Ты в это веришь? – вскрикнул от негодования Парсон.

– Не напрямую, но, вероятно, как-то всё-таки продают, – стоял на своём Владимир. – Я же сказал, Джек, – через нейтральные страны... Точную схему не знаю, но там, где пахнет фунтами стерлингов, крупные английские буржуа не церемонятся... А немцам поставляет нефть ещё и Румыния – верный союзник Германии... Не забыл?

– И много там нефти?

– Насколько мне не изменяет память, – добыча нефти в румынском Плоешти составляет около пяти миллионов тонн в год, не считая крайне незначительных месторождений во Франции, Польше, Венгрии и русской Галиции.

В это время на юге, еле видная на горизонте, показалась движущаяся точка. Майор Пеняков обратил внимание. Точка, приближаясь, постепенно увеличивалась в размерах, можно было уже различить хвост и крылья. Без сомнения, это был немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111», который возвращался на базу после выполнения задания. Послышался гул авиационных двигателей.

– Отбомбился, фриц. Сбросил на головы «воинам пустыни» подарки с неба, – констатировал, следя за самолётом из-под козырька ладони, майор Пеняков.

Водитель Джек Парсон и Николай Горюнов, бросив работу, тоже стали наблюдать за вражеским самолётом. «Хейнкель» летел не ровно, а как бы скачками, постепенно снижаясь. То ли его повредили выстрелами с земли, то ли были какие-то технические неполадки. Он явно тянул из последних сил. Достигнув расположения отряда майора Пенякова, двигатели бомбардировщика и вовсе замолкли и самолёт начал стремительно пикировать к земле.

– Гляди, Сэм, он падает, падает! – весело закричал и даже захлопал в ладони Парсон, довольный несказанно, будто это он лично только что сбил вражескую крылатую машину.

Заметили непонятный манёвр самолёта и другие разведчики, кое-кто завёл двигатель джипа, намереваясь ехать к месту предполагаемого падения бомбардировщика. Перед самой землёй лётчику, наконец, удалось выровнять машину, и «Хейнкель» совершил вынужденную посадку, зарывшись в песок по брюхо, как выброшенная на берег океана акула.

Майор Пеняков, махнув рукой Джеку и Николаю, опрометью бросился к ближайшему «Виллису». Запрыгнув в кузов, крикнул водителю: «Гони!» Джек с Николаем на ходу уцепились за поручни сорвавшейся с места машины, подтянувшись на руках,

перевалились внутрь, на заднее сиденье рядом с майором. «Виллис», развив бешеную скорость, помчался к приземлившемуся бомбардировщику. Следом, – ещё один джип. В клубах песка и пыли машины за несколько минут преодолели отделявшие их от самолёта несколько миль. «Хейнкель» был совершенно цел, не горел, – лётчик всё ещё находился в кабине. От удара он, видимо, потерял сознание и не мог придти в себя.

Солдаты вытащили немца из самолёта, он чуть не упал. Его посадили на песок, отобрали оружие и документы. Подошёл Владимир Пеняков, заговорил с пленным офицером по-немецки:

– Кто вы?

– Франц Бонскакк, лейтенант Люфтваффе.

– А точнее? – допытывался майор.

– Второй воздушный флот генерал-фельдмаршала Кессельринга, десятая бомбардировочная эскадра, – ответил немец.

– Откуда вы летите?

– Из Французской Экваториальной Африки, с территории колонии Чад.

– Цель полёта?

– Бомбардировка города Форт-Лами и его окрестностей.

– Задание, думаю, выполнено успешно?

– Да, сэр, – простодушно ответил немец. – В результате налёта мной уничтожены значительные запасы нефти и бензина в хранилищах, а также – около десяти французских самолётов на аэродроме.

– Серьёзно, – уважительно хмыкнул майор Пеняков. – Почему сели в пустыне?

– Не хватило топлива, чтобы долететь до аэродрома в Ливии, – сказал офицер. – А теперь можете меня расстрелять.

– Зачем же так? – удивился Владимир. – Мы ведь не СС и не гестапо...

– Я на всё готов! – поднявшись на ноги, высокомерно проговорил немец.

– Вот и хорошо... Вы землю, вернее, песок копать можете?

– Могилу себе рыть не буду, – отрицательно качнул головой гордый лётчик.

Майор Пеняков повернулся к своим людям:

– Свободная штыковая лопата найдётся?

Водитель «Виллиса» протянул майору лопату.

– Возьмите, герр лейтенант, шанцевый инструмент и садитесь в машину.

Немец брезгливо принял из рук Пенякова лопату, нехотя полез в «Виллис». Вскоре джип затормозил возле копавших глубокую траншею немецких военнопленных. Владимир приглашающе кивнул немецкому офицеру:

– Прощу, господин Бонскакк, – приступайте к работе. . . . Ужин и воду вы ещё не заработали, можете воспользоваться пока шоколадом. Я знаю, немецким лётчикам выдают по плитке перед полётом. . .

Перед самым рассветом, часа в четыре, колонна автомашин отряда майора Пенякова на полной скорости пошла на прорыв. Разведчики днём разыскали удобное место на стыке двух итальянских подразделений, где можно проскочить: арабской колониальной роты и центурии добровольной фашистской милиции чернорубашечников (MVSN). Впереди шло три «Виллиса», командирский – третьим, за ними два армейских германских грузовика – один с пленными немцами, и в арьергарде – остальные джипы. Не ожидавшие дерзкого нападения с тыла, итальянцы запаниковали, как только им в спину ударили тяжёлые пулемёты с передних «Виллисов». В окопы полетели гранаты и дымовые шашки, поднялся невообразимый грохот, поле боя враз окуталось разрывами, пылью и дымом, сквозь густые клубы которого невозможно было ничего рассмотреть. Спешно призванные под ружьё, необученные ливийские арабы и чернорубашечники в ужасе побежали, решив, что их атакует целая неприятельская армия. Бойцы Пенякова поливали их на ходу раскалённым свинцом из автоматов, водители давили колёсами разбежавшихся в разные стороны, как зайцы, вражеских солдат. В ответ по разведчикам не раздалось почти ни одного выстрела. Всё хвалёное фашистское воинство Муссолини, побросав тяжёлое, а зачастую и личное оружие, окопы и огневые точки, в панике ретировалось в тыл. Некоторые, потерявшие ориентацию от страха итальянцы, бежали в сторону французских позиций, и колониальные бойцы майора Леклерка скашивали их пулемётным огнём или одиночными винтовочными выстрелами. Всё действие сильно напоминало африканскую охоту сафари, или необычный тир, где по полю бегали живые мишени.

Проскочив передовую, майор Пеняков громко крикнул водителям, чтобы остановили машины и не ехали дальше. Французы могли принять их за итальянцев и открыть огонь. Владимир выскочил из командирского джипа и, махая куском белой материи, прикреплённым к штыковой винтовке, пошёл в сторону французских позиций. При этом он кричал по-французски, чтобы не стреляли, уверял, что они – свои и хотят встретиться с начальником французского подразделения. Машины отряда медленно ехали вслед за майором, бойцы, оборачиваясь, то и дело стреляли в разбежавшихся по песчаной равнине деморализованных итальянских солдат-чернорубашечников и ливийских арабов.

Пенякова слышали. С французской стороны, тоже с белым флажком на обнажённой сабле, стал приближаться офицер в традиционной французской колониальной форме, в круглом белом кепи с козырьком и полотнищем назатыльника. Когда офицеры сошлись посередине поля, француз галантно представился:

– Капитан Жак Массю. Вооружённые силы организации «Свободная Франция», «Сахарская колонна».

Владимир назвал себя. Подъехали на машинах его командос. Француз, обернувшись, прокричал своим, что всё в порядке, и из окопов вышла внушительная группа сахарцев. Произошла своеобразная встреча двух воюющих против держав Оси союзных «армий», – французской и английской. Но и в той и в другой солдат титульной нации было меньшинство. В рядах французов были в основном чёрные африканские аскари, арабы и берберы. Обмундирование на всех пёстрое – это были представители почти всех территорий Французской Экваториальной Африки. В основном преобладали сенегальские стрелки в кителях цвета хаки без погон, такого же цвета штанах и в красных фесках с назатыльниками на головах.

Капитан Жак Массю передал англичан другому офицеру, капитану де Гиббону, а сам, построив сенегальских стрелков в боевой порядок, быстро повёл их занимать оставленные итальянцами позиции. Грех было не воспользоваться благоприятно сложившейся обстановкой на фронте.

Капитан де Гиббон распорядился, чтобы отряд британских союзников пропустили вглубь французских расположений, сам вскочил на подножку «Виллиса» майора Пенякова, указывая путь. Отряд проследовал во временный палаточный лагерь «Войска пустыни». Машины отогнали на стоянку, там же располагался и автотранспорт французов. Майор Пеняков с де Гиббоном направились в штаб, – к такой же, как и остальные, палатке, только меньших размеров. У входа на посту стояло два французских солдата в традиционных армейских стальных шлемах, напоминавших каски парижских пожарных, вооружённые французскими пистолетами-пулемётами Mas 38 с деревянными прикладами и прямыми, вертикально расположенными магазинами.

В палатке находилась группа младших французских офицеров и сам командующий «Сахарской колонной» майор Филипп де Отклок, или как он теперь звался, Леклерк. Он радушно встретил знаменитого английского разведчика и диверсанта, о котором хорошо знали не только в Египте и Ливии, но и на юге Сахары, во французских владениях. Майор Леклерк горячо пожал руку Владимиру.

– Очень рад вас видеть, Сэм Попский. Наслышан, наслышан о ваших подвигах. Солдаты слагают о вас легенды. Причём, заметьте, – французские солдаты.

Владимир искренне засмутился, не привыкший выслушивать в свой адрес подобные комплименты.

– Ну, что вы, месье Филипп, какие там подвиги? Так... путешествуем по пустыне, постреливаем в немцев и итальяшек, если где повстречаем. Только и всего... Кстати, я такой же Попский, как вы Леклерк.

– Псевдоним? – чему-то обрадовался французский майор.

– Если бы... Английские офицеры окрестили, – усмехнулся Владимир. – А ребят моих назвали «Личной армией Попского», смешно, не правда ли. Ну, какая у меня армия? Тем более – личная.

– То же самое могу сказать о себе, коллега, – поддержал разговор общительный француз. – Мой небольшой отряд доморощенные юмористы зовут высокопарно «Войском пустыни»... Итак, предлагаю по такому случаю выпить «Кальвадосу»! У меня, сэр Пеняков, в запасе завалялось три бутылочки отличного довоенного яблочного бренди. Вы, надеюсь, знаете, что его перегоняют из сидра в Нижней Нормандии. Крепость – больше сорока градусов. Пальчики оближете! Приказать, чтобы принесли?

– А за что пить будем, месье Леклерк? – простодушно переспросил Пеняков.

– Как за что? Я же сказал, – нарочно состроил обиженную мину на лице командующий французскими силами. – За соединение «Войска пустыни» майора Леклерка и «Личной армии» майора Попского. Простите, сэр, – Пенякова.

– За это грех не выпить, – сдался Владимир...

* * *

Амахар Мохаммед, возглавлявший группу туарегов, проникших в Триполи для того, чтобы похитить жену аменокаля Идигера, беглянку Тамалу, вернулся в стойбище султана один. Все его люди были перебиты в ночной перестрелке в доме профессора Кляйна.

Идигер был вне себя от ярости.

– Мохаммед, ты не справился с заданием! Что прикажешь с тобой сделать? – кричал повелитель на покорного вассала.

– Но в доме в нас начали стрелять, аменокаль, – оправдывался амахар. – Тогда Винаруз убил служанку чёрной госпожи, хозяйки дома. Я хотел убить и саму хозяйку, послал двух воинов в её комнату, но оттуда раздались выстрелы и оба посланца были убиты. Затем убили и Винаруза... Вероятно, в доме была засада полиции. Кто-то нас предал итальянцам, и нас ждали.

– Уйди с моих глаз, Мохаммед, – сердито махнул рукой Идигер, и вассал, подобострастно кланяясь, проворно попятился к выходу из шатра.

Аменокаль выглянул на улицу и громко позвал халифа Ур Ахамук эль-Хира и амахара Фирхун аг Иклу. Приближённые сейчас же явились, как будто ждали приказа повелителя у входа.

– Я никак не могу вернуть себе Тамалу, проклятая постоянно ускользает от меня, как ящерица в пустыне, – пожаловался Идигер. – А без неё, женщины из высокого рода имананских султанов, – потомков пророка, я не могу называться султаном. Великий пророк всех мусульман Магриба, ослепительный Мухаммед отвернулся от своего верного слуги и помогает

беглянке. Кого бы я ни послал на её поимку в город белых людей – обязательно убивают, у Тамалу находятся всё новые и новые защитники. Кажется, сам Аллах взял её под своё покровительство. Что вы скажете на это, мои верные соратники?

– Ветер Сахары перетирает в пыль крепкие скалы, – многозначительно вымолвил халиф эль-Хира, задумчиво перебирая чётки. – Я не думаю, что душа хрупкой Тамалу крепче камня. Когда-нибудь она вернётся к тебе, повелитель. Нужно ждать.

– Но если ничего не делать – скала будет стоять вечно, – возразил Идигер. – А ты что думаешь, мой верный Фирхун? – повернулся он к амахару, командиру полка воинов-мехаристов.

– Пока Тамалу жива – она не перестанет быть твоей женой, о, аменокаль, – сказал Фирхун аг Иклу. – Значит, ты не перестанешь быть потомком пророка... Я думаю, что тебе нужна женщина. Вернее, юная, стройная и грациозная, как антилоп-орикс, девушка. Прикажи, султан Идигер, и твои непобедимые воины приведут в твой шатёр столько прекрасных арабских, берберских и итальянских девушек, сколько молодых антилоп бродит стадами по песчаным равнинам Идехан-Марзука.

– Но мне не нужно столько молодых девушек, – гневно вскричал Идигер и с силой топнул по пыльному ковру ногой, обутой в ирратимен, – широкий сандалий из бычьей кожи с закруглённым мысом и пяткой, с ремешками из красной кожи, изготовленными ремесленниками народа хауса из Агадеса и Дамергу. – Мне нужна только моя Тамалу, и не мёртвая, а живая! Почему никто не может притащить скверную девчонку в мой шатёр? Неужели это так сложно?

– Шейх Идигер, выслушай меня спокойно, – вкрадчиво заговорил халиф эль-Хира. – То, что Тамалу помогают белые люди, ещё полбеды. С итальянцами и их вассалами, ливийскими арабами, мы справимся без труда. Но ей, как ты сам говоришь, о, мой повелитель, покровительствует сам Аллах. Но кто из смертных рискнёт идти против Всемогущего? Нарушить его волю? Только безумец...

– Значит, ты считаешь, Ур Ахамук, что я безумец и нарушаю волю Аллаха? – зловеще уставился на халифа обезумевший от горя аменокаль Идигер аг Муса. – Ты правда так думаешь о своём повелителе?

– Я не сказал ничего подобного, шейх, – испуганно воскликнул халиф. – Поступай так, как тебе подсказывает твоё горячее, справедливое сердце, а я всегда буду на твоей стороне. Приказывай!

– То-то же, – самодовольно хмыкнул аменокаль. – Подбери десятка два самых лучших воинов-имхаров на быстроногих белых дромадерах из моей личной султанской гвардии. Я сам поеду в Триполи, чтобы отыскать беглянку Тамалу и вернуть её в мой шатёр. Вы оба поедете со мной. Запаситесь в

дальнюю дорогу водой в бурдюках и провизией. Выступаем, как только стемнеет...

Вопреки своим собственным словам, Идигер всё же велел привести в его шатёр несколько девушек, взятых в плен в приграничных с Триполитанией оазисах. Гвардейцы султана отобрали с десяток самых прекрасных юных созданий, среди которых были смуглые арабки и берберки, загорелые итальянки, чернокожие африканки и одна еврейка. Еврейка понравилась аменокалю больше всех, и он оставил только её одну. Всех остальных воины загнали в соседнюю палатку, бесцеремонно освободив её от постоянных обитателей – приближённых великого султана. Возможно, повелителю понадобится ещё какая-нибудь юная гурия-обольстительница.

– Как тебя зовут, бинти? – обратился султан к девушке, смущённо стоявшей перед ним на ворсистом, ручной выделки, магрибском ковре. По возрасту, она действительно вполне годилась повелителю в дочери. Одета лишь в лёгкую и длинную до пят, прозрачную накидку, которая вся просвечивалась при тусклом свете керосиновой лампы, наложница была очень соблазнительна.

– Рохель, – смущённо ответила девушка, слегка прикрывая ладонями остро торчавшие под накидкой, упругие груди.

– Подойди ко мне, – позвал повелитель.

Рохель повиновалась.

– Ложись...

– Одежду снимать?

– Ты это называешь одеждой?..

Прозрачная накидка невесомой паутиной упала к ногам наложницы.

– А ты?

– Нужно говорить, аменокаль...

– Прости! А ты, аменокаль? Так и ляжешь совсем одетый?

– Мне нельзя снимать с головы лисам,⁶ чтобы ты не увидела моего лица.

– Почему, аменокаль?

– Потому что, если кто-нибудь увидит моё лицо, я должен его убить!..

Вечером, как и было решено заранее, едва солнце спряталось на западе за зубчатую гряду пирамидальных барханов, небольшой отряд Идигера верхом на знаменитых туарегских белых одногорбых верблюдах выступил в далёкий поход. Аменокаль долго вспоминал ласковую, услужливую и неистовую в разнузданной постельной страсти еврейку Рохель: вкус её влажных губ, запитый бокалом хорошо отстоянного, ароматного ливийского вина, в которое специалисты, по слухам, добавляют немного солёной средизем-

⁶ Лисам – головное покрывало туарега (тамашек).

номорской воды; податливую упругую мягкость груди и живота. Ему даже захотелось сделать её своей женой вместо капризной беглянки Тамалу, и на этом прекратить бесполезные поиски и бесконечные погони за дерзкой, непослушной берберкой. Одно останавливало – не знатное, плебейское происхождение Рохель. Всё-таки быть мужем девушки из рода знаменитых имананских султанов, а значит, считаться потомком самого пророка Мухаммеда было намного престижней, чем жениться на безродной, бедной еврейке из грязных трущоб какого-нибудь ливийского портового городишки. Но даже будь Рохель богатой наследницей скупого и расчётливого еврейского банкира из Триполи или Бенгази, это не принесёт Идигеру славы и уважения соплеменников.

Размышляя так, он уже начинал чувствовать, что какие-то странные, доселе не испытанные, необратимые процессы постепенно растекаются по его организму. Начинает тяжелеть рука, учащаться дыхание, слегка сдавливать, будто стальным обручем, виски. Он не понимал, что с ним происходит, как не мог знать о том, что именно в этот миг беглянка Тамалу вместе с Брониславой Кляйн садились в морском порту Триполи на итальянский военный пароход, чтобы плыть на Сицилию.

И дело даже не в том, что дерзкая, безрассудная, как и все прежние, экспедиция его была заранее обречена, что почти никто из воинов не вернётся в родное кочевье, погибнув в песках от жажды или метких пуль итальянский берсальеров... Просто заканчивалось время рыцарей пустыни, храбрых воинов – бескомпромиссных и честных – и на смену им приходили расчётливые, прагматичные и хитрые дельцы, единственной целью и смыслом существования которых были – деньги! Они молились на золото, как на древнеизраильского Тельца, почитая его своим божеством, предпочитали обман и подкуп там, где раньше всё решали туарегский меч – такуба, и честный – один на один – рыцарский турнир-поединок.

Деньги изменят мир до неузнаваемости, а главное, изменят самих людей. Превратят их в алчных, завистливых и беспринципных рабов... Но всё это будет потом, а пока по необъятным просторам Сахары, горсткой почти не видимых с высоты орлиного полёта термитов, двигаются люди великого аменокаля конфедерации туарегов Кель-Аджер, султана Идигера аг Мусы. Сам он чувствует себя очень худо: зря, наверное, перед походом предавался чувственным наслаждениям с загадочной, невесть откуда взявшейся в становище еврейкой Рохель. Может, съел что-нибудь несвежее, или выпил... Да-да, он выпил бокал вина, который преподнесла ему прекрасная еврейка Рохель. И она тоже выпила... Но откуда взялось вино? А тем более – европейские бокалы? Он ведь всегда пил из своей любимой глиняной чашки, доставшейся ему от прадеда...

Аменокалю всё хуже и хуже. Вот он уже валится с верблюда в песок, и гвардейцы в длиннополых доккали – просторных туниках тёмно-синего цвета – едва подхватывают его у самой земли. Повелителя осторожно укладывают в песок в ногах у верблюдов, разрывают на груди тунику. Он хрипит и задыхается, сам срывает с лица покрывало – лисам. Все видят его безбородое, изуродованное застарелым ломаным шрамом от удара кинжалом, лицо.

– Как вы посмели, подлые трусливые шакалы, видеть лицо своего повелителя?! – гневно хрипит Идигер и хватается за висевший у пояса меч-такубу. – Я всех вас убью! Всех! А потом и себя. . .

Но сил у повелителя нет, он не может вытащить меч из ножен. Наступает агония. Идигер бьётся в предсмертных конвульсиях ещё несколько минут, изо рта его бежит пена, как у бешеного верблюда. Вскоре султан затихает.

Туареги начинают готовить его к погребению. Нести тело назад, в оазис Юфитран возле озера Умм-Убари, недалеко от границы с Алжиром, нет никакого смысла. Всё равно по такой жаре не донесёшь. К тому же им ещё нужно исполнить последнюю волю повелителя: убить неверную беглянку Тамалу. После смерти султана, она тоже должна уйти тропой всех смертных на небо, – убажывать его вместе с остальными гуриями в сказочных райских куцах. . .

Глава 22. Провал операции «Тень орла»

Профессор Борис Кляйн каждую ночь совершал вылазки в Великую пирамиду фараона Хуфу, а днём, едва отдохнув пару часов, безуспешно бился над разгадкой её тайн. Помимо Отто Скорцени и двух солдат – египетских арабов, за ним неизменно следовал Иван Андреюшкин. Он постепенно сильно привязался к профессору, они сдружились: общая работа, а главное – общая родина, Россия, сроднили их. По мере возможности, исследовал Борис Иванович и гигантское изваяние Большого Сфинкса, хоть это весьма нелегко было сделать днём, когда вокруг бродили толпы британской солдатни со всех концов света. Вояки с наслаждением потягивали пиво прямо из бутылок с красочными этикетками и без конца щёлкали затворами фотоаппаратов, запечатлевая друзей и сослуживцев на фоне величественных пирамид или не менее величественного Сфинкса. Кое-кто фотографировался с девушкой, с которой накануне познакомился на шумных, суетливых улицах ночного Каира. Профессор Кляйн тоже фотографировал, но его, естественно, больше интересовали памятники прошедших эпох, нежели современные люди.

Постепенно в голове Бориса Ивановича стала складываться научная проблема, которую он хотел выяснить на плато Гиза. Изучая рисунки на стенах пирамид, храмов и гробниц, он вдруг заинтересовался антропологическим изображением древних египтян: все они были явные европейцы, в то время как лицо Большого Сфинкса сильно напоминало негроида. Сразу же, как только у него появились эти мысли, он поделился ими с Отто Скорцени и Иваном Андреюшкиным. И не потому, что они могли ему чем-то помочь, а просто, чтобы порассуждать вслух, озвучить свои догадки и предположения: помочь ему в научных изысканиях они, конечно же, ничем не могли.

– Господин Кляйн, ваша задача – найти на плато секретную, зашифрованную в древних египетских иероглифах информацию, касающуюся строительства пирамид, – нетерпеливо прервал ход его мыслей унтерштурмфюрер. – Иными словами: отыскать следы инопланетной цивилизации, которая помогла египтянам создать эти колоссальные сооружения в безводной пустыне... А кто изображён на стенах пирамид и храмов: негры или европейцы, – руководство «Аненербе» вовсе не интересуется.

– А что же тогда интересуется руководство «Аненербе»? – поинтересовался профессор.

– Внеземные высокие современные технологии, способные помочь Третьему Рейху создать новое, сверхмощное оружие, которое бы уничтожило всех наших врагов, – с пафосом сказал Скорцени, заученно повторяя инструкции вышестоящего начальства.

– В «Аненербе» уверены, что пирамиды в Гизе строили инопланетные существа? – снова переспросил Борис Иванович.

– Без сомнения, так оно и есть, – подтвердил эсесовец. – Вы сами должны понимать, профессор, что примитивными орудиями труда, которыми располагали рабы фараонов... а строили пирамиды, конечно же, рабы, – такую колоссальную работу за такое короткое время не сделаешь. Ведь, согласно историческим сведениям, самую большую на плато, – Великую пирамиду фараона Хеопса воздвигли, если не ошибаюсь, всего за какие-то двадцать лет? Ну, посудите, профессор, разве такое возможно? А тем более с такой точностью подгонки многотонных каменных блоков, между которыми нельзя просунуть и лезвие ножа.

– Я с вами вполне согласен, герр Скорцени. Извините, что не называю по званию – просто не могу его выговорить, – в который уж раз подчеркнул профессор. – Вы мне просто не дали договорить. А между тем, внешний антропологический вид изображений людей в пирамидах и лицо Большого Сфинкса натолкнули меня на мысль, что люди, изначально населявшие планету Земля, были негроидами. Об этом говорит не только лицо Большого Сфинкса, но и многие археологические находки в Африке. Согласно известной теории

Чарльза Дарвина, которую он высказал в своей книге «Происхождение человека» ещё в 1871 году, именно Африка является колыбелью человечества. Этому же мнению придерживается и английский учёный Томас Хаксли в своём труде «Свидетельства о месте человека в природе». Но, если первые люди на земле были чернокожими, то возникает естественный вопрос: откуда взялись белые европейцы? В частности, египтяне, хоть они, вероятно, не были чисто белыми, а скорее всего их тела были бронзового цвета, как у американских индейцев. Я думаю, что люди белой расы являются потомками некогда прибывших на планету Земля высокоразвитых существ из иной, намного опередившей по техническому развитию нашу – цивилизации. Представители инопланетян возглавили все существовавшие на тот момент земные империи, поделились своими техническими достижениями с первобытными землянами. Те, как и следовало ожидать, в силу своей дремучей отсталости, объявили пришельцев богами, небожителями, пророками, мессиями, буддами и стали им поклоняться. Преклонение постепенно трансформировалось во все земные религиозные культы.

– И у вас, герр Кляйн, есть неопровержимые доказательства вашей теории? – восторженно заблестел глазами никогда не слыхавший ничего подобного любознательный австриец.

Иван Андреюшкин, за всё время учёной беседы не проронивший ни слова, тоже разволновался при последних словах профессора, подался вперёд, ожидая услышать сенсацию, которая перевернёт все его прежние представления о мироздании. Ему показалось, что мазанный глиной пол жилища Абдалмалика ибн Макрама слегка покачнулся и зашаталась устои.

– Есть, господин Скорцени, – торжествующе воскликнул Борис Иванович.

– Ну и где же они?

– Не столь уж и далеко – в Библии... Да-да, Отто, – видя, как разочарованно отреагировал на его признание эсэсовец, поспешил заверить профессор и попросил Андреюшкина принести Библию. – В Ветхом Завете, в книге иудейского пророка Иезекииля я наткнулся на загадочное описание, вот послушайте. – Борис Иванович раскрыл пухлый том в нужном месте, убрал закладку и стал вдохновенно читать:

«1. И было в тридцатый год, в четвёртый месяц, в пятый день месяца, когда я находился среди переселенцев при реке Ховаре, отверзлись небеса, и я видел видения Божии...»

Унтерштурмфюрер СС Скорцени недоуменно пожал плечами, как бы спрашивая у профессора, зачем ему всё это слушать, но Борис Иванович, не обращая на это внимания, продолжал:

«4. И я видел, и вот, бурный ветер шёл от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него,

5. а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырёх животных, – и таков был вид их: облик их был, как у человека...»

– Нельзя ли покороче, господин профессор, лучше лишний час проведём на плато Гиза, изучая пирамиды, – нетерпеливо поморщился австриец.

– Сейчас будет самое главное, вот послушайте, – делая большие купюры, продолжил чтение Борис Кляйн:

«10. Подобие лиц их – лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырёх; а с левой стороны лице тельца у всех четырёх и лице орла у всех четырёх...»

13. И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; огонь ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня.

14. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния.

15. И смотрел я на животных, и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их.

16. Вид колес и устройство их – как вид топаза, и подобие у всех четырёх одно; и по виду их и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе.

17. Когда они шли, шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались.

18. А ободья их – высоки и страшны были они; ободья их у всех четырёх вокруг полны были глаз...»⁷

Завершив чтение отрывка, Борис Иванович победно взглянул на собеседника.

– Ну и что тут особенного? – недоуменно пожал плечами Скорцени.

– Да как вы не понимаете, Отто, что я вам только что прочитал описание инопланетного космического корабля! – торжествующе воскликнул профессор.

– И подобное открытие вы сделали здесь, в Каире? – разочарованно протянул австриец. – Стоило для этого рисковать башкой и переться чёрт знает куда по пустыне, чтобы только прочитать книгу древнего библейского пророка Иезекииля. Ведь Библия была и в вашем кабинете, в Триполи. Сидели бы себе в удобном кресле-качалке, укутанные клетчатым английским пледом, посасывали свою трубочку, набитую душистым турецким табаком, и почитывали описания загадочных летательных аппаратов.

– Не смешивайте всё в одну кучу, уважаемый господин Скорцени, – укоризненно посмотрел на собеседника Борис Иванович. – Давайте отделим мух от котлет: пирамиды – это одно, а описание неизвестных летательных аппаратов в Библии

⁷ *Ветхий Завет. Книга пророка Иезекииля. Глава 1: 1,4,5,10,13 – 18.*

– совсем другое... Сегодня же свяжитесь по рации с высшим руководством «Аненербе» в Берлине, и сообщите им о моём открытии. Даже, если мне не суждено будет выбраться из Египта в Ливию, мои изыскания должны быть продолжены. Пусть в Центре подключат к разработке этой научной темы физиков и авиаконструкторов: подобный летательный аппарат, описанный в книге Йезекииля, можно сконструировать, составить чертежи, рассчитать аэродинамические параметры... Я больше чем уверен, Отто: это именно то, что мы здесь ищем, – высокотехнологичное оружие будущего! И оно, если книгу правильно прочесть и сконструировать подобный летательный аппарат, несомненно, поможет Рейху победить англичан с их многочисленными союзниками и выиграть эту войну...

* * *

В Каире с утра разнеслась ошеломляющая весть: Африканский корпус фельдмаршала Роммеля – под Эль-Аламейном, что в двадцати семи милях от Александрии. Феликс Кляйн узнал об этом от мальчишек-газетчиков, словно вездесущие нахальные воробы, проворно шнырявших по шумной каирской улице в старом городе. Некоторые из маленьких предпринимателей забегали прямо на проезжую часть, ловко лавируя между снующими туда-сюда гражданскими легковыми автомобилями, песочного цвета военными грузовиками, скрипучими арбами феллахов, пассажирскими кабриолетами с откидным верхом, длинными, с прицепом, трамваями. Орала по-английски и арабски, перекрикивая друг друга: «Последние новости! Последние новости! Немцы на пороге Александрии! Английский флот эвакуируется вглубь Суэцкого канала!»

– Это нам на руку, – удовлетворённо сказал Феликс водителю Гансу. – Поражение на фронте добавит британцам неразберихи и паники в тылу. Они утратят всегдашнюю бдительность, и мы легко уничтожим командующего египетской группировки их войск, генерала Окинлека.

В командирском «Виллисе», помимо них, сидели радист, итальянец Торелло и француз Бонифаций Гренье. Джип двигался по оживлённой с утра улице в сторону европейской части Каира, где неподалёку от штаба британской группировки, на нильском острове Гезира располагалась квартира генерала. Позади на небольшом расстоянии ехали немецкий легковой «Кюбельваген» и английский грузовик с личным составом. Другая группа во главе с немцем, унтер-фельдфебелем Апсэлем Винкельхоком, на втором «Кюбельвагене» и грузовике, подъезжала к месту засады с южной стороны. Мотоциклы пришлось оставить в оазисе Бахария на попечение старейшины деревни Хияз, Мутасима бин Наджиба.

Никто не обращал на них никакого внимания. Почти два с половиной года войны в песках здорово перемешали личный состав и автотранспорт обеих противоборствующих сторон. Англичане пополнили свои поредевшие туземные полки ливийскими и египетскими арабами-добровольцами, французами и африканцами, бежавшими из подконтрольных режиму Виши колоний. Захватили много итальянской и немецкой техники и автотранспорта, используя их в тылу и на фронте. Немцы и итальянцы делали то же самое.

Подготовка к нападению на машину Окинлека подходила к концу. Группы каждый день выезжали из деревни бедуинов Хияз в оазисе Бахария в Каир. Феликс установил прочную связь с многочисленной агентурой Абвера в самом городе, поручил арабам день и ночь следить за всеми передвижениями Окинлека. Плохо было то, что с приближением Африканского корпуса к Александрии англичане в Каире усиливали пропускной режим. Командующий уже никуда не выезжал без многочисленной охраны, чего каких-нибудь два-три месяца назад не было. Агенты, городские арабы, в один голос заверяли Феликса, что британский генерал ездил по городу с одним шофёром, и с ним в машине не было даже адъютанта.

Сейчас, чтобы попасть в так называемый «Город-сад», где проживали английские чиновники и офицеры армии и располагалась ставка египетской группировки англичан, нужен был специальный пропуск. Немецкая контрразведка в Каире научилась подделывать эти пропуска, но британцы каждый день меняли пароли и отзывы, которые требовалось называть на всех КПП в европейской части города, и это намного усложняло дело. Резидент Абвера в Каире, местный состоятельный араб, которого капитан Кляйн видел всего один раз, придумал использовать для наблюдения за ставкой и домом английского командующего мальчишек-газетчиков. Вернее, под видом этих бесцеремонных маленьких уличных бизнесменов в «Город-сад» были засланы завербованные резидентом несовершеннолетние агенты. Они-то и сообщали Феликсу обо всех перемещениях генерала Окинлека.

Капитан Кляйн вначале ничего не понимал, поражаясь, с какой лёгкостью египтяне шли на сотрудничество с немцами и итальянцами. Вначале объяснял это материальной заинтересованностью и бедностью каирских арабов. Немцы же щедро платили шпионам за их услуги, не жалея английских фунтов стерлингов, которые обильно поступали из Ливии. Потом ему стало ясно, что дело вовсе не в деньгах: просто свободолюбивых египтян тяготило бесцеремонное присутствие британских войск на их земле. Правительство египетского короля Фарука I тоже больше симпатизировало Германии, чем Соединённому Королевству. Англичан здесь считали поработителями и с не-

терпением ждали танки Роммеля в надежде, что знаменитый фельдмаршал освободит их страну от непрошенных гостей, захвативших уже почти половину Африки.

День проведения операции назначили на этот четверг, когда по прогнозам специалистов и аналитиков Центра должен был пасть Эль-Аламейн. В Каире тогда начнётся спешная эвакуация штабов и прочих военных учреждений, и диверсантам будет легче проникнуть в европейский район. Если же британская оборона на севере устоит, группе предстояло ночью вырезать один из контрольно-пропускных пунктов, напасть на квартиру генерала Окинлека, а затем с боем прорываться из города в сторону плато Гиза.

План был детально разработан и, казалось, – всё учтено, однако на душе у Феликса было беспокойно. Его точил червь сомнения. И опасения подтвердились. В намеченный день Роммель не только не взял Эль-Аламейн, но наоборот, после многочасовых ожесточённых танковых сражений в пустыне, – отступил на исходные рубежи. Медлить было нельзя, и Феликс, как говорится, пошёл ва-банк.

Под покровом ночной темноты колонна автотранспорта с немецкими диверсантами достигла окраин Каира. Документы у них были в порядке и на блок-посту у въезда в город всё обошлось благополучно. Попетляв по лабиринтам притихших ночных улиц, группа приблизилась к намеченному району. Не доезжая нескольких кварталов до первого КПП у въезда в «Город-сад», Феликс дал команду ливийцу Джамалу вместе с тремя египетскими арабами незаметно подкрасться к пропускному пункту и снять постовых. Английских солдат было трое: двое рядовых и сержант. Кутаясь в шинели от ночной прохлады, они вполголоса переговаривались. Вышагивали с винтовками через плечо вдоль полосатого шлагбаума. За мешками с песком сидел на деревянном ящике из-под снарядов сержант, писал письмо. Часто подсвечивал себе фонариком.

Джамал, неожиданно вынырнув перед сержантом из темноты, набросился на него, как леопард. Резким взмахом острого кинжала полоснул по горлу. Придержал мешком падающее к его ногам тело, чтобы не поднимать лишнего шума. В это время трое арабов расправлялись с не успевшими ничего понять английскими томми у шлагбаума. Покончив с постовыми, египтяне облачились в их шинели и мелкие, похожие на обеденные тарелки, английские шлемы, стали на место солдат. Ливиец Джамал вернулся к остальной группе диверсантов.

– Дело сделано, командир! Путь свободен. Поехали в гости к генералу Окинлеку...

* * *

В эту же ночь профессор Кляйн решил в последний раз пробраться в пирамиду фараона Хеопса. Он уже работал здесь две

ночи подряд, но так и не нашёл ничего интересного. Теория, постепенно выстраивавшаяся в его голове, в этом месте прерывалась, факты не стыковались. Ничего похожего на рисунки в храме фараона Сети I он здесь ни в одной из трёх камер не нашёл. Не было подобных изображений ни в Большой галерее, ни в коридорах, ни в гроте, ведущем в незавершённую подземную камеру. А это профессору Кляйну было очень важно, ведь только загадочная настенная живопись, изображавшая современную боевую технику, включая самолёты и другие летающие объекты, связывала Египет с описанным в ветхозаветной книге Иезекииля таинственным космическим объектом. То есть, – свидетельствовала бы о том, что древняя египетская цивилизация либо была создана пришельцами с другой планеты, либо использовала их внеземные технические достижения.

Выйдя впятером после полуночи из дома Абдалмалика ибн Макрама на окраине Каира, в котором они квартировали, в полной тишине, подсвечивая путь фонариками, они вскоре оказались перед огромным, величественным сооружением, заслонившим собой всё небо. Великая пирамида широкими, осыпавшимися от времени известняковыми уступами поднималась к звёздам, теряясь срезанной верхушкой где-то там, в чернеющей вышине, словно пик нерукотворной горы Килиманджаро. Борис Иванович невольно сравнил пирамиду Хеопса с величайшей горой Африки, которую видел не раз во время своих скитаний по германской Восточной Африке в 1914 году. Особенно близко подходил к великану во время исхода вместе со своей нынешней женой Боипелло и группой воинов-масаев из германской Танганьики в английскую Кению.

Великая пирамида Гизы представляла собой не менее завораживающее зрелище. Так, что даже унтерштурмфюрер СС Отто Скорцени почтительно снял у входа свой английский пробковый тропический шлем. Иван Андреюшкин по православному троеперстно перекрестился и отвесил усыпальнице фараона поясной поклон. Двое арабов мусульман тоже поклонились, сложив перед лицом руки ладонь к ладони. Монотонно, шёпотом, забормотали молитву.

Скорцени в целях предосторожности оставил одного араба у входа, второго послал на другую сторону пирамиды. Втроём зашли под своды древнего сооружения.

– Герр Кляйн, у нас остаётся не так много времени. Вы наметили на сегодня план поисков, – спросил Скорцени, догоняя профессора.

– Ночь только начинается, Отто... Ничего, что я вас так называю? Извините, ваше звание запомнить и выговорить для меня слишком сложная задача, – сказал по обыкновению Борис Иванович. Он действительно никак не мог запомнить эсесов-

ское звание офицера, приравненное к нему общевойсковое, лейтенант, было для него куда легче.

– Профессор, вы уже не однократно это говорите и постоянно извиняетесь, – с раздражением отрезал сердитый эсесовец. – Плюньте на звание, называйте меня, как хотите и больше не извиняйтесь. Поверьте, это утомляет и не имеет никакого отношения к делу... А о том, что у нас мало времени, я говорю в общем, не касаясь конкретно сегодняшней ночи. Всё решается не здесь, а за сотни километров отсюда, на фронте под Эль-Аламейном, где с войсками проклятых англосаксов сражается наш доблестный Африканский корпус. И если фельдмаршал Роммель в ближайшие дни не возьмёт Александрию и не направит свои танковые дивизии на Каир, нам тоже здесь, думаю, придётся не сладко.

– Я это учту, господин Скорцени, – торопливо кивнул уязвлённый профессор Кляйн. – Что касается цели нашего сегодняшнего посещения пирамиды, то она прежняя: найти факты, свидетельствующие о связи древних египтян с инопланетной цивилизацией.

Они шли всё дальше и дальше вглубь пирамиды по горизонтальному туннелю халифа Аль-Мамуна, прорубленному в стене в обход главного входа, который был расположен немного выше и левее. Достигнув перекрёстка, путешественники по обходным тоннелям обогнули три гранитные «пробки», замуровавшие вход наверх, в восходящий коридор. Профессор Кляйн с Отто Скорцени шли чуть впереди, Иван Андреюшкин замыкал шествие. Он поминутно оглядывался, как бы ожидая нападения неизвестных. В руках у него был английский автомат Стэн, стволом которого он с опаской поводил в разные стороны.

– Вы как-то цитировали книгу пророка Иезекииля... – осторожно напомнил эсесовский офицер.

– Это действительно неопровержимый факт, говорящий о том, что древние иудеи вступали в контакт с пришельцами из иных космических миров, – увлечённо заговорил профессор. – И таких свидетельств в Библии хоть отбавляй! вспомните хотя бы загадочную гибель двух иудейских городов, Содомы и Гоморры, которые были уничтожены каким-то мощным, явно не земным сверхоружием. А разрушение крепостных стен Иерихона? Что это за трубы, от одного звука которых рассыпаются неприступные укрепления? Можно назвать ещё целый ряд чудес, приведённых в библейских текстах, которые при ближайшем рассмотрении могут оказаться вовсе не чудесами, а вполне реальными событиями, связанными с применением неизвестных современной земной науке инопланетных технических достижений.

– Например? – поинтересовался Скорцени.

– Да хотя бы преодоление евреями во главе с пророком Моисеем во время великого исхода из Египта посуху Красного

моря, воды которого чудесным образом расступились, – напомнил профессор и сам удивился своим словам. – Ба! Так вот же оно, доказательство! Связь древних евреев, владевших взнезменными технологиями, с египетскими фараонами. Они ведь жили в Египте, а пророк Моисей был приёмным сыном египетской царицы!

– Вот вам и недостающее звено, профессор! – радостно воскликнул Отто Скорцени, довольный тем, что всё оказалось столь просто. Можно сказать, лежало на поверхности...

* * *

Бой, который завязал германский диверсионный отряд на нильском острове Гезира в европейской части египетской столицы, всё ещё продолжался. Отчаянные немецкие командос под руководством унтер-фельдфебеля Апсэля Винкельхока отвлекали британцев от небольшой группы во главе с капитаном Кляйном, штурмовавшей квартиру генерала Окинлека. Вокруг стоял невероятный треск от автоматной и пулемётной пальбы, то и дело ввалились гранаты, горели дома и английские броневые машины.

Окинлек, забаррикадировавшись с охраной в доме, оказывал яростное сопротивление немецким диверсантам. Впервые столкнувшись с такой непростой задачей как бой в черте города и штурм здания, люди Феликса Кляйна понесли потери: было убито два бойца, в том числе опытный разведчик, итальянец Карлос Грава, несколько человек ранено. Феликс понимал, что дело безнадежно провалено: генерала Окинлека врасплох застать не удалось, в результате затяжной осады весь отряд попал в ловушку, плотно блокированный на острове Гезира частями британской армии.

Был ли сброшен с самолётов вспомогательный немецкий десант под Эль-Аламейном в помощь Африканскому корпусу Роммеля капитан Кляйн не знал. Ему было известно только то, что измотанные непрерывными летними боями танковые дивизии Роммеля наглухо застряли на фронте под Эль-Аламейном, где англичане возвели сильные укрепления. По городу ходили слухи, что на некоторых участках британцы сильно потеснили войска Роммеля, и те вынуждены отступить. От группы штурмбаннфюрера СС фон Гарденберга тоже не было ни слуху, ни духу...

Феликс понимал: единственное, что можно было выиграть этим бесполезным, самоубийственным боем в центре Каира – позволить завершить работу на плато Гиза отцу, профессору Борису Кляйну, и дать ему шанс уйти в Западную Ливийскую пустыню.

Отчаянный бой среди пылающих домов и подожжённой гранатами английской бронетехники шёл всю ночь. «Виллис» командира группы и два легковых немецких «Кюбельвагена»

носились по улицам, на бешеной скорости. Сидевшие за пулемётами стрелки, в том числе и сам Феликс, не скупясь, щедро поливали свинцом всё ту же сжимавших кольцо окружения английских томми. Люди одурели от грохота. Мёртвыми телами британских солдат были завалены все прилегавшие к дому Окинлека улицы и скверы. Район был ещё хорош тем, что здесь не было сплошного каменного нагромождения многоэтажных зданий, как в старой арабской части Каира. Дома в европейском «Городе-саде» в основном одноэтажные, по типу колониальных бунгалло, с примыкающими обширными приусадебными участками. Много простора и открытого места, что позволяло немецким машинам маневрировать и появляться в самых неожиданных местах, внезапно заходить в глубокий тыл британцев, выкашивая из тяжёлых пулемётов целые подразделения.

Англичане вскоре подтянули танки. От огня их орудий разлетелся в щепки сначала один грузовой автомобиль немцев, затем вспыхнул ярким факелом другой. Погибла уже половина отряда, а раненые, кто ещё мог держать в руках оружие, сражались наравне со всеми, лёжа за естественными укрытиями. Тяжелораненые просили товарищей пристрелить их, – понимали, что обречены и отсюда им больше не выбраться. На глазах у Феликса погиб храбрый француз Бонифаций Гренье, – он внезапно выскочил из укрытия сбоку проползавшего мимо лёгкого американского танка М-3 «Генерал Стюарт», которые английские томми ласково называли «Милягами», бросил под гусеницу противотанковую гранату. От взрыва левая гусеница бронированной, горячей стальной махины размоталась, как солдатская обмотка. Неэстетичная, почти квадратная башня с развевающимся наверху вымпелом, повернулась, хищно повела 37-миллиметровой двухфунтовой пушкой, как бы нащупывая цель. Но стрелять, тем более из орудия, было не в кого. Француза Гранье насмерть сразила пулемётная строчка идущего следом «Стюарта». Бонифаций вскрикнув, переломился в поясе, как гипсовая фигура, – тяжело упал на залитые машинным маслом из повреждённого танка камни мостовой.

К утру в распоряжении Феликса остался всего один «Виллис», в котором, кроме него и водителя Ганса Ланге, больше никого не было. Маневрируя между поваленными деревьями и воронками от разрывов танковых снарядов, они доехали до уцелевшего «Кюбельвагена», стоявшего с открытыми дверцами сбоку дороги. В нём лежали мёртвые тела водителя итальянца и унтер-фельдфебеля Апсэля Винкельхока. На дороге возле машины распластался убитый радист Торелло и ещё один боец с разбитой, окровавленной головой – лицом вниз. Какой-то прошитый пулемётной очередью араб-десантник застыл возле дерева с поломанной большой веткой, перегородившей проезжую часть подобно шлагбауму.

– Ганс, посмотри, заводится ли движок, – кивнул Феликс на «Кюбельваген».

Немец быстро пересел в машину, торопливо повернул ключ зажигания, погнав немного стартер. Мотор вскоре завёлся.

– Быстрее за мной! – обрадовано крикнул Феликс и, не дав Гансу времени на то, чтобы вытащить из машины убитых солдат, пересел на водительское сиденье, резко включив передачу, дал полный газ. . .

Глава 23. Разгром под Эль Аламейном

В Египте под Эль-Аламейном, – небольшой станцией на железнодорожном пути в Александрию, отныне решалась судьба всей Северо-Африканской кампании. Не сумев сходу взломать глухую оборону британцев, генерал-фельдмаршал Роммель сам перешёл к обороне. Нужно было накопить силы для следующего решающего удара, подвезти боеприпасы, продовольствие, а главное – горючее для танков. Между тем почти двухгодичная война в пустыне, под постоянно палящим, беспощадным африканским солнцем давала о себе знать. Солдаты германского Африканского корпуса, а тем более итальянцы, которые находились в Ливии гораздо дольше немцев, страшно устали, пали духом. Как следствие – начались болезни.

Первым слёг в полевой госпиталь с желтухой командир 164-й лёгкой пехотной дивизии «Африка» полковник Зигфрид Вестфаль. Стал жаловаться на сильнейшие головные боли начальник штаба корпуса генерал Альфред Гаузе. Он подолгу не мог уснуть ночью, в своей палатке, и только изрядно накачавшись саксонским биттером «Егермайстер» (горькой алкогольной травяной настойкой), под утро проваливался в глубокое пьяное забытьё.

Чувствовавший себя не лучше Роммель однажды поинтересовался, что это за гадость тот пьёт чуть ли не каждый вечер.

– Могу угостить, господин фельдмаршал, будете? – охотно выставил на стол плоскую пол-литровую бутылку коричневого стекла Гаузе.

На зелёной этикетке был изображён олень с крестом в рогах, название выделено ярко красным цветом. Генерал Гаузе отвинтил крышку, налил напиток в два небольших стаканчика, указал Роммелю на стул.

– Прошу, фельдмаршал, подсаживайтесь.

– Небось, крепкая штука? – поинтересовался командующий.

– Пустяки, не крепче шнапса. Всего тридцать пять градусов, – пренебрежительно отмахнулся начальник штаба и, даже не скривившись, выпил первый.

– А что обозначают этот крест и рога? Надеюсь, Альфред, это не смертельно? – пошутил Роммель, лихо опорожня свой стаканчик.

Гаузе утёр рот ладонью, глаза его сразу же весело заблестели. Он закурил сигарету и заговорил:

– По старинной легенде, это олень, привидевшийся святому Губерту Льежскому, покровителю охотников.

– Вот как? Интересно... – оживился Роммель. – И как же это было?

– О жизни святого до принятия сана в житиях почти ничего не сказано, да это, думаю, и не столь важно, – сказал Гаузе. – Однажды во время охоты Губерт встретил в лесу оленя с распятием на рогах и услышал голос свыше, призвавший его отречься от мирской жизни. Овдовев через два года, Губерт стал клириком при епископе Моза-Траекта, священномученике Ламберте...

– Все мы в этой жизни в той или иной степени мученики, – горько усмехнулся фельдмаршал. – Ну что, Альфред, прошла головная боль?

– Ещё не совсем, Эрвин, – нещадно дымя сигаретой, отошёл от уставного обращения подвыпивший Гаузе. Налил по второму стаканчику.

Роммель выпил горьковатый на вкус, крепкий ликёр, чувствуя, как он горячей волной разливается в крови. Действительность отодвинулась куда-то за стены палатки.

– Альфред, а ведь положение наше безвыходное, – неожиданно признался командующий.

– В каком смысле, Эрвин? – не понял Гаузе.

– Мы обречены, Альфред, – горько проронил Роммель и посмотрел с тоской в глаза сослуживца. И столько безысходности было в его враз потускневшем взгляде, что начальник штаба вздрогнул, вновь ощутив сильную, раскалывающую на части череп, головную боль. Гаузе схватился за простоловую голову, крепко сжал ладонями виски, и застонал – протяжно и страшно, как затравленный, загнанный в западню зверь.

– Я, пожалуй, пойду. Алкоголь действует на меня угнетающе. – Фельдмаршал встал с места, сделал несколько шагов к выходу и тут же упал лицом вниз, потеряв сознание. Фуражка с высокой, вздёрнутой сверху тульей и прозрачными, пылезащитными очками на околыше закатилась под стол...

В лазарете, куда спешно доставили Роммеля, личный лечащий врач фельдмаршала профессор Херстер тщательно его обследовал. Выяснилось, что внезапные обмороки случались у командующего довольно часто. Это отмечали и заместитель Роммеля генерал фон Штумме, и адъютант лейтенант Клейнер, и другие штабные офицеры. Все они были неоднократными свидетелями случаев, когда команду-

ющий ни с того, ни с сего лишился чувств. Соратники едва успевали подхватить его.

Херстер поставил фельдмаршалу капельницу, взял анализы. На основе полученных данных выявил у него сочетание хронического воспаления желудка и кишечника со значительным нарушением кровообращения, а также пониженное давление. Порекомендовал Роммелю на время сменить климат.

– Как некстати, профессор, – страдальчески взглянул на лечащего врача фельдмаршал. – Накануне судьбоносных событий на фронте вы предписываете мне валяться в больнице. И мало того – сменить африканский климат... И каким же образом?

– Господин фельдмаршал, вопрос стоит о вашей жизни и смерти, – смело глядя в глаза Роммелю, категорически отчеканил профессор Херстер. – Либо вы сейчас же отправляетесь на лечение и отдых в Германию, либо я совершенно слагаю с себя всю ответственность за вашу безопасность. Выберите: Эль-Аламейн или смерть?

– Я бы поставил вопрос несколько иначе, господин Херстер, – скептически ухмыльнулся Роммель: – Победа или смерть! За победу над островитянами под Эль-Аламейном я бы, не задумываясь, отдал свою жизнь.

– Господин Роммель, вы ещё нужны Германии, – с пафосом воскликнул профессор. – Плюньте вы на Африку и поезжайте на родину, здесь вполне справятся и без вас. Тем более, что положение, насколько мне известно, весьма критическое, и вы лично вряд ли что сделаете, чтобы его изменить.

– Хорошо, профессор, – согласно кивнул Роммель. – Я поеду в отпуск в Германию... Позовите генерала фон Штумме и моего адъютанта Ральфа Клейнера, я хочу отдать некоторые распоряжения.

В больничную палатку, где лежал фельдмаршал, пришли фон Штумме и Ральф. Лейтенант Клейнер, подобострастно отдав честь, вытянулся у входа. Заместитель Роммеля генерал фон Штумме присел на табурет у кровати.

– Георг, – по-свойски обратился командующий к заместителю, – я на пару недель вынужден буду покинуть корпус, профессор Херстер настаивает на моём лечении и отпуске. Я уезжаю в Германию. Остаёшься вместо меня. Думаю, справишься. Тем более – на фронте полнейшее затишье, и крупных боевых операций в ближайшее время не предвидится. Во всяком случае, ни я с начальником штаба генералом Гаузе, ни тем более итальянцы ничего такого не планировали... За время, пока я буду на излечении, как раз должны поступить резервы из Италии, а главное – топливо для танков. В крайнем случае, если британцы всё-таки решатся нанести удар по нашим оборонительным укреплениям, отводи в тылы танки и уничтожай бронетехнику противника зенитками. Стой до последнего.

– Хорошо, Эрвин, я постараюсь, – кивнул головой немногословный фон Штумме.

Роммель обратился к адъютанту:

– Приготовь блокнот, Ральф.

– Хорошо, господин фельдмаршал. Уже достал. Диктуйте.

– Докладная записка, – чётко озвучил командующий название документа.

Он предназначался самому фюреру. Роммель обстоятельно изложил положение германских войск под Эль-Аламейном, указал на необходимость как можно активнее продвигаться на юг России и попытаться выйти в Закавказье и Иран, чтобы англичане оттянули туда часть своих сил из Египта и позволили Африканскому корпусу возобновить наступление. Велел сегодня же отправить шифрограммой в ставку Гитлера, дружески похлопал адъютанта ладонью по плечу, пожал на прощание руку генералу фон Штумме и отпустил обоих. После обеда фельдмаршала на санитарном автомобиле отвезли на аэродром.

Первое, с чего начал руководство группировкой фон Штумме, – связался по телефону со штабом командира 20-го итальянского корпуса генералом армии Гастоном Гамбара, войска которого стояли на передовой, и поинтересовался, как идут работы по укреплению позиций, все ли подходы заминированы, поставлены ли проволочные заграждения?

– Кто вы такой, чтобы я вам отчитывался? – послышался на другом конце провода презрительно-пренебрежительный голос итальянца. По звуку и интонации голоса было件нятно, что скандальный генерал как всегда в стельку пьян. – Я подчиняюсь только фельдмаршалу Роммелю, а он, как мне стало известно, вылетел сегодня на лечение в Германию. Следовательно, моим непосредственным начальником остаётся господин Этторе Бастико, – генерал-губернатор Ливии и командующий вооружёнными силами наших стран в Северной Африке.

Георг фон Штумме взорвался, поражённый наглостью Гамбары. Недаром офицеры Африканского корпуса прозвали его «Шаровой молнией».

– Как ты смеешь разговаривать со мной подобным тоном, грязная итальянская свинья! Отвечай на вопросы, либо я сейчас же приеду в штаб твоего трусливого цыганского табора, высокопарно названного корпусом, и при всех отхлестаю по щекам, а потом посажу на гауптвахту! По законам военного времени я могу тебя расстрелять перед строем за невыполнение приказа... Генерал-фельдмаршал Роммель действительно отбыл на лечение, но временно исполняю его обязанности я, его заместитель генерал фон Штумме, и ты, Гамбара, обязан мне подчиняться!

– И не подумаю, – скептически хмыкнул в телефонную трубку Гамбара. – А за итальянскую свинью ты ещё ответишь, Штумме.

Я буду жаловаться на тебя самому фельдмаршалу Кессельрингу в Италию. Я не посмотрю, что ты заместитель... Распоясались вы, боши, в Ливии, как у себя дома. Но не забывайте, что Ливия – итальянская территория! Если на то пошло, – я и до Муссолини дойду, а нет – фюреру Германии пожалуюсь. Я найду на тебя управу, генерал, причёмлю твой поганый язык...

Фон Штумме задохнулся от гнева, в ярости бросил телефонную трубку и стремглав выбежал из палатки. Повертев в разные стороны головой, окликнул лейтенанта Ральфа Клейнера, который с отбытием Роммеля стал его личным адъютантом.

– Ральф, прикажи подавать машину. Да распорядись в штабе корпуса, чтобы прислали комендантский взвод на бронетранспортёрах. Срочно едем на позиции к итальянцам. В 20-м корпусе генерала Гамбары – бунт!

Вскоре генерал уже мчался в лёгком штабном автомобиле «Stoewer R200» по извилистой песчаной дороге в направлении фронта. За рулём сидел водитель Роммеля Маркус. Позади подпрыгивали на кочках, гремя металлом, два средних полугусеничных «Ханомага» Sd Kfz 251. За бронированными бортами, сжимая винтовки, сидели суровые германские гренадеры в стальных, обтянутых камуфлированной сеткой шлемах, в тропической жёлтой униформе. Когда до итальянских позиций оставалось несколько километров, из-за облаков неожиданно вынырнуло звено истребителей. Лейтенант Клейнер в тревоге приложил к глазам окуляры бинокля.

– Британцы, герр генерал, – вскрикнул он, разглядев синебело-красные опознавательные круги на фюзеляже и крыльях. – Они нас заметили, летят сюда.

– Маркус, ты можешь ехать быстрее? – недовольно вскрикнул фон Штумме, вытаскивая из кобуры браунинг.

– Куда ещё быстрее, господин генерал? Итак всё, что можно из движка выжимаю, – ответил водитель, отчаянно петляя между невысоких барханов, как бы запутывая след, словно песчаная сахарская лисица фёнек.

Когда первый английский «Спитфайр» стал пикировать на машину, генерал фон Штумме, храбро стоя перед ним во весь рост, лицом к смертельной опасности, хладнокровно выпустил в самолёт всю обойму из пистолета. Люди, находившиеся в салоне «Штовера», едва не оглохли от рёва мощного авиационного двигателя. В песок позади автомобиля ударили огненные пулемётные трассеры. «Штовер» и передний «Ханомаг» успели проскочить, – весь свинец достался замыкающему бронетранспортёру. Вильнув в сторону, он потерял управление, видимо был убит водитель, и на полном ходу врезался в песчаную гору. Его колёса по инерции продолжали крутиться,

двигатель работал на полных оборотах. «Ханомаг» принялся взбираться на гору, встал почти вертикально и завалился вниз, кверху колёсами и гусеницами. Раздался оглушительный взрыв, бронемашину объяло пламенем, повалил чёрный удушливый маслянисто-смердящий дым. Послышались дикие вопли раненых и горящих заживо немецких гренадеров.

На несущиеся по пустыне машины стал пикировать второй английский «Спитфайр». Фон Штумме менял обойму в браунинге, когда вновь зарокотал авиационный крупнокалиберный пулемёт. Лейтенант Ральф Клейнер ловко выпрыгнул на ходу из автомобиля, кубарем покатился по песку. Вслед за ним вниз полетел и Штумме. Лейтенант Клейнер вскочил на ноги и в ужасе побежал за ближайший бархан. Мимо промчался бронетранспортёр с солдатами. Генерал фон Штумме так и остался лежать на дороге в неестественной, неудобной позе, с подвёрнутой словно у куклы из папье-маше, сломанной ногой. Застывшая маска лица устремлена в небо, на груди отчётливо виднелась рваная строчка от пулемётной очереди. Бурье пятна разрастались, набухали кровью.

Звено британских истребителей пошло на второй заход...

Этой же ночью началось наступление английских войск под Эль-Аламейном. Была ночь полнолуния, и британское командование специально выбрало её для осуществления операции под кодовым названием «Лайтфут»...

Десятый танковый взвод лейтенанта Луиджи Арбиб Паскуччи из 132-го танкового полка 132-й итальянской дивизии «Ариете» был срочно поднят по тревоге и брошен на передовую. На этом участке фронта прорвалось до батальона лёгких английских пехотных танков Mk.III «Валентайн», их во что бы то ни стало нужно остановить.

Освещающая поле боя дальним светом фар, итальянские танки «Fiat M13/40» стремительно пошли в атаку. Следом за ними, прячась за броню, наступала пехота – рота опытных берсальеров, воевавших в Ливии с 1940 года. Командирская машина лейтенанта Паскуччи двигалась позади строя. Английских «Валентайнов» видно не было, и итальянцы приободрились. Такое наступление, когда впереди нет противника, их вполне устраивало. Но вот начали рваться вражеские снаряды; итальянские «Фиаты» вспыхивали один за другим, как факелы, демаскируя наступающие войска.

Со стороны передовой появились разбитые, в панике бегущие итальянские части. Это была местная ливийская колониальная пехота, не выдержавшая удара мощного бронетанкового кулака британцев.

Арабы быстро, словно вода сквозь пальцы, просочились сквозь танковый взвод, и растворились в ночной темноте в тылу наступ-

пающих подразделений. Лейтенант Паскуччи, откинув крышку люка, выглянул из башни. Окликнул одного из отступающих:

– Ну что там на фронте, парень? Здорово жмут «томми»?

– Сейчас сам всё узнаешь, синьор офицер, – ответил уставший, измождённый араб, небрежно таща по песку за ремень опостылевшую винтовку. – Английские танки лезут без остановок, как огромные бронированные черепахи. Всё сметают на своём пути. Наша рота и полчаса не продержалась – половину личного состава, словно верблюд языком слизал. Огневые точки разбиты, противотанковые орудия подорваны... И вы тоже не удержитесь, синьор. Никто против такой громады не устоит. Поворачивайте назад, пока не поздно.

Слова солдата подтвердились: ещё не видя противника, бронетанковый взвод лейтенанта Паскуччи потерял уже около пяти машин. Остальные в нерешительности остановились у невысокого, кое-где покрытого чахлой колючей растительностью холма и с места открыли огонь наугад. Тут откуда-то из темноты вынырнул мотоциклист, затормозив у крайнего на левом фланге танка, постучал прикладом винтовки по броне. Что-то прокричал выглянувшему танкисту. По взводу разнослась тревожная весть: на левом фланге линия фронта 20-го корпуса прорвана английскими танками, командир корпуса генерал Гамбара – убит.

Паскуччи тут же связался по радиации со штабом своей дивизии. Ответил сам командир, бригадный генерал Франческо Арена.

– Синьор генерал, поступили сведения, что впереди моего взвода крупная группировка британских бронетанковых войск. Может быть, мне следует отойти и начать укреплять позицию для обороны?

– Прекратить истерику, лейтенант! – вскричал в бешенстве генерал Арена. – Выполняйте боевую задачу, поставленную перед вами командиром корпуса, и не верьте бабьим сплетням. «Валентайнов» перед вашим подразделением не столь много...

– Командир корпуса генерал Гамбара жив? – поинтересовался лейтенант Паскуччи.

– С чего вы взяли, лейтенант, что командующий убит?

– Ходят слухи... – помялся танкист.

– Убит немецкий генерал фон Штумме, а не Гамбара.

Приказ командира корпуса: держаться во что бы то ни стало. Выполняйте...

С рассветом из вязкого сиреневого тумана вынырнули английские «Валентайны». Их было много, около полка, не меньше. Позади, за бронированными машинами, неотступно следовала британская пехота в серых шинелях и, окрашенных в жёлтый песочный цвет, стальных шлемах, смахивающих на обеденные тарелки. За это время взвод лейтенанта Паскуччи потерял до десяти машин. На запрос

о подкреплениих пришло всего два немецких средних танка «Panzer IV» – не очень большая помощь. Прибывшие танкисты сообщили, что на других участках положение не лучше. Единого руководства нет, каждый командир танковой дивизии дерётся на свой страх и риск. Начальник штаба Африканского корпуса генерал Гаузе пытается сконцентрировать командование в своих руках, но это у него плохо получается. Послан запрос в Италию, в ставку генерал-фельдмаршала Кессельринга, о том, чтобы вернуть из лечебного отпуска Роммеля.

Английские «Валентайны» пошли сплошной лавиной, без остановки, расстреливая итальянские «коробочки» легко, как в тире. Врага невозможно было остановить. Итальянская пехота частично выбита, остальные берсальеры отступили на старые позиции, с которых начали бессмысленную атаку. Положение танкового взвода лейтенанта Паскуччи первое время спасали два немецких «Т-IV», но вскоре один был подбит противотанковой пушкой, другой серьёзно повреждён. Пришёл тягач и отбуксировал его с места боя в рембат. У лейтенанта осталось на ходу всего несколько броневых машин. Англичане, не взирая на плотный огонь противника, неудержимо продвигались вперёд.

Лейтенант Паскуччи снова связался со штабом дивизии, сообщил, что если через четверть часа не будет подкреплений, у него не останется ни одного танка. Ему на помощь прислали четырёхорудийную батарею знаменитых германских 88-миллиметровых зениток. Это позволило продержаться ещё около часа, пока зенитки не были разбиты и выведены из строя британскими танками, артиллерией и авиацией, которая неизменно господствовала в воздухе. Итальянец понял, что всё кончено, и принялся писать прощальное письмо в Италию престарелой матери. Заряжающий вполголоса замурлыкал какую-то бодрую, жизнеутверждающую мелодию.

– Что ты поёшь, Жакомо? – оторвавшись от письма, спросил лейтенант.

– А-а, так, – старую детскую песенку «Сонное зелье», – отмахнулся не унывающий перед лицом близкой смерти итальянский парень.

– Напомни, пожалуйста, я что-то не припомню слова, – попросил Паскуччи.

– Я сам не знаю слов, синьор лейтенант, – замялся Жакомо. – Давно слышал, всё позабыл... Правда, у нас в Болонье с началом войны, появилась переделка этой песенки. Люди говорят: партизаны в горах сочинили, – уж не знаю, правда, или нет...

– Слова знаешь? – не отставал Паскуччи.

– Звучит она вроде бы так, – сдался заряжающий и, стащив с головы кожаный танкистский шлем, затянул:

Сегодня утром я был разбужен.

О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао!

Сегодня утром я был разбужен,

И увидел в окно врага!

Экипаж притих, слушая партизанскую песню. Когда Жакомо замолчал, в танке некоторое время царила гробовая тишина. Наконец, лейтенант Паскуччи, смущённо кашлянув в кулак, произнёс:

– Не такая уж она и весёлая, как мне показалось вначале. Очень подходит к моменту. Как там ты пел: «Коль суждено мне в бою погибнуть...»

– Да, синьор Паскуччи... «Коль суждено мне в бою погибнуть – похороните вы меня», – подсказал Жакомо.

– Не будем же терять времени, парни. Вперёд!

Лейтенант Паскуччи спрятал недописанное письмо и скомандовал механику-водителю, чтобы трогал. Командирский танк, постепенно набирая скорость, в полном одиночестве, среди выставших кругом кустистых разрывов, тараном пошёл на врага. Словно гладиатор-самоубийца, расстреливая с ближнего расстояния многочисленные английские «Валентайны», поражая их в бок и со стороны кормы, «Фиат» глубоко вклинился во вражеское построение. Командир, быстро поворачивая башню то туда, то сюда, определял цель, наводил пушку, заряжающий Жакомо досылал в казённый тяжёлый гладкий бронебойный снаряд, производил скорый выстрел. Очередной «Валентайн» вспыхивал, как свеча.

– То будет память о партизане. О, белла чао, белла чао, белла чао, чао, чао! – после каждого меткого выстрела, злорадно щерясь, повторял итальянец слова песни.

Неожиданно танк встряхнуло так, как будто он ударился о чугунную гору. Двигатель заглух, из машинного отделения повалил удушливый чёрный дым.

– Конец, обречённо выдохнул Жакомо, крепко прижимая к груди очередной снаряд. Не донеся его до орудия, повалился на пол.

Лейтенант Луиджи Паскуччи набожно, по-католически, перекрестился всей ладонью. Крепко зажмурил глаза, потянулся в карман кожаной танкистской офицерской куртки за недописанным письмом матери. В ту же минуту прогремел оглушительный взрыв сдетонировавшего боекомплекта, и всё померкло, как в преисподней...

Стремительно примчавшийся в Африку после начала британского наступления фельдмаршал Роммель застал Африканский корпус в плачевном состоянии. Исправных танков в его двух дивизиях почти не осталось, горючее подходило к концу,

разбитые и деморализованные итальянские войска целыми полками самовольно снимались с позиций и драпали в тыл. К тому же фельдмаршал Кессельринг не смог обеспечить войскам коалиции достаточную воздушную поддержку. Всё, созданное Роммелем за два года упорной войны в пустыне, словно карточный домик, рушилось в одночасье.

Начальник штаба генерал Гаузе встретил командующего с крепко перетянутой влажным полотенцем, как будто мусульманской чалмой, головой. И без того больная, она у него просто раскалывалась от непрерывного грохота пушек и разрывов авиационных бомб. Альфред Гаузе скрежетал от невыносимой боли зубами, и пил рюмками крепкий, почти семидесятиградусный итальянский ликёр «Ксента Кюммель», который ему достали по случаю интенданты. Больше ничего не помогало. Адьютант Роммеля лейтенант Клейнер ходил, прихрамывая. Он ещё не отошёл от контузии, полученной во время памятного налёта английских истребителей, когда погиб генерал фон Штумме. Тогда же убило личного водителя фельдмаршала, Маркуса, и разворотило пулемётными очередями машину, — она сгорела от взрыва бензобака.

— Как ты оцениваешь обстановку на фронте, Альфред? — задумчиво спросил Роммель, устало присаживаясь к столу и отодвигая локтем ненужную уже карту боевых действий.

— Она катастрофическая, мой фельдмаршал, — отправляя в рот очередную рюмку серебристого кюммеля, выдохнул вместе со спиртными парами Гаузе. — В Эль-Аламейне нам не удержаться, и чем скорее мы начнём отступление, тем лучше. Однако генерал Бастико приказывает держаться из последних сил...

— К чёрту Бастико! Ему легко командовать войсками, сидя в Триполи в уютном кабинете, а каково моим доблестным танкистам, гренадерам и парашютистам здесь, в Египте, под палящим солнцем и снарядами англичан?.. Мы отступаем, я сейчас же подпишу приказ! — взорвался гневной тирадой командующий и, схватив с заваленного всяким канцелярским хламом стола ручку и чистый лист бумаги, принялся что-то торопливо *строчить*.

В этот же день германские и итальянские войска стали спешно сниматься с позиций и, оставляя позади артиллерийские заслоны и густые минные поля, откатываться к Мерса-Матруху. Организовать оборону здесь тоже не удалось: у Роммеля почти не осталось танков, а у тех, что были в строю, — не доставало горючего. Редкие цепочки немецких средних танков «Т-III» стояли на позициях и отстреливались от наступающих американских «Грантов» и «Шерманов», в огромных количествах пополнивших в последнее время британскую восьмую армию. У генерала Окинлека было три бронетанковых дивизии и семь отдельных танковых бригад, — всего 1100 танков, в то время как у фельдмаршала Роммеля не

насчитывалось и сотни, из которых большинство – итальянские слабосильные «Фиаты» и танкетки «L3/33», – так называемые «коробки для сардин».

Роммель спешно собрал на совещание оставшихся в строю командиров. Присутствовали начальник штаба генерал Гаузе, от которого продолжало ощутимо пахнуть кюммелем, командир 15-й танковой дивизии генерал-майор Густав фон Ферст с покоившейся на перевязи, раненой правой рукой, командир 21-й – генерал-лейтенант Иоганн фон Равенштейн и командир 90-й лёгкой африканской дивизии генерал-лейтенант Ричард Вит, у которого, подобно Альфреду Гаузе, была перевязана голова. Но в отличие от начальника штаба он не страдал от головных болей, а просто получил ранение.

– Прямо лазарет, а не штаб корпуса, – невесело пошутил фельдмаршал, окидывая печальным взглядом соратников по борьбе. – Кстати, полковник Вестфаль всё ещё в госпитале? – осведомился Роммель у генерала Гаузе.

– Да, господин генерал-фельдмаршал, – утвердительно кивнул начальник штаба и скривился от нового приступа сильнейшей головной боли. В эту минуту ему захотелось вытащить из кобуры пистолет и застрелиться.

– Итальянцев я предусмотрительно приглашать не стал, – продолжил с усмешкой командующий, – чтобы не превращать совещание в крикливый восточный базар.

При последних его словах собравшиеся одобрительно заулыбались. Все прекрасно знали вспыльчивый, непредсказуемый нрав излишне эмоциональных итальянских генералов, что, однако, нисколько не сказывалось на их боевых качествах.

Роммель принялся расспрашивать командиров танковых подразделений о количестве находившихся в строю машин, запасе горючего, наличии боеприпасов. Вести были не утешительные: в каждой дивизии оставалось всего по несколько десятков исправных танков, бензина – на один дневной переход, снарядов – на несколько часов боя.

Фельдмаршал схватился за голову, хоть она у него не болела, как у Гаузе, и некоторое время не мог вымолвить ни слова. Но ничего говорить было не нужно: все прислушивались к нарастающей артиллерийской канонаде – это к Мерса-Матруху неудержимо рвались бесчисленные танковые армады англичан.

В штаб, по-прежнему сильно прихрамывая, вбежал адъютант командующего лейтенант Клейнер. Не соблюдая субординации, встревожено прокричал:

– Господин генерал-фельдмаршал, вражеские «Шерманы» – на окраине городка. Наше передовое охранение не выдержало и отступает к центру. Правофланговая танковая колонна британцев обходит нас с юга. Поспешите!..

– Господа генералы, попрошу всех немедленно вернуться к своим подразделениям! – торопливо отдал приказ Роммель.

Все выскочили из помещения штаба, которым служил обыкновенный двухэтажный дом местного араба, стоявший на центральной площади. У распахнутых настежь ворот находилось два лёгких командирских танка «Т-1» и несколько легких машин разных марок. Танки, взревели бензиновыми двигателями, отправились к передовой, до которой было уже не больше километра по главной улице Мерса-Матруха. Оттуда, с восточной стороны, то и дело появлялись перегруженные санитарные машины, вывозя тяжелораненых. Легкораненые шли своим ходом, опираясь на винтовки. Некоторых тащили на себе товарищи. Было много совершенно здоровых итальянских солдат: прячась за пальмами, они группами и в одиночку пугливо пробирались вдоль глиняных дувалов. Часто попадались смуглолицые аскаррии в красных фесках – беглецы из ливийских туземных подразделений. Проезжали в легковых автомобилях пышно разодетые, с серебряными аксельбантами через правое плечо и плюмажами из фазаньих перьев на форменных шляпах, чопорные итальянские офицеры и генералы.

– Всё кончено, Эрвин, – скрипя зубами от острой головной боли, – произнёс окончательно павший духом генерал Гаузе. – Финита ля комедия... Эту партию мы генералу Окинлеку позорно продули.

Роммель ничего не ответил, распорядился подавать машину. Вскоре к дому подъехал открытый легковой автомобиль командующего Kfz.1 «Кюбельваген». Лейтенант Клейнер, стоя во весь рост в салоне возле водителя, помахал рукой фельдмаршалу, чтобы быстрее садился. Вражеские снаряды рвались уже на площади. К тому же в небе раздался гул приближавшихся британских бомбардировщиков.

Роммель и генерал Гаузе поспешно запрыгнули в «Кюбельваген», устроились на заднем сиденье. Водитель – фельдмаршал уже сбился, какой по счёту, их всё время убивали – включил передачу, и машина резко рванула вперёд. Через некоторое время на месте, где она недавно стояла, разорвался артиллерийский снаряд, взметнув вверх гору земли, песка, кусков асфальта и всякого мусора.

Лейтенант Клейнер, со страхом оглянувшись, набожно перекрестился:

– Благодарю тебя, Боже правый, что отвёл от меня на сей раз погибель лютую! Аминь!

Автомобиль всё дальше и дальше отъезжал от места боя, обгоняя отступающие, а то и в панике бегущие итальянские войска. Немцы, огрызаясь, упорно держались на позициях, давая возможность тылам собрать имущество и отступить. За городом стало поспокойнее, хотя шоссе было всё также хаотично забито

отступающей итальянской солдатнёй. У союзников имелось очень мало автотранспорта и, бегущие берсальеры, толпами бросались на всякую проезжавшую мимо машину, норовя на ходу вскочить на подножку или уцепиться за борт кузова. Несколько смуглолицых черноволосых итальянцев или арабов – в подобной кутерьме и неразберихе понять было трудно, – в расхристанном, рваном обмундировании, без винтовок, попытались штурмом овладеть машиной Роммеля. Один высокий худой берсальер уцепился было за задний борт «Кюбельвагена». Фельдмаршал выхватил из кобуры пистолет и в ярости ударил солдата рукояткой по голове. Итальянец разжал пальцы и с воплем полетел на асфальт, под ноги бегущей следом солдатской толпе.

– Приятель, прибавь скорости, – велел Роммель водителю. – И лучше сверни с шоссе в пустыню. Она совершенно ровная, без кочек и канав, – ехать будет намного удобнее, а главное – быстрее.

Вслед им со стороны отступающей массы обезумевших итальянских горе-воjak раздались угрожающие выкрики и матерная брань. Ударил винтовочный выстрел, но пуля прожужжала значительно выше голов.

– Это конец! Солдаты стреляют в своего фельдмаршала, – в отчаянии вскричал генерал Гаузе, и как недавно Роммель, – схватился за голову. Впрочем, это было естественно при сильной, раскалывающей череп головной боли.

– Но это не мои солдаты, Альфред, – возразил начальнику штаба командующий.

– Это *наши* солдаты, Эрвин, – глубокомысленно поправил Гаузе, делая акцент на слове «наши».

Неожиданно впереди на песке распласталась огромная тень орла. Роммель поднял голову и стал выискивать глазами в вышине гордо парящую над пустыней птицу. Орёл охотился. Вернее, выискивал добычу. У него было особое чутьё и он, видимо, уже приспособился к окружающей обстановке. Как только внизу на земле начинали рваться снаряды и трещать винтовочные и пулемётные выстрелы, орлы слетались со всей округи, зная, что когда всё успокоится – внизу их ждёт обильный обед из свежей человечины. Спланировав на недавнее поле боя, выклёвывая глаза у мёртвых, орёл не задумывался над тем, зачем люди это делают: убивают себе подобных и бросают в песках. Он был благодарен людям за это. Если они убивают других людей, значит, это для чего-то им нужно. Может быть, они специально подкармливают птиц и наземных хищников.

Орёл выклёвывал у трупов глаза и зорко следил, чтобы на его территорию не сел нахальный пустынный ворон. Он тут же набрасывался на него и прогонял, хоть падали вокруг было столько, что хватило бы досыта наклеваться едва ли не всем орлам и воронам бесплодной Сахары. Но инстинкт хищника не

позволял уступать ни грамма добычи чужаку. Зато когда вблизи появлялась полосатая гиена, орёл безропотно отдавал ей добычу и отлетал в сторону. Он подчинялся силе, как и все в этом мире.

А фельдмаршал Роммель, внимательно следя за величественным полётом птицы, снова, как когда-то давно под Дерной, представил, что это – символ Третьего Рейха, распростёршего свои крылья над Африкой. И тут же, нахмурившись и горько вздохнув, отогнал мысленное видение. Снова опустил голову, устремив взгляд на изломанную тень птицы посреди пустыни. Такую же тень бывшего могущества представлял сейчас его знаменитый Африканский корпус.

Ничего не осталось. Только тень, которая тоже исчезнет с заходом солнца...

Глава 24. Бегство

Зикфрид фон Гарденберг, не доверяя больше никому, сам принялся тщательно изучать колонны и стены храма, обшаривая ярким лучом фонарика каждый потаённый уголок, где могло «спрятаться» загадочное изображение. Чезаре Эспозито неотступно следовал за ним, но не столько разглядывал стены, сколько с тревогой оглядывался по сторонам, держа палец на спусковом крючке автомата. Постепенно подтянулись немецкие инструкторы с лейтенантом Рихтером и туземцы во главе с масаем Буру. Тот предусмотрительно выставил боевое охранение у входа в храм, но всё равно неосознанное, сосущее чувство тревоги не покидало обер-лейтенанта. Вокруг явно творилось что-то непонятное и таинственное, которое он мог объяснить только присутствием злых духов. Несмотря на то, что помещение было полно людьми, Буру не покидало смутное чувство, что в храме присутствует ещё кто-то, незримый и могущественный, может быть, даже сам великий бог Энгаи. Обер-лейтенант Буру почти физически ощущал спиной чей-то сверлящий, изучающий взгляд, но когда резко оборачивался и сверкивал пистолет, – позади никого не было.

– Смотри внимательнее, Чезаре, – говорил, увлечённый поисками штурмбаннфюрер фон Гарденберг. – Мы должны во что бы то ни стало найти сегодня ночью эти проклятые иероглифы, сфотографировать их и вернуться в Гизу. Иначе днём англичане обязательно заинтересуются нашим присутствием, пришлют в храм солдат, и нам будет несладко. Придётся уходить с боем, прорываться из окружения, терять людей и время... А главное, мы не выполним задание Центра, а это уже чревато... Ведь нашу операцию курирует сам фюрер.

– Это конечно серьёзно, синьор Гарденберг, но мой фюрер – Муссолини, – несмотря на всю серьёзность и даже трагичность ситуации, нашёл в себе силы пошутить весёлый, почти никогда не унывающий итальянец.

– Но не забывай, что ты служишь в германской воинской части, – не прерывая поисков, враз посуровел лицом штурмбаннфюрер. – И это не простое фронтовое подразделение вермахта, а элитное, разведывательное, – находится в подчинении Абвера. И мы выполняем задание, от успешного завершения которого зависит судьба не только Германии и её союзника, Италии, но и войны в целом.

– Ну и что же такого особенного мы ищем? – легкомысленно усмехнулся Чезаре, освещая фонариком стену храма с очередным изображением фараона. – Неужели эти примитивные каракули древних египтян помогут Гитлеру и Дуче победить полчища англичан, американцев и русских?

– Мы должны найти загадочные рисунки, похожие на современную боевую технику, и передать их изображения специалистам из «Аненербе», – сухо, как попугай, в который раз повторил эсесовец. – Инженеры и конструкторы хорошенько изучат эти древние схемы и, возможно, найдут способ создать аналогичные боевые машины и летательные аппараты. Нам сейчас важно отыскать эти рисунки.

Солдаты, переходя из комнаты в комнату, из зала в зал, из галереи в галерею, постепенно достигли центрального святилища, где древние египтяне, вероятно, поклонялись одному из множества своих божеств, возможно, – главному, «царю богов» Амону-Ра. Но среди диверсантов не было специалистов-египтологов, и они, естественно, не разбирались в подобных тонкостях. Для них главное – найти нужное изображение, а до остального пусть докапываются историки из «Наследия предков».

Все стены святилища, так же как и другие помещения, от пола до потолка были украшены вычурным живописным декором. Но искомого рисунка здесь тоже не было.

– Проклятье! – не сдержавшись, выругался раздосадованный фон Гарденберг. – Так можно искать до бесконечности, если не знать точно, в какой именно комнате выбиты эти чёртовы иероглифы с танками и самолётами!.. Может быть, рисунок до того мелок, что его нужно рассматривать через увеличительное стекло?

– Возможно, что так, герр штурмбаннфюрер, – согласно кивнул приблизившийся лейтенант Рихтер. – Взгляните на барельефы: здесь крупным планом изображены только люди, – фараоны и прочая египетская знать, а все остальные рисунки очень маленькие. Они теряются на фоне внушительных фигур жрецов, царей и цариц. . . Прикажите подчинённым, чтобы они больше внимания придавали мелким изображениям, возможно, – разгадка там.

– Ты прав, Луц, – согласился с ним командир группы и быстро, через унтеров, отдал соответствующий приказ. Подумав, подозвал одного из них, фотографа Бенца: – Гюнтер, чтобы не терять время на бесплодные поиски, – снимай на плёнку всё интересное, что посчитаешь нужным. Чем больше, тем лучше. Там, в Центре, разберутся, что

к чему. Всё равно это лучше, чем ничего. Особенно обращай внимание на текст. Он, правда, у них специфический, такой же, как рисунки, но только – мелкий. Египтяне во времена фараонов, как ты, верно, знаешь, использовали для письма иероглифы. Вот и приступай, фотографируй все иероглифы, какие только отыщешь на стенах. Задача ясна?

– Так точно, господин штурмбаннфюрер СС! – щёлкнул от усердия стоптанными каблуками ботинок бравый утер-офицер и бросился выполнять поручение. Но не прошёл он и нескольких шагов, как вдруг обо что-то споткнулся и с криком полетел на пол. Раздался довольно отчётливый хруст сломанной кости и новый пронзительный крик Гюнтера, теперь уже от острой боли.

– О, Боже, моя рука! Я сломал себе руку, дьявольщина, – лёжа на пыльном полу храма, жалобно стонал унтер-офицер Бенц.

Второй унтер и лейтенант Рихтер бросились к нему на помощь.

– Что с тобой, Гюнтер? Ты в норме?

– Я же сказал, что поломал руку к чертям собачьим, – сердито выругался немец. – Внизу темнота – хоть глаза повыкальвай. Обо что-то споткнулся и упал прямо на правую руку. Слышу – хрустнуло что-то в кости и боль, как молния, стрельнула в голову. Капут! Остался я левшой, мой Бог... Добегался.

– Не скули, как сопливый мальчишка из Гитлерюгенда, – сказал подошедший фон Гарденберг. – Руку мы тебе вправим... Фотоаппарат цел?

– Да. Ничего с ним не стало, – ответил, скрипя зубами от боли, Гюнтер. – Я специально на руку упал, чтобы камеру не разбить. Собой пожертвовал ради Рейха.

– Молодец, Гюнтер, ты поступил как настоящий солдат! – скупой похвалил эсесовец Гарденберг. – Лейтенант Рихтер, заберите у него фотоаппарат, передайте унтер-офицеру Веберу. Пусть он идёт и делает нужные снимки, а вы займитесь раненым. Ведь вы же, кажется, учились на врача? Вот и приступайте к непосредственным обязанностям, осмотрите руку Гюнтера, наложите шину.

– Мне нужны помощники.

– Берите кого хотите, Рихтер. Мне некогда заниматься подобными пустяками. Дело не ждёт, – не скрывая всегдашнего раздражения, отмахнулся эсесовец...

* * *

К концу дня Феликсу с Гансом удалось, наконец, вырваться из шумного и суетливого, как потревоженный термитник, Каира. В центре, за их спинами ещё кое-где постреливали, а на окраине было спокойно. Разведчики приехали на плато Гиза на двух машинах. Трофейный «Виллис» вёл сам Феликс, за рулём немецкого «Кюбельвагена» сидел Ганс Ланге. Больше из диверсионного отряда не осталось никого – все погибли в жестоких уличных боях в городе. Были потеряны второй «Кюбельваген»,

оба английских грузовика. Хорошо ещё, что им удалось запасти бензином на английской заправке: обе машины были с полными баками горючего, плюс – дополнительные канистры, закрепленные на боковых и задних бортах.

Капитан Кляйн приехал за отцом. Если бы не это обстоятельство, – они с Гансом рванули бы напрямиком в оазис Бахария, а оттуда, вдоль впадины Катгара, – на юг. Задание провалено и здесь им делать больше нечего.

У входа в пирамиду, который находился с северной стороны на высоте около пяти метров от земли, их встретил один из охранников арабов. Сообщил на ломанном немецком языке, что учёный профессор с седой бородой и белый офицер с обер-ефрейтором Иманом – в пирамиде. Что-то изучают, а что – ему неизвестно. Его поставили на пост, охранять вход в большой четырёхугольный островерхий дом древнего египетского бога.

Оставив внизу у входа обе машины, Феликс поручил дежурившему за рулём «Кюбельвагена» водителю Гансу Ланге смотреть в оба, двигатели не глушить. В случае опасности, – зайти в проход и очередями из автомата подать сигнал. Эхо разнесёт звуки выстрелов по галереям, и они должны будут их услышать. Сам опростелю бросился внутрь на поиски Бориса Ивановича и его спутников. Дорога была каждая минута: англичане, взбешённые нападением на квартиру командующего, начнут теперь прочёсывать весь Каир, и рано или поздно доберутся до плато Гизы. Нужно поскорее отсюда уходить.

Внутри пирамиды темно, как ночью. Феликс включил карманный фонарик, но где искать отца и его спутников не знал. У него была с собой схема Великой пирамиды, он быстро достал её из кармана форменной куртки и развернул. Куда идти в первую очередь? В незавершённую подземную камеру, в «Камеру царицы», находившуюся в центре, или на самый верх, в большую «Камеру фараона»? Это была задача не из лёгких, решить которую нужно быстро и точно. Потому что промедление, воистину – подобно смерти!

Быстро промчавшись по туннелю халифа Аль-Мауна до перекрёстка, Феликс остановился и, сложив ладони рупором, стал громко звать отца, потом – унтерштурмфюрера Скорцени; рискуя быть задетым от ricochetившей пулей, выстрелил несколько раз из пистолета в потолок, облицованный известняковыми плитами. Всё было тщетно. Отец с разведчиками, вероятно, слишком далеко от этого места. Капитан Кляйн чисто интуитивно пошёл не в подземную камеру, а наверх, в усыпальницу фараона Хеопса.

Идти было жутко, Феликсу казалось, что он совершенно один в этом величественном, полном неразрешимых загадок и тайн, древнем сооружении. Вокруг могильная тишина, как в подземном склепе, хоть коридор и поднимался полого вверх.

Пахло затхлостью, слежавшейся пылью известняка и дремучей стариной. Капитан Кляйн представил, какая невообразимая масса неподъёмных многотонных гранитных блоков давит сейчас на полоток и стены прохода, и ему стало не по себе. Он почувствовал себя жалким, ничтожным муравьём, дерзнувшим забраться внутрь этого величайшего египетского колосса. Недаром Великая пирамида фараона IV династии Хеопса уже в древности, во времена Геродота, считалась одной из семи чудес света.

Коридор был узкий, на стенах никаких изображений, иероглифов. Феликс с благоговением провёл ладонью по неровной, шероховатой поверхности камня, чтобы ощутить кожей нетленную вечность. Кажется, он только теперь понял задачу древних строителей: они создавали на века, даже – тысячелетия, и это было грандиозно. Ни одно сооружение нового времени не шло в сравнение с этим каменным гигантом на окраине граничащего с пустыней Каира. Как жаль, что он попал сюда в такой неподходящий момент, и не сможет всё как следует рассмотреть и исследовать. В молодости, когда учился здесь в Американском университете, было не до этого: как и все однокурсники, – больше интересовался смазливými каирскими танцовщицами да различными восточными увеселительными заведениями.

Проход неожиданно стал расширяться, но угол подъёма был всё тот же, градусов двадцать пять. Феликс понял, что достиг Большой галереи, ведущей в погребальную камеру, так называемую «усыпальницу царя». Галерея, в отличие от узкого прохода, по которому он пробирался до этого, была с очень высокими потолками. Посветив вверх фонариком, Феликс прикинул, что от пола до потолка метров восемь – девять, не меньше. Стены облицованы известняковыми, гладко отшлифованными плитами. Всё говорило о том, что впереди – что-то значительное и величественное. Саркофаг фараона, не иначе. Он никогда раньше не интересовался пирамидами, не бывал ни в одной из них, и не имел представления, что они скрывают внутри. Феликс подумал, что, может быть, сейчас, дойдя до погребальной камеры, он воочию увидит мумию фараона Хеопса, – Хуфу по-египетски. От нетерпения он прибавил шагу и почти бежал по галерее, которая была довольно длинной, – несколько десятков метров.

Вскоре он услышал впереди голоса, и снова, сложив ладони рупором, прокричал имя отца, чтобы предупредить о своём приходе. Навстречу ему из темноты выскочил Иван Андреюшкин.

– Пан офицер, мы здесь, в большой комнате... Что-нибудь случилось? Где остальные ребята?

– Всё кончено, Иван! Кроме меня и Ганса, никого больше нет. Всё убиты, и нам срочно нужно уходить из Каира, – прокричал он торопливо, на ходу, бросившись дальше, в небольшое помещение, «прихожую», за которой находилась усыпальница фараона.

Борис Иванович и Отто Скорцени встретили его встревоженными, вопросительными взглядами. Профессор перед этим возился в саркофаге, вытесанном из цельной глыбы коричнево-серого гранита, измеряя его и что-то записывая в толстую тетрадь с чёрной клеёчатой обложкой. Феликс бросился в глаза отбитый верхний левый угол саркофага. Было такое впечатление, что по нему били кувалдой. Для чего ломали гробницу древние грабители, если это дело их рук, – непонятно.

– Капитан, ну что же вы молчите? Генерал Окинлек убит? Мы победили? – не сдерживая эмоций, нервно выкрикнул унтерштурмфюрер и сделал шаг по направлению к Феликсу.

Капитан Кляйн встрепенулся, зачем-то глянул на застывшего сбоку Ивана, повернулся к отцу и австрийцу, виновато выдавил:

– Всё кончено, господа! Финита ля комедия... Мы проиграли и должны быстро уходить, пока нас здесь не прихлопнули британцы, как в мышеловке.

– Покушение не удалось? – встревожено переспросил Борис Иванович.

– Я же сказал, отец, – дело не выгорело. Мои парни сражались целый день, как львы, но силы были слишком не равны. Все, кроме нас с Гансом, погибли. Две машины с работающими двигателями ждут нас у входа в пирамиду. Идёмте же скорее вниз, дорога́ каждая минута.

Поняв, наконец, что дело серьёзно, они по-быстрому собрали разбросанные по камере инструменты и прочее имущество, взяли оружие и поспешили к выходу. Обратный путь занял куда меньше времени, чем восхождение, ведь теперь они шли вниз. К тому же подгоняла смутная тревога и предчувствие реальной опасности. Действительно, подоспей сейчас англичане к входу в пирамиду – им ничего другого не останется, как сдаться на милость победителей или героически погибнуть в неравном бою...

Когда инструменты, все вещи, вода и продовольствие небольшой экспедиции были погружены в американский «Виллис» и «Кюбельваген», разведчики тронулись в обратный путь на запад, в сторону впадины Каттара. Феликс, Борис Иванович и Иван Андреюшкин ехали в джипе, которым управлял Ганс, Отто Скорцени вёл «Кюбельваген», к переднему и заднему пулемётам которого прильнули бойцы-арабы.

Вскоре в небе послышался гул авиационных двигателей, на пустыню легла изломанная, похожая на орлиную, огромная тень крылатой машины. Феликс посмотрел вверх: без сомнения, это английский разведчик.

– Нас засекли британцы, отец, – вскрикнул в тревоге Феликс. – Ганс, тормози, сейчас начнёт стрелять!

Водитель резко остановил «Виллис», но англичанин без единого выстрела пронёсся мимо. Самолёт летел так низко, что капитан Кляйн не удержался и дал по нему длинную очередь из авиационного пулемёта MG 17, закреплённого на специальном станке на корме джипа.

– Это не иначе как разведчик, пан офицер, – предположил Иван Андреюшкин. – Сейчас передаст по радиации на базу, что обнаружил в песках подозрительные машины, и англичане погонятся за нами, как стая цепных псов. Нужно срочно менять маршрут, иначе – беда!..

* * *

– Мзее офицер, скорее сюда, я нашёл то, что ты ищешь! – в полутьме храма раздался вдруг радостный голос молодого масая Симбы.

Штурмбаннфюрер фон Гарденберг, восторгнувшись, со всех ног бросился на голос. Следом – итальянец Чезаре Эспозито, обер-лейтенант Буру и все остальные. Зикфрид взглянул на то место, которое подсвечивал фонариком Симба. Очень высоко от пола, на потолочной балке слева от центрального прохода были выгравированы загадочные рисунки и иероглифы. Фон Гарденберг мог голову дать на отсечение, что осматривал это место раз пять, не меньше, и ничего не видел. Кое-кто из разведчиков – тоже. Но это уже не важно: барельеф, ради которого они проделали столь дальнее путешествие, наконец-то найден! На стене можно отчётливо рассмотреть изображения, похожие на вертолёт Фокке-Ахделис Фа 223 «Дракон», танк, самолёт, подводную лодку.

Фон Гарденберг приказал унтер-офицеру Веберу сфотографировать рисунки. Тот сделал несколько снимков из разных ракурсов, ослепив яркими магниевыми вспышками окружающих. Зикфрид удовлетворённо потёр руки.

– Дело сделано, парни! А теперь – на выход. Больше нам здесь делать нечего.

Диверсанты, довольные, что всё наконец-то благополучно завершилось, поспешили к выходу из храма. И тут на улице загремели выстрелы.

– Это англичане! – вскрикнул фон Гарденберг, выхватывая пистолет. – Быстрее к машине.

Вскочив на улицу, он стал часто стрелять в темноту, в сторону вспыхивавших, как светлячки, выстрелов нападавших. К машине пробиться было невозможно, там, вероятно, уже противник. Оттуда стрельба велась наиболее интенсивно. Находившиеся там лейтенант Луц Рихтер и поломавший руку унтер-офицер Гюнтер Бенц наверняка убиты. Сколько было англичан, приходилось только догадываться. Но благоразумный штурмбаннфюрер понял, что штурмовать

грузовик – бессмысленно: только зря положишь в темноте своих людей. Диверсанты во главе с Гарденбергом залегли у входа – кто, где нашёл укрытие; поливали свинцом невидимых в ночи англичан, постепенно берущих храм в плотное кольцо. Зикфрид понял, что медлить нельзя, шепнул лежавшим рядом унтер-офицеру Веберу и Чезаре Эспозито, чтобы не отставали, быстро вскочил на ноги и, посылая из браунинга пулю за пулей в наседавших англичан, побежал к невысокой западной стороне храмового ограждения. Вебер, Чезаре и человек десять ливийских и египетских арабов, отстреливаясь на ходу из автоматов, дружно бросились следом. Несколько человек, не добежав пару метров до спасительной стены, упали на каменные плиты, которыми выложено широкое пространство перед квадратными колоннами у входа. Остальные быстро перелезли на другую сторону. Там никого не было, – путь к спасению свободен. Оставив небольшое прикрытие, Гарденберг повёл группу между мелких построек храмового комплекса на северо-запад, в сторону Ливийской пустыни.

– Кажется, вырвались из этого пекла, синьор офицер, – радостно сказал Чезаре, глядя на фон Гарденберга. – И откуда только взялись эти проклятые англичане? Как черти из-под земли вылезли, не иначе... Я думаю: нечистая сила им помогает, и всё, что случилось в храме – дело её рук.

– Прекрати глупую болтовню, итальянец, – грубо оборвал его сердитый фон Гарденберг. – Нечистая сила – это бабушкины сказки, которых ты наслушался в детстве у себя в деревне в своей Сицилии. За нами просто шла по пятам британская контрразведка, и когда мы полезли в этот чёртов храм дохлого фараона, – захлопнула мышеловку. Но не думай, что на этом всё кончилось. Приключения только начинаются, и вскоре они снова повиснут у нас на хвосте. А нам главное – доставить в целости и сохранности отснятые в храме фараона загадочные рисунки, чтобы их хорошенько изучили специалисты «Анерберге», – эсесовец обернулся к идущему неподалёку унтер-офицеру Веберу: – Олберик, вытащи плёнку из фотоаппарата, бери одного ливийца и направляйся строго на запад. Постарайтесь до рассвета надёжно затеряться в песках. Утром найдите какое-нибудь убежище и отдохните, спрячьтесь в нём до вечера. После захода солнца снова отправляйтесь в путь. Вы должны во что бы то ни стало доставить отснятую плёнку в Бенгази, в Центр. Ну а мы продолжим движение на северо-запад и отвлечём на себя преследователей. Приказ ясен?

– Так точно, господин штурмбаннфюрер, – понуро ответил Вебер, представив, какие тяжкие испытания их ждут впереди, в пустыне.

– Отдайте им несколько фляг с водой, оставшиеся консервы, сахар и галеты, – потребовал Зикфрид.

Недовольные десантники, оставшиеся в его отряде, молча подчинились. Вскоре двое посланцев растворились в серых

предрассветных сумерках, как фантомы. Остальные продолжили путь, уходя всё дальше и дальше от места засады в древнем египетском Абидосе. Как и предполагал фон Гарденберг, вскоре позади стали нарастать отчётливые звуки работающих двигателей. Пройдя ещё немного, офицер понял, что от преследователей на автомашинах им никуда не деться, и велел диверсантам выбрать хорошую позицию на ближайшей песчаной дюне. Он решил дать бой, а дальше – куда выведет кривая. Иного выхода не было...

Обер-лейтенант Буру, молодой масай Симба, араб из города Танги Ибрахим ибн Латиф и остальные диверсанты – абиссинцы и сомалийцы – побежали к противоположной, восточной стене. Здесь бой закипел ещё яростнее. Туземцы сражались отчаянно, видя, что стена слишком высокая, и перелезть через неё, как это сделали люди фон Гарденберга, у них не получится. Но именно это их и спасло. Напоровшись на жестокий, шквальный автоматный и пулемётный огонь немецких диверсантов, британцы не стали попусту рисковать, оставили перед группой Буру жиденькое оцепление, а основные силы своего отряда перебросили на запад – в погоню за прорвавшейся группой фон Гарденберга.

Буру тут же не преминул воспользоваться оплошностью противника, поднял своих людей в решительную контратаку и устремился на юг, вдоль восточной стены, огораживавшей храмовый двор перед входом. Несколько человек диверсантов было убито, но остальным удалось вырваться из засады.

– Ибрахим, прикрой нас, – на ходу крикнул земляку арабу обер-лейтенант Буру.

Тот залёг с немецким ручным пулемётом MG 34 за невысокую каменную кладку, второй номер ловко вставил пулемётную ленту. Вскоре «Циркулярка Гитлера» монотонно затарахтела за спиной у вырвавшихся из западни разведчиков, срезая атакующих преследователей, словно траву – рядами. Это позволило основной группе туземных аскари во главе с Буру уйти от храма на юг, в бескрайнюю ночную пустыню. Когда яростное пулемётное стрекотание замолкло, они были уже далеко. Возвращаться назад, чтобы отыскать группу фон Гарденберга опасно. Буру подумал, что их всех, вероятно, уже убили англичане. Следовательно, нужно продолжать двигаться в южном направлении: там их не ждут и, конечно, искать не будут. Там – свободный, не занятый англичанами Судан, а дальше – бывшая итальянская Абиссиния, где ещё держатся остатки разбитых колониальных полков итальянского фюрера Муссолини. И Буру повёл свой небольшой отряд туда, он решил продолжать войну и не слаживать оружия перед победителями англичанами, как это было двадцать четыре года назад в германской Восточной Африке. Потому что теперь это его война, и уступать он не собирался. Пусть его предал полковник Форбек, не захотев снова вступить

в борьбу, пусть предал великий кайзер Вильгельм и бросил мзее фон Гарденберг. Буру будет сражаться против врагов, пока у него останется хотя бы один аскари, а если не останется ни одного, – он будет драться один. И он победит проклятых англичан, отнявших у него самое дорогое – Родину, а если не победит, то умрёт, как воин – моран, доказавший свою доблесть во многих жестоких битвах. Убивший на своём веку много свирепых львов. . .

Буру со своими людьми уходил, не ведая того, что в это самое время умирал в песках близ небольшого арабского местечка Эль-Араба-эль-Мадфун штурмбанфюрер СС Зикфрид фон Гарденберг. Из всего отряда с ним оставался один Чезаре, да и тот был ранен в ногу и руку и вяло отстреливался от наседавших со всех сторон английских свирепых «томми». Диверсанты положили немало их товарищей перед своей позицией, и британцы были злы, как никогда. Пленных не брали, поднимая раненых врагов на штыки, добывая прикладами. Зикфрид тоже был тяжело ранен. Расстреляв все патроны, отбросил бесполезный уже английский пистолет-пулемёт Стэн, достал из кобуры немецкий браунинг, выстрелил в подбегавшего с винтовкой наперевес английского бородатого пехотинца в заплётённой, мокрой от пота, расстёгнутой тропической куртке, в мятых шортах и сползшем на бок плоском стальном шлеме. Солдат, вскрикнув, выронил винтовку и грузно повалился на песок. Другого британца сразил короткой очередью итальянец Чезаре.

– Что будем делать, синьор Гарденберг? Патроны на исходе, а они всё лезут и лезут, как тараканы, – со всегдашней шуткой, осведомился у командира Бамбино.

– Воевать, мой друг. Ведь мы же солдаты, – схаркивая в песок сгусток крови, прокашлявшись, тяжело ответил Зикфрид. Выпустил ещё несколько пуль в атакующего противника. – Не советую сдаваться в плен живым. Они нас не пощадят. . .

Раздался ещё один выстрел, офицер глухо вскрикнул и замолчал. Навеки. Чезаре быстро повернул голову: фон Гарденберг лежал, уткнувшись лицом в песок, рука с пистолетом была далеко откинута в сторону, из правого виска струилась кровь. Всё было кончено. Бамбино высунулся, послал последнюю очередь в неудержимо накатывавшую лаву озверелой, изрыгающей брань и угрозы, разноязыкой британской солдатни, швырнул в них с площадной итальянской руганью автомат. Лёг на спину на песок, безучастно уставясь в утреннее безоблачное африканское небо, и, шепча полузабытую католическую молитву, которая вдруг пришла на ум, стал готовиться к смерти. . .

* * *

На следующий день на их след снова напал британский воздушный разведчик. Вначале это была небольшая, еле различимая невооружённым глазом, точка на горизонте – не

больше москита. Потом, всё увеличиваясь и увеличиваясь, она выростала. Приняла очертания хищной птицы, почуявшей на земле дичь. Яснее стало слышно гул авиационного двигателя. Отчётливо проступили черты самолёта, камуфлированная аляповатая окраска, опознавательные знаки, серийный номер. Это был «Хоукер Харрикейн» – одноместный истребитель ВВС Соединённого Королевства. Рокот мощного мотора всё нарастал, самолёт снижался: видимо лётчик хотел лучше рассмотреть машины и людей. Находчивый Иван Андреюшкин, встав в джипе в полный рост, приветливо помахал пилоту рукой.

– Что ты делаешь, русский? Ты с ума сошёл? Зачем ты ему машешь, – вскрикнул, предостерегая, водитель Ганс. Он что есть силы давил на педаль акселератора трофейного американского «Виллиса», выжимая из него всё, что можно. Обречённо ожидал предательской пулемётной очереди в спину. – Это же враг, и он сейчас начнёт поливать нас с неба свинцом.

– Пусть думает, что мы свои, – возразил Андреюшкин, не переставая махать, и даже прокричал дружеское приветствие.

Разведчик помахал им крыльями и пролетел мимо.

– Приготовьтесь, господа! Сейчас пойдёт на второй заход и жажнет по нас из всех своих четырёх пушек, – убитым голосом объявил Ганс, готовый в любую минуту остановить машину и выпрыгнуть на песок.

«Кюбельваген», в котором находился Отто Скорцени с двумя разведчиками-арабами, не отставал от джипа. Машины ходко шли почти рядом, борт в борт. Песок серой тучей вздымался позади них, заслоняя небо.

– Тогда нам нужно скорее спастись, – забеспокоился профессор Кляйн. – Феликс, что же ты молчишь, как воды в рот набрал? Скажи хоть слово – что делать?

– Прекратить панику! – властным голосом скомандовал, наконец, Феликс. – Ганс, ты не прав, это всего лишь разведчик, и обстреливать он нас не будет, потому что точно не знает, кто мы. Он, должно быть, передаст сообщение своему командованию, и в погоню за нами пошлют ближайшие британские пустынные патрули.

– Герр хауптман, зря ты вчера стрелял из пулемёта по английскому самолёту, – вспомнив, осуждающе проговорил Ганс. – Воздушному стервятнику ты ничем не навредил, но своими опрометчивыми действиями только разозлил ос...

«Харрикейн» действительно улетел и все вздохнули с облегчением, но водители машин скорость не сбавляли. Феликс велел Гансу повернуть круто на юг, чтобы сбить с толку преследователей, вспомнив его последние слова, поинтересовался:

– А при чём здесь осы? Что ты хотел этим сказать.

– В детстве мы, мальчишки, ради забавы, любили разорять осиные гнёзда, – заговорил, ударившись в ностальгические

воспоминания, водитель. – Разворошишь, бывало, длинной палкой гнёздо под крышей сарая, – осы, словно те истребители, выскакивают целыми эскадрильями: злые, как англичане. Набрасываются на нас, своих обидчиков, пикируют резко, с высоты, и норовят ужалить в самое больное место – в глаз... Вот такая забава, герр хауптман. Многие мои приятели домой возвращались все сплошь покусанные, с заплавленными глазами, словно больные проказой. Это только пчелиный укус считается полезным, – у ос не так. У них укусы ядовитые. Разнесёт лицо иной раз – на человека перестаёшь быть похожим... А спрашивается: что они нам, осы, плохого сделали? Да ничего. Зачем было трогать? Это я к слову, насчёт вчерашнего...

– Вчера было совсем другое, – возразил Феликс. – Британец засёк нас неподалёку от плато Гиза. Он точно знал, что мы враги. Поэтому я и выстрелил, чтобы отогнать.

Неожиданно ехавший поблизости, не отставая ни на метр, немецкий «Кюбельваген» стал чихать двигателем, дёргаться всем корпусом. Сидевший за рулём унтерштурмфюрер Скорцени выругался, переключил коробку скоростей на пониженную передачу, но это не помогло. Радиатор автомобиля зашипел, из него повалил пар. Машина ещё раз яростно дёрнулась и стала. Австриец торопливо заглушил мотор. Пробку радиатора с силой выбило, и крутой кипяток вместе с клубами банного пара фонтаном брызнул на капот. «Виллис» тоже остановился. Феликс поспешил к Скорцени.

– Что случилось, Отто?

– Думаю, движок сдох, – безнадёжно махнул рукой офицер-эсесовец. – Видимо прорвало какой-нибудь патрубок водяного охлаждения или сам радиатор, вода вытекла, и под головкой цилиндров двигателя прогорела прокладка.

– И что теперь делать? – вопросительно уставился на Скорцени Феликс.

– Если б была вода, можно было постоянно подливать в радиатор, – ответил австриец. – Но что это за езда? Одни муки. К тому же, воды у нас – в обрез. Только людям.

Скорцени вышел из машины, отвёл Феликса подальше, чтобы никто не слышал, шепнул на ухо:

– Капитан, «Кюбельваген» придётся бросить, предварительно забрав из него весь груз. Но «Виллис» семь человек не потянет... К тому же, у нас мало воды. Понимаешь?..

– Что я должен понимать? – насторожился Феликс.

– Арабы – лишний груз и лишние рты. Их нужно оставить здесь, в песках.

– Но они ведь не доберутся пешком по пустыне без воды и продовольствия до ливийской границы, – возразил капитан Кляйн.

– Ты не правильно меня понял, – продолжал многозначительно шептать эсесовец. – Их нужно не просто оставить, а

– убить. Мёртвые, они уже никому ничего не расскажут. Это инструкция главного управления «Аненербе»: никто из нас не должен попасть в плен к британцам. Никто!..

Скорцени многозначительно посмотрел в глаза Феликса, снял с плеча немецкий «шмайсер», резко передёрнул затвор. Через минуту в песках прогрохотала длинная автоматная очередь...

Диверсанты продолжили путь на одной машине. Позади, возле брошенного с распахнутыми дверцами «Кюбельвагена», сиротливо застыло два трупа в английской тропической форме, в белых арабских платках – куфиях на головах.

Все, кроме Отто Скорцени, чувствовали себя соучастниками преступления. Старались не смотреть назад. Через несколько десятков километров увидели впереди какие-то движущиеся точки.

– Похоже, – караван, герр хауптман, – предположил, всматриваясь вдаль из-под руки, Иван Андреюшкин.

Феликс поспешно приложил к глазам бинокль, покрутил окуляры, добавляя резкости.

– Проклятье, это британская засада, – вскричал он с досадой. – Ганс, быстрее поворачивай на северо-запад.

Англичане, заметив их манёвр, пустились в преследование. Позади машины диверсантов, постепенно увеличиваясь в размерах, по твёрдому песчаному насту неслось около дюжины вражеских «Виллисов». Затарахтел пулемёт. Над головами немцев веером пронеслись пули, обдав близким холодом смерти. Всем стало понятно, что уйти не удастся.

– Нужно их задержать! – объявил Отто Скорцени и почему-то взглянул многозначительно на Ивана. Обратился к Феликсу: – Капитан, прикажи своему унтерменшу остаться с пулемётом в песках. Пусть примет бой с противником и удерживает его как можно дольше. За это время мы сможет достичь впадины Каттара. Наступит ночь, и англичане нас не найдут.

– Это не унтерменш, господин Скорцени, а – человек! – гневно выкрикнул Феликс, и с ненавистью впился взглядом в ставшее ему враз противным лицо нациста. – Прекратите нести всю эту геббельсовскую пропагандистскую чушь! Мы не в Германии и здесь нет вездесущего гестапо!.. Иван – мой друг, солдат вермахта, честно выполняющий свой долг. Добровольно перешедший на нашу сторону... Поймите же, наконец, Скорцени: если бы не ваша глупая псевдоарийская спесь, не ошибочная политика Риббентропа и фюрера по отношению к местному населению на Востоке, не великодержавная прусская гордыня, – вы бы уже давно выиграли войну. В союзе с восставшим против коммунистической тирании русским народом победили Сталина, и добывали бы британцев где-нибудь в Индии или на юге Африки...

– Однако, хауптман Кляйн, обстановка не располагает к пустым политическим дискуссиям, – нетерпеливо вскрикнул Скор-

цени. – Если кто-нибудь из нас сейчас же не заляжем с пулемётом в засаде, мы рискуем остаться в этих песках навсегда!.. Жалеете русского, оставайтесь нас прикрывать сами, мне всё равно.

– Ганс, останови машину, – на что-то решившись, Феликс принялся снимать со специального самодельного станка пулемёт, расположенный впереди, справа от водителя.

Джип резко стал, едва не зарывшись мордой в песок. И тут, не давая командиру вымолвить ни слова, Иван Андреюшкин выхватил из его рук немецкий пехотный MG 34, быстро спрыгнул в песок, махнул рукой водителю.

– Давай, брат-немец, газуй на полную, я вас прикрою... Прощай, пан Феликс! Не поминай лихом православную душу Ивана Андреюшкина, а, дай бог, будешь в святом храме – поставь за упокой раба божьего свечку! Прощайте, профессор! Всё.

Андреюшкин упал, где стоял, в песок, нацелил ствол пулемёта на приближавшуюся кавалькаду стремительных вражеских «Виллисов». Под грохот пулемёта, враз затараторившего на своём, понятном каждому воину языке, Ганс рванул джип дальше по бескрайней пустыне. И пока Иван позади метко кромсал «Косторезом» машины преследователей, вынимая душу из англичан, разведчики уносились всё дальше и дальше от места боя...

К ночи они благополучно достигли впадины Каттара, проехав в темноте несколько километров строго на север, напоролись в темноте на высокий валун. Камень пробил картер и машина стала. Разведчики, навьючив на себя сколько смогли поднять воды, продовольствия и боеприпасов, – продолжили путь пешком. Продвигались по каменистой равнине медленно, то и дело устраивали привалы, отдыхали. Дороги, казалось, не будет конца...

Через неделю, когда груз заметно поубавился, продовольствие кончалось, а воды не стало вообще, умер Борис Иванович. Феликс отупело рыл голыми руками песок, – никого не подпускал к яме: решил самостоятельно выкопать могилу отцу, – отдать последний сыновний долг...

Постояв немного над небольшим песчаным холмиком, дав прощальный залп из автоматов в безоблачное ясное небо, двинулись дальше. За время путешествия по пустыне они до такой степени поистрепались, заросли густыми бородами, высохли от жары и недоедания, что были похожи на восставших из могилы мертвецов. Чтобы не умереть от жажды, ловили в песках, выкапывая из нор, юрких ящериц сцинк. Отделив острым кинжалом голову, выпивали сначала кровь, затем жадно рвали зубами мясо, – прямо как есть, сырое. Ещё тёплое, пахнущее свежей кровью мясо было умопомрачительно вкусным. Такого упоительного наслаждения от еды Феликс не испытывал больше никогда в своей жизни.

Ганс ночью бросился в темноте на какой-то шорох в кустах у невысоких скальных отложений вблизи стоянки. Думал, что

там охотится крупная ящерица – варан, гребнепалая крыса, либо даман. Но в зарослях пряталась коварная сахарская агама. Змея укусила Ланге за руку, и к утру он умер.

Феликс со Скорцени решили больше не охотиться по ночам, подальше держаться от скал и колючих кустов, где могла притаиться рептилия. Как только в Сахаре сгущались сумерки, они ложились спать, отдохнув несколько часов, поднимались и шли дальше. Утром снова падали в песок, как убитые, не в силах больше сделать и шагу. Едва пробудившись, охотились, торопливо завтракали и продолжали путь. Не смотря на то, что берегли каждый патрон, которые были на вес золота, иногда вынуждены были стрелять. Однажды им повезло подстрелить среди нагромождения скал газель-мохр, и странники несколько дней питались свежим мясом...

Закончились патроны, – автоматы, как лишний груз, пришлось бросить. Постепенно, для облегчения, они бросили всё ненужное, идя налегке к желанной цели. Они потеряли счёт времени, всё шли и шли, по привычке запутывая следы, как два хитрых сахарских лиса фёнек. Думали, что кто-то может их преследовать, хотя никакому безумцу не придёт в голову пускаться в самое сердце великой африканской пустыни, огромной и безбрежной, как океан.

Сколько они преодолели километров, они не знали, – потеряли представление о времени и пространстве. Шли, ориентируясь исключительно по звёздам, ночью, когда было не жарко и они могли идти, когда ноги не подкашивались от усталости.

Вскоре их нашли в песках берберы, перегонявшие на водопой несметное стадо верблюдов. Это были дружественные итальянским колониальным властям кочевники. Они знаками и знакомыми им итальянскими словами объяснили путникам, что они находятся на территории Киренаики. Одиссея Феликса Кляйна и Отто Скорцени закончилась.

2015 г.

Содержание

Пролог	3
Первая часть. Чёрное солнце Ливии	
Глава 1. После рейда.	13
Глава 2. Бой на дороге.	22
Глава 3. Похождения Ивана и Чезаре.	28
Глава 4. В штабе Роммеля.	35
Глава 5. Туарег Идигер ищет Тамалу и Ивана.	44
Глава 6. Феликс Кляйн едет в Триполи к родителям.	54
Глава 7. Каир. Штаб Окинлека.	64
Вторая часть. Операция «Лис пустыни»	
Глава 8. Сафари в пустыне.	75
Глава 9. В песках Сахары.	85
Глава 10. Триполи.	95
Глава 11. В Италии.	107
Глава 12. Песчаная буря.	122
Глава 13. Восстание туарегов.	136
Третья часть. Тайна храма	
Глава 14. Рейд в Египет.	152
Глава 15. «Тобрукские крысы».	167
Глава 16. Паучья сеть английской МИ-6.	182
Глава 17. Диверсанты в Египте.	194
Глава 18. Концерт в Африканском корпусе.	207
Глава 19. Ночные перестрелки.	220
Глава 20. Тайны фараонов.	231
Глава 21. «Войско пустыни».	245
Глава 22. Провал операции «Тень орла».	256
Глава 23. Разгром под Эль-Аламейном.	267
Глава 24. Бегство.	280

Литературно-художественное издание

Малов Павел Георгиевич
Тень орла
Историко-приключенческий роман

Книга издаётся в авторской редакции

Вёрстка, корректура *П. Малов*

Сдано в набор 28.03.2023. Подписано в печать 15.05.2023.

Формат 60x84 1/16. Печать ризография.

Гарнитура Times New Roman. Объём 18,5 усл.печ.л.

296 стр. Обложка полноцветная, мягкая, ламинированная.

Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано:

Издательско-полиграфическая фирма «**Тональ**»

гор. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 66/1.

Тел.: 8-928-131-94-72.

E-mail: tonal-print@yandex.ru